

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
РАБОТЫ
В ТАДЖИКИСТАНЕ
XV 1975**

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ.А.ДОНИША

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ
Выпуск XV (1975 г.)

Под редакцией Б.А.Литвинского,
Н.Н.Негматова, В.А.Ранова

Издательство "Дониш"
Душанбе -- 1980

Публикуются статьи—отчеты о раскопках памятников каменного века, эпохи бронзы, античного и времени средневековья, открытых на территории Таджикистана отрядами Северо-Таджикистанской, Южно-Таджикистанской и Пенджикентской археологических экспедиций в 1975 г. Читатель найдет здесь новые данные об уже известных науке памятниках: Пенджикенте, Калам Какхака I, Калам Кафирниган, Базардаре, Сайеде, Ходженте, Адливатоба, мустьерской стоянке Отзи-Кичик и др. Кроме того, в сборнике впервые публикуются материалы археологических разведок на территории Даягаринского района (стоянке гиссарской культуры, античные и средневековые поселения), результаты раскопок могильника бронзового века Кибок II (Западный Памир), дается анализ каменных баз и колонн разрушенного архитектурного ансамбля из района Кадиянзабада, публикуются новые монетные находки. Книга снабжена иллюстрациями. Рассчитана на археологов, историков, краеведов, преподавателей высшей и средней школы.

ИБ 294

А 050700000 - 014 68-80
М 502-80

С Издательство "Дониш", 1980 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск "Археологических работ в Таджикистане" посвящен итогам полевого сезона 1975 г. По объему и размаху работ это был один из самых больших сезонов археологических раскопок на территории Таджикистана (рис. I)^ж. Перене

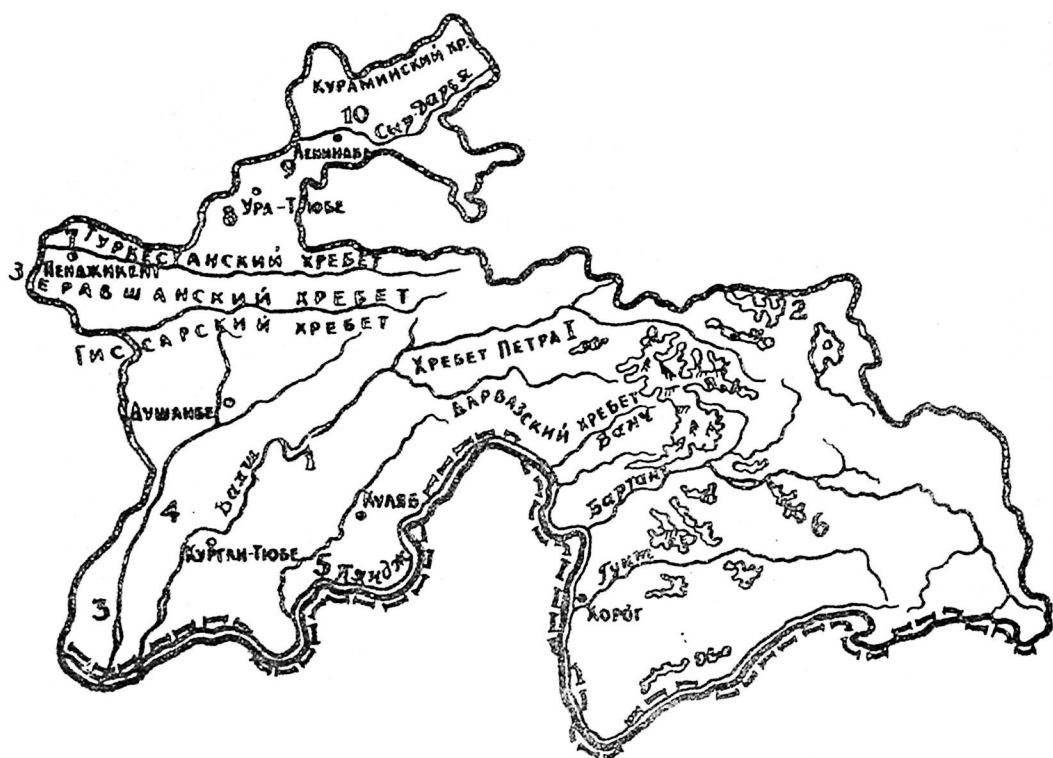

Рис. I

ж. Подписи к рисункам даны в конце книги.

экспедиции выехали в конце марта, а завершились полевые исследования в конце ноября. Согласно новой структуре в 1975 г. работали следующие экспедиции:

I. Южно-Таджикистанская археологическая (начальник — профессор Б.А. Литвинский), в составе которой функционировали отряды:

- 1) по изучению каменного века (начальник В.А. Ранов),
- 2) Маркянсуйский (начальник В.А. Жуков).
- 3) Вахшский (начальник А.Х. Юсупов).
- 4) Регарский (начальник Н.М. Виноградова).
- 5) Яванский (начальник А.А. Абдуллаев).
- 6) Даягаринский (начальник Б.П. Денисов).
- 7) Бешкентский (начальник Н.Н. Медведская).
- 8) Кафирниганский (начальник Б.А. Литвинский).
- 9) Адхнатепинский (начальник Т.И. Зеймаль).
- 10) Гиссарский (начальник Б.В. Зеймаль).
- 11) Зеравшанский (начальник Ю. Якубов).
- 12) Колхозабадский (начальник В.С. Соловьев).
- 13) Москвский (начальник Э. Гулямова).
- 14) Памирский (начальник М.А. Бубнова).
- 15) Таджикского государственного университета (начальник А.Д. Бабаев).

II. Пенджикентская экспедиция (начальник — доктор исторических наук А.М. Беленицкий):

- 1) Пенджикентский отряд (начальник А.М. Беленицкий).
- 2) Косаторошский (начальник А. Исаков).

III. Северо-Таджикистанская комплексная экспедиция (начальник — профессор Н.Н. Негматов):

- 1) Уструшанский отряд (начальник А.К. Мирбабаев).
- 2) Шахристанский (начальник Р.З. Авзалов).
- 3) Западно-Ферганский (начальник П.Т. Самойлик).
- 4) Ленинабадский (начальник А.И. Биалалов).

Таким образом, на территории республики вел археологические исследования 21 отдельный отряд. Кроме того, работали небольшие группы, создававшиеся при отдельных отрядах, а также совершались выезды сотрудников Института истории им. А.Дониша на места случайных археологических находок.

Основные результаты работы перечисленных отрядов публикуются в настоящем сборнике. На рис. I представлена карта Таджикистана с указанием наиболее важных пунктов работ 1975 г.

Группа по каменному веку в составе трех отрядов провела значительные по объему исследования двух ранее известных памятников и разведки в Дангаринском районе.

В.А. Равов публикует итоги четвертого полевого сезона раскопочных работ на площадке перед пещерой Огзи Кичик, где продолжалось исследование богатого культурного слоя, содержащего большое число находок мустьерского времени. В результате здесь собрана наиболее разнообразная по типам орудий и приемам вторичной обработки коллекция мустьерской эпохи в Средней Азии. Автором описан новый методический прием раскопок палеолитического памятника — замеры положения орудий в слое, ранее советскими исследователями не применявшийся. Интересными, но не бесспорными являются возможные следы культа костей в виде скопления костей, окруженных камнями.

В.А. Жуков сообщает о возобновлении раскопок многослойной мезолитической стоянки Ошхона, расположенной на высоте 4100 м над ур.м., которая является самой высокогорной стоянкой каменного века в мире. Уточнена стратиграфия стоянки, в результате чего выяснилось, что следует говорить не о четырех, а только о трех культурных горизонтах. Автор приводит также некоторые статистические данные не только по материалу 1975 г., но и по предыдущим раскопкам стоянки Ошхона (1958—1960 гг.).

А.Х. Юсупов представляет материалы по стоянкам каменного века в северной части Дангаринского района. Обнаружено 20 памятников каменного века (в основном гиссарская культура).

Памятникам эпохи бронзы посвящена статья Н.М. Виноградовой, под руководством которой раскапывался могильник Тзандырдул в Регарском районе. За 2 полевых сезона здесь раскопано 23 погребения, в основном сильно потревоженных. Могильник датируется второй половиной II тыс. до н.э. Среди находок керамика хорошего качества, бронзовые прошивки, амулеты из

лавурита и пасты, бусы. Вызывают определенные сомнения "мелкие скульптурные детали", которые вполне могут быть естественными образованиями.¹⁾

А.Д. Бабаев описал могильник бронзового века - Кюбок (Шугнаковский район), который состоит из 5 курганов. В погребениях, датированных концом II - началом I тыс. до н.э., найдены бронзовые бусы, бронзовый наконечник копья, керамика. Кратко описаны типы погребений.

Античные памятники освещены в следующих трех отчетах. А. Абдуллаев в Яванской долине провел пробные раскопки на городище Турткуль, расположенном в 500 м к северо-западу от известного городища Гаравкала. Вскрыто несколько помещений. По найденной монете и типам керамики городище датируется II-III вв. н.э. Проводились также раскопки в окрестностях городища Тамошо-Теле.

Б.П. Денисов осуществил работы в Дангаринском и Ленинградском районах. Помимо многочисленных средневековых памятников, часть из которых обнаружена впервые, обследовано Тепеи Дингстон, где собрана хорошая коллекция керамики, которая может датироваться второй-первой половиной I в. до н.э. и находит аналогии среди керамики Ай-Ханум. Особенно интересна штампованная чаша, которую автор отчета сравнивает с "мегарскими" импортными чашами.

И.Н. Медведская рассказывает о могильниках в Шаартузском районе - в Бешкентской долине. Подробно описано несколько курганов, обряд захоронения, а также полученный здесь инвентарь. Помимо керамики и оружия привлекают внимание золотая бляшка, изображающая лошадь с подогнутыми ногами и повернутой назад головой, сложные золотые серьги-подвески с петушьими головами.

Б.А. Литвинский продолжал исследование раннесредневековых слоев Кафирнитаякала. Работы осуществлялись на цитадели и трех объектах шахристана. На объекте I были найдены новые образцы резного дерева, в том числе панно с изображением стилизованной птицы. Среди растительного орнамента преобладает мотив виноградной лозы.

1) Мнение В.А. Ранова.

Важнейшим итогом сезона было вскрытие на Кафирниган-кале нового буддийского святилища с остатками глиняной скульптуры и высокохудожественной росписью. Автор подробно останавливается на истории формирования различных компонентов святилища, а также на интерпретации его декора и содержания. Важные выводы сделаны также и в области архитектуры. Б.А. Литвинский подчеркивает, что живопись и скульптура Кадаи-Кафирниган значительно расширяют наши представления об искусстве (в том числе строительном) раннесредневекового Тохаристана.

Небольшие раскопки на Аджинатепе, которыми руководила Т.И. Зеймаль, завершили 16-летние исследования этого выдающегося памятника. Изучен небольшой участок в северном углу монастырской половины комплекса.

Б.В. Зеймаль продолжил начатые в 1975 г. разведывательные работы в западной части Гиссарской долины — на правобережье р. Ширкент на территории Регарского района. Пробные раскопочные работы велись на 4 памятниках, охватывающих античный, раннесредневековый и средневековый период. Особый интерес представляют терракоты кушанского времени.

Работы Зеравшанского отряда, которым руководил Ю.Якубов, можно разделить на две части: разведки по некоторым притокам р.Зеравшан и раскопки на поселении Кум. Обследовано около 40 разновременных памятников. Особенно интересно разрушенное при пахоте погребение бронзового века степного типа, зафиксированное у селения Чорбог.

В. Соловьев кратко сообщает о результатах раскопок на цитадели городища Кафиркала. Интересен сводный план дворцовых построек первого и второго строительного периода.

Две работы посвящены развитию средневековья. Э. Гулямова приводит данные об очередном сезоне раскопок на городище Сайёд. Три помещения раскопаны полностью, одно — частично. Описаны новые планы разного типа, проведен сравнительный анализ строительных приемов Сайёда и других средневековых памятников Средней Азии.

М.А. Бубнова описывает раскопки 1975 г. на высокогорном поселении Базардара. Раскопан жилой дом, флюорито-амдерито-

вые отвалы. Описана серия помещений, приведена их площадь и общие сведения об археологических находках. М.А. Бубнова указывает как на самую близкую аналогию домам Базардари современные постройки Язгулема.

Д. Давутов публикует новые монеты, поступившие в нумизматический кабинет Института истории им. А. Дониша в 1974 г., а также в другие годы. Все монеты упоминаются в научной литературе впервые.

Как всегда плодотворным был очередной сезон раскопок древнего городища Пенджикент, о котором рассказано в статье А.М. Беленицкого, Б.И. Маршака, В.И. Распоповой. Работы (1975 г.) велись на нескольких объектах шахристана, а также в пригороде, где были раскопаны усадьба и погребальные сооружения.

Среди наиболее значительных открытий можно упомянуть росписи из объекта XXV и результаты раскопок некрополя, которые показали, что наусы Пенджикента, которые ранее датировали только УП – началом УШ веков, в действительности строились уже на ранних этапах жизни города, начиная, по крайней мере, с конца У – начала УІ в.

А. Исаков публикует предварительные результаты работ в окрестностях Пенджикента, в зоне строительства канала им. XXV партсъезда. Обнаружено 5 новых памятников. Особый интерес представляют раскопки Холикназартепа, где получена керамика античного времени и найдена керамическая фигурка идола, очень близкая по многим чертам известному алебастровому идолу из Ворухских могильников.

Итоги полевых исследований в Северном Таджикистане представлены в семи статьях сборника. В статье Н.Н. Негматова в связи с открытием части крепостной стены середины и второй половины I тыс. до н.э. под современной Ходжентской цитаделью и получением керамического материала указанного времени из шурфов внутри цитадели и в районе к западу от нее, что окончательно подтверждает тождество этого античного городища с Александрией Эсхатой, подводятся итоги почти двухсотлетней дискуссии, ведшейся в востоковедении по проблеме локализации этого античного города. Локализация Алек-

сандрии Эскаты под современным г. Левинабадом подкрепляется еще фактом отсутствия городищ этого времени на сырдарьинском побережье между Канибадамом и Бекабадом.

Предварительные итоги работ на территории Ходжентской цитадели изложены в статье А.И. Билалова и Т.В. Беляевой. Особенно ценными оказались материалы из шурфов № 27 и 28, содержащих в нижних слоях фрагменты белоангобированной (внизу) и красноангобированной (выше) керамики, а в шурфе № 28 остатки стены, возведенной в IV в. до н.э. из сырцовых кирпичей формата 32 x 42 x 14-15 см, подтверждающих выводы, сделанные в статье Н.Н. Негматова.

В статье А.К. Мирбабаева приведены предварительные итоги раскопок третьего Куркатского склепа, содержавшего 182 захороненных и огромное количество украшений — серег, перстней, булавок, бус, амулетов, а также два золотых бракетта с оттисками портретных изображений, видимо, позднекушанско-эфталитского происхождения, две миниатюрные золотые подвески и одна позолоченная бронзовая серьга замочковидной формы, выполненная в технике перегордчатой эмали.

У.П. Пулатов в своей статье излагает краткие итоги завершенных в отчетном году многолетних раскопок замка IV-VI вв. н.э. Топтемиртепа. Довольно сложный по планировке основного двухэтажного здания и дворовой крепостной ограды с входным предвратным лабиринтом памятник четко характеризует тип сельского уструшанского замка поры возникновения феодальных отношений.

П.Т. Самойлик сообщает о раскопках ряда обжигательных печей предместья керамистов столицы Уструшан г. Бунджиката. Ему удалось получить серию сосудов и кошибов-матриц составных керамических передвижных очажков с великолепными орнаментальными сюжетами.

В статье В.Л. Ворониной анализируются ранее обнаруженные каменные оазы и колонны из района Калининабада, принадлежавшие некогда грандиозному, ныне полностью разрушенному архитектурному ансамблю.

Н.Ч. Негматов и С.Г. Хмельницкий публикуют итоги многолетних исследований одного из крупнейших архитектурных сооружений города Канибадама — мадраса Мирраджаб додхо.

В целом приведенные в сборнике материалы существенно дополняют наши представления об археологии, архитектуре и истории Таджикистана.

Мы считаем полезным подвести краткие итоги работ за прошедшее пятилетие, наметив написать большой обзор в итоговом 20-м номере настоящей серии.

В области каменного века самым значительным итогом последних пяти лет исследований было открытие первых для Таджикистана стратифицированных южнепалеолитических стоянок, найденных в погребенных почвах лессовых разрезов Таджикской депрессии. Немаловажное значение имеют и раскопки пещеры Огзи Кичик. Коллекция, полученная здесь, кажется наиболее богатой и разнообразной коллекцией мустьерского времени из Средней Азии.

Расширяется география памятников бронзового века. Проведены раскопки могильника Таадырдул в Регарском районе, который дал материалы, близкие к земледельческой культуре Сапалли в Южном Узбекистане.

Античные памятники успешно исследуются как в Южном, так и в Северном Таджикистане. Среди этих работ заслуживают быть отмеченными раскопки Курватских склепов, давших помимо большого краеведческого материала огромное количество украшений, в том числе и уникальных.

Раннесредневековая археология традиционно занимает центральное место в Таджикистане. Пршедшее пятилетие было значительным вкладом в изучение Пенджикента, Шахристана, Аджинатепе, Кафиркала, Кума. К ним теперь добавился новый памятник — Кафирнигаьала. Последний памятник явился новым центром буддизма в Южном Таджикистане.

Успешно идут исследования высокоторного поселения Базардара. Замечательные образцы искусства средневековья дают раскопки городища Саёд. Открытие здесь ланно резного искусства превосходят все, что было ранее известно для других районов Средней Азии.

Таким образом, во всем направлении археологии Таджикистана происходит накопление фактического материала, служащего основой для новых фундаментальных исследований в области древней истории республики.

КИНО-ТАДЖИКИСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В.А. Рязов

РАСКОПКИ В ОГЭИ КИЧИКЕ В 1975 г.

Сезон 1975 г. был четвертым полевым сезоном, который отряд по изучению каменного века проводил на раскопках площадки перед пещерой Огэи Кичик.¹⁾ Перед отрядом стояли две основных задачи стратиграфического плана: 1) уточнение стратиграфии "черепахового слоя" в кв. Д-Т и полная расчистка этого горизонта на раскопе 1 (лабораторный раскоп) и 2) разборка завала огромных камней на раскопе 2 и 3, т.е. в квадратах ДУ-5-12 с целью установить полный стратиграфический разрез площадки.

Первая задача была решена полностью. С большим трудом, вручную, был пройден завал и далее раскоп на участке РХ углублен ниже завала еще на 1 м, однако скалы достигнуть не удалось (автор выражает глубокую признательность мл. науч. сотруднику В.А. Жукову, руководившему работами по преодолению завала).

1) Состав отряда: В.А. Рязов — начальник отряда, А.Г. Амосова, В.А. Жуков — мл. научные сотрудники, Н.А. Виниченко — художник, А. Маякина, И.А. Карпушкина, М. Мирколов — ст. лаборанты. В работах принимал участие Г.И. Медведев (Иркутский госуниверситет). Научные консультации по геологии давали И.К. Иванова, А.А. Никонов, С.А. Несмеялов (Москва). Предварительные сообщения о работах в Огэи Кичике см. В.А. Рязов. Работы отряда по изучению каменного века в 1971 г. (раскопки на площадке перед пещерой Огэи Кичик). — АРТ, в. II (1971 г.), Душанбе, 1978, с. 5-26; о н ж е. Работы отряда по изучению каменного века в 1972 г. — АРТ, в. 13 (1973 г.), Душанбе, 1977, с. 5-26.

I. Работы на лабораторном раскопе

Как и в прошлые годы, I-й раскоп ограничивался 28 кв. метрами, которые полностью находятся под скальным навесом, за капельной линией. Это квадраты МС-12-18 (с западной стороны часть квадратов срезается скальной стенкой).

После сезона 1975 г. стало хорошо видно, что "черезаховый горизонт" вложен в лессовидный суглинок (рис. I).

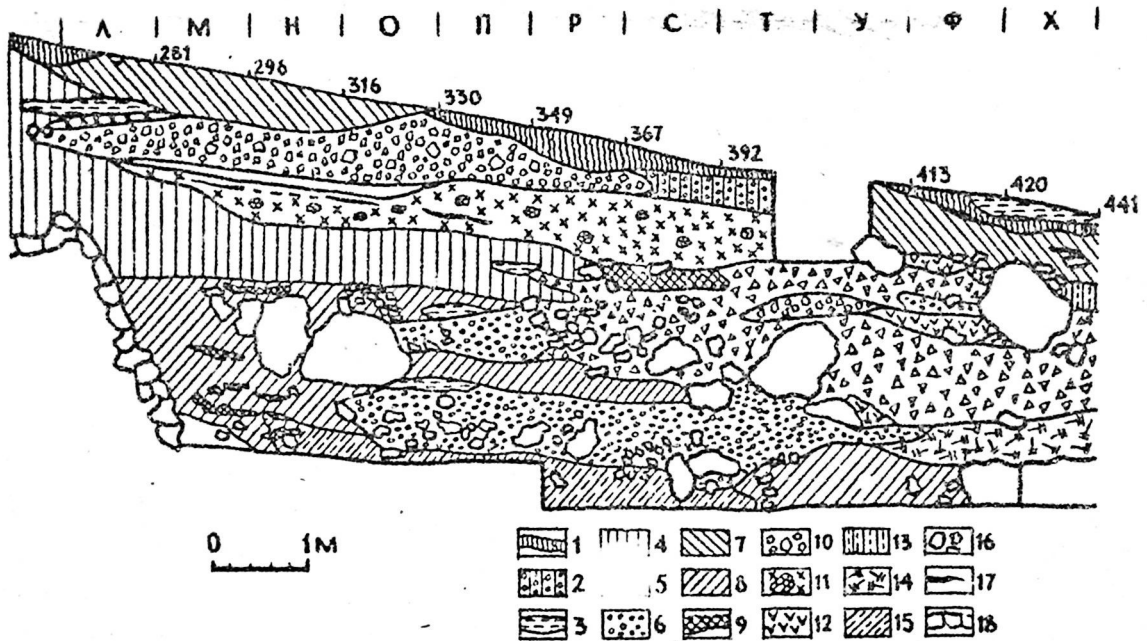

Рис. I

Его полная мощность у скальной стены 1,2 м, по линии главного продольного разреза — 80 см. Разбирались условные уровни I4-I9, охватывающие мощность на разных участках от 12 до 35 см. Культурный слой "черепашьего горизонта" заметно отличается от подстилающего лессовидного суглинка, более плотного. В свою очередь, этот суглинок несет на себе следы какой-то переработки (водной?) и отличается от суглинка в раскопе 3 и на восточной площадке²⁾ цветом и плотностью (рыхлостью). Как образовалось "зложение", трудно сказать. Нельзя исключить, что это часть того же лессовидного суглинка, более интенсивно переработанного в процессе жизни людей каменного века. В кв. РС "черепашьего слоя" ложится не на суглинок, а на поверхность щебенчатой линзы, опирающейся на камни завала. Далее на север, по разрезу, описываемый слой почти полностью размыт и замещен другими отложениями. На юг он с трудом прослеживается в виде неустойчивого скопления костей черепашек и слабых прослоек пережженной земли.

Разобравшийся слой довольно сильно наклонен с юго-востока на северо-запад, т.е. ко входу в пещеру (отметка в кв. М-12 — 463, в кв. С-18-512). Ориентировка находок не полностью соответствует этому наклону, но такое направление явно доминирует.

В средней части раскопа отмечается значительное количество обломков известняка, упавших со свода, вытянутых полосой примерно в 2 м ширины. Около скалы слой принимает характер натечного. На остальной части раскопа идет плотный, комковатый, пылеватый в сухом состоянии суглинок, отличающийся от суглинка в раскопе 3 прежде всего значительно большей сухостью, неоднородностью и комковатостью. Окраску по квадратам описать трудно, в основном это обычный палево-серый цвет лесса со включениями пятен темной окраски очагового характера.

2) План см.: В.А. Радов. Работы отряда по изучению каменного века в 1971 г..., рис. I.

Собственно "черепаховый слой" сохранился с I4-го уровня лабораторного раскопа только в квадратах РС-12-16. Южнее, практически, расчищалось лишь его основание и начало подстилающего лессовидного суглинка. При дальнейшей расчистке интенсивное распространение обломков черепаховых панцирей сужалось и на уровне I9-го слоя прослеживалось достаточно четко лишь в кв. С-12-14 и Р-12.

Помимо отдельных очажных пятен, которые по своей окраске или скоплению пепла фиксировались на отдельных участках и наносились на планы уровней, центральное место занимает большой очаг, распространенный на площади 4 квадратов (РС-12, 13). В плане это большое пятно с прослойками угля, угольной пыли, обожженной земли, пепла. Его площадь, диаметр и конфигурация непрерывно меняется. И если на I2-м уровне (раскопки 1971 г.) очаг представлял единое угольно-зольное пятно, то ниже I5-го уровня оно разбивается на несколько маленьких пятен. По всей очевидности, это остатки одного из центральных очагов стоянки, неоднократно обновлявшегося.

После выборки угольной массы и золы, произведенной в основании I4-го уровня, образовалась яма неправильной формы с максимальными размерами: длина 88 см, ширина 60 см, глубина 7 см. Уже в процессе расчистки хорошо было видно, что основную темную массу составляет не уголь, а угольная пыль, причем в очаге в основном сжигались не дрова, а панцири черепах. Об этом свидетельствуют многочисленные мелкие кусочки несгоревших обломков панцирей, а также своеобразный шлак — комочки сильно перегоревшей кости. К большому сожалению, уголь такого качества не мог быть использован для выполнения определения возраста по радиоуглероду.

Наиболее хорошо сохранился культурный слой вокруг большого очага и на некоторых участках по линии пикетов РС-15-16. Здесь земля очень рыхлая с пятнами красноватой пережженной земли, иногда смешанной с пеплом, встречаются куски побывавшего в огне и разложившегося известняка. Местами рыхлая земля замещается плотными натечными участками. Для этого слоя характерно интенсивное распространение обломков панцирей черепах и в меньшей степени — обломков трубчатых костей. Ниже

14-го горизонта все четче выступает различие: большое количество разбитых панцирей в кв. РС-12-15 и уменьшение костей черепах в лессовидном суглинке, где преобладают осколки трубчатых костей. Планиграфия находок в верхней части 14-го уровня представлена на рис.2.

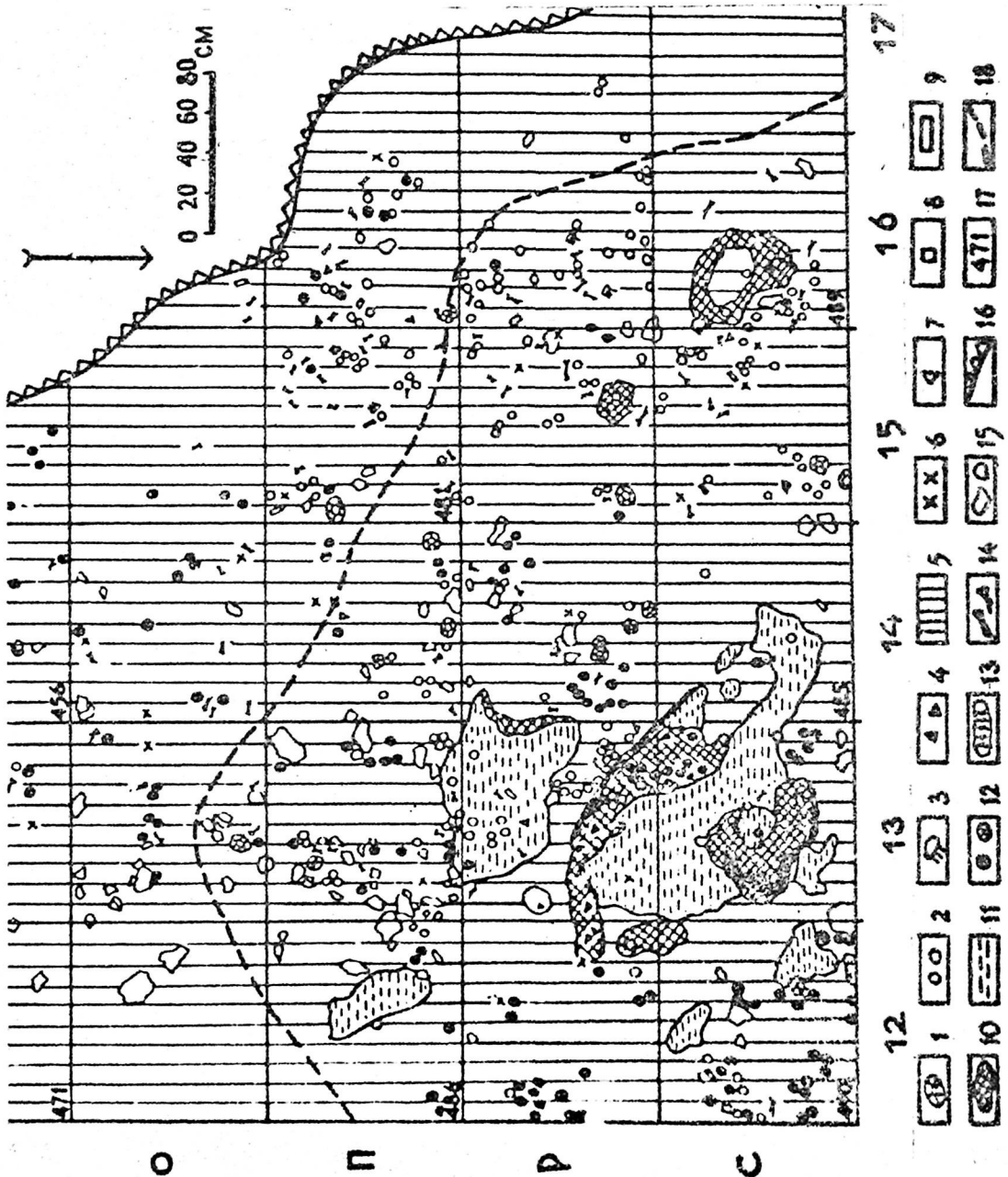

Рис.2

Общее количество костей, найденных при расчистке I4-19 уровней лабораторного раскопа – 14050. Из них трубчатых костей (в основном в обломках) – 6244, зубов и обломков челюстей животных – 73, мелких костей черепах (в основном обломки панцирей) – 7688, крупных обломков панцирей черепах – 45. Согласно заключению Н.К. Верещагина и Ш. Шарипова, определяемые кости здесь принадлежат двум видам: преимущественно *Ursus* (*Carpa*) и в значительно меньшей степени – оленям (*Cervus* sp.).

Среди каменных изделий (463 экз.) можно отметить хорошо выраженные пластины, типичные для Огня Кичика – узкие, тонкие и легкие, напоминающие скорее верхнепалеолитические, чем мустьерские формы (например, рис.3, 7). Вместе с тем на разных уровнях "черепахового слоя" встречены типично мусть-

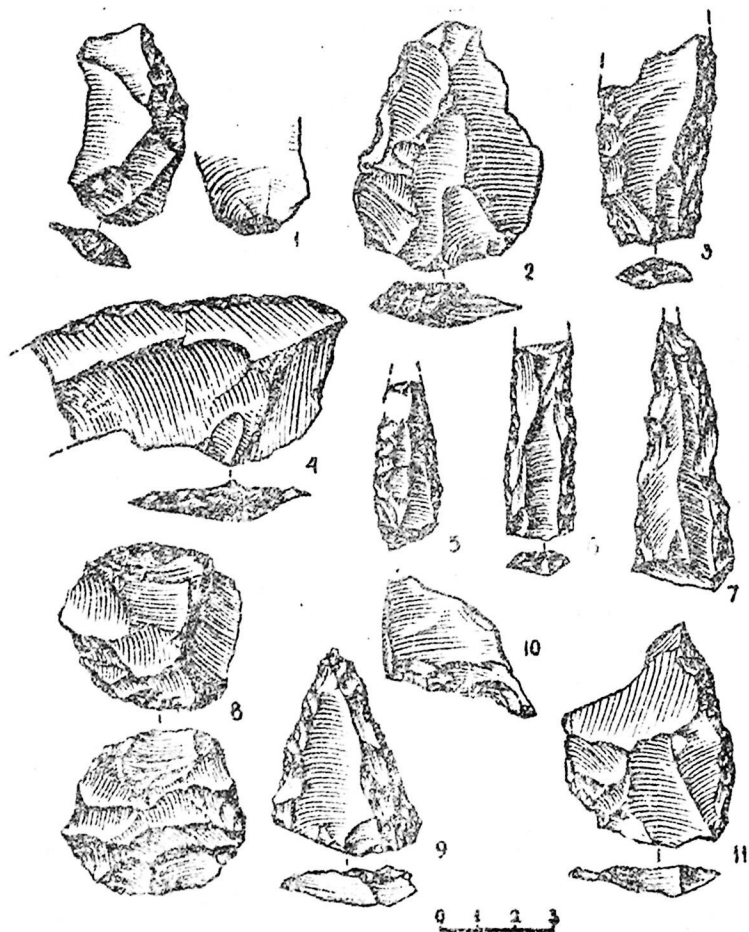

Рис.3

ерские изделия, как, например, хорошо выраженный асимметричный остроконечник (кв. Р-13 ур. 17, верх, рис. 3, 9), который имеет прямые аналогии среди остроконечников из Кайрак-Кумов и Кара-Буры; одинарное скребло с выпуклым краем, обработанным четкой мелкой ступенчатой ретушью, сделанное на типично мустьерском отщепе (рис. 3, 11); выемчатое скребло с плохо выраженным рабочим краем (рис. 3, 10) и хорошо выраженный для Огзи Кичика двустороннедисковидный нуклеус из местного серого кремневого известняка (рис. 3, 8).

Кроме этих предметов в кв. С-12 найден нуклеус, напоминающий пост-палеолитические микронуклеусы. Подобные изделия уже раньше встречались в "черепаховом слое" Огзи Кичика, что первоначально создало представление о более молодом, мезолитическом возрасте "черепахового слоя"³⁾, но в дальнейшем не получило достаточного подтверждения.

В виде опыта на лабораторном раскопе была применена новая система поквadratных описей, основой для которой послужила система поквadratного учета, применяемая на раскопках мустьерского грота Ортус на юге Франции.⁴⁾

На таблице и рис. 4 показан пример описания квадрата по заданным параметрам. К этому добавляется также и описание характера культурного слоя в данном квадрате.

"Западная часть квадрата представляет собой рыхлый зольный слой, аналогичный распространенному на данном уровне в соседнем квадрате Р-12. В северо-восточном углу слой более плотный, что произошло за счет действия каких-то природных агентов (выветривание, вода?), так как по своему составу он не отличается от упомянутого выше рыхлого слоя. Границы рыхлого и плотного участков показаны на плане пунктиром. В северо-восточном углу отмечается большое скопление костей, особенно много мелких костей панцирей черепах. На

3) В.А. Р а н о в, В.А. Ж у к о в, А.Х. Ю с у п о в. Работы по каменному веку Таджикистана в 1971 г. - Записки среднеазиатской археологии, вып. 2, Л., 1972, с. 32.

4) H. d e L u m l e y (Ed.). La grotte de l'Artus. Etudes Quaternaires. Mém. No. 1, Marseille, 1972, p. 18-19

Схема предварительного описания "черепахового слоя"
на лабораторном раскопе, Огзи-Кичик, 1975. (кв.С-12,
отм.491)

Уровень 15 (виз)

Наименование объекта	: Описание слоя на : : участке находок : x : y : z : : : : см	Хорошие находки			: Наклон : : слоя			
		: ориенте- : : ровка	: накл- : : лон	: размеры, см :				
Скребло	Рыхлый, мягкий слой зольного цвета	25	60	5	45°СВ	15°	5,0x2,0x0,8	КС-3°
Пластина	То же	30	30	5	0°ВЗ	5°	5,5x2,5x0,6	ВЗ-12°
Зубы (Сарга?)	Плотный слой бе- ловатого цвета с дрсвой	45	70	2	330°СЗ	5°	4,0x4,0	"
Зубы (Сарга?)	То же	50	45	2	315°СЗ	5°	2,5x0,1	"
Обломок скребла	Рыхлый зольный слой, мягкий, се- рого цвета	45	5	3	330°СЗ	10°	3,0x2,5x0,8	"
Фрагмент пачцера черепахи	Плотный слой серого цвета	55	60	2	345°СЗ	45°	5,0x6,0	"
Фрагмент пачцера черепахи	То же	90	90	2	0°ЮС	5°	6,5x4,0	"
Отщеп	Рыхлый зольный слой	55	10	2	20°СВ	5°	4,0x3,0x0,8	"

Координаты: x - запад-восток
y - юг-север
z - глубина от первоначальной
отметки квадрата

В опись включались только наиболее инте-
ресные находки, остальные отражались ус-
ловными знаками на чертеже квадрата.
Схема выполнена А.Г. Амосовой.

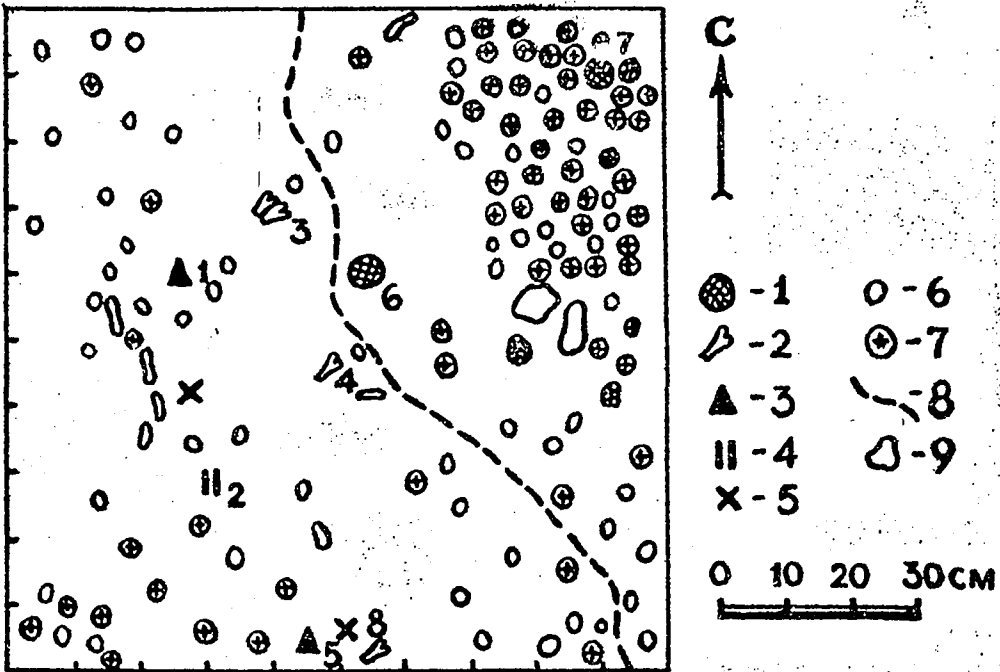

Рис.4

остальной площади квадрата обломки панцирей перемежаются с обломками трубчатых костей, встречаются и зубы (Сарга?).
Находки: 2 орудия: одно - в обломке, пластина, 3-отщеп (два мелких), 3 обломка челюстей козлов с зубами, 2 крупных обломка карапаксов панциря".

Подобная поквадратная опись в значительной степени дополняет обычные дневниковые записи и по необходимости слишком общие чертежи уровней. Она позволяет и более подробно проанализировать взаимоотношение между отдельными найденными на квадрате предметами. Подсчеты по ориентировке длинной оси находок и их наклона в культурном слое помогут в понимании некоторых особенностей динамики накопления культурного слоя на данном участке (рис.5).

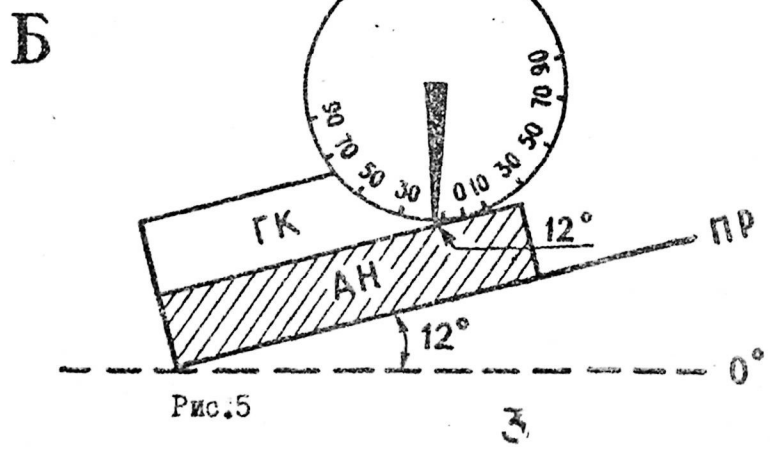
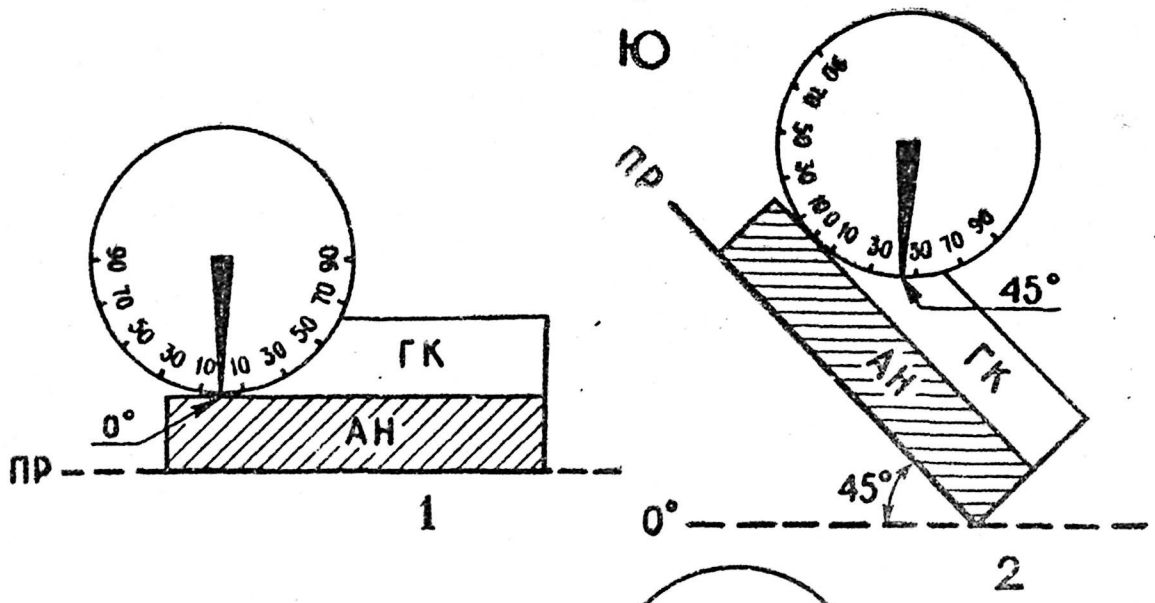
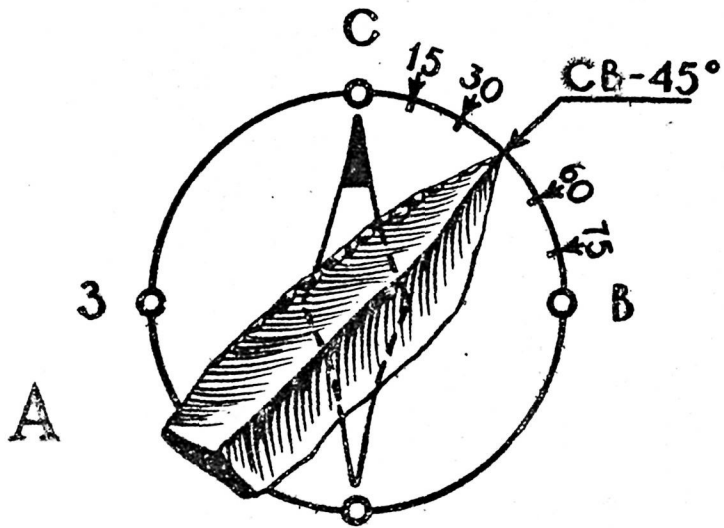

Рис.5

Успешные с точки зрения методики исследования в гротах Ортюс и Лазаре, проведенные на юге Франции А. Лумлеем⁵⁾ и открытой мадленской стоянке Пенсеван близ Парижа (А. Леруа-Гуран и М. Брезийон)⁶⁾, обращают внимание специалистов на новые возможности более детального исследования культурного слоя палеолитических стоянок. Поэтому все опыты по применению новых приемов при раскопках палеолитических горизонтов и их фиксации заслуживают тщательного и детального анализа.

2. Общие стратиграфические наблюдения

Раскопки предыдущего сезона (1973 г.) на наиболее важном для стратиграфии отложений участке — Восточной площадке, были остановлены завалом крупных обломков известняка. С разборки этого завала и начались работы отчетного года.

Размеры глыб различны. На 3-м раскопе, например, в кв. МК-6-9: 4,5х2,6х2,7 м; на Восточной площадке в кв. Л-9: 1,7х1,0х0,5 м; на 4-м раскопе в кв. ЦЮ — 5,5х1,3х0,9 м и т.д. Частично глыбы известняка раскалывались при помощи ломов и кувалды, частично окапывались и затем перемещались по склону.

В процессе разборки завала несколько прояснилась картина формирования последнего. Прежде всего стало совершенно ясно, что большая часть обломков известняка, отличающихся острыми гранями, упала со свода, который, по всей очевидности, когда-то образывал потолок обширного и высокого навеса и с которым и была связана палеолитическая стоянка Ортюс-Кичик. Поскольку камни завала лежат на разных уровнях по

5) A. de Lumley (Ed.). La grotte moustérienne de l'Ortous...; A. de Lumley. Une cabane acheuléenne dans la grotte du Lazaret (Nice). Mem. de la Soc. Préhist. Française, t. 7, 1969.

6) A. Leroi-Jourhan, M. Brezillon. Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse ethnographique d'un habitat magdalénien, Paris, 1972. Рецензия О.Н. Бадера и Е.Я. Сергина на монографическое описание этих раскопок помещена в СА К 3, 1976.

отношению к нулевой точке, есть основание думать, что свод разрушался не сразу, а в несколько этапов. Так, огромные глыбы в главной поперечной траншее (по линии пикета Т) кажутся наиболее ранними, завал на Восточной площадке образовался позднее глыбы на 3-м раскопе. Какой-то из этапов разрушения свода потолка фиксируется в шурфе выше раскопа, где основание разреза представлено глыбово-обломочным материалом.

На рис. I показана схема соотношения различных стратиграфических элементов главного продольного разреза (последний будет опубликован после того, как на большей его части будет достигнута скала).

На южной части раскопанной площадки, на третьем раскопе и отчасти на Восточной площадке распространен лессовидный суглинок главным образом склонового генезиса, очень неоднородный. При этом хорошо заметно, что лессовидный суглинок, подстилающий "черепаховый слой" в лабораторном раскопе, и западная, примыкающая к раскопу I, часть Восточной площадки имеет наиболее переработанный вид. Этот суглинок отличается от толщи, залегающей выше и южнее. Эта переработка связана, с одной стороны, с более интенсивной жизнью древних людей на этом участке, с другой, — с какими-то естественными процессами, прежде всего с большим количеством попадавшей сюда воды (не исключено, что вода поступала из пещеры или карстовых ходов, которые сохранились до сих пор в 12-15 км выше площадки). Но в целом происхождение этого суглинка то же самое.

Остается не до конца понятным, формировались ли соответствующие общему наклону площадки уровни лессовидного суглинка одновременно или же лабораторный раскоп, находящийся как бы в нише, имел собственную динамику накопления лессовидной толщи. Это очень важный момент, так как от него зависит уверенное сопоставление археологических находок, которые сами по себе не дают оснований для уверенного расчленения исследуемой толщи.

Скорость накопления лессовидного суглинка (максимальная мощность в кв. В — 3,6 м) точно установить также невоз-

можно. По расчетам А.А. Никонова, могут быть предложены два варианта: 1) скорость накопления склонового суглинка — 0,5 мм в год, тогда на формирование 3 м необходимо 30 тыс. лет; 2) скорость накопления суглинка — 0,3 мм в год, тогда объем уменьшается до 15-12 тыс. лет.

Этот исследователь считает, что для представления об очень быстром накоплении лессовидного суглинка Огзи-Кичика нет никаких оснований. В этом случае трудно объяснить, если даже принять наименьший вариант, динамику накопления культурного слоя. Судя по остаткам размытых очагов на 3-м раскопе, получается, что люди систематически из года в год или через определенные промежутки (в сотни лет?) вновь и вновь приходили на одно и то же место, причем их материальная культура совершенно не изменялась. Скорости и особенности накопления культурного слоя пещерных отложений остаются одной из самых сложных загадок первобытной археологии.

На возможность лишь только очень условных реконструкций этого плана указывал еще Г.А. Бонч-Осмоловский.⁷⁾ Сложность формирования пещерных седиментов подчеркивал позднее И.И. Коробков.⁸⁾ К. Бутцер отмечал большое значение постседиментационных изменений.⁹⁾ Бесспорно интересны подкрепленные радиоуглеродными датами наблюдения над скоростью формирования отложений навеса Абри-Пато, где в момент обвалов и шелушения свода подсчитана скорость, равная от 100 до 188 см за 1000 лет.¹⁰⁾ Но, как неоднократно правильно указывалось, скорости накопления седиментов в разных пещерах строго индивидуальны.¹¹⁾

7) Г.А. Б о н ч - О с м о л о в с к и й. Палеолит Крыма, вып. I. Грот Киик-Коба, Изд-во АН СССР, М.-Л., 1940; с.56.

8) И.И. К о р о б к о в. К проблеме изучения палеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем. — Мат-лы и иссл. по археологии СССР, № 173, Л., "Наука", 1971, с.63 сл.

9) К. В u t z e r. Environment and Archaeology, 2 ed. Chicago, 1971, p.213.

10) H. L. M o v i u s (Ed.). Excavation of the Abri Pataud, les Eyzies (Dordogne). Amer. Soc. of Prehistoric Research, Bulletin No. 30, Cambridge, 1975, p.52.

11) F. V o r d e s. A tale of two Caves, N.Y., 1972, p.29.

Мы надеемся, что после завершения раскопок на площадке Огзи Кичика затронутый вопрос несколько прояснится.

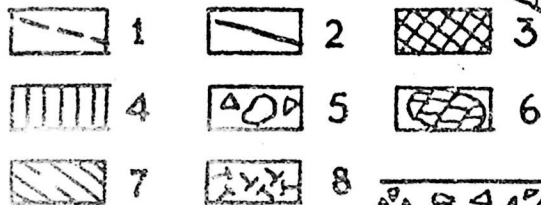
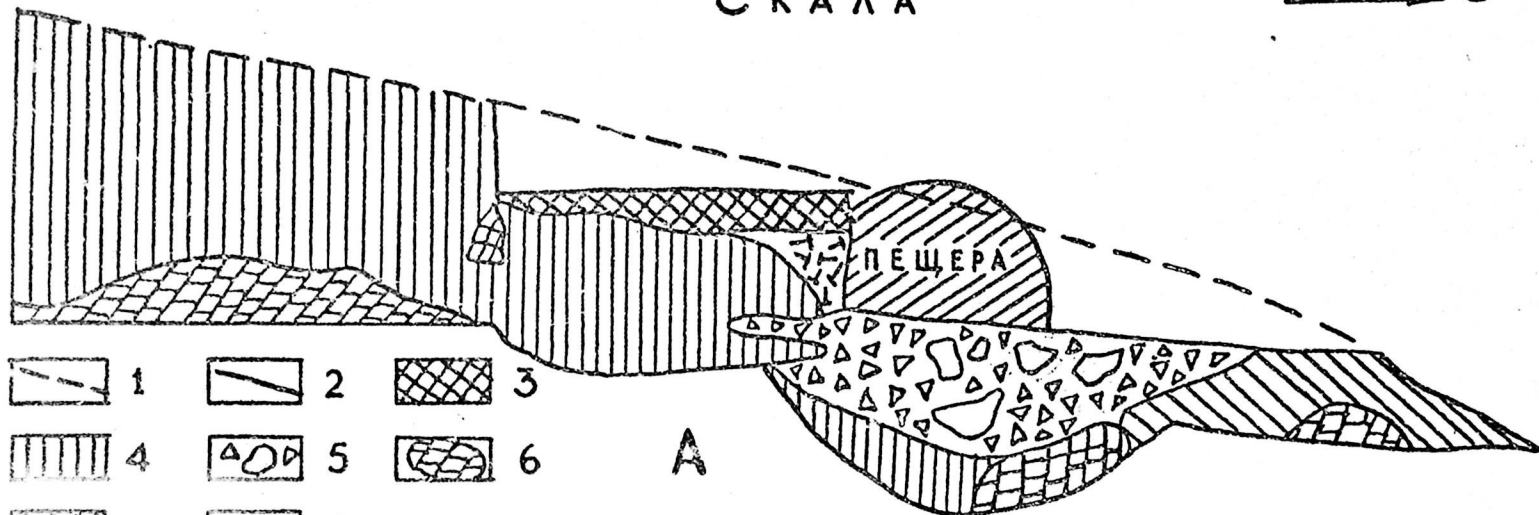
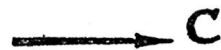
Как уже говорилось выше, вторым важнейшим компонентом разреза является "черепашовый горизонт", вложенный в лессовидный суглинок раскопа I.

Начиная с квадрата 0 и II сравнительно мощная толща суглинка в продольном разрезе замещается уже упомянутым завалом крупных обломков, упавших со свода, которые включены в мощную толщу щебенки (максимальная мощность в продольном разрезе - 2,7 м, в поперечном - 3,8 м). Генезис этой мощной линзы щебня остается неясным. Высказывалось три мнения: 1) щебень является результатом селя, прошедшего по склону, или движения щебня в "котле", образовавшемся у подножья водопада севернее раскопа; 2) щебень проник по карстовым пустотам сверху и упал частично с отверстий ниже свода, а частично со скалы; 3) щебень есть результат медленного шелушения свода с наиболее хорошо выраженных участков кровли бывшего навеса. Каждая из этих гипотез имеет свои "за" и "против" и, как кажется, имеет право существования.

По разрезу хорошо заметно, что щебень и включенные в него крупные глыбы выполают углубление в лессе своеобразную яму или уступ. Это видно как по профилю, так и по тому, что ниже щебенчатой линзы вновь начинается лессовидный суглинок. Северный борт ямы (уступа?) сильно размыв и щебень здесь перекрывают молодые перемытые и переотложенные слои. По-видимому, не случайным является и то, что яма образовалась у привходовой части пещеры, где размыв был наиболее интенсивным.

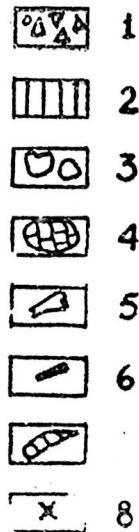
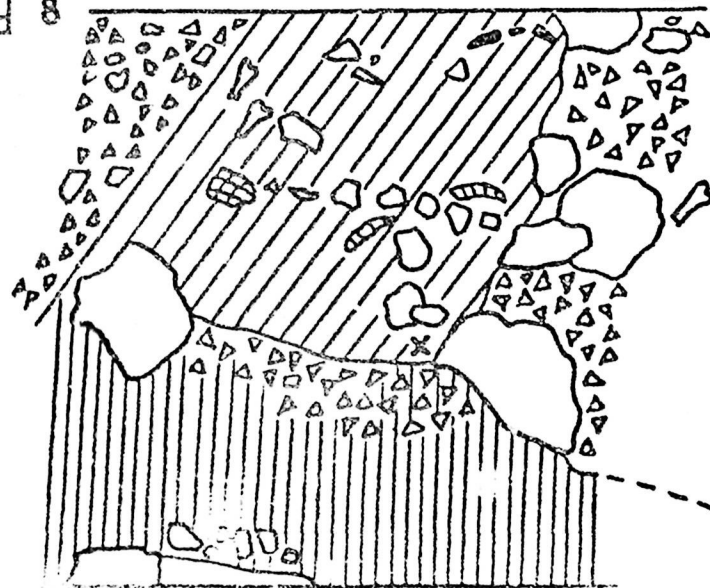
Строение щебенчатой линзы не является простым. Не останавливаясь подробно, отметим, что практически это не одно геологическое тело, поскольку заполнителем в одном случае является грязевая масса, в другом - суглинок, в третьем - лессовидный суглинок. Как показано на рис. 6, А - схематическом изображении соотношения "черепашового горизонта", подстилающей щебенчатой линзы и пропласток лессовидного суглинка в процессе накопления щебня - происходили перерывы, во время которых накапливался суглинок, содержащий отдельные угольки, косточки и отщепы.

СКАЛА

А

Б

Вторая деталь (рис. 6, Б) показывает, что в кв. TV-10-II имеется вложение культурного слоя в щебенчатую линзу. С одной стороны небольшой кусок культурного слоя зажат линзой щебня, которая срезает его наискосок под углом примерно 15°. Справа хорошо видно, что культурный слой продавлен и смят большими камнями завала с мелкой щебенкой в виде заполнителя.

Таким образом, оставляя окончательное решение по поводу генезиса щебня, концентрирующегося в привходовой части площадки, заметим, что в целом продольный разрез площадки в значительной степени после раскопок сезона 1975 г. стал более понятным. Главной стратиграфической задачей будущих раскопок будет сопоставление различных участков лессовидного суглинка послойно, с целью выяснения одновременности пластов суглинка на разных участках раскопа.

Следует еще добавить, что в поперечном разрезе щебенка, начинаясь от линии пикета 15, где она подстилает "черепаховый горизонт", продолжается до самого склона площадки (пикет 3) и с пикета 10 перекрывается толщей поздней темно-серой переработанной земли.

Изучая продольный и поперечный разрезы, можно составить следующую относительную последовательность формирования отложений на площадке под древним сводом навеса.

I. Древнейшим слоем, по всем данным, является зеленоватого-серая обызвестковавшаяся глина - травертин, сформировавшаяся в пещере.¹²⁾ Огромный камень в кв. СТ-15-16, в который упираются эти отложения, также принадлежит этому времени. Трудно сказать, какой уровень суглинка соответствует пещерному травертину, но гипотетически можно ожидать, что суглинок, подстилающий описанную выше щебенчатую линзу, на отметках 878-890 может соответствовать этому периоду.

12) В 1976 г. во время посещения пещеры Огзи-Кичик Н.К. Верещагин и Ш. Шаралов нашли в привходовой части пещеры в травертине обломок зуба носорога, что подтверждает ранний возраст этих отложений. Никаких археологических находок в этих отложениях до сих пор сделать не удалось.

2. В поперечном разрезе на травертине непосредственно ложится бурый, местами бежевый, сильно выветрелый суглинок, который далее на юг, в квадратах Л-Н, теряет бежевый цвет, но отличается от лессовидного суглинка на 3-м раскопе своей рыхлостью и пористостью.

3. На бежевый суглинок ближе к склону ложится линза щебня, которая, в свою очередь, перекрывается палевым суглинком, причленяющаяся к бежевому. Это следующий по времени слой.

4. В верхней части палевого суглинка (антропогенная переработка?, вложение?) развит "черепаховый горизонт", который перекрыт щебенчатой линзой мощностью до 0,4 м, венчающей разрез плейстоценовых отложений.

5. Завал камней со свода и грязевая щебенка формировались в течение длительного времени, но главным образом после отложения травертина и палевого суглинка.

Сопоставление склонового лессовидного суглинка с указанными отложениями чрезвычайно трудно и, как мы уже говорили, по-видимому, станет в какой-то степени возможным лишь после завершения раскопок. А пока, судя по стенке продольного разреза третьего раскопа, не считая слоя явно молодой (современной) щебенки и не учитывая сложно сопоставляемых по разрезу следов очажных пятен (прокаленная земля), можно проследить в верхней части лессовидного суглинка три уровня сильно рассеянных костей черепах, залегающих с заметным наклоном с юга на север и соответствующим всем данным "черепаховому горизонту" лабораторного раскопа, где этот слой лежит со значительно меньшим наклоном. Ниже идет тот же лессовидный суглинок, не содержащий большого количества костей черепах, который сопрягается с суглинком, подстилающим "черепаховый горизонт".

Общее количество изделий из камня, найденных в разных частях раскопа — 989 экз. На рис.3 показаны: отщеп с фасетированной ударной площадкой (рис.3,1), добытый в щебенчатой линзе в верхней части завала. Хорошо выраженный листо-видный отщеп девалдуазского типа с двугранной площадкой (рис.3,2) извлечен из пласта суглинка, перекрывавшего ще-

бенку в кв.С-7. В самом основании щебенчатой линзы найдена тонкая удлиненная пластина, типичная для техники Огзи Кичика (рис.3,3). В основном скоплении щебня найдено крупное скребло с тонкой ретушью по выдутому краю (рис.3,4). Два остроконечника (один из кремня, другой, менее тщательно обработанный — из магматической породы (рис.3,5,6), найдены в отвалах черной переработанной земли с квадратов ЧЩ-8-9. В тонкой прослойке суглинка над щебенкой в кв. ФЦ-9-II найден обломок двойного скребла (?) с очень тонкой и тщательной двусторонней ретушью (рис.3,7).

В целом все приведенные на рисунке изделия, встречаемые в разных частях раскопа не отличаются сколько-нибудь значительно друг от друга ни по общему облику, ни по технике производства, ни по характеру вторичной обработки.

Среди других находок, основу которых, как обычно, составляют осколки и отщепы, можно упомянуть скребло с инверсионной ретушью и плохо оформленный остроконечник, скребла, пластины с тонко ретушированными площадками, полученные при разборке лессовидного суглинка над щебенчатой линзой на Восточной площадке, несколько хороших орудий в щебне и переработанном суглинке в квадратах малых чисел уже на склоне площадки.

К большому сожалению, несколько отщепов, найденных на самых низких отметках суглинка в бортах и основании ямы-котлована, вместившей в себя камни завала и щебень, имеют невыразительный облик и пока трудно сказать, имеется ли в этом случае какое-нибудь отличие в археологическом материале.

3. Каменная выкладка (?) и скопление костей в щебенчатой линзе Огзи Кичика

Предварительное сообщение о скоплении костей, которое, возможно, имело культовое значение, нами уже опублико-

вано.¹³⁾ В данном сообщении остановимся на этом факте более подробно.

После снятия глыб завала и расчистки щебенки в квадратах СТ-7-9 на уровне от 743 до 753 ст Р обнаружилось очень интересное скопление костей животных, связанное с группой камней, лежащих преимущественно плашмя. Они образуют два неравных по диаметру полукольца: первое, внутреннее, из трех больших камней, второе - внешнее, из 9 камней.

На рис. 7 - стратиграфическое положение этого скопления в южной стенке главного поперечного разреза. Глубина от днсовой поверхности 2,2-2,3 м. На рисунке состав щебня показан обобщенно. В действительности щебень переслаивается мелкой дресвой, а местами - значительными прослоями лесовидного суглинка.

На плане скопления камней, представленного на рис. 7, хорошо видно, что три крупных камня в северо-восточной части полуколец, лежащие под углом друг к другу, образуют камеру размером 45x45 см, в которой и находились упоминавшиеся выше кости. Камера частично (восточная часть) перекрывалась щебенкой и дресвой, а в западной - небольшой линзой опесчаненного суглинка.

Охватывая с двух сторон угол самого восточного из камней, лежали превосходно сохранившиеся рога горного козлякника (*Saraga sibirica* M) вместе с частью черепной крышки. Под ними, а также рядом и несколько ниже находились 2 косточки фаланги, несколько обломков трубчатых костей и зубы этого животного.¹⁴⁾ В 60-70 см западнее встречен кусок черепа козы - *Saraga* sp., фрагмент карапакса степной черепахи. Всего 6 костей. Здесь же найден крупный, но невыразительный отщеп. Рога козла лежат горизонтально (и они, и другие кости уже в подстилающем дне камеры суглинка), другие кости

13) В.А. Р я н о в. Скопление костей в пещере Огай Кичик и его возможное культовое значение. - Тез. докл. на сессии, посвященной итогам полевых этногр. и антроп. исследований в 1974-1975 гг. Душанбе, 1976, с.210-212.

14) Определенные Н.М. Верещагина и Ш. Шаранова.

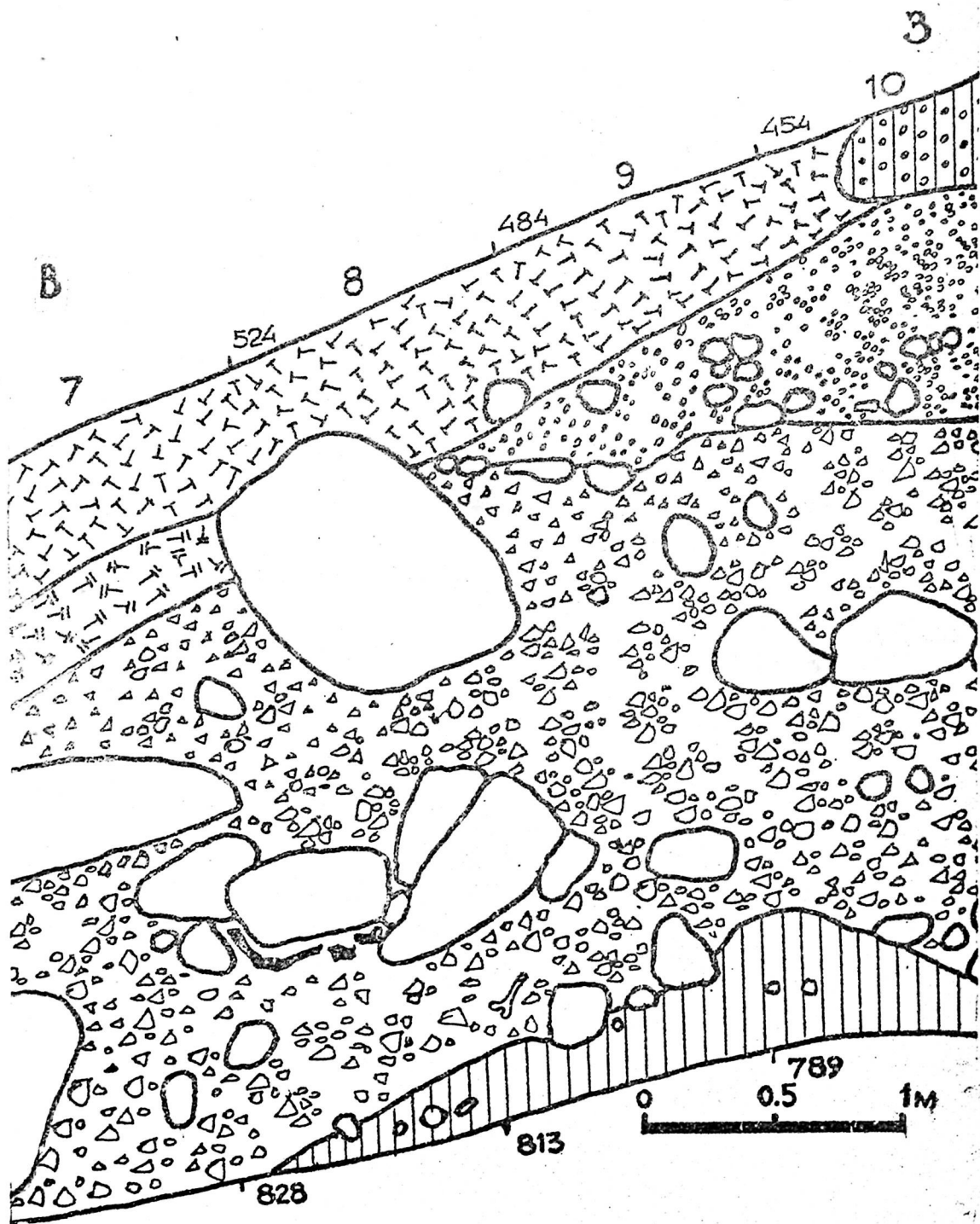

Рис.7

тоже имеют более или менее горизонтальное положение, а камни внутренней камеры — вертикальное или наклонное. Основание одного из камней находится чуть ниже уровня рогов, другого — слегка выше, третьего — примерно на том же уровне.

Рядом, в тех же трех вертикальных камнях расчищена другая камера — узкая треугольная щель, образованная двумя расходящимися верхушками камней (рис.8, справа). Внутри нее находилась нижняя часть рога сарга со следами огня, рядом обгорелый осколок трубчатой кости. Кости находились, как и в первом случае, в плотном, натечного характера суглинке, с дресвой, в котором встречались отдельные угольки. Интересно, что крупный обломок рога был перекрыт сверху небольшим плоским камнем.

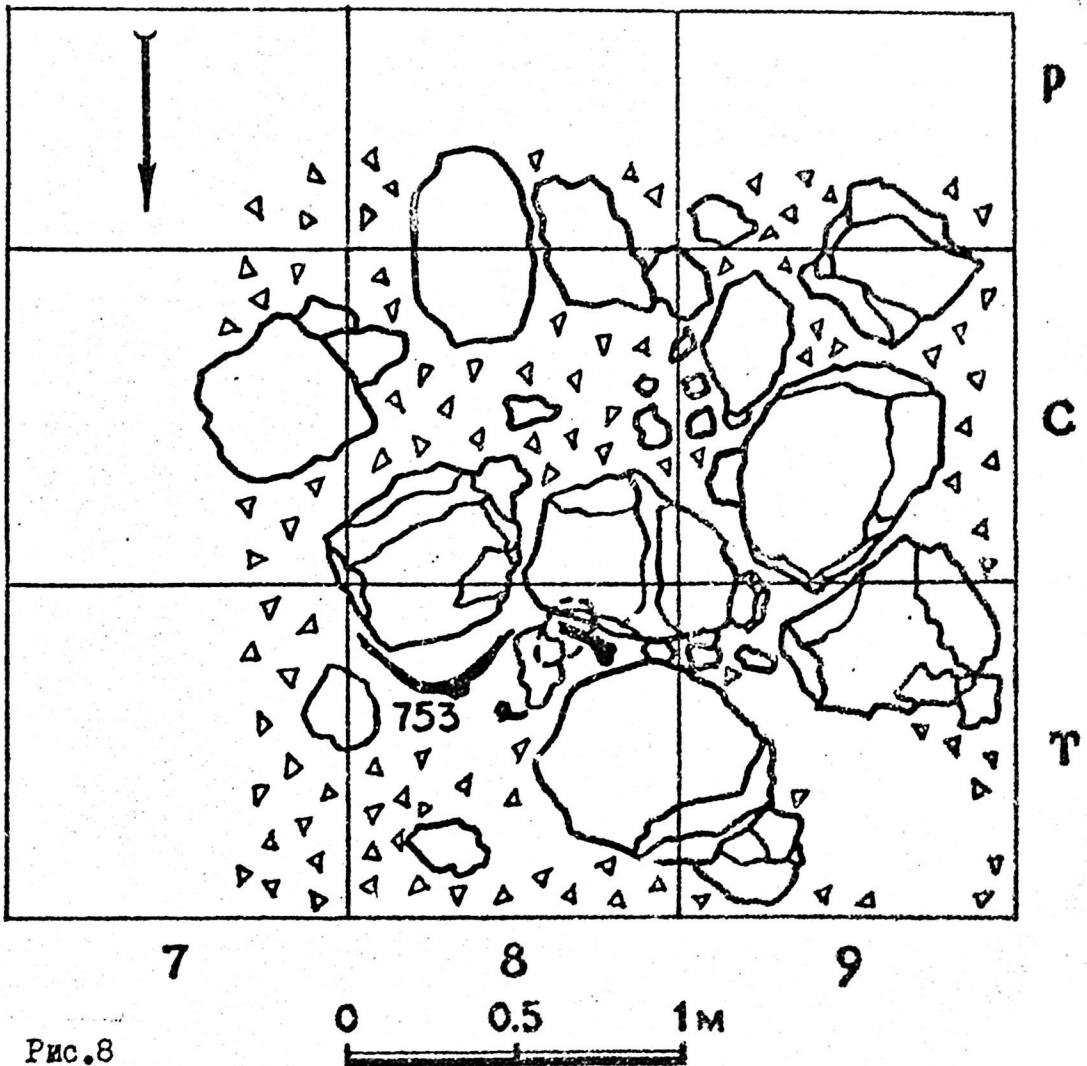

Рис.8

Кости животных в обеих камерах располагаются как бы в беспорядке, под различным углом друг к другу. Ни одна из костей не находится сколько-нибудь ниже основания вертикальных камней. Все они находятся в суглинке толщиной в 20 см.

Заполнение внутри большого внешнего полукольца ничем не отличается от заполнения обычной щебенчатой линзы. Не исключено, что первоначально существовало полное кольцо, северная часть которого была снята при прохождении траншеи в пикете Т, где встречались отдельные крупные камни.

Внешнее кольцо образовано 9 камнями, более плоскими и лежащими плашмя более или менее горизонтально. Только 2 обломка (7-й и II-й), а также несколько более мелких кусочков имеют свежие грани и явно отделились от свода. Все остальные имеют окатанные (выветрелые?) грани. Создается впечатление, что некоторые камни как бы оглажены, хотя полной уверенности в этом нет. Размеры камней: 70x45x30, 55x70x40, 45x25x23 см и т.д. Никаких находок во внешнем полукольце не было обнаружено. После снятия камней под выкладкой вскрыто грязевое щебенчатое заполнение, лежащее наискосок под углом в 25° и упиравшееся с двух сторон в крутые обломки, упавшие со скалы.

Описанное скопление камней, образующих два полукольца, встретилось на раскопе впервые. Трудно представить себе, что это естественное образование, хотя полностью исключить эту возможность нельзя. Кроме того, кости, найденные во внутреннем полукольце, прежде всего рога, заставляют поддерживать мнение об искусственном характере каменных выкладок.

Действительно, опирающиеся на прослойку лессовидного суглинка эти хрупкие кости перекрыты сверху щебенкой и дрсвой с грязевым заполнителем — характерными для седиментов, которые мы считаем образовавшимися внезапно (селевый вынос, грязевой поток сверху и т.д.). Даже в случае локального перемещения щебня, упавшего со свода внутри древнего навеса, такие хрупкие кости, как кости черепа, соединяющие рога, неминуемо должны были быть разрушенными. Подчеркнем также и уже упоминавшийся факт — горизонтальное положение рогов дикого козла.

Таким образом, фактов в пользу признания скопления камней и костных остатков искусственным образованием, преднамеренно сделанным первобытным человеком, больше, чем для представлений о естественном характере описанного скопления камней.

Сложнее, конечно, с доказательствами сакрального характера скопления костей во внутренней камере выкладки. Ведь можно представить себе, что во время прекращения формирования щепенчатой линзы отложился пласт суглинки, на котором сформировался культурный слой, затем разрушенный новым поступлением щебня. Сохранилась лишь его часть — около крупных камней. С другой стороны, можно себе представить и культовый характер — большой полукруг служил для рассаживания участников церемонии, связанной с культовым оставлением костей внутри малого полукольца.

Напрашивается аналогия с "культом медвежьих костей", представленным знаменитыми "медвежьими ящиками" из пещеры Драхенлох в Австрии, костями, уложенными вдоль стен, черепами медведей, уложенных в нише в стене пещер, черепов, пробитых кремневыми орудиями (пещера Эренберг в Австрии), черепов, спрятанных в холмик из глины или погребения медведей (Франция), круг из медвежьих черепов (Франция) и т.д.

Наибольшую спекуляцию вызвали находки в пещере Драхенлох. Конечно, сравнение "медвежьих ящиков" со скоплением костей в Огзи-Кичике носит чисто условный характер, поскольку ящики с костями из высокогорной альпийской пещеры имеют принципиально иную структуру — это каменные ящики с длинной стороны до одного метра (или "шкафы", прислоненные к стене), сложенные из плиток известняка (высотой до 80 см), перекрытые специально положенными сверху крупными плитами.¹⁵⁾

"Медвежьи ящики" в литературе по первобытной религии традиционно рассматриваются обычно как свидетельство сущест-

¹⁵⁾ П. П. Е ф и м е н к о. Первобытное общество. Изд-во АН УССР, Киев, 1953, с. 236-237. Малонаучная реконструкция передана чешскими популяризаторами — И. А у г у с т а, З. Б у р и а н. Жизнь древнего человека. Прага, 1961, картина 20.

завания древнейшего проявления религиозного культа — еще в неандертальскую эпоху — "медвежьего культа".¹⁶⁾ Существует и иной подход к этому факту — критический (несакральные места с остатками запасов мяса или случайно образовавшиеся скопления костей).¹⁷⁾ Раскопки в Драхенлохе производились в 1920 г. С тех пор нигде не удалось найти подобных ящико-хранилищ, хотя специальные ямы с медвежьими костями иногда встречаются (например, во Франции, в мустьерской пещере Ригурду).¹⁸⁾ В специальной археологической литературе в последние годы намечается тенденция к критическому отношению к находкам в Драхенлохе и другой австрийской пещере Петерсхольде (где черепа и кости пещерного медведя спрятаны в нише в скале). Так, Драхенлох не приводится во французском словаре по предистории, составленном М.Брезийоном.¹⁹⁾ Касаясь упомянутых находок, М.Габори в недавно вышедшей книге приводит исследования А.Банди, который утверждает, что скопления костей и черепов медведя в альпийских пещерах не связаны с деятельностью первобытного человека, и пишет: "Протолитическая костяная индустрия, проблемы, касающиеся культа черепов и теорий, с ним связанных, могут спокойно занять свое место среди страниц, покоящихся в архивах науки."²⁰⁾ Таким образом, ставится под сомнение интерпретация находок в пещере Драхенлох, сделанная Э.Бехлером свыше пятидесяти лет назад.

16) С.А. Токарев. Религия в истории народов мира. Изд.полит.лит-ры. М., 1976, с.28-29; Ю.И. Семенов. Как возникло человечество. "Наука", М., 1966, с.414, сл.; G. C o n s t a b l e. The Neanderthals. Time-Life Books. New-York, 1973, pp.109-109.

17) В.Ф. Зыбковец. Дорелигиозная эпоха. Изд-во АН СССР, М., 1959, с.212; A. L e r o i-G o u r h a n. Les religions de la Préhistoire, Paris, 1964, p.31.

18) F. B o u r d i e r. Préhistoire de France. Paris, 1967, p.223.

19) M. B r é z i l l o n. Dictionnaire de la Préhistoire. Librairie Larousse, Paris, 1969.

20) M. G a b o r i. Les civilisations du Paléolithique moyen entre les Alpes et l'Oural. Budapest, 1976.

Для интерпретации находок в Огзи-Кичике можно привлечь также и другие проявления "культы костей", в которых кости не только медведей, но и других животных. Наиболее подробно этот феномен описан А. Леруа-Гурана и Ю.И. Семенова.²¹⁾ А. Леруа-Гуран следующим образом группирует имеющиеся в распоряжении науки открытия этого плана: 1) кости, находящиеся в культурном слое, но сохраняющие анатомический порядок; 2) кучи костей, или кости, заключенные в ямку; 3) круги из костей; 4) кости, включенные в скопления камней или другого материала; 5) орнаментированные кости; 6) трофеи; 7) культ медвежьих костей.

Не затрагивая всей сложности данной проблемы, укажем, что скопление костей из Огзи-Кичика вполне соответствует вариантам 2 или 4 перечисления А. Леруа-Гурана. Для нас важно, что хозяйственные ямы или ямы-хранилища²²⁾, иногда принимаемые за культовые места²³⁾, очень часто, как и в Огзи-Кичике, содержат кости различных животных.

Краткий по необходимости обзор фактов, связанных с так называемым культом костей, четко показывает, что существует два разных, противоположных взгляда на культовое значение скоплений костей, чем-нибудь отличающихся от скопления костей обычного культурного слоя. С "рациональной" (Ю.И. Семенов) точкой зрения, явно преобладающей, упомянутые скопле-

21) A. L e r o i - G o u r h a n. Les religions..., pp. 11-36. Этнографические параллели к культу костей собраны Ю.И. Семеновым в упоминавшейся выше работе.

22) П.П. Б ф и м е н к о. Костенки Т. Изд-во АН СССР, М.-Л., 1958, с. 103 сл.; И.Г. Ш о в к о п л я с. Мезинская стоянка. Киев, "Наукова Думка", 1965, с. 84 сл.

23) И.Г. Пидопличко указывает на такое мнение И.Ф. Левицкого по отношению к подобной яме в Гонцах. И.Г. П и д о п л и ч к о. Позднегалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, "Наукова Думка", 1969, с. 60; см. также: В.Е. Д а р и ч е в. Охотники за мамонтом. Новосибирск, 1968, с. 250.

ния костей — это свидетельство или хозяйственной деятельности человека, или случайностей, не зависящих от желаний древних людей. "Романтическая", если так можно сказать, часть исследователей пытается доказать, что в отдельных случаях указанный феномен может иметь идеологическое обоснование и связан с зарождающимися религиозными культурами. Несмотря на слабые доказательства, которыми оперирует вторая группа ученых, нельзя не признать "рациональное зерно", имеющееся в их рассуждениях.

Подводя окончательный итог, можно подчеркнуть два важных момента, связанных с находками в Отэи Кичике:

- 1) есть все основания считать, что скопление камней в кв. СТ-7-9 имеет искусственный, преднамеренный характер и
- 2) кости, заключенные в 2 камеры, образованные вертикально стоящими камнями, равным образом могут рассматриваться как "кухонные остатки" и как следы каких-то церемоний, связанных с гипотетическим "культуом костей". Окончательное решение этой дилеммы связано прежде всего с решением всего вопроса в целом.

В.А. Жуков

ОТЧЕТ О РАБОТЕ МАРКАНСУЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ОТРЯДА В 1975 г.
(раскопки стоянки Ошхона)

В полевой сезон 1975 г. из отряда по изучению каменного века для работ на Восточном Памире был выделен Маркансуйский археологический отряд.¹⁾ Основной задачей отряда было продолжение исследования мезолитической стоянки Ошхона. Поскольку данный отчет посвящен именно этим раскопкам, мы только кратко остановимся на других объектах, открытых в этом году.

Отрядом была проведена рекогноспировочная разведка в так называемой переходной зоне между Восточным и Западным Памиром. Впервые для этого района на 280 км дороги Ишканим-Харгуш собраны изделия каменного века. Находки компактными пятном 39x48 м лежали на поверхности 76-метровой террасы р. Памир, покрытой крупными валунами и песком. Изделия из филлита зеленого и черного цвета представлены двумя очень крупными нуклеусами и отщепами (28 экз.).

Еще одно местонахождение каменного века обнаружено в районе Джарты-Гумбеза. Сборы сделаны на левом и на правом берегу реки на поверхности первой (5-7 м) и второй (10 м) террасы. Среди находок следует отметить скребло "сибирского" типа с очень тщательной обработкой рабочего края. Общее количество собранных изделий - 71 экз., из них: орудий - 15 экз., нуклеусов - 6, отщепов - 50 экз.

1) Состав отряда: В.А. Жуков - начальник отряда; Д. Резник, В. Семенов, В. Завалко, Г. Черный - маршрутные рабочие; Ю. Тимофеев - шофер. Отряд работал на Памирском высокогорье с 17 июля по 17 августа.

В районе поселка Чош-Дюбе проведена шурфовка двух пещер. Одна из них, получившая условное название "Истыкская", расположена на расстоянии 1 км вниз от поселка на левом берегу р. Истык в коренных породах-известняках. Абсолютная отметка - 4060 м над ур.м. Высота над уровнем реки около 8 м.

Шурф, заложенный у входа в пещеру, дал четыре культурных горизонта. Первый горизонт лежал на глубине 40 см от дневной поверхности под гумусным слоем и отделен от второго прослойкой разложившегося известняка. Такая же прослойка отделяет последний от третьего горизонта. Четвертый горизонт лежит в речном песке на глубине 1,5 м от дневной поверхности. Наибольшее количество находок дал второй горизонт. На небольшой площади - 3,5 м² обнаружено 64 предмета, из них 20 экз. - микропластины.

Шурфовка нижней пещеры на горе Койн-Соломо не дала положительных результатов, хотя была пройдена вся мощность (до 1 м) пещерных отложений. Сразу же вниз от пещеры идет осыпь из обломочного материала, которая накладывается на относительно ровную площадку-уступ, лежащую на расстоянии 10 м от входа в пещеру. Так как на поверхности площадки было собрано мало находок, решено заложить два шурфа. Несмотря на то что не удалось выйти на основание уступа, изделия каменного века зафиксированы в обоих шурфах. Находки лежат на глубине 1,2 м вперемежку с обломочным материалом.

Раскопки стоянки Ошхона

Раскопки стоянки Ошхона, проведенные В.А. Рановым за полевые сезоны 1958 и 1960 гг., дали в стратиграфическом отношении следующую картину: первый культурный горизонт лежит на глубине 5-12 см от дневной поверхности; второй - на глубине 30 см от дневной поверхности.²⁾

2) В.А. Р а н о в. Изучение памятников каменного века на Восточном Памире в 1958 г. - АРТ, вып.6 (1958 г.), Душанбе, 1961, с.19-29; о н ж е. Раскопки памятников первобытно-общинного строя на Восточном Памире в 1960 г. - АРТ, вып.8 (1960 г.). Душанбе, 1962, с.16-24.

В 1960 г. в контрольной траншее и при расчистке на площади 20 м² были зафиксированы следы двух (?) горизонтов, лежащих в непосредственной близости от поверхности морены, подстилающей всю восточную площадку. Количество находок, отдельные очажные пятна, неясность их залегания позволили с полной уверенностью говорить лишь о "наличии еще одного горизонта, начало которого непосредственно связано с поверхностью морены и жизнь на котором началась еще до отложения 1,5-метровой толщи супеси".³⁾

Раскопные работы производились в секторе Б на площади 85 м² (кв. И, Ш-4,8), где в полевой сезон 1960 г. был вскрыт второй культурный горизонт (рис. I). Сразу же после подчистки раскопа выяснилось, что основание этого горизонта лежит на щебенчатой линзе водного происхождения. В плане щебень перекрывал с юга на север кв. Ш-Т по линиям 8,7,6. Очень тонкой прослойкой, иногда перемешиваясь с супесью, он заходит на 5 линию и почти совсем исчезает по линии 4. В продольной траншее хорошо видно, как щебенчатый шлейф по линии 8 накладывается на валунное основание террасы.

Такова картина для южной части раскопа сектора Б. Что же касается его северной части, то здесь распространение щебня можно проследить только в разрезе продольной траншеи в виде тонких прослоек, так как он был пройден во время работ 1960 г.

Уменьшение мощности щебенчатой линзы также происходит с юга на север. Если в южной части раскопа она достигает 10-15 см, то в северной - 5-7 см. Ниже по разрезу, под линзой, залегает прослойка супеси, которая непосредственно перекрывает основание террасы. Мощность прослойки уменьшается в обратном направлении относительно щебня - с севера, где она достигает 40 см, на юг - 15-20 см.

В западной части раскопа, по линиям 4 и 5, имеются довольно ровные площадки, "пятна", не захваченные щебенчатой линзой. Именно с поверхностью этих площадок связаны основные находки III горизонта.

3) В.А. Р а н о в. Раскопки памятников каменного века..., с.22.

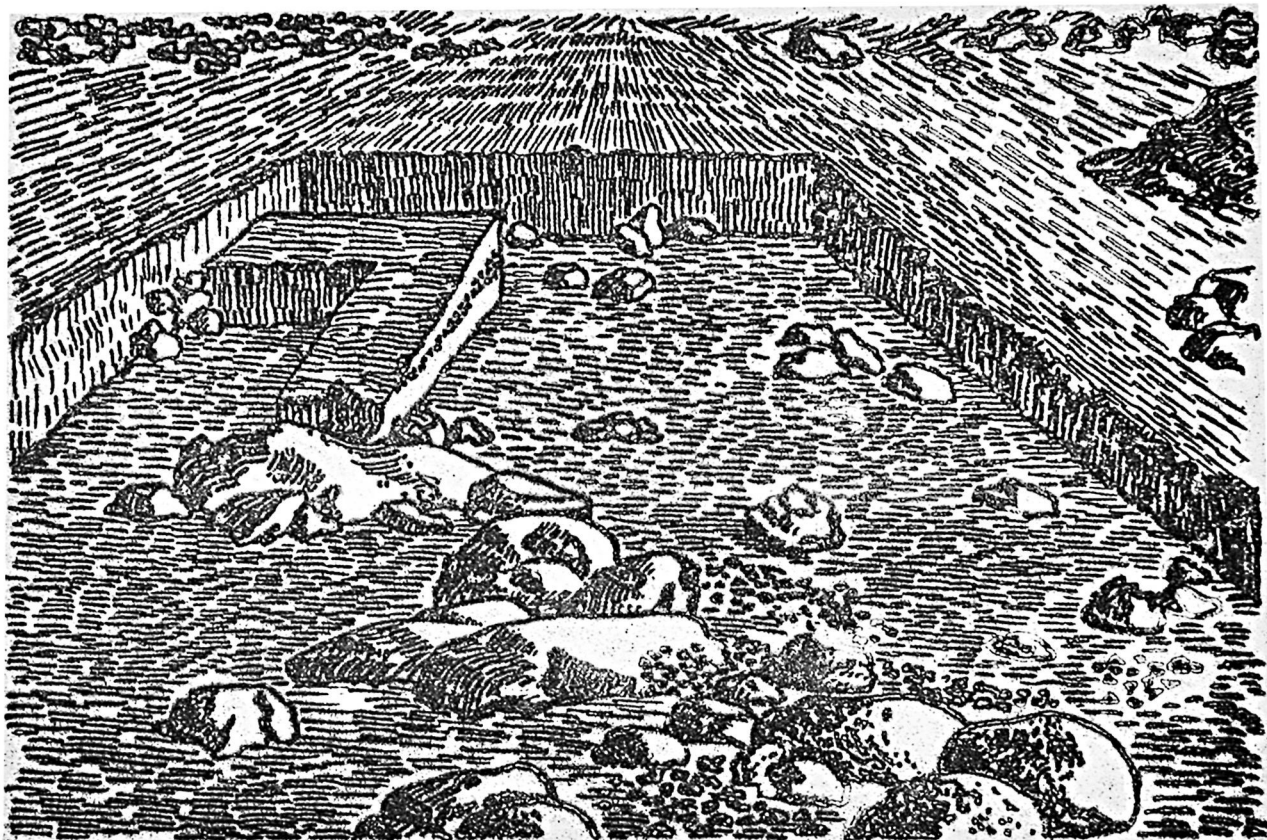

Рис. I

В целом вырисовывается следующая картина: на древнюю поверхность морены, состоящую из валунов со щебнем, отложилась пачка супеси, которая в какой-то степени ее выровняла и создала площадки, пригодные для обитания древних охотников. В основании толщи этих площадок залегает III культурный горизонт. Позднее в результате небольшого селевого потока площадки были перекрыты щебенчатой ливзой; с верхней пачкой супеси, наложенной на ливзу, связаны II и I горизонты. Щебенчатая ливза как бы законсервировала III горизонт, тем самым создав благоприятные условия для стратиграфического выделения последнего (рис.2).

Однако следует отметить, что в восточной части раскопа селевой поток разрушил III горизонт. Здесь практически нет находок и только небольшие пятна пережженной земли говорят об остатках культурного слоя.

Описание находок

Общее количество найденных в III горизонте предметов 292 экз. Из них: нуклеусы 13 экз. (4,30%); отщепы - 101 (35,76%); микропластины - 48 (15,56%); пластины - 4 (1,32%); осколки, обломки - 121 (43,37%); орудия - 4 (1,32%); преднамеренно расколотый отщеп - 1 (0,33%).

Прежде чем перейти к описанию предметов, кратко остановимся на распространении и положении находок в плане.

Выше уже говорилось о том, что III культурный горизонт сохранился в местах наименьшего распространения щебенчатой ливзы.

Из восьми обнаруженных очагов наибольшего внимания заслуживает очаг в кв. III-4. Здесь мы имеем дело с явно преднамеренно сделанной выкладкой из положенных плашмя друг на друга плоских камней размерами от 30x20x7 до 15x10x5 см. Внутри выкладка образует как бы камеру, где для радиоуглеродной даты был собран хорошо сохранившийся уголь.

Худшей сохранности очаг в кв. I-6. Он настолько сильно размыт, что даже трудно выделить четкие границы его центра.

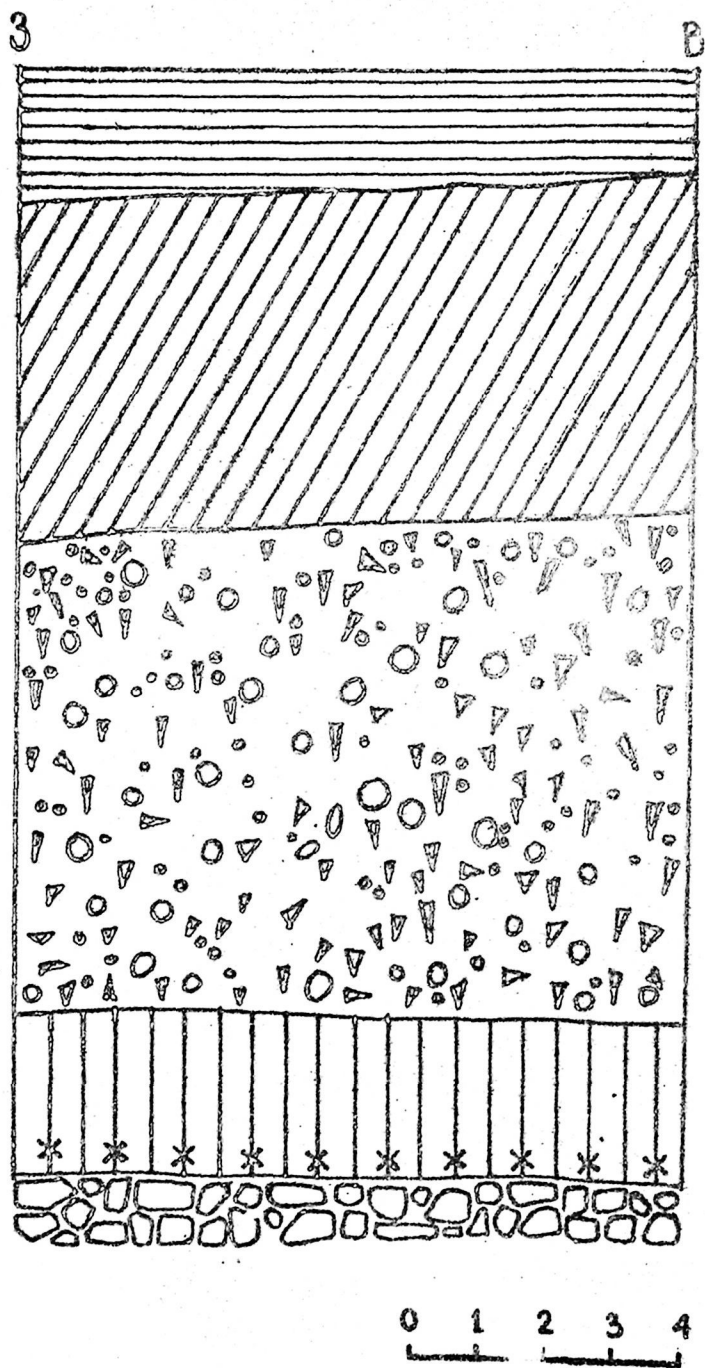

Рис.2

Пятно пережженной земли размерами 130x90 см вытянуто с востока на запад.

Вокруг двух описанных выше очагов и концентрируется основная масса находок. Несмотря на небольшое количество изделий и их концентрацию вокруг очагов, эти "пятна" находок, по-видимому, можно охарактеризовать как временные жилые площадки. Причем следует заметить, что нуклеусы из грубых пород, напоминающие палеолитические, удалены с этих площадок, в то время как микролитические находятся в непосредственной близости от очагов.

Нуклеусы. Из 13 обнаруженных нуклеусов 7 (53,84%) - микронуклеусы, 6 (46,16%) - имеют палеолитический облик. Из последних 4 экземпляра представлены очень невыразительными, типологически слабо выраженными формами. Скорее, это гальки со следами сколов. Два других экземпляра представляют собой полностью сработанные многоплощадочные нуклеусы, у которых невозможно проследить последовательность снятия заготовок. Последние сколы были сделаны с площадок, основой для которых послужили фасетки предыдущих снятий.

Среди микронуклеусов обращает на себя внимание нуклеус (1078/243) подпризматической формы с круговой обработкой по рабочей поверхности (рис.3,7). Отжимная площадка образована одним снятием. Дополнительной подправки не наблюдается. Дистальный конец нуклеуса подправлен несколькими сколами, которые скорее его притупляют, чем заостряют. Размеры: h (высота) - 2,2 см, l (длина) - 1,9 см, a (ширина) - 1,6 см. Если учесть, что длина фасеток на рабочей поверхности 2,1 и 1,3 см при ширине 1,2 и 0,9 см, то, видимо, целевое назначение нуклеуса заключалось в снятии микростепо.

Трехплощадочный нуклеус (1078/169) на обломке хорошо окремненного флинта (рис.3,9). Снятие микропластин велось в продольном и поперечном направлениях. Причем снятие в поперечном направлении происходило с неоднократно подправляемой отжимной площадки. Продольное снятие велось с двух площадок: одной из них послужили фасетки поперечного снятия, другой - дистальный конец нуклеуса, образованный одним снятием.

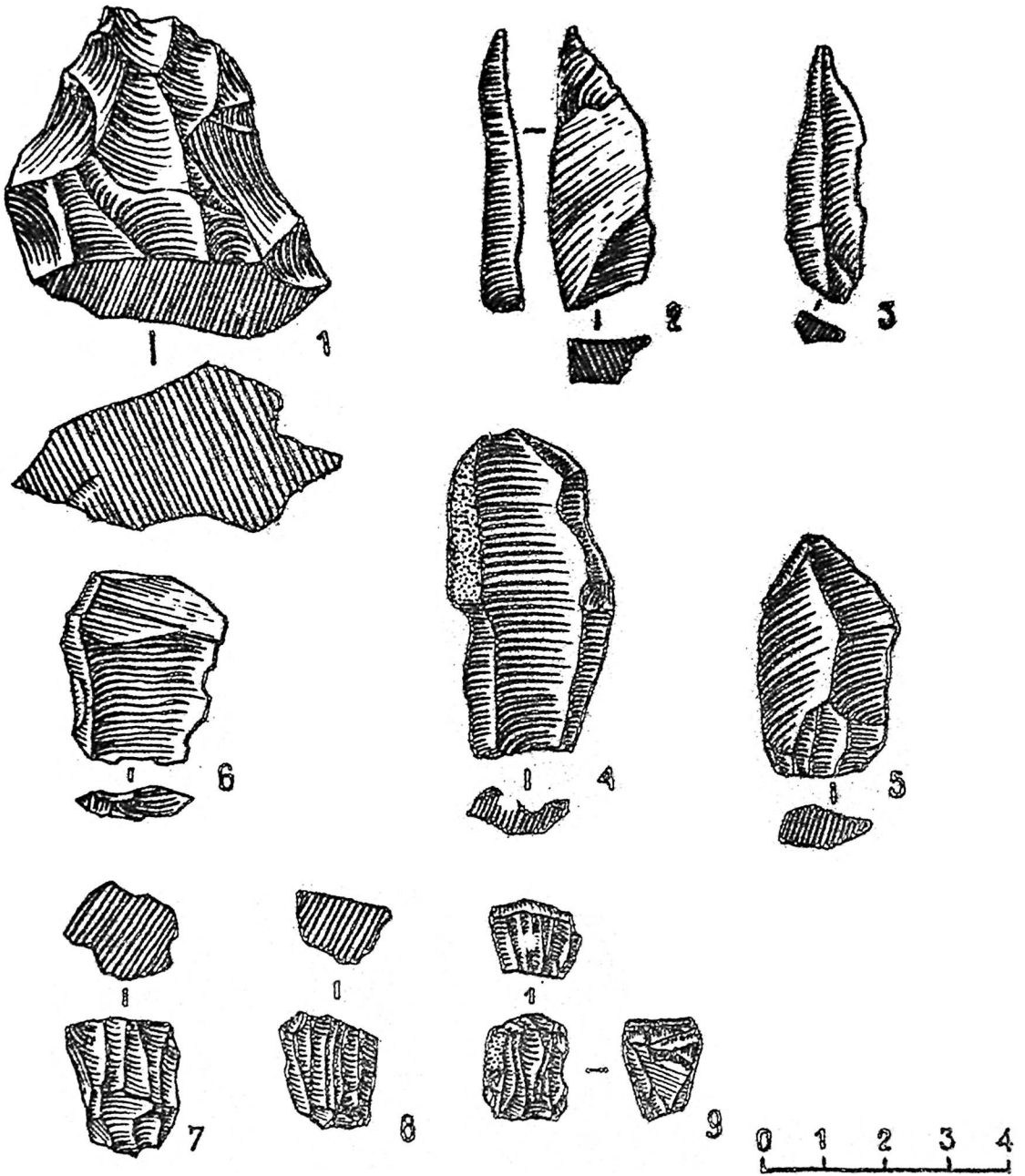

Рис. 3

Размеры: l , 7 см (в продольном сечении), 1,3 см (в поперечном сечении), a - 1,2 см.

Одноплощадочный нуклеус подпризматической формы, с $3/4$ обработанной рабочей поверхностью (1078/114) (рис.3,8). Отжимная площадка подправлена мелкими фасетками. Размеры: h - 1,8 см; l - 1,5, a - 1,1 см.

Заготовки. Для обработки массового материала - отщепов и пластин, полученных в результате всех трех сезонов раскопной стоянки Ошхона нами был составлен список признаков, анализ которых дал возможность представить технику снятия заготовок в целом.⁴⁾ Следует оговориться, что обработке не подвергались микропластины, так как совершенно отсутствуют целые экземпляры.

Из 62 обработанных предметов, полученных в 1975 г., 45 (70,96%) экз. снято отбивной техникой, 17 (29,04%) - техникой отжима.

Количественные признаки. Для сравнения в таблицах приводятся количественные признаки II культурного горизонта. Так как в процентном отношении количество отщепов, снятых техникой отжима для этого горизонта невелико, средние показатели суммируются для обеих групп.

Длина (в см)

Т а б л и ц а I

Средняя длина	: Для обеих групп	: Отбивная	: Отжим:	II горизонт ст-ки Ошхона
Максимальная	2,48	2,85	2,56	3,1
По линии удара	2,25	1,42	1,36	2,66

Интересна длина по линии удара. Представляется, что этот показатель характеризует, с одной стороны, целенаправленность процесса раскалывания, а с другой - степень подготовки рабочей поверхности нуклеуса. Следует ввести определенный коэффициент совпадения линии удара и максимальной длины. Здесь, конечно, много трудностей и главная из них в

4) Все работы по составлению списка признаков в лись под руководством и при консультации В.А. Ранова.

том, каким образом выделить из массового материала истинные заготовки будущих орудий и отходы производства, полученные при подправке нуклеуса.

В данном случае ограничимся лишь констатацией факта: из 62 отщепов совпадение максимальной длины с длиной по линии удара зафиксировано в 13 случаях (20,96%).

Ширина (в см)

Т а б л и ц а 2

Средняя ширина	: Для обеих групп	: Отбивка	: Отжим	: II горизонт ст-ки Опхона
Ударной площадки	1,30	1,52	0,68	1,86
Средней части	1,95	2,28	1,02	2,66
Нижней части	1,71	2,06	0,88	2,15

Как видно из приведенных данных, ширина достигает максимума чаще всего в средней части, что характерно и для массового материала II культурного горизонта.

Сечение (в см)

Т а б л и ц а 3

Среднее сечение	: Для обеих групп	: Отбивка	: Отжим	: II горизонт ст-ки Опхона
Ударной площадки	0,57	0,68	0,25	0,73
Средней части	0,68	0,82	0,32	0,79
Нижней части	0,45	0,53	0,21	0,49

Угол скалывания (в °). Для заготовок, снятых: техникой отбивки - среднее значение угла скалывания равно 115,84, техникой отжима - 104,11; для обеих групп - 114,3; для II горизонта - 114,75.

Средние показатели для отщепов III горизонта ниже, чем для II. Это уменьшение произошло за счет увеличения числа заготовок; из 104 экз. II горизонта лишь 9 сняты техникой отжима; из III горизонта - 17 из 62.

Качественные показатели (берутся для обеих групп).

Форма заготовки. Отсутствуют заготовки треугольной формы. Подтреугольную форму имеют 5 (8,06%) экз., четыреху-

гольную - I (1,6%), подчетыреугольную - 36 (58,06%), овальную - 9 (14,51%), пятиичную - II (16,54%) экз.

Огранка спинки. Спинка покрыта коркой у 6 (9,83%) экз., частично покрыта коркой - 19 (31,14%), несет на себе следы фасеток конвергентного снятия с нуклеуса - I (1,63%), параллельного снятия - 8 (13,11%), разные направления - 20 (32,78%), одно снятие - 7 (11,47%).

Ударная площадка. 1) в плане: 40 (64,51%) экз. - имеет прямую ударную площадку, 19 (30,64%) - изогнутую, 3 (4,83%) - треугольную; 2) профиль: прямую ударную площадку имеют 58 (93,54%) экз., выпуклую и вогнутую - по 2 (6,44%); 3) поверхность: у 17 (27,41%) экз. ударная площадка покрыта коркой, образована одним снятием - 35 (56,45%), на 3-4-фасеточные приходится 2 (3,22%), на фасетированные - I (1,61%), двугранные - 6 (4,67%). В одном случае ударная площадка уничтожена.

Таковы общие количественные и качественные признаки, выраженные в цифрах для отщепов III культурного горизонта. Отдельные экземпляры отщепов представлены на рис. 3, 3, 4, 5, 6). —

Орудия. Из четырех орудий, обнаруженных при раскопках, лишь одно представляет определенный интерес (рис. 3, 1). Скорее, это даже не целое орудие, а обломок орудия - его основная часть. Одна из сторон слабо окатанной плитки обработана довольно крупными сколами в конвергентном направлении. Другая сторона почти полностью покрыта коркой. Видимо, перед нами тот же тип орудия, который был найден на открытом местонахождении Восточного Памира - Ак-Джизга.⁵⁾ Максимальное сечение на месте облома - 2,6 см, длина обломка - 5,0 см.

К категории орудий мы также относим отщеп, преднамеренно расколотый - продольном направлении.⁶⁾ (рис. 3, 2).

5) В.А. Ж у к о в. Новая стоянка каменного века на Восточном Памире. - АРТ, вып. II (1971 г.). Душанбе, 1975, с. 32, рис. 3.

6) О предметах подобного рода см.: В.А. Ж у к о в. Новое местонахождение каменного века в Аличурской долине. АРТ, вып. 14 (1974 г.). Душанбе, "Дониш", 1979.

А.Х. Юсупов

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ ВАХШСКОГО ОТРЯДА

В 1975 г.

В отчетном сезоне отряд работал с 8 сентября по 7 ноября в Дангаринском районе, в зоне строительства портала Дангаринского туннеля и поселка Себистон.¹⁾ Цель работы - общая разведка с шурфовкой и раскопчные работы на объектах, попадающих под разрушение при строительстве.

Отчет разделен на две главы. В первой главе - геология и описание местонахождения археологических памятников, во второй - характеристика археологического материала.

I

Геология района приводилась автором в ранее написанных статьях, посвященных стоянкам Сай-Сайед, Кумтепа, Тугузак.²⁾ Геологические сведения об этом районе также приводились в статье о Туткауле.³⁾ В настоящем отчете автор дает краткое изложение геологического строения левого борта Нурекского водохранилища.

1) Состав отряда: А. Юсупов - начальник отряда, Т. Филимонова - ст. лаб., Н.А. Москаленко - ст. лаб., В. Петров - шофер отряда, 8 рабочих по найму.

2) А.Х. Юсупов. Неолитическое поселение Сай-Сайед на юго-западе Таджикистана. СА № 2, 1975, с.138; о н ж е. Стоянка Кумтепа. - Материальная культура Таджикистана, вып. I, Душанбе, 1968, с.46; о н ж е. Неолитическая стоянка Тугузак. - Мат-лы по археологии и истории Таджикистана. Душанбе, "Дониш", 1977.

3) Г.Ф. Коробкова, В.А. Ранов. Туткаул многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. - СА, 1971, № 2, с.110.

Зона строительства входного портала Дангаринского туннеля и поселка Себистон расположена между тремя высокими хребтами. С запада участок ограничен хребтом Сурхку, с востока — Вахшским, с юго-востока и с юга отрогом Вахшского хребта Гулизиндон, с севера — Нурекским водохранилищем. Весь участок представляет из себя переплетение горных хребтов и их отрогов за исключением небольшой узкой долины, которая расположена у подножья Шар-Шарского перевала.

Хребет Сурхку (местное название Кухи-Сирдор или Санглак) начинается от западной части Пулисангинского ущелья. Максимальная высота 2302 м над ур.м. Горы изрезаны широкими плоскими водоразделами, идущими в сторону Вахша. Склоны гор довольно крутые, скалистые. В районе сая Джарбулак они выравниваются, принимая вид слабонаправленной террасы в сторону Вахша. Длина террасы около 4 км, имеет 7 уступов. Террасу пререзают крупные сая: Осме, Сайед, Джарбулак.

Хребет Гулизиндон представляет собой широкое горное сооружение, вытянутое в широтном направлении. Самая высокая точка 2008 м над ур.м. Южная сторона хребта, спускающаяся в сторону Дангаринской впадины, имеет скалистый рельеф, сильно расчлененный неглубокими водоразделами. Северная, обращенная к Вахшу, в некоторых местах повышается до 1864 м, а затем резко понижается к Вахшу. В районе кишла. Кули Суфлен склоны скалистые, обрывистые. От кишла. Гулизиндон до кишла. Игронн Поев хребет подвергается интенсивному расчленению с образованием огромных цирков и эрозионных врезов глубиной до 300—400 м.

Описание местонахождения археологических памятников

Местонахождение памятников, найденных в отчетном сезоне, автором было разделено на территориальные объекты. Всего их 4, но в отчете будет идти речь о трех. На четвертом было найдено 5 пунктов с незначительным количеством находок. Этот объект оставлен на следующий сезон для повторного детального обследования.

В первый объект входит территория долины, расположенная у подножия перевала Шар-Шар. В долине ведется интенсивное строительство, роются котлованы под фундаменты домов, прокладываются траншеи для водопровода и т.д. При обследовании этого района было обнаружено 6 пунктов с археологическими находками, относящимися к каменному веку: 1) западная часть поселка Себистон, в местности Гишттепа; 2) северо-восточная часть кишла. Худжарки; 3) западная часть кишла. Дзарбулак (у источника); 4) западная часть кишла. Калкот; 5) северо-восточная часть кишла. Разиен; 6) северная часть кишла. Тугузак.

Во второй объект входит зона строительства входного портала Дангаринского туннеля. Здесь ведутся строительные работы по прокладке туннелей, шахт, а также сносятся окрестные террасы для предотвращения от оползней. Район представляет из себя небольшое, узкое ущелье, носящее название Чилондара.

При обследовании было найдено 9 открытых стоянок каменного века:

- 1) в разрезе лессовой террасы у первого портала туннеля;
- 2) в разрезе лессовой террасы у 2-го портала туннеля;
- 3) южная часть Дарай Чилон;
- 4) район кишла. Талхан;
- 5) район кишла. Тама-Хур;
- 6) район кишла. Дашти Ёбиз (I и II пункт);
- 7) Дарай Хонако;
- 8) Кизил-Кия (у источника).

Третий объект охватывает довольно значительную территорию. В него входят берега, подлежащие затоплению на всем протяжении от Дарай Чилон и до Шах-Тута, отроги Гулизиндонского хребта вплоть до перевала. Здесь была сделана значительная часть находок. Всего было найдено 6 открытых стоянок:

- 1) юго-восточная часть кишла. Шах-Тут;
- 2) северная часть кишла. Игрони Боло;
- 3) восточная часть кишла. Савда;

- 4) южная часть киши. Гулизиандон;
- 5) район кишл. Кули Суфиев;
- 6) восточная часть кишл. Дахана.

Всего на 3 объектах было обнаружено 20 памятников каменного века. Все они приурочены к лессовым адырам, террасам и террасовидным уступам, которые примыкают к хребтам Гулизиандон и Кули Сирзор.

Большинство обнаруженных стоянок с незначительным количеством находок. Поэтому для них дается общая характеристика состава материала. Количественное соотношение отщепов, орудий, нуклеусов и других приводится в табл. I. Развернутое описание дается только для больших памятников, таких как Гулизиандон, Дахана, Таша-Хур, Игрони Боло.

Кроме стоянок каменного века было обнаружено несколько памятников, относящихся к средневековью и античности:

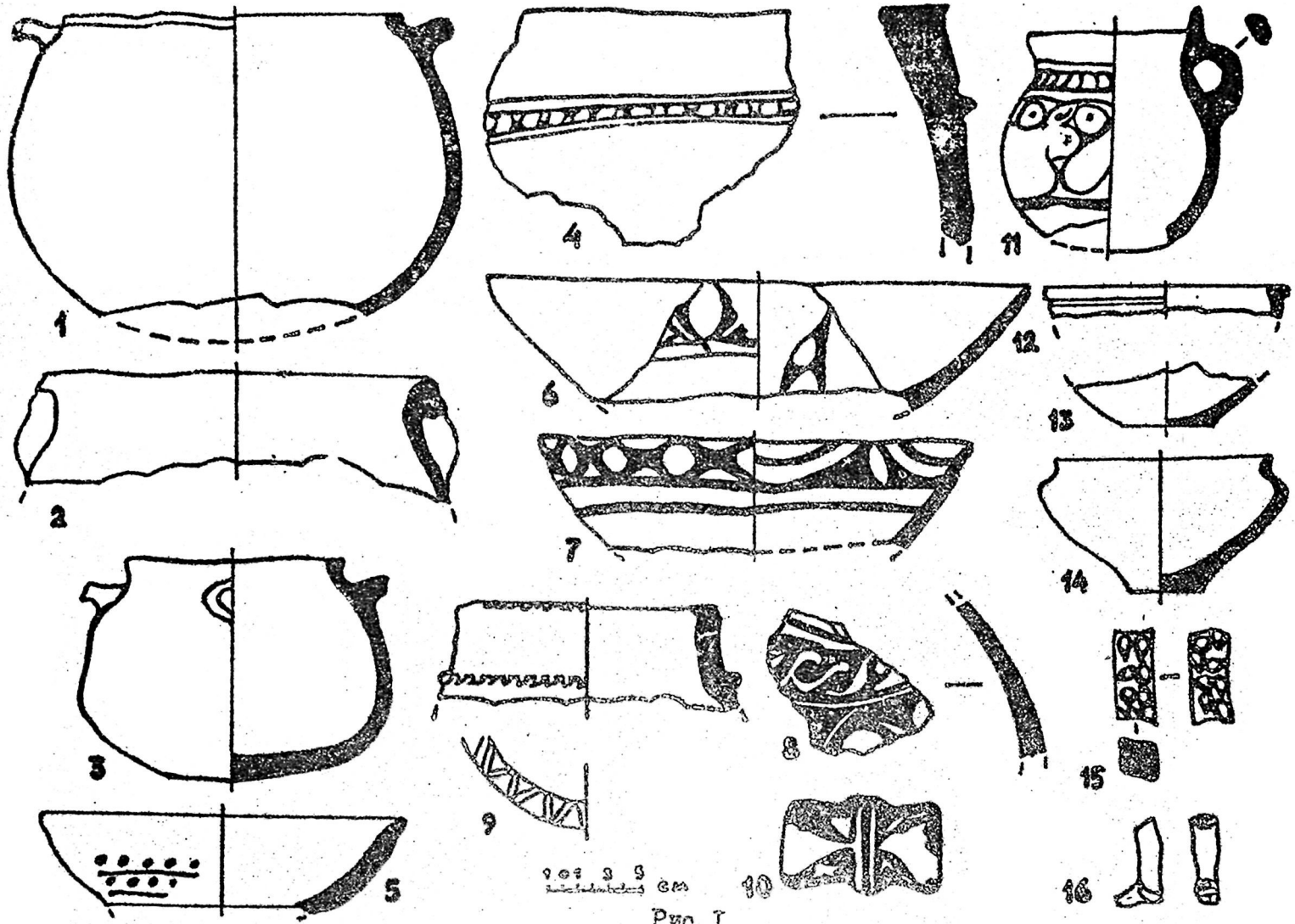
- 1) Гингтепа у поселка Себистон;
- 2) в районе кишл. Калкот;
- 3) в районе кишл. Тугузак;
- 4) в северной части Чилондара;
- 5) в районе кишл. Таша-Хур;
- 6) в районе киши. Игрони Боло;
- 7) в северо-восточной части кишл. Гулизиандон;
- 8) в восточной части киши. Кули Суфиев;
- 9) в северной части кишл. Шар-Шар.

Полное описание поселений, относящихся к античному и средневековому времени, в отчете не дается.

На исторических памятниках было найдено около 100 предметов. В большинстве это фрагменты керамики как лепной, так и изготовленной на гончарном круге (рис. I, I-2, 5-9; 12-13).

Среди них имеются фрагменты корпусов, венчиков, поддонов, ручек, от лепных мисок, банок, горшков (рис. I, 3) У кишл. Гулизиандон найдены фрагменты переносного очага (рис. I, 4), а также целый горшок с цветной росписью геометрического стиля (рис. I, II), обломки резных и поливных кирпичиков и бантиков, изготовленных для постройки мазаров (рис. I, IO).

Наибольший интерес вызывает ваза (целой формы), най-

904 3 9
 cm

Рис. I

денная у кишла. Кули Суфиев. Ваза кружального изготовления, шейка выражена слабо, венчик представляет собой плавный отгиб стенки наружу. Дно плоское. Размеры: диаметр венчика 14 см, наибольший развод корпуса 16 см, диаметр донца 4,5 см, высота 8,6 см. (рис. I, 14).

Там же найден фрагмент ноги от скульптурки (рис. I, 16) и фрагмент лепной керамической плитки, все стороны которой украшены лепным орнаментом в виде петель. Назначение плитки неизвестно (рис. I, 15).

Стаянка Игрои Боло

Кишлак Игрои Боло расположен у подножия хребта Себистон, который является продолжением хребта Гулизиадон. По центру кишлака протекает сая Игрой с невысокими террасами по обоим его сторонам. С левой стороны у подножия отрога возвышаются остатки средневековой крепости. Ниже крепости сая разделяется на два русла — одно уходит влево к Игрои-Поен и вливается в сая Джарбулак, второе — на восток к Тулхоне и Таша-Хуру, затем также впадает в Джарбулаксай.

Находки встречаются на участке, ограниченном двумя руслами сая, особенно в южной части площадки. В разрезе южной дороги из поселка Себистон до Кангурта на глубине 2,5 м найдены каменные изделия, обломки керамики и кости живот-ных. Каменные изделия скорее всего попали в слой средневековья в результате срыва их с верхнего уступа.

Среди собранных материалов встречаются галечные предметы из изверженных пород и изделия из кремня. Всего найдено 227 экз. Среди них больше всего галечных и кремневых отщепов. По форме они аналогичны отщепам гиссарской культуры. Нуклеусы — торцовые, клиновидные, грубопризматические. Площадки подправленные, широкие и узкие. Имеются чопперовидные нуклеусы. Среди орудий больше всего скребковых. Ножевидных пластин очень мало.

Стоянка Таша-Хур

Стоянка Таша-Хур расположена к северу от Игрони Боло на террасе, спускающейся с хребта Гулизиндон, у источника Бобои Тупхона на низком уступе. За этим уступом к югу поднимаются еще два высотой 100-150 м. На первом уступе группируется основная масса находок, относящихся к гиссарскому времени, на втором — количество их уменьшается, а на третьем совсем исчезает. Наряду с каменными изделиями встречаются фрагменты средневековой керамики. У источника была заложена траншея размером 3x1,5 м, которая была доведена до 1,20 м, но ничего не найдено.

Всего собрано 73 предмета. В отличие от других стоянок кремневый материал здесь преобладает над галечным.

Стоянка Гулизиндон

Стоянка расположена на хребте Гулизиндон, рядом с водоразделом сая Халваер. Там же имеется источник, с которого начинается сая. Высота адры, на котором расположена стоянка, 200-250 м от современного уровня сая. Площадка наклонена с юга на север. Находки встречаются на площади около 1 га.

Найден 221 предмет. 95% из них галечные изделия. Большинство отщепов и нуклеусов крупных размеров. По форме они напоминают материал III горизонта Сай-Сайцад. Микролитические орудия отсутствуют. Основная масса орудий состоит из чопперо-видных скребел и скребков на нуклеидных и первичных отщепах.

Стоянка Дахана

Стоянка Дахана расположена к юго-востоку от Нурекского водохранилища, на адры спускающейся с хребта Гулизиндон. Высота адры над уровнем моря 1000 м. Он имеет пять уступов, поверхность которых представляет из себя ровные площадки.

Находки встречаются на втором, третьем и четвертом уступах и на их склонах, обращенных к Даханасар.

Находки в количестве 357 экз. представлены отщепами из галечных, порфиритовых, кремневых и яшмовидных пород, разнообразные орудиями, чопперами, чоппингами. Очень много массивных галечных нуклеусов и скребел.

Материал, собранный на стоянке, идентичен сборам на стоянке Гулизиндон.

Характеристика каменных изделий

На 24 обнаруженных пунктах было собрано 1197 экз. каменных изделий, изготовленных из кремня и гальки. Галечные изделия преобладают над кремневыми почти на всех стоянках (см. табл.). Общее количество галечных изделий 854, кремневых — 343 экз.

В данной работе основное внимание уделяется характеристике галечных орудий, так как в основном собранный материал носит черты гиссарской техники обработки камня, неоднократно описанной.

Для кремневых изделий дается общее описание. Кремень местного происхождения, серого цвета. Среди кремневых изделий выделяются: отщепы, нуклеусы, ножевидные пластины, скребки, скребели.

Отщепы подразделяются на первичные и вторичные. Большинство их являются орудиями. Чаще всего это боковые (рис. 2, 1) и концевые скребки (рис. 2, 2). Вторичная обработка на орудиях встречается очень редко, что характерно для гиссарской культуры.⁴⁾ У всех отщепов хорошо выражены ударные буржки и трехугольные площадки. Размеры: от 1,4 см до 4,2 см длиной и от 1,2 см до 6,8 см шириной.

4) В.А. Раяов, Г.Ф. Коробкова. Туткаул многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. — СА, 1971, № 2, с.140. А.Х. Юсупов. Изучение неолитических памятников Юго-Западного Таджикистана. — Успехи среднеазиатской археологии, вып. 14, "Наз-ка", 1971, с.76, рис. 12, 15.

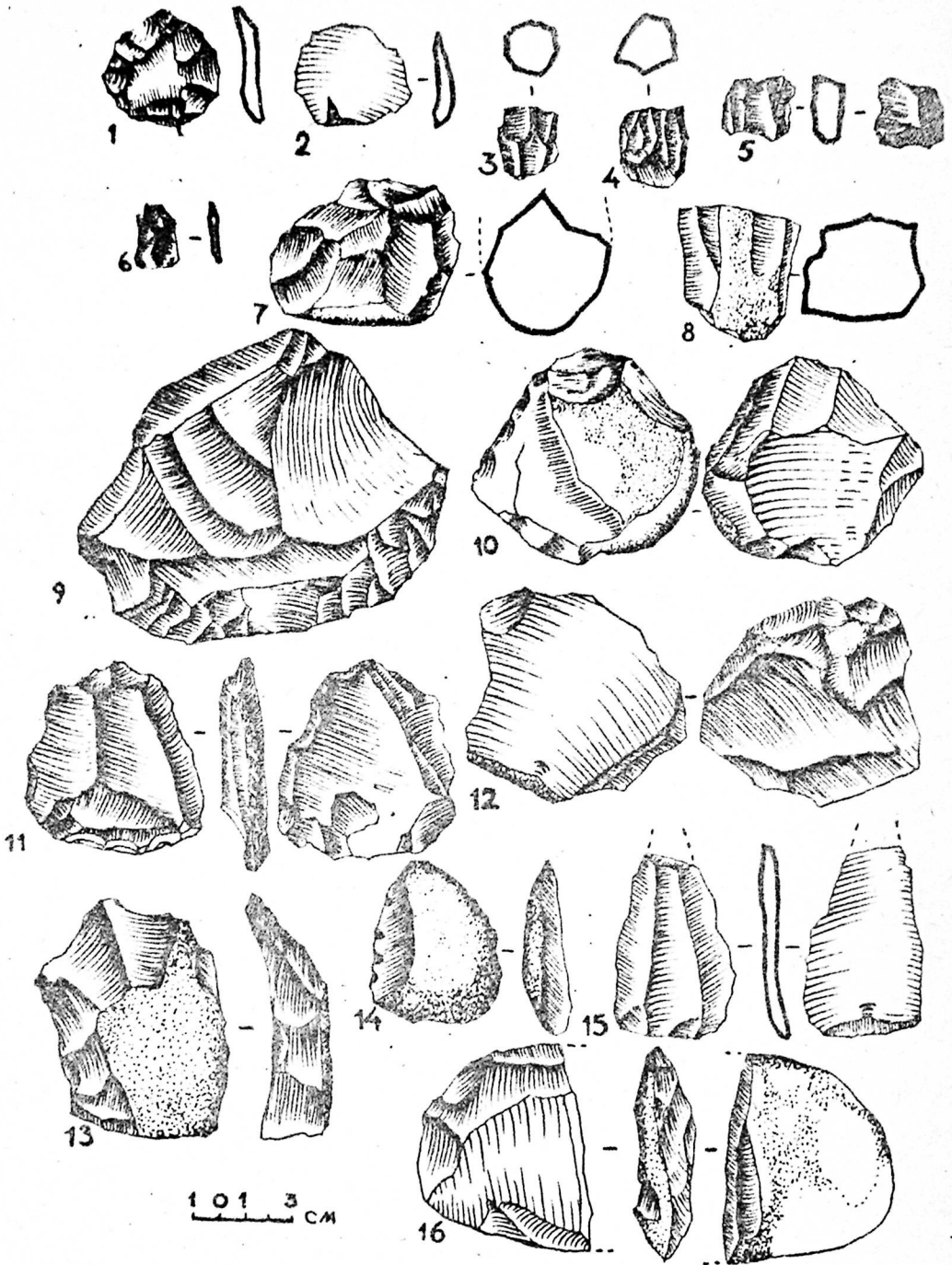

Рис. 2

Место нахождения (отрядки)	Общее	Изде-	Изде-	Галеч-	Галеч-	Галеч-	Чоп-	Галеч-	Галеч-	Крем-	Крем-	Крем-	Крем-	Сс-
	колич-	лия из	лия из	ные	ные	ные	перл-	ные	ные	ные	ные	ные	ные	ко-
	ество	галея	кремня	отщепы	плас-	нукле-		орудия	оскол-	отще-	плас-	нук-	осу-	ки,
					тиан	усы			ки, об-	пы	тиан	леусы	дия	об-
									ломки					лом-
														ки
Калкот	12	2	10	2	-	-	-	-	-	2	-	4	4	-
Себистон	14	6	8	3	-	1	2	-	-	3	-	3	2	-
Джарбулак	25	15	10	7	-	4	-	4	-	4	-	5	1	-
Развен	11	5	6	-	-	1	-	4	-	1	1	4	-	-
Тугузак	31	15	16	6	-	6	-	3	-	7	1	4	1	3
Хушарки	6	-	6	-	-	-	-	-	-	1	-	3	2	-
Таша-Хур	73	24	49	13	-	3	-	8	-	21	4	9	4	11
Кэли-Кия	16	16	-	4	-	5	-	7	-	-	-	-	-	-
Дарга Чидон	21	1	20	-	-	1	-	-	-	9	1	8	-	2
Талхак	8	7	1	5	-	-	-	2	-	-	-	1	-	-
Дарга Конако	3	3	-	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
I портал туннеля	3	3	-	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Туннель, III пункт	4	4	-	3	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Бахавя	357	316	41	200	4	36	6	60	3	14	-	21	6	-
Игрон	227	137	90	92	3	15	-	22	5	53	-	24	20	-
Гулисимдон	221	197	24	109	1	47	-	40	-	5	1	5	12	-
Даште Вобиз	20	7	13	6	-	-	-	-	-	6	1	4	-	2
Кули Суфиев	19	15	4	10	-	2	-	2	1	2	-	1	-	1
Саада	10	9	1	3	-	4	-	2	-	-	-	1	-	-
Даште Вобиз, III пункт	4	3	1	2	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-
Шах-Тут	2	2	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего 21 пункт	1087	787	300	466	8	129	8	155	9	130	9	97	52	19

Нуклеусы подразделяются на клиновидные, торцовые, призматические, напоминающие нуклеусы Яванской долины.⁵⁾ Большинство односторонние с широкой подправленной площадкой (рис.2,3). Имеются также одноплощадочные с круговым снятием негативов (рис.2,4), двухплощадочные со следами негативов, направленных в разные стороны (рис.2,5), выделяются нуклеусы, выполнявшие функции скребков.

Ножевидных пластин небольшое количество. Средние размеры 2,5x1,3 см. Пластины неправильной огранки, сняты с призматических и торцовых нуклеусов (рис.2,6).

Галечный материал представлен порфиритом и другими эффузивными породами, широко распространенными в галечниках р. Вахш. Наибольшее число галечных изделий встречается на стоянках Дагана и Гулизиандов, процент кремневых изделий здесь невелик. Эти две стоянки имеют несомненное сходство со II горизонтом Сай-Сайеда.⁶⁾

Среди галечных изделий выделяются нуклеусы, отщепы, скребла, чопперы, ногт на первичных отщепах, терки из мелкозернистого гранита.

Нуклеусы дисковидные, призматической формы. У дисковидных нуклеусов все сколы идут от края к центру. Центр слегка выгнут. Противоположная сторона не обработана. Основой для такого нуклеуса обычно служила круглая галька. На рис. 2,7 приводится один такой нуклеус, его размеры: длина 4,5 см, ширина 7,2, толщина - 5 см.

Призматические нуклеусы из серого торфирита. Площадки подправлены несколькими сколами, ровные, широкие. Следы негативов идут параллельно друг другу. По технике обработки и форме такие нуклеусы более близки к кремневым, чем к галечным. Размеры нуклеуса, приведенного на рис.2,8: длина 5,3 см, ширина 4,6, толщина 4,3 см.

Интересен по своей обработке массивный нуклеус: длина 11,2 см, ширина 14,3, толщина 5,3 см. После снятия отщепов

5) А.Л. Ю с у н о в. Изучение памятников каменного века в Яванской долине. - АРТ, вып. II, Душанбе, 1975, с.39,40, Рис. I, 4, 5, 6, 8.

6) А.Л. Ю с у н о в. Неолитическое поселение Сай-Сайед... с.144.

по краю нанесли вторичную обработку мелкими фасетками, в результате получилось скребловидное орудие (рис. 2, 9).

В коллекции имеются чоппинги, характерные для Кара-Буянского комплекса⁷⁾ и для конца II горизонта Сай-Сайеда⁸⁾ (рис. 2, 10). Размеры: длина 8,6 см, ширина 8,9, толщина 3,3 см.

Отщепы с хорошо выраженными признаками. Большинство вторичные. Несколько экземпляров отщепов сняты с дисковидных нуклеусов мустьерского типа.

Вторичный отщеп грубопризматической формы, плоский. Со стороны брешка по краям нанесены мелкие фасетки, тем самым образующая скребловидное лезвие. Размеры: 7,8x6,8x1,9 см (рис. 2, 11). Аналогичный отщеп представлен на рис. 2, 12.

Отщеп из светло-зеленого порфирита, удлиненной формы. На одной стороне от ударной площадки в нижней части идут два скола, образующая острие. Отщеп такой формы в гессарской культуре встречается впервые. Размеры: 9,8x6,4x2,1 см (рис. 2, 13).

Несколько первичных отщепов без вторичной обработки служили режущими орудиями. Об этом свидетельствуют заостренные края (рис. 2, 14).

Одна из массивных галечных пластин найдена на четырехметровой глубине в толще лесса в оползне № 3 у туннеля. Пластина удлиненной формы, спинка трехскатная. Ударная площадка слегка скошена. По технике обработки напоминает мустьерские пластины, особенно (Сези Кичика⁹⁾ (рис. 2, 15).

Среди галечных изделий выделяется обломок утюжка. Наиболее часто такие утюжки встречаются в джейтунской культуре.¹⁰⁾

7) В. А. Раянов. Галечные орудия и их место в палеолите Средней Азии. - Материальная культура Таджикистана, вып. 2. Душанбе, 1971, с. 28, рис. 6.

8) А. Х. Юсупов. Неолитическое поселение Сай-Сайед..., с. 144.

9) В. А. Раянов. Работы отряда по изучению каменного века в 1971 г. (Раскопки перед площадкой Огзи Кичик). - АРТ, вып. II. Душанбе, 1975, с. 19, рис. 2, 8.

10) Г. Ф. Ксробокова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. - МИА, № 158. Л., 1969, с. 51, рис. 16, 27, 28.

Однако у этого имеются свои своеобразные черты. После поломки с другой стороны было нанесено множество мелких сколов, вследствие чего было получено скребловидное орудие. Размеры: 6,4x6,2x2,6 см (рис.2,16).

В заключение можно сказать, что время существования обнаруженных стоянок различно. Такие стоянки, как Дахана, Гулизиндо, относятся к раннему этапу гиссарской культуры. Игрони Боло по своему материалу близко к Куй Бульену, т.е. относится к заключительному этапу существования гиссарской культуры.

Таким образом, обитатели этого района, по-видимому, занимались охотой, собирательством и примитивным скотоводством степного характера. Очень вероятно, что дальнейшее исследование зоны Нурекского водохранилища даст возможность решить главный вопрос о хозяйственной основе гиссарцев. В данный момент сделанные находки свидетельствуют скорее в пользу скотоводства, чем земледелия.

Н.М.Виноградова

ОТЧЕТ

О РАСКОПКАХ МОГИЛЬНИКА ТАНДЫРҲУЛ В 1975 -

Регарский отряд Южно-Таджикистанской археологической экспедиции продолжил под общим руководством Б.А. Литвинского исследование грунтового могильника эллинистической бронзы ТандырҲул.¹⁾ Древний некрополь открыт в 1974 г. на левом берегу р. Каратаг у кишлака Негмат-Баба II (участок Лахути II, колхоз им. XX Партсъезда).²⁾ Могильник занимает большую площадь - он тянется с севера на юг примерно на 300 м; восточная граница пока не установлена (рис. I). Основные работы велись в северной части памятника около шоссе, где были заложены два новых раскопа II и III. Погребения найдены под ирригационными наносами. Выявляется следующая картина залегания почвенных слоев на участке раскопа: до глубины 30 см (I-II ярусы) идет пахотный слой, пронизанный корнями растений, далее до глубины 70 см следуют погребенные почвы (III-IV ярусы), ниже залегает останец.³⁾ Погребения отмечены сверху каменными кладка-

- 1) Работы проходили с 22 июня по 15 августа. В экспедиции принимали участие: Н.М. Виноградова (нач. отряда), Л.Т. Пьянкова и Ф.С. Асанова (Институт истории им. А.Дониша), Т.А. Шеркова - лаборант, Б.И. Степанищев - архитектор, А.З. Турнаев - шофер, студенты ИГУ.
- 2) Б.В. Антонова, Н.М. Виноградова. 0 летних и весенних разведках в Регарском и Гиссарском районах в 1974 г. - АРТ, вып. 14 (1974), Душанбе, "Дониш", 1979; Б.А. Литвинский, Б.В. Антонова, Н.М. Виноградова. Раскопки могильника ТандырҲул. - АО 1975 г., 1976, с. 567.
- 3) Линии ярусов проведены через каждые 25 см. Определение почв и их лабораторный анализ проводился ст. н. с. Института почвоведения АН ТаджССР С. С. Васильчиковой.

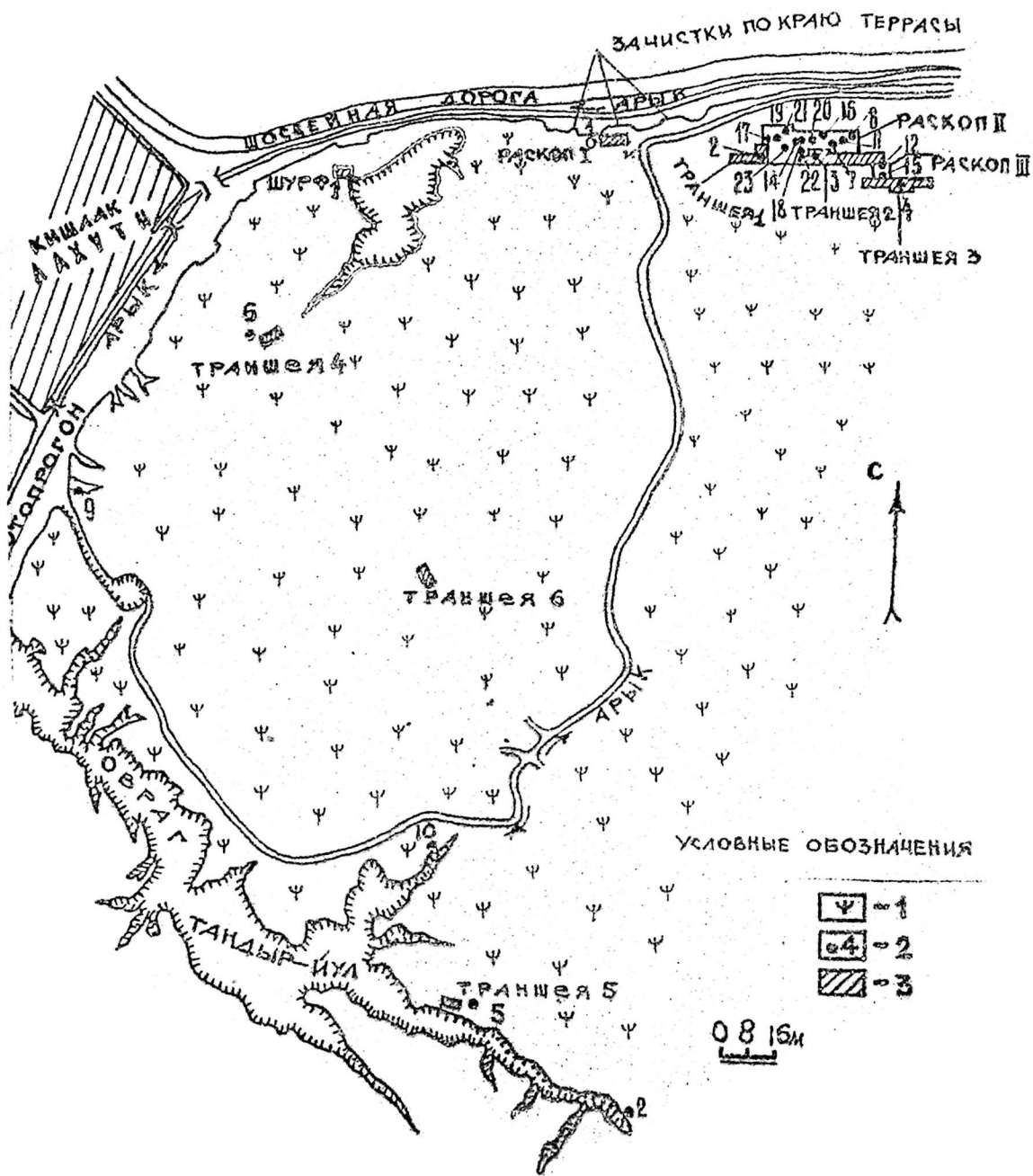

Рис. I

ми, которые находятся непосредственно над могильной ямой или несколько в стороне от нее (рис.2). Кладки зафиксированы на уровне III-IV ярусов, могильные ямы - на глубине IV-VII ярусов.

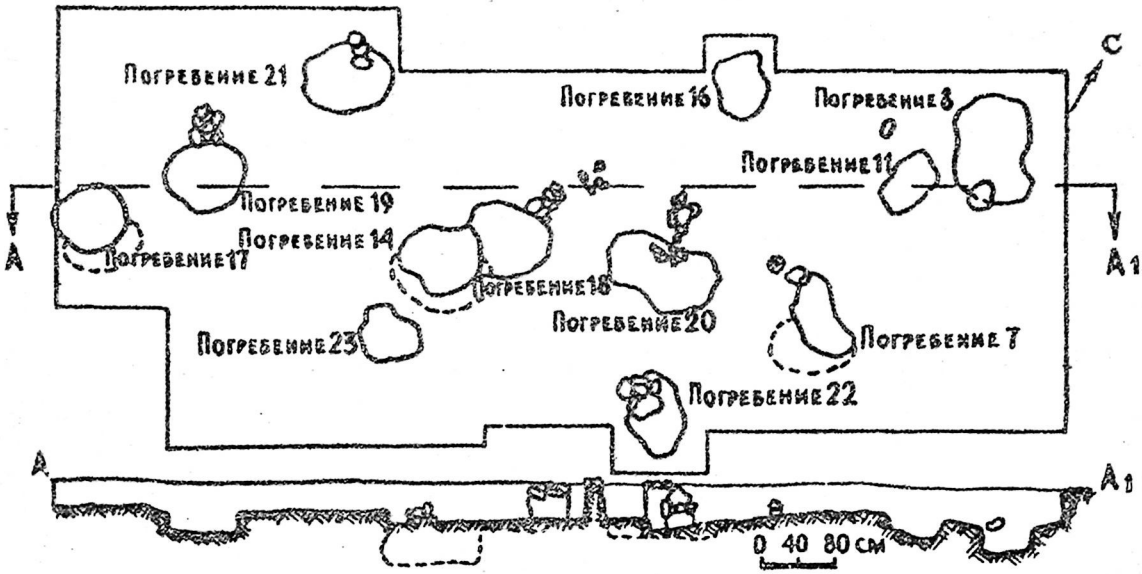

Рис.2

Всего за два года раскопано 23 погребения. Большинство могил из раскопанных в 1975 г. в северной части некрополя оказалась в плохой сохранности: человеческие кости разбросаны, керамика разбита и развалы камней. Несомненно, что в древности могилы были разграблены. В этих могилах более темное заполнение, каменные кладки над погребальными ямами полностью или частично разрушены. Непотревоженные могилы выкопаны в светло-коричневом суглинке и очень плохо видны при горизонтальной зачистке.

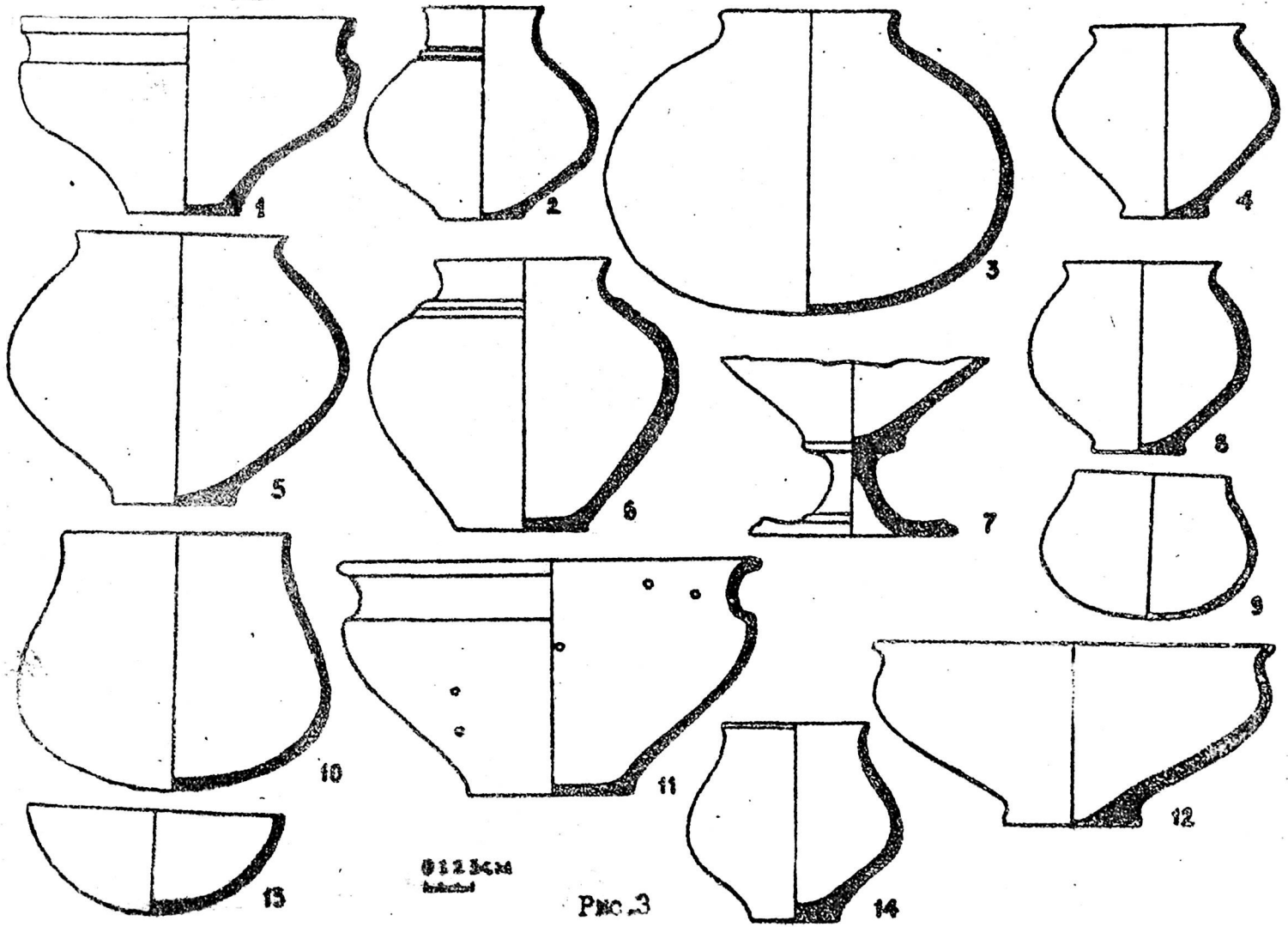
Погребение 7 (раскоп II). Отмечено на древней поверхности одлаги большим камнем. Могильная яма овальной формы, 110x80 см, глубина 100 см, вытянута с СЗ на ЮВ. В юго-западной стенке — подбой в виде полусвода, 150x80 см, высота 40 см. На край могильной ямы рядом с камнем расчищен большой объемный скульптурный фрагмент из необожженной глины темно-красного цвета, 40x35 см, высота 22 см.⁴⁾ Рядом с ним найдено еще несколько скульптурных кусочков. Особый интерес представляет фрагмент, инкрустированный сверху керамикою черного цвета с белыми вкраплениями. По внешнему облику он очень напоминает лапу с пятью пальцами. На дне ямы у северной стенки под слоем угольков найдены сильно разбитые человеческие кости, рядом находился череп молодой женщины.⁵⁾ По всей поверхности ямы разбросаны человеческие кости и мелкие скульптурные фрагменты. Найдены бронзовое лезвие, бронзовая прошивка и бусинка из пасты.

Погребение 8 (раскоп II). Яма неправильно овальной формы, 200x140 см, глубина 90 см, вытянута с ЮВ на СЗ. Вдоль ЮВ стенки две ступеньки высотой 15 и 20 см. Яма оказалась пустой, за исключением нескольких камней, расчищенных на ступеньках.

Погребение 9. Обнаружено случайно в стенке оврага. Сохранившаяся часть могильной ямы имеет форму неправильного овала, 185x95 см, глубина 40 см, вытянута с З на В. Расчищено скорченное захоронение молодой женщины головой на СВ. Костяк лежал на правом боку с разворотом на спину. Голова лежала перед грудной клеткой лицом к скелету; нижняя челюсть отвалилась. Правая рука резко согнута в локте и лежит перед скелетом. Кисть покоится на грудной клетке. Левая рука согнута под прямым углом, кисть находится в области живота. Ноги лежат одна на другой и сильно сгибаются в коленях, ступня в свободном положении. В головах стояли чаша с круглым дном и кувшин (рис. 3, 10, 13). Возле лба найдена пастовая бусина.

4) К несчастью большая часть древней скульптуры утрачена.

5) Все антропологические исследования сделаны сотрудником Института истории им. А. Дюбуа Т.П. Кияткинськой.

01234
1954

Pl. 3

14

Погребение IО. Обнаружено случайно в стенке оврага. Погребальная яма сохранилась не полностью, большая часть обвалилась. Вытянута с ЮЗ на СВ, сохранившаяся длина ямы 76 см, ширина 105 см, глубина 90 см. Расчищено одиночное скорченное погребение взрослого человека. Верхняя часть костяка вместе с черепом упали в овраг. Скелет лежит на левом боку. Руки резко согнуты в локтях и направлены к лицу. Ноги сильно согнуты в коленях. В обвале найден небольшой сосудик.

Погребение II (раскоп II). Каменная кладка над погребением отсутствовала. Яма овальной формы, 145x85 см, направлена с С на Ю, глубина 30 см. В могиле одиночное захоронение взрослого мужчины в скорченном состоянии головой на север. Поза погребенного необычна. Он лежит на животе и опирается подбородком о дно ямы. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти соединены вместе под тазовые кости. Ноги очень резко согнуты в коленях и запрокинуты назад, при этом пятки лежат сверху на тазовых костях. Создается впечатление, что ступни погребенного привязаны к тазу. Возможно, что кисти рук были также связаны. Сопровождающего инвентаря не обнаружено, за исключением мелких фрагментов керамики бронзового века.

Погребение I2. (раскоп III). На древней поверхности обозначено двумя камнями. Могильная яма неправильно овальной формы, 160x80 см, глубина 100 см, вытянута с СВ на ЮЗ. В восточной части на дне лежит разбитый на части череп ребенка 12-13 лет, кости лица и челюсти отсутствуют. По всей яме разбросаны фрагменты посуды и обломки костей.⁶⁾

Погребение I3. Обнаружено случайно в обресе дороги. Яма овальной формы, 100x80 см, глубина 90 см, вытянута с СВ на ЮЗ. Расчищены обломки костей ног, рук, таза, ребер и черепа взрослого человека. Под костями найдены фрагменты керамики и две бронзовых пластины. У северо-восточной стенки расчищен целый горшковидный сосуд.

Погребение I4 (раскоп II). Яму отмечено каменной кладкой, 80x45 см, высота 40 см. Могильная яма округлой формы, 150x165 см. На дне расчищено несколько камней, обломки костей

6) Один из сосудов собирается полностью.

и черепа взрослого мужчины, фрагменты керамики. Найдены небольшие скульптурные фрагменты из необожженной глины, агатовая бусина (рис. 4, 26).

Погребение 15 (раскоп III). На поверхности отмечено несколькими камнями. Могильная яма овальной формы, 160x130, глубина 90 см, вытянута с З на В. В западной части — подбой в форме полусвода, 110x45 см, высота 50 см. На дне ямы расчищены камни и разбросанные человеческие кости (ребра, обломки черепа, зубы) и керамика. Зубы принадлежали молодому взрослому человеку. В заполнении ямы найдена лазуритовая топорovidная подвеска и несколько бронзовых пластинок.

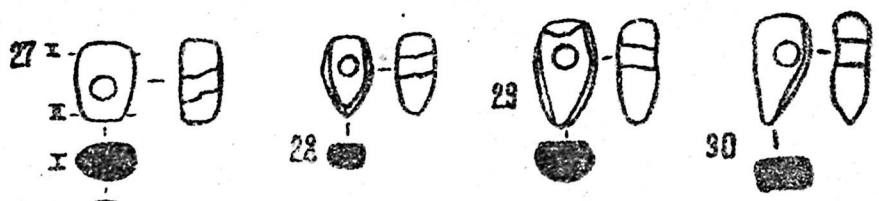
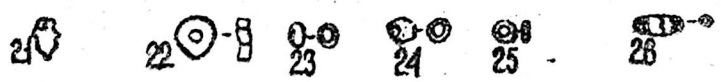
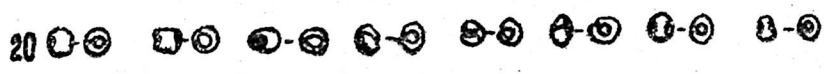
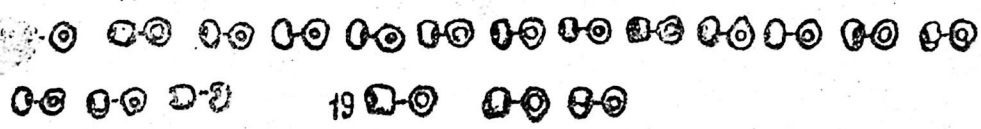
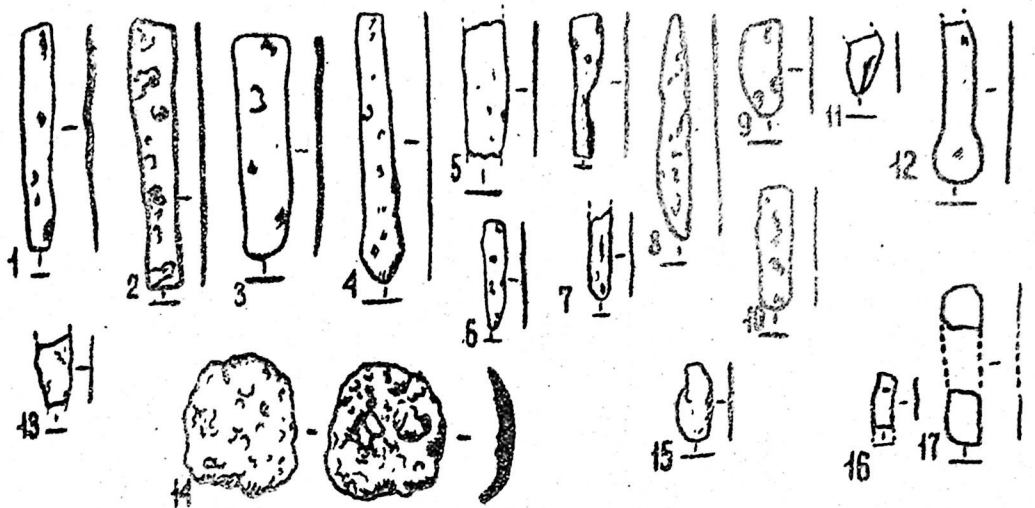
Погребение 16 (раскоп II). Могильная яма овальной формы, 150x105 см, глубина 40 см, ориентирована с СЗ на ЮВ. В юго-западной части небольшая ступенька высотой 10 см. На дне ямы лежали большой камень и несколько обломков костей человеческих ног.

Погребение 17 (раскоп II). Яма округлых очертаний 150 x 155 см, глубина 70 см. В юго-восточной части подбой в форме полусвода, 220x45 см, высота 55 см. В заполнении ямы расчищен развал камней. Между камнями встречаются обломки человеческих костей и фрагменты керамики. Найдено бронзовое лезвие.

Погребение 18 (раскоп II). Прорезает погребение 14. Сверху отмечено каменной кладкой, 120x50 см, высота 40 см. Яма округлой формы, 175x150 см, глубина 110 см. В юго-восточной стенке большой подбой в виде полусвода, 200x60 см, высота 70 см. На дне ямы рядом с большим камнем расчищены обломки человеческих костей — кисть руки и нижняя челюсть. Встречены небольшие керамические фрагменты и два бронзовых лезвия.

Погребение 19 (раскоп II). Отмечено на древней поверхности каменной кладкой, 120x50 см, высота 35 см. Камни лежат компактно, один на другом. Рядом с кладкой на уровне верхних камней на боку лежал целый горшковидный сосуд (рис. 3, 4). Могильная яма округлой формы, 170x135 см, глубина 50 см. На дне расчищены два камня и мелкие косточки детского скелета. В заполнении ямы около дна найдено 26 пронизок из бронзы и две топорovidные бусины из пасты и лазурита.

Погребение 20 (раскоп II). Над могильной ямой возмывается каменная кладка, 100x40 см, высота 60 см. Рядом расчищен не-

большой горшковидный сосудик, лежащий дном вверх. Среди камней также встречаются фрагменты керамики. Могильная яма овальной формы, 250x135 см, глубина 30 см, вытянута с З на В. Расчищены мелкие косточки детского скелета, бронзовые пронизки (20 шт.), I топоровидный амулет из пасты и несколько мелких кусочков лазурита.

Погребение 21 (раскоп II). Яма овальной формы, 190x160 см, глубина 60 см, вытянута с СВ на ЮВ. Могила заполнена беспорядочно расположенными камнями (16 больших камней), обломками человеческих костей (неполный разбитый череп, нижняя челюсть, кости ног, ребра, позвонки). Скелет принадлежал мужчине зрелого возраста, 45-50 лет. Между камнями и на дне - обломки керамики от II сосудов. Некоторые собираются полностью (рис. 3, 5, 6, 12). Найдено лезвие ножа, пастовая бусина и небольшая молибденовая пластинка на черепе (рис. 4, 21).

Погребение 22 (раскоп II). На поверхности отмечено каменной кладкой, 90x80 см, высота 30 см. Яма овальной формы 180x130 см, глубина 70 см, вытянута с СЗ на ЮВ. В юго-восточной части небольшая приступка, 100x60 см, высота 10 см. На ней лежал плохо сохранившийся скелет младенца, головой на ЮВ, скорченный. В головах стояли два сосуда (рис. 3, 1, 2).

Погребение 23 (раскоп II). Могильная яма, 135x100 см, глубина 80 см. В заполнении встречались мелкие человеческие кости и два обломка бронзовых пластинок.

Приведенное выше описание исследованных погребений показывает определенное единообразие внешнего облика, структуры и размеров обнаруженных захоронений. Могильная яма обычно овальной или округлой формы, неглубокая (около 1 м), нередко с невысоким и нешироким подбоем; вдоль одной из стенок иногда располагаются одна или несколько ступенек. В большинстве случаев вытянута с СВ на ЮВ или же с СЗ на ЮВ. Скелеты во всех непотревоженных захоронениях располагаются одинаково: скорченные, на левом или правом боку, устойчивой ориентировки не наблюдается. Погребения по определению Т.П. Кияткиной, принадлежат к европеоидному восточно-средиземноморскому типу.

7) Исключение составляет погребение II, по оно, по мнению Т.П. Кияткиной, относится к более позднему времени. Погребение по строению носа, углу челюсти, вставленным скулам и альвеолярному отростку принадлежит к монголоидному типу.

Сопровождающий инвентарь немногочисленен и единообразен: два или несколько сосудов, бронзовые изделия, каменные амулеты, фрагменты глиняной скульптуры. При этом следует учитывать, что значительная часть погребений ограблена и соответственно мы имеем только частичное представление о предметах, сопровождавших захоронение. В ряде случаев рядом с каменными выкладками и между камнями обнаружены обломки керамики и целые горшковидные сосуды, перевернутые на бок или днищем вверх. Этот факт можно рассматривать или как свидетельство тризна, когда после совершения погребения и засыпки ямы совершался какой-то ритуал или же результат ограбления, когда сосуды просто выбрасывали из могильных ям.

Большинство предметов из сопровождающего инвентаря составляет керамика, которая делится на круговую и лепную, последние представлена всего несколькими сосудами. Круговые сосуды сделаны из теста хорошего качества, обжиг ровный, цвет от беловато-зеленого и розового до кирпично-красного. Ангоб розовый или беловато-зеленый. Имеются следы горизонтального и вертикального лощения. Встречаются следующие формы.

1. Вазы на высокой ножке (рис. 3, 7). Сохранилась сама ножка и основание чаши, которое небольшим уступом переходит в широкий стержень ножки. Внутренняя часть полая. Поддон округлый.

2. Глубокие чаши с широким устьем и конической нижней частью. — тагора (рис. 3, 1, 11, 12):

3. Горшковидные сосуды с бочкообразным или бомбовидным туловом (рис. 3, 4, 5, 8, 14).

4. Кувшины с высокой горловиной. Иногда под горлом широкие канальцы или узкие врезанные ленты (рис. 3, 2, 6).

Почти все лепные сосуды с округлым дном (рис. 3, 9, 10, 13).

Во многих погребениях были найдены предметы из бронзы. Цели их сохранности и их назначение не всегда ясно. Число найденных в погребениях бронзовых проназок значительно — 46 штук. Форма цилиндрическая (рис. 4, 18—20). Встречаются небольшие ножки и пластины с двизовидным сечением (рис. 4, 1—13, 15—17).⁸⁾

8) В таблице приводятся результаты спектрального анализа. Исследование проведено в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР под руководством Е.Н. Черныха.

Металл для изготовления всех предметов - металлургическая медь с искусственными добавками, среди которых содержание олова, мышьяка составляет значительный процент (см. табл. 7). Особо следует отметить пронизку, где процент олова достигает 33%. Интересно упомянуть также находку небольшой молибденовой пластинки.

В погребениях были расчищены так называемые амулеты топоровидной формы из лазурита (рис. 4, 27, 29) и пасты (рис. 4, 28, 30). Такие же амулеты были и в погребении I, раскопанном в прошлом году. Иногда в могилках находили пластинки и агатовые бусы (рис. 4, 22-26).

Результаты второго года раскопок на могильнике Тандыр-Нул подтвердили атрибуцию и датировку памятника. В качестве самой надежной основы для определения времени некрополя следует считать керамический материал, он очень близок хорошо известным комплексам поздней бронзы - Сапаллитепе (Узбекистан), Намаага VI (Туркмения), Дашли (Афганистан). Некоторые аналоги имеются в могильниках эпохи бронзы в Южном Таджикистане (ранний Тулхар, Тигровая Балка).⁹⁾ На основании радиоуглеродных дат¹⁰⁾, полученных для Сапаллитепе - 1690 ± 90 , Намаага-депе (позднее Намаага VI) - 1030 ± 60 , Тигровой Балки - 1380 ± 60 и Гонур-депе (Намаага VI) - 1610 ± 70 , мы датруем исследуемый могильник серединой - второй половиной II тыс. до н.э.

9) См. Б.В. Антонова, Н.М. Виноградова. 0 летних и осенних разведках..., где подробно разбираются проводимые сопоставления.

10) А.А. Семенов, Б.Н. Романова, П.М. Додуханов. Радиоуглеродные даты лаборатории ДОНА. - СА, 1969, № I, с.257.

результаты количественного спектрального анализа
металлических изделий (в %)

П/Н: № : погр:	№	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Al
I	18	осн.	2,3	0,15	?	0,05	0,1	0,15	0,15	0,25	0,03	-	0,02	0,003
2	21	"	6,6	0,2	-	0,08	0,05	0,2	0,25	0,1	0,004	0,002	0,02	0,004
3	12	"	7,0	0,25	0,05	0,15	0,2	0,3	0,3	0,1	0,01	0,07	0,01	0,009
4	14	"	2,3	0,08	-	0,05	0,1	0,15	0,15	0,3	0,003	-	0,02	0,004
5	21	"	4,6	0,06	-	0,05	0,2	0,15	0,2	0,25	0,004	0,002	0,02	0,002
6	14	"	6,0	0,25	-	0,2	0,2	1,8	0,3	0,15	0,003	0,004	0,01	0,05
7	17	"	4,6	0,3	0,015	0,15	0,07	0,3	0,4	0,3	0,003	0,003	0,002	0,004
8	15	"	0,09	0,005	-	0,002	0,05	0,005	1,0	0,2	0,002	-	0,02	-
9	21	"	4,0	0,1	-	0,04	0,006	0,1	0,1	0,01	0,002	?	0,15	0,001
10	23	"	5,0	0,3	-	0,08	0,05	0,15	0,15	0,1	0,003	0,02	0,02	0,02
11	13	"	5,0	0,04	?	0,1	0,01	0,15	0,3	0,1	0,005	0,002	0,01	0,002
12	20	"	6,0	0,3	-	0,2	0,2	0,5	0,7	0,1	0,003	-	0,01	0,06
13	15	"	0,05	0,001	-	0,001	0,08	0,02	4,6	0,03	0,04	0,003	-	-
14	13	"	6,6	0,2	-	0,08	0,007	0,4	0,8	0,1	0,02	0,005	0,01	0,04
15	13	"	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
16	20	"	10,0	0,3	?	0,2	0,2	0,8	1,2	0,3	0,005	-	0,02	0,06
17	7	"	1,7	0,1	-	0,05	0,15	0,07	0,15	0,2	0,003	-	0,015	0,002
18	19	"	33,0	0,15	-	2,0	0,2	0,8	2,3	0,1	0,008	0,004	0,01	0,001
19	20	"	33,0	0,4	0,05	1,9	0,2	2,3	2,0	0,09	0,03	0,007	0,01	0,005
20	20	"	33,0	0,3	-	1,4	0,2	3,0	2,9	0,1	0,02	0,003	-	?

Примечание. Порядковый номер соответствует номеру на рис.4.

А.Д. Бабаев

МОГИЛЬНИК ЮЖБОК II — ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ЗАПАДНОМ ПАМИРЕ

В 1975 г. на территории Западного Памира работал археологический отряд Таджикского госуниверситета им. В.И. Ленина. Отряд продолжил раскопки открытого еще в 1971 г. могильника Южбок.

Могильник Южбок II¹⁾ расположен на правом берегу на третьей террасе горной речки Южбок, являющейся одним из притоков р. Шахдара, в 8 км западнее кишлака Джаушангоз Шугванского района ГБАО. Могильник состоит из 5 курганов, расположенных в небольшом отдалении друг от друга (до 50 м).

Приведем описание одного из раскопанных курганов.

Курган 2 (рис.1). Расположен в 50 м южнее кургана I. По форме круглая насыпь, сложенная из окатанных камней средних размеров. Кое-где, особенно в центральной части, заметны довольно крупные камни округлой и плиточной формы, поставленные вертикально. Помимо камней насыпь состоит из лесса, песка и мелкой гальки. Размеры: СЮ = 6,1 м, ЗВ = 5,3 м, высота насыпи 0,35 м.

Могильная яма округлой формы. Почва на глубине до 0,7 м песчано-лессовая, от 0,7 до 1 м — песчаная. На глубине 1 м лежал скелет мужчины средних лет. Покойника скорченное, голова направлена на запад и скелет наклонен к груди. Скелет покоится на спине, ноги подогнуты и поколены на дно могиль-

1) Здесь в 1971-1974 гг. были открыты и раскопаны могильники Южбок и Южбок I, которые дали незначительный, но уникальный и ценный в научном отношении материал — см.: А.Д. Бабаев. Могильник Южбок на Западном Памире, — Сб.: "Успехи среднеазиатской археологии", вып.3. Л., 1975, с.39-42.

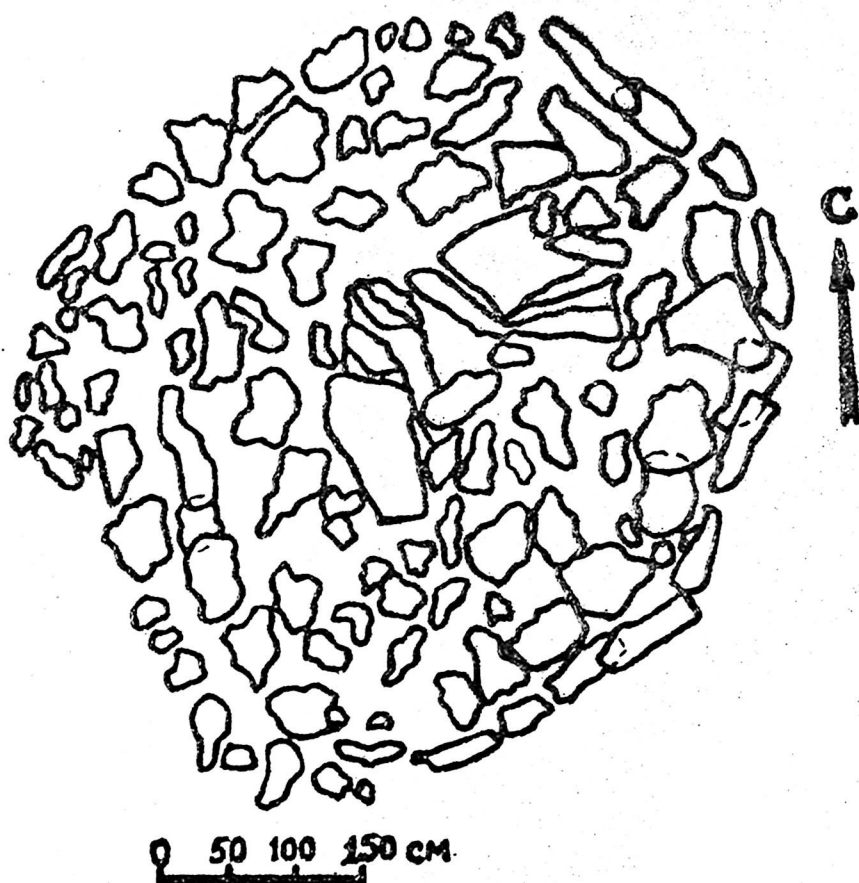

Рис. I

ной ямы, тесно соединены между собой и направлены коленями на запад. Колени отстоят от грудной клетки на 0,2 м. Левая рука также согнута в локте и положена под голову. В 0,1 м от лица на запад — плоская плита средних размеров (ширина 0,15 м, длина 0,32 м), которая в северо-восточной части соединяется с большой каменной глыбой неопределенной формы. К этой глыбе с юго-востока примыкает другая глыба серого цвета. Все эти камни образуют своеобразную камеру, в которую заключена голова покойника.

Скелет лежит на своеобразной глиняной подушке толщиной 0,05–0,1 м. У правой руки скелета (на предплечье) между плоским камнем и грудной клеткой находится каменный предмет, заостренный в рабочей части, плоский и утолщенный в пятке.

В северо-западном направлении от лица и плоского камня располагались два глиняных сосуда. Один из них узкогорлый,

стоял на очажке, сложенной из небольших окатанных камней, в котором сохранились угольки. Очажок по форме круглый.

В 0,3 м ниже керамических сосудов было найдено несколько ребер животных, по-видимому, барана. Аналогичные кости встречались и на западной части кургана. Следует отметить, что кости животных встречались на глубине 0,4 м от дневной поверхности.

Характеристика материала

Бронзовые бусы (рис. 2). Представлены 14 экземплярами. Шаровидно-усеченной формы. Изготовлены из бронзовой, тре-

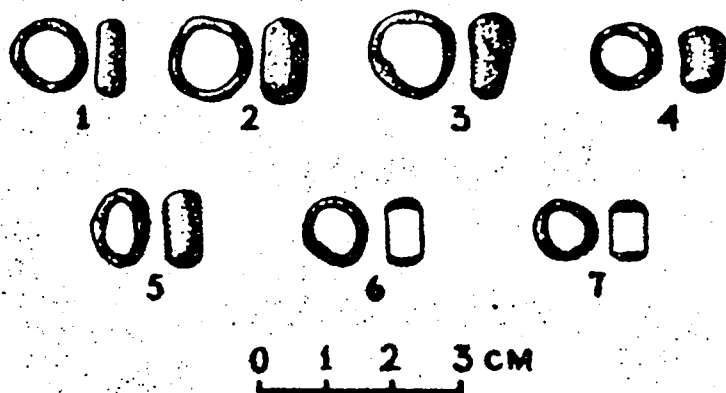

Рис. 2

гольной в сечении, довольно толстой проволоки. Создается впечатление, что по центру с наружной стороны имеется слегка выступающее ребро. Подобные бусы обнаружены в могильнике эпохи бронзы в Ферганской долине.²⁾ Бронзовые бусы из Кай-

2) Б.З. Гамбург и Н.Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине (предварительное сообщение). - КСИИМК, вып. 63. М., 1956, с. 90-91, рис. 40.

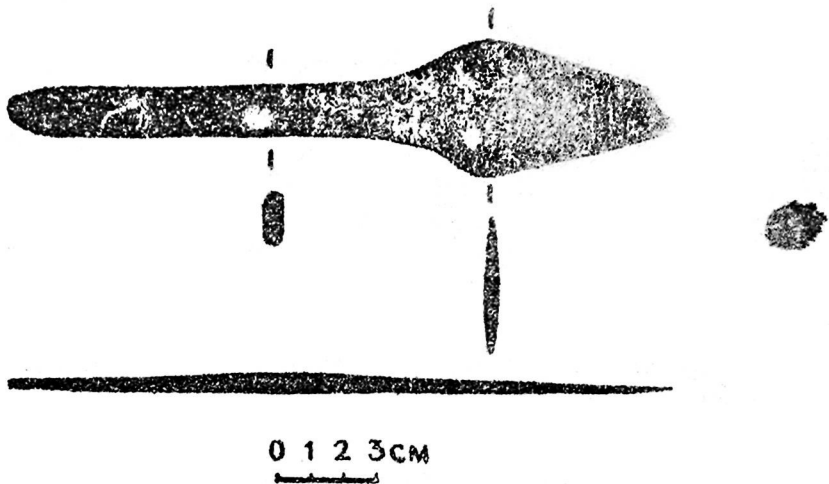

Рис. 3

раккумов частично аналогичны бусам из Западного Памира, что позволяет датировать последние концом эпохи бронзы.³⁾

Бронзовый наконечник копья⁴⁾ (рис. 3). Бронзовые наконечники копья или дротика — довольно редкая находка в погребениях и поселениях Средней Азии. Они встречались в археологических памятниках эпохи бронзы Восточного Казахстана.⁵⁾

Наконечники имеют прямоугольный черешок и утолщение у основания пера. В материалах Кайраккумов⁶⁾ представлена группа наконечников стрел, являющихся миниатюрными подражаниями бронзовым копьям. Исследователи Кайраккумов эпохи бронзы

3) Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайраккумов. Душанбе, 1962, с.224, 226.

4) Еще в 1972 г. при раскопках могильника Юзбюк был обнаружен наконечник копья.

5) С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.-Л., 1960, МИА, № 88, с.22, 23.

6) Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Указ.соч., с.221-223.

находят их прототипы среди известных экземпляров среднеазиатских втульчатых наконечников копий.⁷⁾ Но сколько-нибудь близких аналогий нашему наконечнику среди коллекций Кайракумов не найдено. Наиболее близкое сходство отмечается среди орудий андроновских памятников, в частности, наконечник копья из Семипалатинских дон, опубликованный С.С.Черниковым.⁸⁾

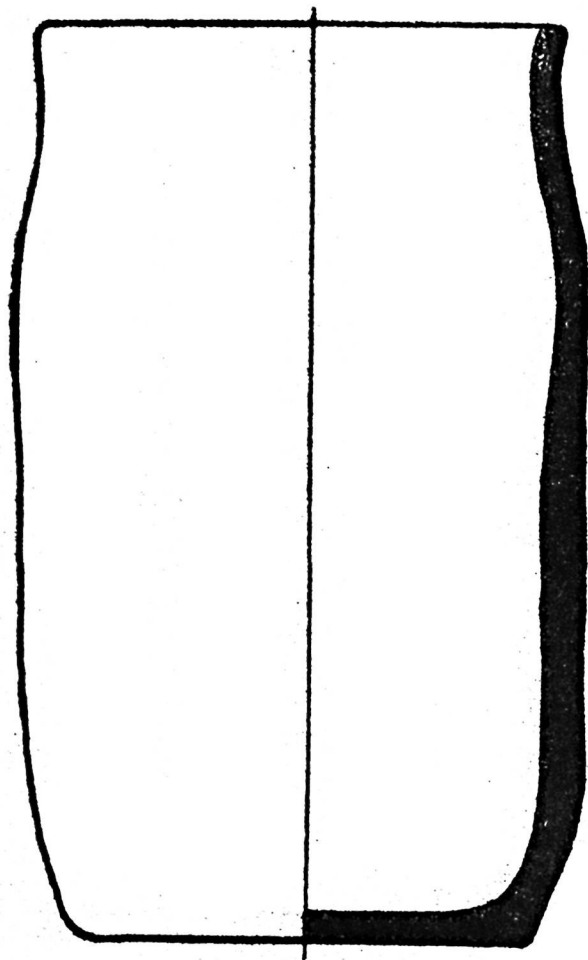
Наши наконечники входят в группу бронзовых изделий андроновской культуры, определяемых С.С.Черниковым как наконечники черенковые с утолщением. С Южного Урала и Западного Казахстана представлен один экземпляр, Северного и Центрального Казахстана — 4 экземпляра, Восточного Казахстана и Алтая — 3, с Красноярского края и Хакасии — 1, а в Средней Азии и Семиречье до сих пор не найдены наконечники этого типа.

Керамика. Сосуд баночной формы плохой сохранности (рис. 4, 1). Венчик прямой, слегка выгнут наружу, стенки прямые, немного суживаются внутрь у поддона и у венчика. Поддон плоский. Размеры: диаметр венчика 11,5 см; в центральной части — 12,5 см; у поддона — 10 см; высота сосуда 18 см; толщина стенок 0,5 см. Изготовление сосуда ручное, грубое. Тесто имеет примесь крупного песка. Внешняя сторона сосуда имеет кое-где небольшие пятна копоти, вся внутренняя нижняя часть сплошь покрыта копотью.

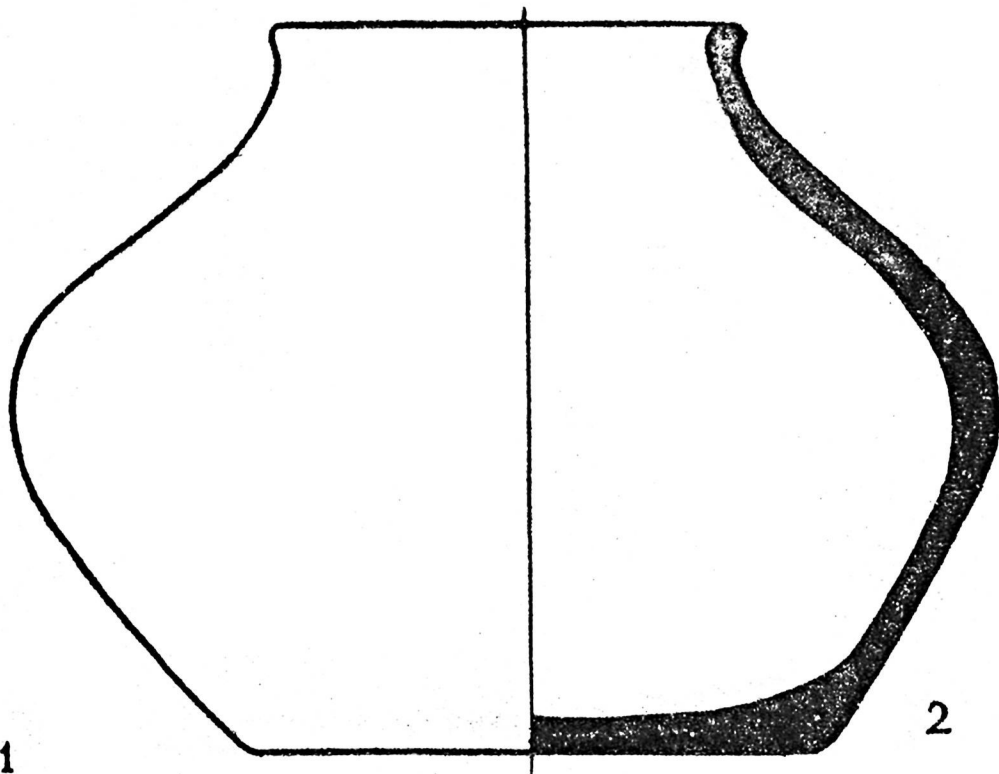
Второй глиняный сосуд по форме напоминает узкогорлый горшок (рис. 4, 2), приземистый, с сильно выпуклым в центральной части туловом. Венчик прямой, переходящий в высокую шейку, которая, резко расширяясь, переходит в тулово, сильно выпуклое в центральной части, и, резко суживаясь, плавно переходит в прямой поддон. Сосуд плохой сохранности. Изготовление ручное, грубое. Тесто имеет примесь крупного песка и слюды. В нижней части сосуд как внутри, так и с внешней стороны сильно закопчен. Обжит недоброкачественный. Размеры: диаметр венчика 0,2 см; шейки — 9 см; тулова в центральной части — 17 см; поддона — 7,5 см; толщина стенок 0,5 см; высота сосуда 14 см.

7) Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Раюв. Указ.соч., с. 221.

8) С. С. Черников. Указ.соч., с.23.

1

2

0 1 2 3 4 CM

Рис. 4

Керамика (три фрагмента и два археологически ценны сосуда) по составу глиняной массы, технике изготовления и по форме аналогична сосудам эпохи бронзы из Восточного Памира.⁹⁾ Последние находят наиболее близкие аналогии в керамике позднейшего этапа кайракумской культуры¹⁰⁾, а также в керамическом комплексе эпохи бронзы Южного Таджикистана¹¹⁾ и должна датироваться концом II – первой четвертью I тысячелетия до н.э.

Каменное изделие. Каменное изделие представлено довольно крупным песчаниковым предметом подтреугольной формы, напоминающее собой "ручное рубило" миндалевидной формы, слегка изогнутой. Пятка довольно толстая, прямая. Рабочая часть и оба края предмета заострены. Размеры: длина 21 см, ширина в центральной части 10 см, ширина рабочего края 3 см, толщина краев от 0,1 до 0,13 см (рис.5). Это, по-видимому, каменная мотыга. Наличие каменной мотыги здесь, на территории Джаушагоза, не случайно. Дело в том, что советские ученые-экологи засвидетельствовали на территории Западного Памира древние следы земледелия. Они доказывают, что рассматриваемый район является одним из центров распространения культурных злаков, в частности пшеницы¹²⁾. Весь "ботанический фон" показывает, что в древности климатические условия на Памире были несколько мягче.¹³⁾

Во времена поздней бронзы племена Западного Памира, как показали раскопки могильников Балянд-Киник, Кальта Тур, Даран Абхарв и Юзбук, применяли несколько типов погребальных сооружений, с каждым из которых связан свой специфический обряд погребения.

9) Б.А. Д и т в и н с к и й. Древние кочевники "Крыши Мира". М., 1972, с.146.

10) Т а м ж е, с.146.

11) А.М. М а н д е л ь ш т а м. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Д., 1968.

12) П.А. Б а р а н о в, А.В. Г у р с к и й, Л.Ф. О с т р о в с к и й. Земледелие и сельскохозяйственные культуры Горько-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, т.2. Шабе, 1964, с.62.

13) Т а м ж е, с.62 и сл.

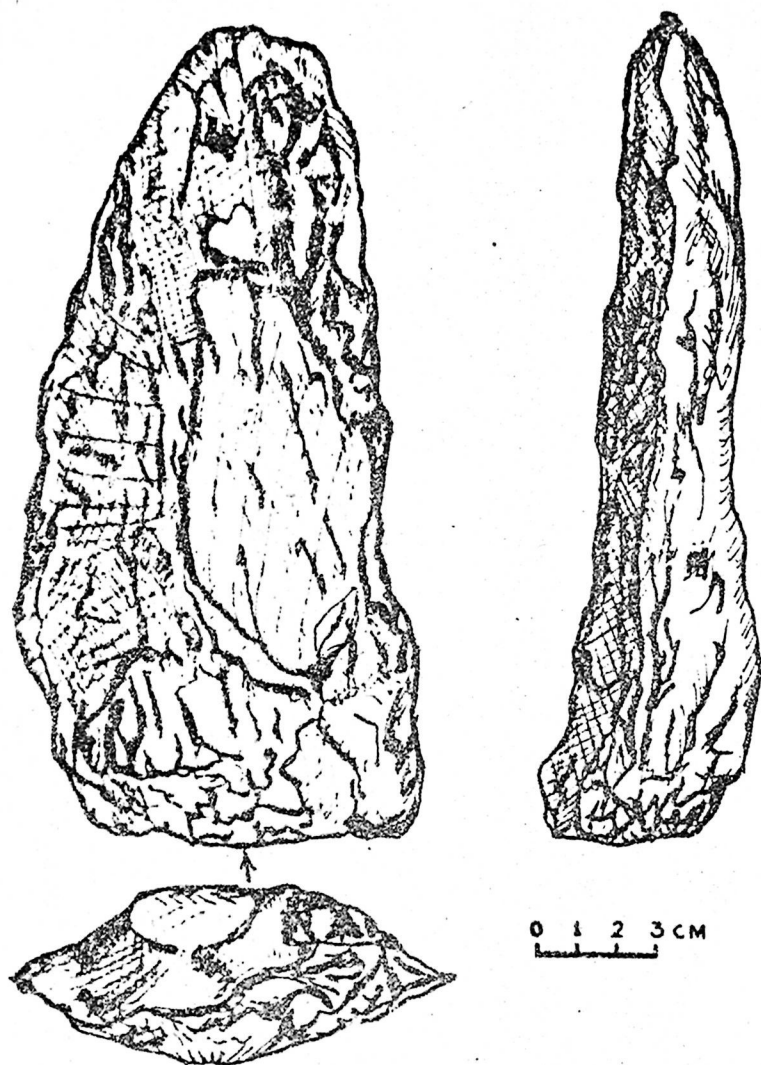

Рис.5

Простые ямы являются основным вариантом. Главным элементом сооружений этого типа является погребальная яма свальной формы, небольших размеров и незначительной глубины. Наземные конструкции представлены небольшими насыпями, сложенными из небольших камней, песка, щебня. Преимущественная ориентация ям — запад-восток. В рассматриваемых сооружениях обнаружены главным образом одиночные погребения, скорченные, положенные на правый бок. Представлены все варианты ориентировки скелетов в пределах, определяемых направлением длинной оси ямы, но скелет может быть обращен головой как в одном, так и в

другом направлении. Погребальный инвентарь хоть и немногочисленный, но обязательно сопровождает покойника, в основном он представлен керамическими сосудами, редко — бронзовыми мелкими предметами. Непременная составная часть погребального инвентаря — кости животных.

Кроме того, в могилах имеются миниатюрные очаги, сложенные из небольших круглых камней. Предметы, сопровождающие покойника, расположены недалеко от черепа. Следует отметить, как спорадические явления оградки из камней вокруг головы, оградки, окружающие весь скелет в целом и сложенные из небольших окатанных камней.

Второй тип погребальных сооружений представлен каменными оградами. В процессе работы удалось проследить наличие каменных оград четырехугольной формы с заостренными углами, где находились довольно большие камни. Длинные оси каменных оградок соответствуют длинным осям могильной ямы овальной формы. Ориентированы запад-восток, хотя ориентировка головы бывает в ту или иную сторону. Могильные ямы в таких типах погребальных сооружений обычно располагались в центре. Ямы неглубокие, менее одного метра. Сопровождающий погребальный инвентарь немногочислен, обычно керамические сосуды, редко бронзовые, мелкие предметы и бусы. Керамические сосуды находились, как обычно, у изголовья скелета, прикрыты плоскими камнями. Положение погребенных чаще скорченное в коленях, руки поровня вытянуты, чаще положены на живот, скелеты лежат на правом боку. Редко встречаются вытянутые захоронения. В одном случае наблюдалось неестественное положение костяка с подведенными под таз ногами.

Единственное, что объединяет два типа захоронений — это наличие больших плоских камней, служивших перекрытием могильной ямы. Наличие каменных перекрытий, расположенных под большими каменными и лессо-песчаными насыпями, наталкивает на мысль о воспроизведении жилого сооружения. Этим и объясняется незначительная глубина могильной ямы. В последнем случае исключение составляет курган 2 могильника Кибок II, где глубина могильной ямы свыше одного метра. Мнение о том, что погре-

большие сооружения воспроизводят жилище, было высказано нами еще в 1965 г. при анализе материалов из могильника Зумудг.¹⁴⁾

Данные этнографии, которые подтверждаются некоторыми письменными известиями, свидетельствуют о том, что на ранних этапах развития общества представление о могиле, как о месте обитания или доме умершего, было широко распространено. Это подтверждается и данными лингвистики, в частности некоторыми разделами Ригведы. В последней имеются некоторые конкретные указания относительно конструкции могил.¹⁵⁾

Наиболее часто встречаемая поза захоронения — скорченная. По вопросу о причинах скорченности погребенного существует большое количество литературы. Укажем лишь на некоторые из работ. Большое внимание данному вопросу уделяли А.М. Мандельштам и Б.А. Литвинский. Могильник Кюбюк представлен захоронениями с подогнутыми ногами, скорченное положение является весьма широко распространенным и характерным, в основном для вполне определенных ранних эпох.¹⁶⁾ Несмотря на привлечение весьма обширного круга различных данных, вопрос этот до настоящего времени не получил однозначного, признанного всеми решения. Предложенные объяснения весьма многочисленны и разнообразны.¹⁷⁾ Из всех мнений, существующих у исследователей, наиболее обоснованными, на наш взгляд, являются два. Одна из гипотез заключается в том, что скорченное положение погребенных является воспроизведением естественной позы спящего человека, в то время как вторая объясняет скорченность как результат специального связывания трупа. Первая гипотеза исходит из представлений о связи смерти со сном и привычки людей спать в согнутом положении.¹⁸⁾

Основным отправным пунктом второй гипотезы является наличие в ряде погребений очень сильной скорченности скелета,

14) А.Д. Б а б а е в. Крепости и погребальные сооружения Древнего Вахана. — Автореф. канд. дис. Душанбе, 1965, с. 12.

15) А.М. М а н д е л ь ш т а м. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Д., 1968, с. 110.

16) Т а м ж е, с. III.

17) Т а м ж е.

18) Т а м ж е.

недостижимое в естественных условиях. Единственно возможной причиной такого положения является связывание трупа, вызванное страхом перед умершим и стремлением оградить живых от его возвращения. Слабым местом этой гипотезы является наличие вытянутых скелетов, где твердая ориентировка не принята.

Интересно наличие в погребальной яме очага. Наличие угольков говорит о том, что в очагах разжигали огонь на сравнительно небольшой промежуток времени. Очаг обычно располагался вблизи черепа. Нам кажется, и это подтверждается наблюдениями многих исследователей, что очаг сооружался после помещения в яму тела умершего и соответственно закигание огня являлось одним из заключительных действий погребального обряда.

Что касается третьего типа погребальных сооружений — ящиков, то они сложены из больших каменных плит, перекрыты также плитами. Ни в одном из них цели кости человека не выявлены. Во всех раскопанных ящиках обнаружены черепа или посткраниальные кости. Связь каменных ящиков с погребальными сооружениями эпохи бронзы бесспорна.¹⁹⁾

Что касается заключения головы в каменные ограды или ограждения всего скелета небольшими окатанными камнями, то разъяснение этого обычая представляет большую сложность. Дело в том, что подобное явление, особенно перекрытие черепа плоскими плитами, встречается и в более позднее время, в частности в могильнике Рычив, датированном сакскими временами.²⁰⁾ Укажем на некоторые обстоятельства. Дело в том, что тут выявляется особое отношение к голове. Голова рассматривалась в качестве местонахождения жизненного начала. Как показывают этнографические данные, культ черепа, почитание черепа имелись у многих народов земного шара. Существование культа черепа в глубокой древности доказывают археологические исследования, проведенные на обширной территории.²¹⁾

19) Б.А. Литвински И. Древние кочевники... с.135; сб.: "Средняя Азия в эпоху камня и бронзы". М.-Л., 1966, с.239 и сл.

20) А.Д. Бабаев. Раскопки курганов на территории Западного Памира. — Уч. зап. истор. ф-та ТГУ, вып. I. Душанбе, 1973, с.240.

21) А.М. Мандельштам. Памятники..., с.123.

Особый интерес представляет наличие в могилах вокруг погребения овала из небольших камней, а также подчетырехугольной формы оградки из камней, оконтуривающих погребение в целом. Подобное явление широко наблюдается в могильниках эпохи бронзы Южного Таджикистана, раскопанные А.М.Мандельштамом.²²⁾ Исследователь объясняет это явление функцией предохранения от проникновения злых сил.²³⁾

Б.А. Литвинский пишет: "Генетическая связь каменных ящиков с памятниками эпохи поздней бронзы бесспорна".²⁴⁾ Это, в частности, подтверждается памятниками эпохи бронзы Восточного Памира.²⁵⁾ Относительно "усиков" близкой аналогии не встречено²⁶⁾, за исключением лишь могильника Кан-Кор (Ишкашимский район), где погребальное сооружение имеет "усики". Правда, материал из этого могильника датируется более поздним временем — IV—VI вв.н.э. Следует добавить, что подобных сооружений в могильнике встречено всего два.

Таким образом, исходя из всего сказанного, наконецник копья, керамику, бусы и т.д., а следовательно, и весь могильник в целом можно датировать эпохой поздней бронзы — концом II тысячелетия — началом I тысячелетия до н.э., что расширит наши представления о бронзовом веке Западного Памира.

Еще в 1966 г. некоторые исследователи высказали мнение, что наряду с тазабагъябской, в Средней Азии существовала другая культура бронзового века, и предложили называть ее кайраккумской,²⁷⁾ об этом достаточно уверенно говорят собранные авторами материалы. Не будем приводить доводы и доказательства, приводимые Б.А. Литвинским для решения вопросов, связанных с кайраккумской культурой и проблемой происхождения индоиран-

22) А.М. М а н д е л ь ш т а м. Памятники..., с.123, 124 и сл.

23) Т а м ж е, с.123.

24) Б.А. Л и т в и н с к и й. Древние кочевники..., с.146.

25) Т а м ж е, с.135.

26) Могильник Кизил-Рабат, курган № 6 — см.: Б.А. Л и т в и н с к и й. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г. — Тр. Ин-та истории им. А.Довиета, т.27, с.40.

27) Б.А. Л и т в и н с к и й, А.П. О к л а д н и к о в, В.А. Р а в о в. Древности..., с.278.

цев - они довольно убедительны. Укажем лишь, что племена бронзового века Западного Памира, по всей вероятности, входили в состав племен кайраккумской культуры. Об этом свидетельствуют приведенные выше аналогии бронзовому ношу, бронзовые изделия, сосуды и культовые сооружения. Весь Восточный Памир был "перевалом", ведущим в Индию.²⁸⁾ Разбирая два типа бронзовых наконечников стрел из грота Куртеке, Б.А. Литвинский писал: "Практически же тот и другой наконечники, по-видимому, попали на Памир из Ферганской долины, из области бытования кайраккумской культуры".²⁹⁾ Связи, возникшие еще в конце эпохи бронзы, получили дальнейшее развитие в последующий период, как в плане историко-культурном, так и этническом и лингвистическом.

28) Б.А. Литвинский. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Док. декларация СССР).

29) Б.А. Литвинский. Таджикистан и Индия. - Сб.: "Индия в древности". М., 1964, с.146.

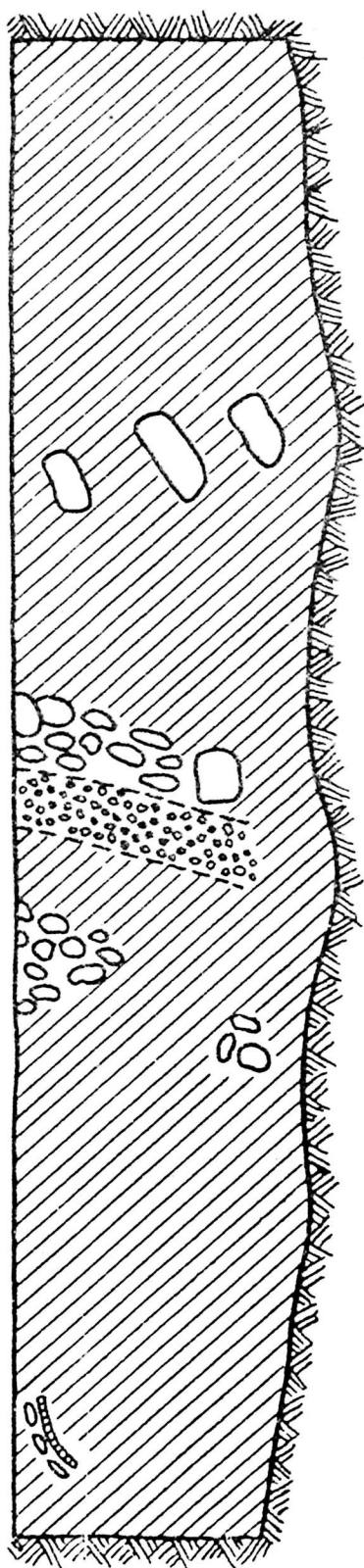
А. Абдуллаев

РАСКОПКИ В ЯВАНСКОЙ ДОЛИНЕ В 1975 г.

Яванский археологический отряд работал с 31 июля по 25 сентября 1975 г. на городище Турткуль и Тамшотена (в его окрестностях). Основной целью раскопок было выявление культурных слоев и характера построек.

Городище Турткуль расположено в 400-500 м к северу-западу от городища Гаравкала. Здесь тогда был заложен ряд стратиграфических шурфов и траншей, и выявлены отдельные участки строительных остатков - кирпичные и пахсовые постройки, а также наличие нескольких культурных горизонтов.

Раскоп № I расположен между двух старых шурфов, имеет прямоугольную форму размером 6x4 м, вытянут по линии с запада на восток. Сверху почвенный перепаханный слой - 25 см, далее идет слой разложившейся пахсы, смешанный с фрагментами керамики - 50 см. В 75 см от дневной поверхности околтурилась стена шириной 70 см. Она была расчищена на высоту 70 см. Стена сложена из четырех рядов кирпичей размером 35x35-30x12-13 см, вытянута по линии север - юг. Южная часть стены уходит за линию раскопа. С севера к ней примыкает другая стена, вытянутая по линии восток-запад, худшей сохранности, высота 35-40 см, ширина 1 м. Эти стены составляют угол большого помещения. Заполнение рыхлое, на полу прослеживается культурный слой толщиной 20-25 см в виде зольника. В этом слое найдены фрагменты ваяния хума и красноангобированных гончарных сосудов. Пол ровный, с утрамбованной поверхностью. У западной части первой стены расчищен уровень пола на глубине 1,3 м от дневной поверхности, относящийся к другому помещению, северная стена

которого не околтурена. Здесь собраны фрагменты керамики. Заполнение очень плотное.

Раскоп № 2 (рис. I) за-
ложен в 20 м к югу от раско-
па № I, у искусственного об-
рыва (экскаваторного среза)
длиной 9,3 м. Сверху на глу-
бину 85 см идет дерново-поч-
венный слой темного цвета.
Строительные остатки первого
жилого горизонта обнаружены
на глубине 0,9-1,2 м. В се-
веро-западном углу, на глу-
бине 90 см, обнаружены ос-
татки сильно разрушенного
очага полукруглой формы ди-
аметром 35 см, глубиной
15 см. Толщина саманной об-
мазки 4 см, изнутри очаг об-
мазан глиной с примесью ша-
мота толщиной 1-1,5 см. Сна-
ружи он обкладывался глиной
с примесью обломков керами-
ки. Пол очень сильно разру-
шен, неровный, зола отсут-
ствует.

К востоку от очага на 2,35 м оконтурена каменная кладка, сложенная в один ряд шириной 0,8 м. Длина ее 6 м, высота 10–15 см. Основная часть кладки уходит за линию раскопа. Оконтуренная часть треугольной формы. Между очагом и кладкой уровень пола установить трудно, распадаются отдельные куски горелой глинны и утоптаный слой. Возможно, этот участок вскрыт на уровне пола двора.

К востоку от первой каменной кладки на 0,9 м оконтурена такая же кладка шириной 45–50 см, длиной 1,8 м, разрушенная при выемке грунта экскаватором. Между этими кладками имеется заполнение мелкой щебенки шириной 30–40 см. Видимо, это узкая уллица или тупик.

К востоку от второй кладки расчищен уровень мелкой щебенки толщиной 7–10 см, длиной 4 м, шириной 1,5 м. Выше щебенки отдельными участками сохранилась обсыпка пола, над ней — натечный слой. На полу ближе к кладки в трех метрах расположены в одну линию плоские камни.

Таким образом, каменная кладка, уровень мелкой щебенки и очаг выявлены в одном жилом горизонте. К этому горизонту относятся и помещения, остатки которого вскрыты в раскопе № 1. Каменная кладка — это, вероятно, фундамент несохранившейся (кирпичной или пахсовой) стены.

Третий раскоп заложен западнее двух предыдущих. Его размер 8х5 м. Раскоп доведен до глубины 0,8 м и работы были прекращены.

В этом раскопе на глубине 0,8 м найдена куманская монета хорошей сохранности. Диаметр 2,5–2,6 см, толщина 0,4 см. На аверсе изображена стоящая фигурка царя в длинном кафтани и высокой шапке. Правой рукой царь указывает на алтарь, с левой стороны которого изображен трезубец. Левая рука царя у пояса. На некотором расстоянии от фигуры человека имеется изображение букавы. По ободку надпись. На реверсе — стоящая фигура женского божества (Нана). В правой приподнятой ее руке предмет, похожий на козье. На ладони ладье фигура быка (Шива?), идущая слева направо. По ободку надпись. Монета относится к типам.

выпущенным во время правления Бими Кадфиза.¹⁾ По одному из определенных время правления этого царя 238-278 гг.²⁾

В помещенных раскопа № 1 и 2 в траншее был обнаружен в незначительном количестве керамический материал (рис. 2). Это фрагменты сосудов, изготовленных в основном на гончарном круге. Имеются и лепные сосуды кухонного назначения.

Гончарные сосуды изготовлены из глины хорошей отмычки, во всех фрагментах отмечается примесь мелко толченого белого вещества. Черепок в изломе красно-кирпичный и розового оттенка. Как обычно, поверхность сосуда покрыта красным ангобом. Найденны 4 фрагмента кувшинов с ручкой и 2 фрагмента венчика с валиковидным и подпрямоугольным сечением венчика с площадкой в горизонтальной части, с высоким горлом размером II-III см. Ручки кольцевидной формы с эллипсоидным сечением, прикреплены у плечика сосуда, с характерным волнистым орнаментом по тулову. В одном случае орнамент трахьярусский, волнистый, разделенный одной или двумя концентрическими линиями. Ангобирована обычно верхняя часть сосуда. Ангоб идет и по венчику.

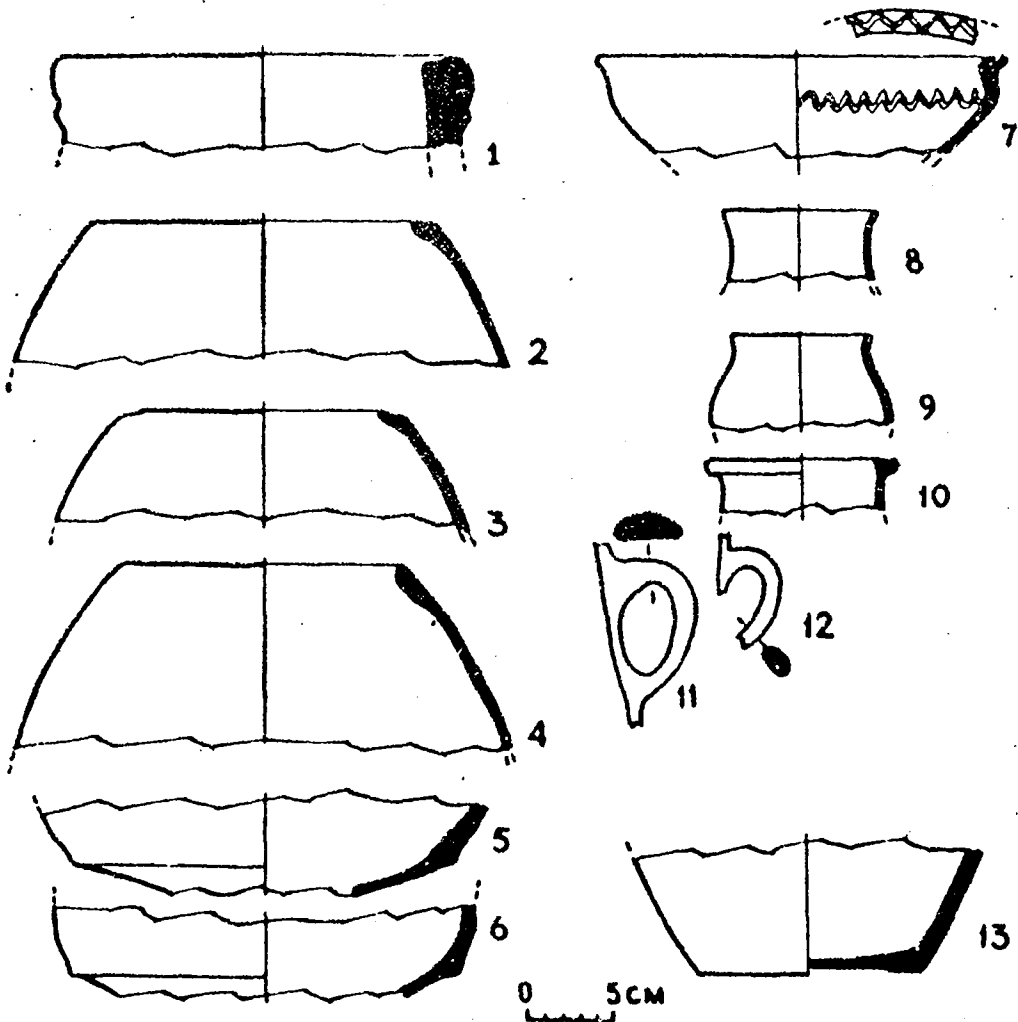
Найденная миска имеет Т-образное сечение венчика и коническое тулово. На венчике волнистый орнамент с насечками. Внутри также нанесен волнистый орнамент. Диаметр 24 см, сосуд ангобирован внутри коричневым, снаружи - розовым ангобом.

Кружки без ручки, тонкостенные с округлой закраиной, высокой или низкой горловиной и округлым плечиком. Диаметр устья 8-9 см. Красный ангоб нанесен только снаружи, а лишь в одном случае по венчику с внутренней части.

Кухонные сосуды изготовлены лепной формовкой из глины хорошей отмычки с примесью белого вещества и песка. Черепок в изломе обычно двухцветный, красно-кирпичный с серыми прослойками. Поверхность розового оттенка. Сосуды в основном имеют округлое шаровидное тулово. Венчик округлый или плоский, оттянут вовнутрь с площадкой в горизонтальной части и выступающей закраиной. Диаметр сосудов 16-20 см. Найденны и

1) John M. Rosenfield. The dynastic arts of the Kushans. Berkley a. Los Angeles, 1967, p.25, Pl.1, III, type 8.

2) Б.Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972; с.245. Там же имеется изображение монеты Бими Кадфиза, найденной в окрестностях Гаманканд.

фрагменты донца кухонных сосудов, плоские или выпуклые, с диаметром до 22 см.

Два фрагмента хумчей с молотковидным и воротничковым венчиком. Форма тулова не определяется. Диаметр 24 см. Поверхность покрыта розовым ангобом.

Керамические изделия по характеру формы аналогичны тем слоям Гаравкалы, которые датируются Т.И.Зеймаль II-III вв.н.э.

Работы в окрестностях городища Тамшотепе. Караултепа № 3 расположено в 300 м к юго-востоку от городища Тамшотепе. Поверхность сивалирована при постройке хирмана. В настоящий момент это ровная площадка размером 15-25 м длиной и вытянута по линии с запада на восток. При постройке хирмана была вырыта траншея длиной 20 м, шириной 4 м по длине холма для погрузки хлопка, вскрывшая культурный слой и отдельные ямы. Нами были произведены дополнительные вертикальные зачистки. При этом были рассчитаны контуры ям по южной и северной бровкам траншеи. Ямы вырыты в материковом слое с уровня третьего яруса. Материковый слой красноватого оттенка с белыми включениями (журавячки).

В южной бровке прослеживаются контуры двух ям, вырытых с середины III яруса. Древняя дневная поверхность начинается со II яруса. Сверху толщиной в 70 см лежит перемешанный лессовый слой.

Яма № 1 рассчитана в южной стенке. Имеет правильные, расширяющиеся книзу очертания. Ширина устья 1,2 м, глубина 1 м, дно неровное. Восточная ее стенка, опускаясь вертикально, на глубине 50-60 см делает уступ в виде суфы шириной 40 см с округленным краем, высотой 25 см. Западная стенка неровная; от поля до высоты 60 см имеет полукруглые очертания и, делая уступ, переходит к ровной стенке высотой 40 см. Обмазки стен отсутствуют. Заполнение на полу толщиной 10-12 см, культурный слой в виде темного зольника. Сверху ее перекрывает глинистый темный зольник, лежащий наклонно. Толщина его в западной части 22 см, в восточной - 28 см, средней - 45 см. Юго перекрывает рыхло-лессовый слой с включением отдельных фрагментов керамики.

Яма № 2 находится в 2,4 м к западу от ямы № 1. Контур стен вертикальные. Видимо, первоначально яма была прямоуголь-

ной формы. Ширина сохранившейся части 30 см, длина 30 см. Западная стена на высоте 60 см делает выступ. Ширина устья 1,18 м, ширина дна ямы 1,34 м. Обмазка стен отсутствует. Заполнение: на полу зелено-гумусный слой толщиной в 40 см, сверху его перекрывают пахсовые куски, смешанные с золой (26 см), над ними перемешанный гумус с золой (74 см). Входная часть ямы заполнена рыхлым надувным слоем.

По северной бровке прослеживаются контуры двух других ям (№ 3 и 4).

Между ямами № 3 и 4 прослеживалась каменная кладка, лежащая на материковом слое к востоку от ямы № 3 в 2,5 м. Ее длина 3,5 м. Имеет вид площадки, выложенной из камней различной величины и щебенки толщиной 10-15 см.

Выявленные строительные остатки в разрезе траншеи свидетельствуют о том, что все ямы вырыты с одного уровня, с середины III яруса с разницей в 15-20 см в зависимости от рельефа холма. По характеру заполнения ямы относятся к двум строительным периодам. К первому — ямы № 3-4, а ко второму — ямы № 1-2, потому что у ям № 3 и 4 устья забутованы пахсой, а у ям № 1 и 2 вход заполнен рыхлым суглинком. Но хронологически ямы, конечно, не имеют большого разрыва. По форме, по технике строительства и керамическому материалу эти ямы идентичны ямам на Тамшотепе. Каменная выкладка, видимо, является уровнем жилой площадки, связанной с ямами.

В описанных ямах собрано незначительное количество керамического материала гончарной и лепной формовки.

Гончарные сосуды: одна чашка с Т-образным сечением венчика, внутри покрыта красным ангобом, а снаружи — светло-желтым. Диаметр по устью 18 см. Хумы представлены одним фрагментом с молотковидным сечением венчика. Диаметр устья 36 см. Фрагменты донца чашки плоские. В одном случае донце снаружи покрыто красным ангобом. Диаметр 6 см.

Найдены лепные фрагменты хумчи (4 шт.) с подтреугольным и клиновидным сечением венчика, с четко выраженной низкой шейкой и покатыми плечиками (диаметр устья 22 см), а также фрагмент донца с диаметром 28 см.

Эти сосуды идентичны по формам, фактуре глины, по характеру обработки верхним слоям городища Тамошотена. Сходство керамического материала и характер построек позволяют датировать Караултепа № 3 III в. до н.э.³⁾ Таким образом, Караултепа № 3 функционировал во время последнего этапа интенсивного обживания городища Тамошотена и являлся его отдельной частью.

3) О датировке верхнего слоя городища Тамошотена см.: А. А. Б - д у д л а е в, М.А. Б у б н о в а, Л.Т. П ъ я н к о в а: Отчет о работе Яванского археологического отряда в 1971 г. - АРГ, вып. II (1971). Душанбе, 1975, с.249-262.

В.П.Денисов

ОТЧЕТ О РАБОТЕ ДАНГАРИНСКОГО ОТРЯДА

В 1975 г. Дангаринский археологический отряд продолжил работы по археологическому обследованию памятников Кулябской области.¹⁾ Работы проводились на территории Дангаринского и Ленинградского районов.²⁾ Нами проводилась фиксация всех памятников. В отдельных случаях, когда имелись признаки, свидетельствующие, что памятник относится к домусульманскому времени, производилась зачистка, а иногда и шурфовка.

В течение десяти дней отряд работал на территории Дангаринского района.

На городище Хоки-Сафед на окраине кишлака Пушинг был заложен шурф на месте, где в предыдущем году нами были расчищены хумы, наполненные керамикой. Хумы располагались непосредственно поверх материка. Сопоставление этого наблюдения с тем фактом, что около десяти метров восточнее по срезу проходящей через городище дороги нам встретилась керамика кушанского времени, может служить косвенным указанием в пользу ранней датировки материала из хумов — предположительно греко-бактрийским временем. Об этом говорит и сам керамический материал из хумов, в котором встречались фрагменты керамики, принадлежащие, видимо, биконическим сосудам.

Шурфовка производилась и в окрестностях кишлака Паркамчи, на пунктах Тепам Дунгак и Тепам Кампирак. Полукилометром

1) В.П. Д е н и с о в. Отчет о работе Дангаринского отряда. — АРТ, вып. 14 (1974 г.). Душанбе, "Дониш", 1979.

2) Состав отряда: В.П.Денисов — начальник; Т.Мирова — лаборант; Е.Немировская — художник; А.Керзум, В.Кирасиров, Е.Иванова, Л.Золотаревский, О.Сычкина — рабочие; Р.Нуралиев шофер.

жнее Тешаи Дунгаи местные жители показали нам место, где, по их словам, около десяти лет тому назад при земляных работах для строительства грунтовой дороги встречались оссуарии. Однако материал, полученный здесь, оказался маловыразительным.

На юго-восточной окраине кишлака Себистон (Худжарки) обследовано городище, именуемое Калаи Чортепа. Несмотря на то, что подъемный материал, собранный на городище, относится к X—XII вв., думается, что заселено оно было значительно раньше. Об этом, в частности, свидетельствует наличие двух торовидных каменных баз колонн у мазара, примыкающего с востока к городищу. Маловероятно, чтобы эти тяжелые архитектурные изделия были привезены издалека.

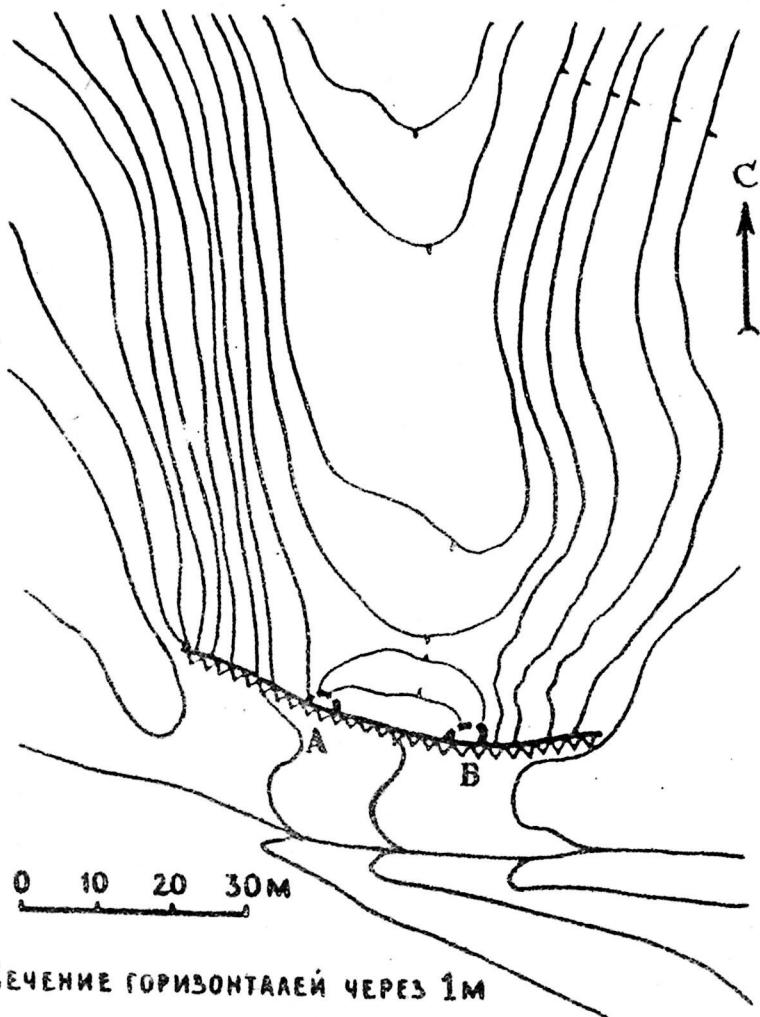
Видимо, к раннекушанскому времени относится небольшое тепа на юго-восточной окраине кишлака Сангтуда, где местными жителями была найдена монета, определенная Е.В.Зеймаль как поздний вариант "подражания Гелиоклу".

В этом же археологическом сезоне учителя школы кишлака Алижон передали нам бронзовое изделие, вероятно медальон, с изображением лягушки (возможно, схематичная фигурка человека) и с надписью по окружности (рис. I, I). В.А.Лившиц пришел к выводу, что эта надпись парфянская, выполнена арамейским письмом и, судя по палеографии, должна датироваться II в. до н.э. Это имя собственное "Артабан".

В течение двадцати дней отряд работал на территории Ленинградского района. Здесь было обнаружено около двух десятков археологических памятников. Часть памятников можно датировать лишь сугубо приблизительно. Встречающаяся на них среди маловыразительного подземного материала лепная так называемая "псевдотрипольская" керамика может лишь свидетельствовать, что верхние слои датируются позже IX в. К таким памятникам относятся:

1. Вскопленные, примыкающие с юга и с запада к холму Мазори Шоид у кишлака Хусаби. Общая площадь около 1 га.

2. Безымянное городище на юго-восточной окраине кишлака Халфа Давлят. Площадь холма около 1,2 га. Среди подземного материала встречены каменный сурьматал и лычка.

Сечение горизонталей через 1 м

Рис. I

3. Поселение в 200 м на юго-юго-восток от кишлака Богдан. Здесь керамика встречается на площади около 7 га.

4. Калаи Кофир на восток от кишлака Геш. Керамика встречается на участке диаметром около 200 м, на расстоянии около 600 м на юго-запад от указываемого местными жителями места калаи.

5. Распаханный на большой безымянный холм в километре на восток от кишлака Динистон. Площадь, на которой встречаются фрагменты керамики, около 50 м².

6. Калача. 1,5 км на юго-запад от кишлака Гафилабад. Площадь холма 2 га. Керамика почти целиком лепная.

Еще более невыразителен подъемный материал, собранный на холме, на восточной окраине кишлака Зираки (холм диаметром около 20 м) и на поселении в полукилometре на юг от кишлака Геш, где видны каменные фундаменты стен. Ширина стен 0,85 м, огороженный ими участок размером 11x21 м. Здесь, на берегу сая был расчищен хум с скругленным дном.

Совершенно отсутствовал подъемный материал на небольшом тепа (возможно, курган) в полукилometре на север от ныне заброшенного кишлака Гулистов. Диаметр холма 50 м, высота 7 м.

В отдельных случаях датировка памятников оказывается более определенной. Так, фрагменты поливной керамики X—XII вв. встречались на следующих памятниках:

1. Кафиркала. Около 3 км на север от кишлака Кипчок. Площадь двух холмов 1,5 га.

2. Пещерные помещения (0,5 км по дороге от кишлака Кипчок в сторону кишлака Дянгар). Бульдозером открыт вход в два помещения.

3. Срез дороги, идущей от кишлака Туткаул в сторону кишлака Чапыркишлок, 0,4 км от кишлака Туткаул, протяженность культурного слоя вдоль дороги 80 м.

4. Безымянное поселение, примыкающее с юго-западной стороны к кладбищу кишлака Сангара (на правом берегу р.Сангоб). Керамика встречается нерегулярно, отдельными пятнами вдоль адыров на расстоянии до 1 км от кладбища.

Более поздним временем, возможно XIII—XIX вв., должна датироваться кала в райцентре. В полубогоревшие балки, видимые на высоте 2 м от уровня проходящей мимо дороги, имеют еще вполне хорошую сохранность. Размеры холма 35x40 м.

Во время разведок 1975 г. в Ленинградском районе нам встретились три памятника домусульманского времени.

1. Тепа в 500 м на северо-восток от кишлака Динистон (о работах на Тепах Динистон см. ниже).

2. Безымянное тепа в кишлаке Худжали Шох. Здесь, в центре кишлака на небольшом всхолмлении размером 20x30 м, известном лишь как место, где некогда располагался дом Туроева, нами собран подъемный материал, который при всей своей немногочисленности может быть датирован кушанским временем.

3. Арзонитера между кишлаками Худжали Шох и Лянгар. Поселение площадью около 1,5 га расположено в километре по дороге из Худжали Шох в Лянгар, с левой стороны дороги, поверх естественного холма. Микрорельеф не сохранился.

Подъемный материал ориентировочно датирован V-VII вв., но учитывая его немногочисленность, следует допустить и более раннюю датировку начала жизни в этом пункте.

Тепан Динистон (Ленинградский район)

Одним из наиболее интересных памятников, обнаруженных и частично раскопанных отрядом, является Тепан Динистон — комплекс пещерных помещений, вырубленных в толще лессового холма и обнаруженных в его срезе (рис.1). Срез образовался при прокладке здесь около восьми лет назад шоссеиной дороги Куляб—Муминабад.

Нам удалось раскопать два частично сохранившихся помещения. Помимо этих двух помещений, расположенных в южной части холма, вырублены аналогичные и по восточному ее склону, на что указывает многочисленныи фрагменты керамики, выпадающие по восточной части среза.

Судя по остаткам двух помещений, их планировка определялась характером рельефа холма, т.е., вход в помещения прорубался перпендикулярно к данному участку холма, что обеспечивало максимальную степень возрастания мощности вышележащей лессовой толщи при минимальной затрате труда.

Помещение I имеет ширину с востока на запад — 2,48 м и сохранилось в длину на 2,10 м. Оно имело в плане форму, близкую к форме круга (рис.2). Поверхность стен сохранилась на высоту около метра. Стены помещения не вертикальные, а наклонные, уже в нижней части как бы представляющие продолжение линии свода. Интересная архитектурная особенность помещения I — вертикальные прорезы по стенам, нанесенные приблизительно на равном расстоянии одна от другой и, возможно, имитирующие нарезку на блоке пахсовых стен, что могло бы служить указанием на то, что строители были знакомы с традициями среднеазиатской строительной техники.

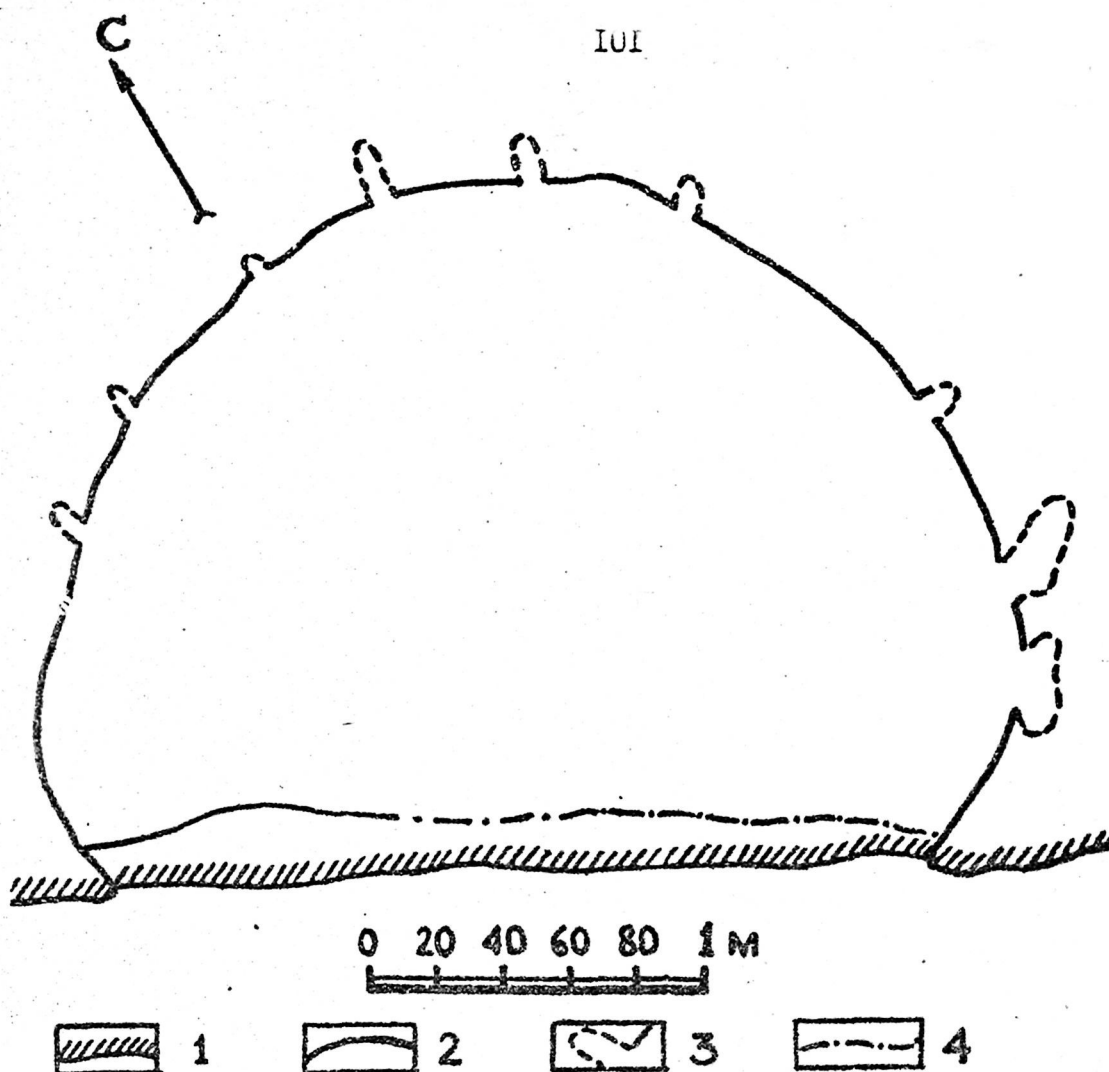

Рис.2

Среди находок из этого памятника следует упомянуть диско-видные ткацкие грузила из необожженной и слабообожженной глины, которые известны, в частности, по материалам из Мунчакташа³⁾ и Ай-Ханум⁴⁾ и крупный фрагмент "шашлычника".

Основной материал при раскопках этих помещений - керамика⁵⁾. Выделяются следующие типы столовой посуды: бокалы, горш-

3) А.М. Мандельштам и С.Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952-1953 гг. - Тр. ТИАЭ, т.3, М.-Л., 1958, с.314, рис.24 и др.

4) Fouille d'Aï Khanoum, I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Text et figures, Sous la direction de P. Bernard. Paris, 1973, MDAFA, t. XXI, p.177, fig.37b.

5) В данной статье дается описание и рисунки лишь части керамического материала, полученного при раскопках памятника.

ки, несколько венчиков кувшинов (?), миски и чашки. Из последних одна имеет полусферическую форму и украшена штампованным орнаментом. Хуже представлена кухонная керамика, среди которой есть фрагменты хумов и лепных котлов. Керамика в основном гончарная, заметную часть составляет красноангобированная керамика.

Б о к а л ы. Все гончарные, представлено два типа.

I. Цилиндро-конические, большинство из них правильнее было бы назвать биконическими (рис.3, 1,2,4). Один бокал

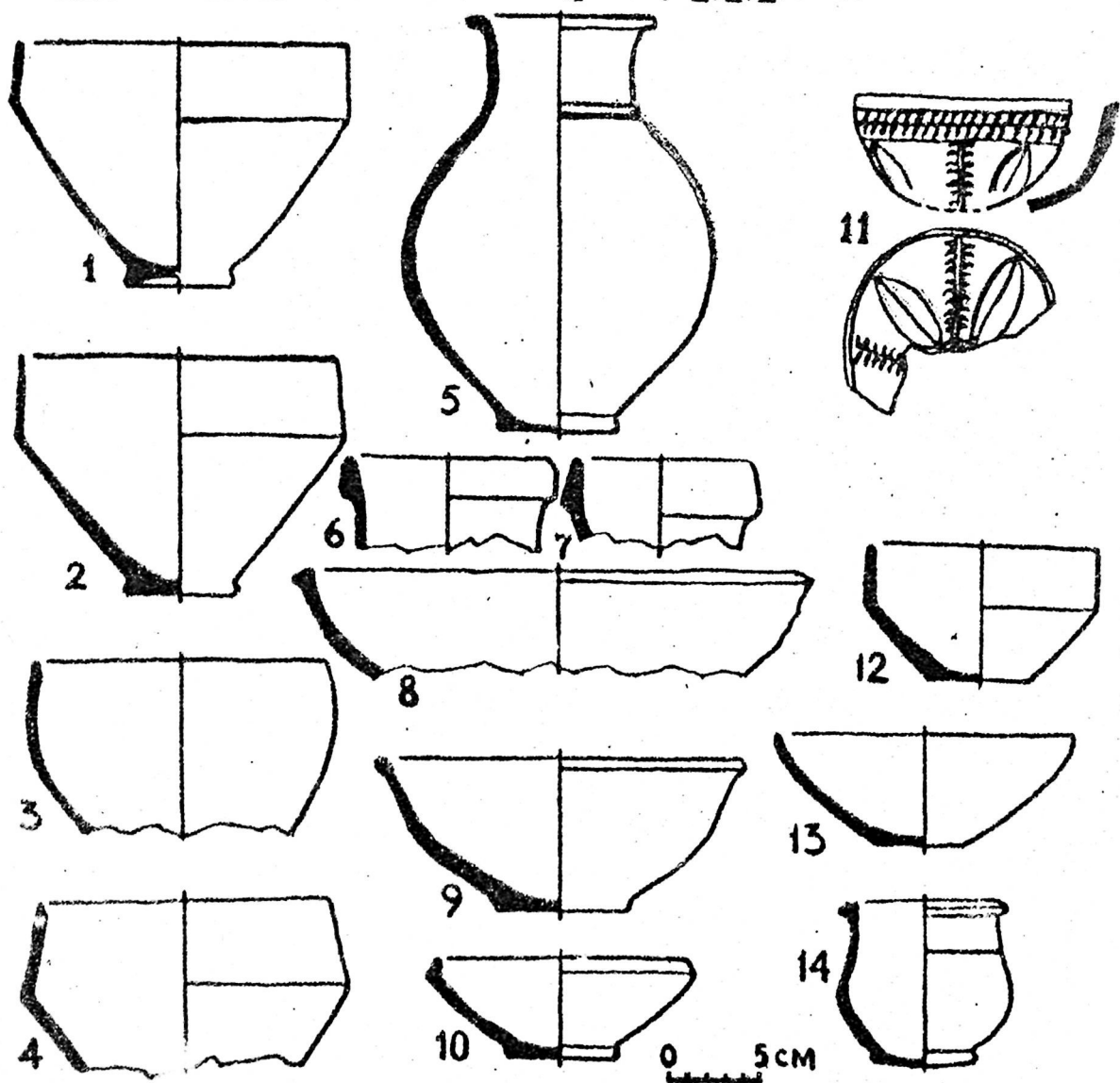

Рис.3

(рис.3, 4) из плотного теста, глина содержит примесь слюды, ангоба нет; другие — тонкостенные, покрыты красновато-коричневым и светло-коричневым ангобом. На одном бокале снаружи неровные слои темно-коричневого, почти черного цвета ангоба, с внутренней стороны ангоб светло-коричневый, на другом — темно-коричневого цвета лишь верхняя часть с внешней стороны, в остальном ангоб с внутренней и внешней стороны бурокрасного цвета.

Возможно, это покрытие верхней части снаружи ангобом темно-коричневого цвета объясняется некрасивым, с точки зрения гончара, распределением расцветки, вызванным условиями обжига, когда чаши ставились в гончарную печь стопками, одна на другую. В этом случае верхняя часть сосуда получает окраску отличную от нижней, а иногда несколько ниже перегиба появляется неровная кольцевая полоса красного цвета (рис.3, 1).

Вместо ножки у бокалов четко выделенный скошенный поддон. При близости между собой размеров высоты и ширины ширина оказывается большей.

2. Выпукло-конические бокалы представлены фрагментами, принадлежащими, видимо, одному сосуду (рис.3,3). Бокал — тонкостенный, свтлоглиняный, покрыт с обеих сторон равномерным несколько бурым красным ангобом. По верхней части бокала прочерчены горизонтальные полосы-желобки.⁶⁾

Г о р ш к и. Представлено два археологически целых ставковых сосуда. Крупный узкогорлый (рис.3,5), светлой глины, покрыт неровным тонким слоем светло-коричневого ангоба. Второй горшок небольших размеров (рис.3, 14), свтлоглиняный, покрыт красным ангобом. С внутренней стороны, где нет ангоба, поверхность местами отслоилась. Поддон выпуклый.

К у в ш и в —? Найдено несколько венчиков сосудов, типологически близких кувшинам (в частности 3, 6,7). Однако

6) В материале из Ай-Ханум сосуд с аналогичной верхней частью имеет широкое дно, поддон не выделен. См.: Fouilles d'Ai Khanoum, I, Planches, Paris, 1973, pl.132; No.60.

следы соединения с ручками отсутствуют. Глина светло-коричневого цвета, ангоб в одном случае — светло-зеленый, в остальных отсутствует.

Чашки и миски различных форм, часть из них представлена на таблице (рис.3, 9-13). Типологически близка чашкам форма венчика тагоры (рис.3, 8). Все сосуды гончарные, светлоглиняные, часто покрыты ангобом: черным с внутренней и частично с внешней стороны (рис.3, 9), светло-коричневым с внешней и внутренней (рис.3, 10), коричневым с внутренней и частично черным с внешней (рис.3, 12), красным с внутренней и частично с внешней стороны (рис.3, 13).

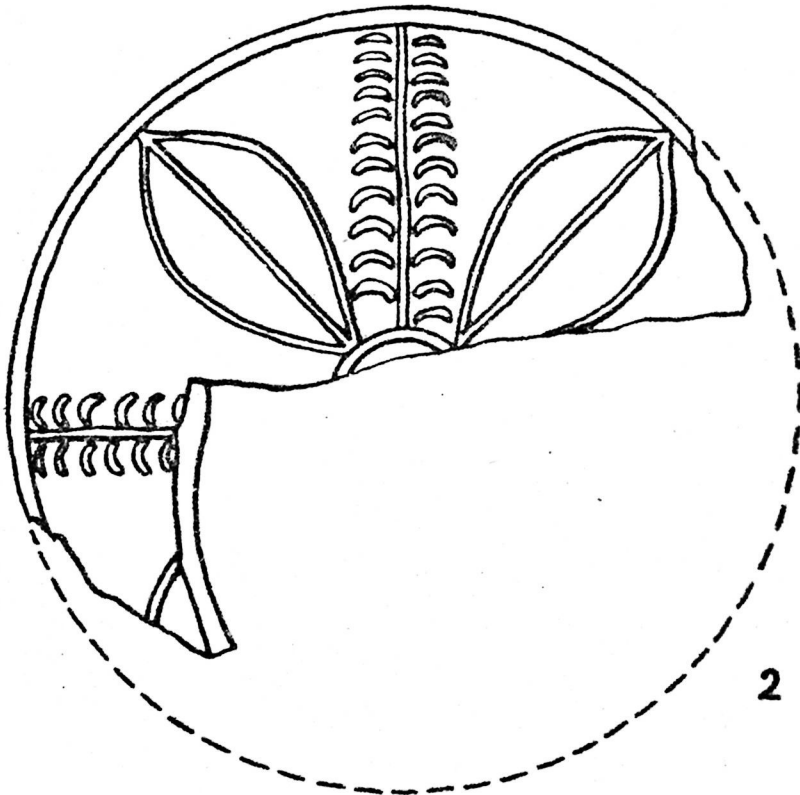
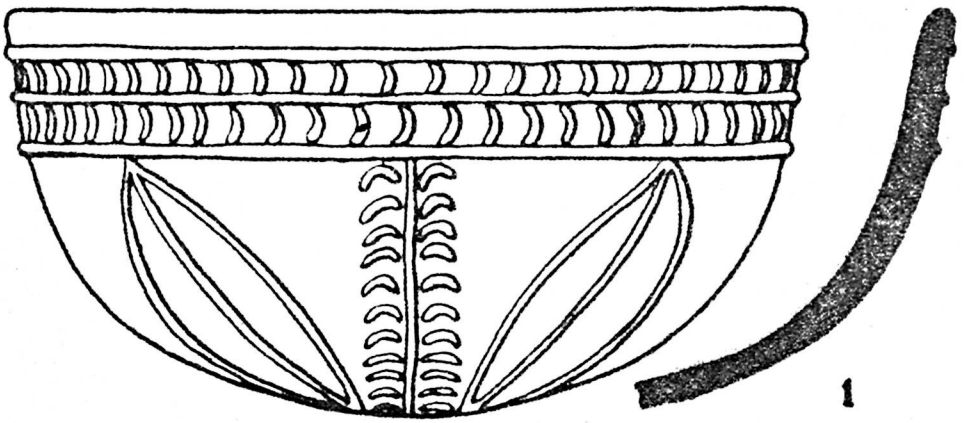
Следует особо отметить найденную на полу помещения I полусферическую чашку небольших размеров, покрытую штампованным орнаментом с внешней стороны (рис.3, 11; рис.4). Сохранилась половина сосуда, к сожалению, лишенная дна. Судя по незначительным остаткам в нижней части фрагмента, дно было оформлено в виде розетты.

Вся сохранившаяся поверхность чаши украшена выточным растительным орнаментом. На верхней полосе помещен ствол растительного побега с отходящими от него короткими дугообразными листочками. Такие же, но вертикальные побеги делят чашу на четыре сегмента. Посередине между побегами расположены схематические изображения крупных, с заостряющимися концами листьев.

Типологический анализ некоторых керамических видов из Телав Днявстон и прежде всего бокалов, а также уникальной полусферической чаши позволяет нам ориентировочно датировать этот памятник.

Типологически близкий керамический материал из двух нижних слоев Каменного городища был датирован А.М. Магдальштамом II в. до н.э. с оговоркой, что возможна и более ранняя датировка — III-II вв. до н.э.⁷⁾ В материале из нижнего слоя представлен цилиндро-конический бокал. Форма этого бокала такая же, как и других цилиндро-конических бокалов из

7) А.М. Магдальштам. Кочевники на пути в Индию. М.-Л., 1966 (МИА, № 136), с.148, рис.50, 51.

0 1 2 3 CM

Рис. 4

улхарского могильника, однако несколько отлична от форм из Днистоня. Так, у бокалов из Тулхарского могильника так же, как и у бокала из нижнего слоя Каменного городища, в отличие от днистонских, во-первых, ширина меньше высоты сосулов, а во-вторых, вместо поддона — ножка.⁸⁾ Уже во втором слое каменного городища представлен фрагмент колоколовидного сосуда, что дает основание А.М. Мандельштаму считать: "Бокалы колоколовидного типа... имели распространение одновременно с цилиндро-коническими, во всяком случае, в пределах поздней части периода бытования последних".⁹⁾

Цилиндро-конические бокалы, типологически близкие бокалам из Тулхарского могильника, были также найдены на городище Шахтепа в слоях, где им сопутствовали монеты Кавишки и Хувшики.¹⁰⁾ Это, естественно, ставит под вопрос датировку времени существования этого типа бокалов, предложенную А.М. Мандельштамом, хотя последовательность процесса развития форм бокалов, прослеженная им, возможно, верна.

Керамический материал из Тепай Днистоня находит очень близкие аналогии в керамике из греко-бактрийского города Ай-Ханум. Цилиндро-конические бокалы из Ай-Ханум имеют то же соотношение высоты и длины, что и бокалы из Тепай Днистоня, с таким же точно поддоном.¹¹⁾ Имеются идентичные миски¹²⁾, типологически близкие узкогорлые керамические горшки¹³⁾ и, наконец, найденные в Ай-Ханум фрагменты полусферических чаш со штампованным растительным орнаментом¹⁴⁾ выполнены в том же стиле, что и орнамент чаши из Тепай Днистоня.

Говоря о полусферических чашах со штампованным орнаментом (*decor moulé*), А. Гарден отмечает, что все обнаружен-

8) А.М. М а н д е л ь ш т а м. Кочевники на пути в Индию. М.-Л., 1966 (МИА, № 136), с.93, рис.50, табл. XX-XXVI; ср. с.94, где описывается вариант, близкий материалу из Днистоня, табл. XX, 3; XXI, 1,4.

Т а м ж е, с.157.

Информацией о результатах раскопок на Шахтепа мы обязаны А.Седову, за что и приносим ему нашу благодарность.

Fouilles d'Ai Khanoum, I. Planches, Paris, 1973, pl.117, 132. См. также: Fouilles d'Ai Khanoum. — Texte et figures, pp.142-143, fig.17, 1,2.

Fouilles d'Ai Khanoum, Planches, pl.116, 128, 131.

I b i d., pl.136.

I b i d., pl.125a-f.

ные двенадцать фрагментов чаш, — судя по приведенным фотографиям, у некоторых также отсутствуют видные части сосудов, — украшены растительным битематическим орнаментом.¹⁵⁾ Однако орнамент, идентичный орнаменту чаш, из Телли Динкестор не представлен.

Сравнение импортных "мегарских" чаш, обнаруженных при раскопках античных городов в Северном Причерноморье¹⁶⁾ с чашами из Телли Динкестор и из Ай-Ханум показывает большую близость этих изделий. Однако здесь можно говорить лишь о генетической преемственности, но не о механическом заимствовании.

В настоящее время считается доказанным, что в античных городах Северного Причерноморья наряду с импортом "мегарских" чаш существовало и их местное производство.¹⁷⁾ Эргастерий, выпускавший "мегарские" чаши особых вариантов, существовал во II в. до н.э. в Пантикапее.¹⁸⁾ Об этом свидетельствует

15) Op. cit., Texte et figures, p.171.

16) В.Д. Блаватский И. История античной расписной керамики. М., 1953, с.30, 250-253; 280, 281; Т.Н. Кипич. Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху. — Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. М.-Л., 1955, с.177; она же. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. — Античные города..., с.370, рис.156, в; Б.И. Левин. Ольвийская агора. — Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху (МИА, № 50). М.-Л., 1956, с.80-81, рис.49, 50; М.Л. Кобылина. Фанагория. Введение. — Фанагория. Под ред. А.П. Смирнова (МИА, № 57). М., 1956, с.49, рис.146; Н.М. Лосева. Об импорте и местном производстве "мегарских" чаш на Боспоре. — Пантикапее. М., 1962, МИА, № 103, с.195-205, рис.1-6.

17) В.Д. Блаватский И. О производстве "мегарских" чаш в Пантикапее. КСИИМК, вып.75, 1959, с.174-176, рис. 62; Н.М. Лосева. Ук. соч., с.205.

18) В.Д. Блаватский И. Ук. соч., с.176.

техника изготовления, анализ надписей на клеймах чаш и особенно находки форм для изготовления этих изделий в боспорской столице.

Штампованные чаши из Ай-Ханум и Тепам Динистон объединяют такие признаки, как отсутствие покрытия лаком, свойственное для крупнейших центров производства "мегарских" чаш (Пергам, Афины и др.), более свободное распределение схематичного орнамента, отсутствие объемности. Чаши из Тепам Динистон отличаются небрежной формовкой при не очень хорошем качестве глины (на поверхности чаши остались трещины) и довольно неравномерным обжигом.

Говоря о фрагментах чаш со штампованным орнаментом из Ай-Ханум, Ж. Гарден отмечает, что "эти черепки составляют в настоящее время наиболее неопровержимый эллинистический элемент керамики Ай-Ханум".¹⁹⁾ Вместе с тем он считает, что эти чаши скорее всего местного производства и это касается в такой же степени и форм, служивших для их изготовления.²⁰⁾ К этому можно было бы добавить, что среди различных групп "мегарских" чаш исходным прототипом для штампованных чаш из Ай-Ханум и Тепам Динистон следует, вероятно, считать делосскую керамическую группу II в. до н.э. Кстати, чаши, с которых безусловно известно как об изготовленных в Пантикапее, также типологически наиболее близки к делосским "мегарским" чашам.

Анализ керамического материала из Тепам Динистон приводит к выводу, что ориентировочная датировка пещерных помещений Тепам Динистон должна быть II — первая половина I в. до н.э.

Вопрос о назначении пещерных помещений Тепам Динистон в настоящее время не может быть решенным. Характер этого памятника может быть выяснен лишь в случае продолжения на нем работ.

19) Fouilles d'Ai Khanoum, I. Texte et figures..., p.171.

20) I b i d, pl.171.

Хронологический разрыв стратиграфии, выявленный в результате археологических исследований последних двух десятилетий между этапами Кобадман I и Кобадман II стратиграфической шкалы М.М.Дьяконова, лишь начинается.²¹⁾ Думается, что при восполнении этого разрыва определенную роль сыграют и материалы из Тепаи Динистон.

Вывод, который может быть сделан из анализа соотношения количества памятников времени развитого средневековья и более ранних (раннее средневековье и античность) следующий: если широкое освоение Дангаринского района произошло в основном в кушанское время²²⁾, то в Ленинградском районе незначительное число ранних памятников в сравнении с большим числом памятников времени развитого средневековья свидетельствует о слабой заселенности и освоении этой территории до времени арабского завоевания и об интенсивности этого процесса с IX-XII вв.

21) Так, Т.И. Зеймаль, отмечая этот разрыв, пишет: "Нижний слой Каменного городища, относящийся ко II в. до н.э. лишь частично восполняет это знание в сводной стратиграфии". - Т.И. Зеймаль. Вахльская долина в древности и раннем средневековье. - Автореф. канд. дисс. Л., 1969, с.6; см. также: Н.С. Сычев. История изучения керамики Северной Бактры кушанского времени. - Собщ. Гос. музея искусств народов Востока, вып.3, М., 1970, с.36-58 и указ. в ней лит-ру.

22) См. также наш "Отчет о работах Дангаринского отряда". - АРТ, вып.14 (1974 г.), Душанбе, "Дониш", 1979.

И.Н.Медведская

РАСКОПКИ В ШААРТУЗЕ В 1975 г.

Осенью 1975 г. были закончены раскопки сохранившейся части могильника в Бешкентской долине, названного БМ-У (Бешкентский могильник У). Работы на нем продолжались три сезона.¹⁾ Раскопки велись с 3 октября по 4 ноября. В этом могильнике было раскопано 13 курганов с погребениями. В одном кургане (№ 62) внутри каменного кольца обнаружено скопление углей, земля была сильно пропалена. Кроме этих курганов была частично раскопана небольшая группа курганов, находящихся в 97 м к югу от могильника БМ-У. Было вскрыто 5 курганов (№8-72) и у двух курганов были только зачищены, зачерчены и сфотографированы надмогильные сооружения, вскрытие будет производиться в следующем сезоне. Устройство этих курганов и их инвентарь не отличаются от материалов могильника БМ-У.²⁾ Надмогильные сооружения были сделаны из камней, сейчас они в большей части представляют собой аморфные скопления, в которых иногда можно видеть остатки развалившихся колец. Часть камней в разное время была взята для различных построек, что затрудняет представление о первоначальной форме сооружения.

Большинство погребений в этом могильнике совершалось в подбоях, в этом сезоне их обнаружено 13. В каменных "ящиках"

1) См. отчеты за 1973 и 1974 гг. в АРТ. В сезоне 1975 г. в раскопках принимали участие: начальник отряда И.Н. Медведская, археслог Ю.Г.Виноградов, чертежник В.Б.Лившиц, художница Н.И.Кулакова, шофер В.А.Петров, студенты ТГУ им. В.И.Ленина, ученики школы им. А.С.Макаренко. Общее руководство раскопками осуществлял Б.А.Литвинский.

2) Нумерация курганов этой группы продолжает нумерацию могильника БМ-У.

было совершено 5 погребений. Устройство подбоя и каменных закладов входных ям аналогично описанным в первых двух отчетах.

Наиболее интересные результаты дали раскопки курганов с погребениями в каменных "ящиках". В этом году удалось зафиксировать устройство перекрытия "ящика", сложенного по типу ложного купола.³⁾ В четырех из них оно было устроено по одному принципу. В пятом "ящике" погребен младенец и незначительные размеры могилы не требовали купольного перекрытия, поэтому "ящик" имел плоское перекрытие из камней (курган 61).

В могилу обычно помещались кувшин и бокал, очень редко миска и фляга, которая находилась только в "ящиках". В двух детских погребениях найдены сосуд с боковым сливом и миниатюрный горшочек. Кроме керамики раскопаны железные наконечники стрел, княжалы, ножи, железные и бронзовые пряжки. В богатом женском погребении обнаружены золотые украшения, бронзовое зеркало. Уникальной находкой является золотая бляшка в виде лошади с подогнутыми ногами.

Опишем несколько наиболее типичных подбойных захоронений и погребений в каменных "ящиках".

Курган 49 находится в центральной части могильника. Надмогильное сооружение представляет собой довольно четкое каменное кольцо, немного развалившееся в южной части. Его размеры: с севера на юг - 4,9 м; с востока на запад - 4,7 м.

Входная яма смещена относительно центра кургана на северо-восток, ориентирована СЗ-ЮВ. Ее размеры по дну 2,6x0,7 м, дно ямы на глубине 2,17 м от западной полы кургана. Подбой сделан в восточной стенке ямы, его размеры 2,6x0,57 м (в центре), высота 0,6 м. Дно подбоя и входной ямы на одном уровне. Каменный заклад входной ямы и подбоя прямоугольной формы, его размеры по верху 2,6x1 м, по низу - 2,6x0,7 м. Сверху камни лежали в 3-4 ряда, нижние ряды уложены попарно, всего было пять рядов, которые были уложены из более чем 80

3) На характер перекрытия "ящиков" в виде ложного купола и специфические черты его устройства в бекиентских курганах наше внимание обратил Б.А. Битвинский.

каменной. Верхние камни заклада находились на глубине 1,1 м от западной полы. Щели между ними были тщательно заложены щебенкой.

В подбоях одиночное погребение мужчины на спине в вытянутом положении, головой на северо-северо-запад, лицом на запад.

Инвентарь (рис. 1, 3-10, 12-24) в 45 см от головы, в углу подбоя стоял одnorушный кувшин и рядом с ним колоколо-

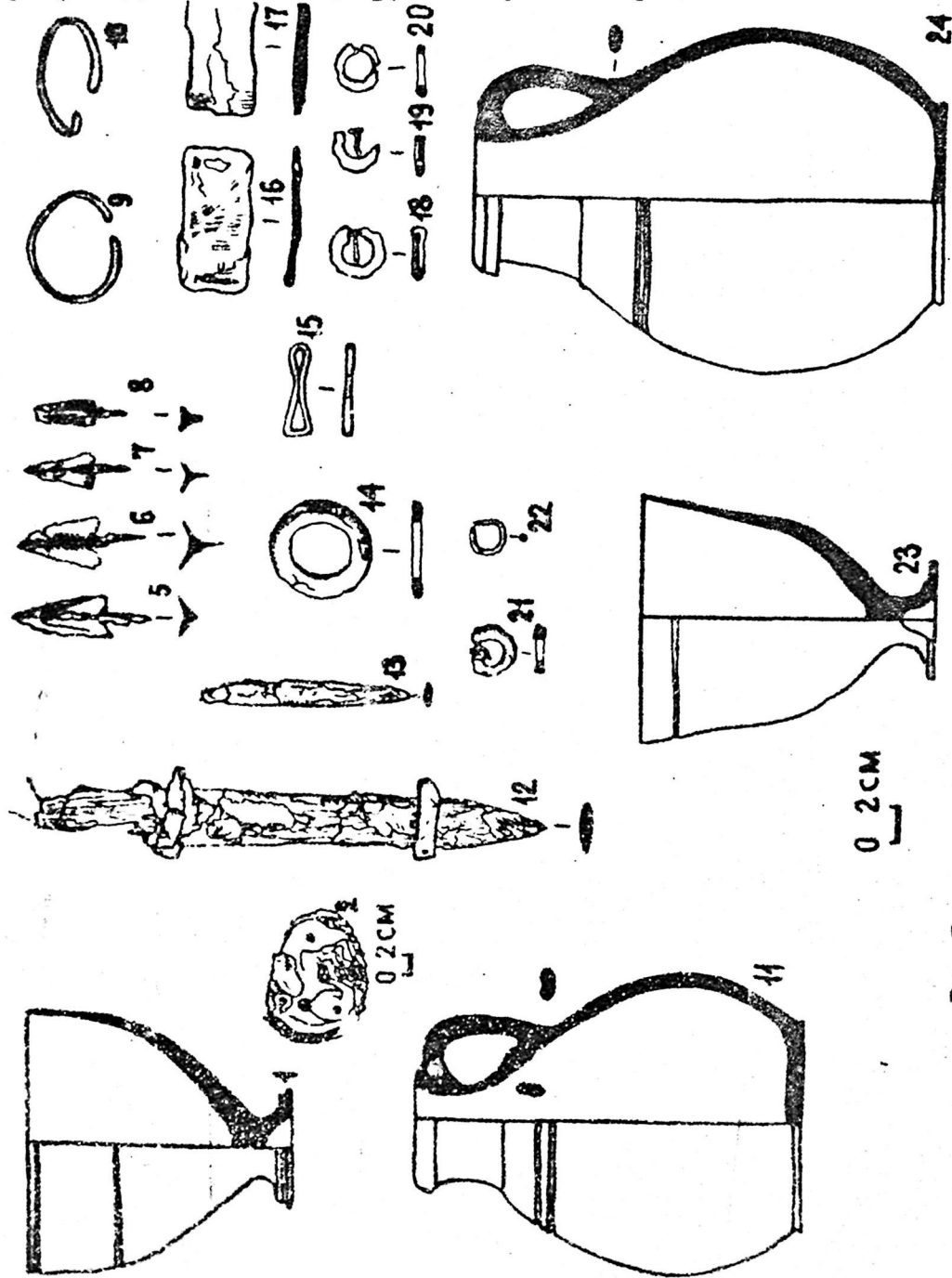

Рис. I

видный бокал. Вдоль правого бедра, под рукой, лежал железный кинжал, навершие которого разрушилось. Вокруг кинжала были обнаружены бронзовые гвоздики с полусферической шляпкой и обоймочки, которые, вероятно, служили для скрепления и украшения ремней, на которых кинжал подвешивался к поясу. Принадлежностью пояса, видимо, были 3 круглые железные пряжки, одна из которых обнаружена по левой тазовой кости и 2 под ней, и 2 прямоугольные железные пряжки, одна из которых с прорезью, лежавшие между левой рукой и тазовой костью.

У острия кинжала были положены четыре железных трехлопастных наконечника стрел острием к ногам. У кисти левой руки железный нож. На обеих руках по бронзовому браслету с незамкнутыми концами. Среди костей ступней найдены 2 железных пряжки и одна бронзовая восьмеркообразной формы. Под позвоночником, ближе к крестцу, бронзовая круглая пряжка.

Курган 51 находится в южной части могильника. Это один из немногих курганов, подвергшихся ограблению. Надмогильное сооружение представляло собой каменное кольцо, наиболее сохранившееся в восточной части, где его ширина достигала 1,7 м. Размеры кольца 5,2x5,2 м.

После снятия верхнего слоя, при углублении на разных уровнях попадались скопления камней, которые, видимо, попали в грабительскую яму сверху.

Входная яма ориентирована ССЗ-ЮВ, ее размеры по дну 2,8x0,6 м, дно по глубине 1,85 м от западной поля. Подбой в восточной стенке ямы, его размеры 2,8x0,7 м (в центре), высота подбоя не зафиксирована, так как потолок и задняя стенка разрушена грабителями. дно подбоя ниже дна входной ямы на 4-5 см.

Каменный заклад не был разрушен грабителями. Он подпрямоугольной формы, немного расширяющийся в северной части, его размеры 2,6x0,8-1,0 м. Верхний ряд камней на глубине 1,17 м от западной поля. В глубину камни были уложены в 4 ряда, сверху они лежали в 3 ряда, следующие — попарно, нижний из одного ряда крупных камней. Всего в закладке 57 камней.

Погребение в подбое было нарушено. *In situ* сохранились кости ног и частично тазовые кости. Их положение указывает, что погребенный лежал на спине головой на северо-северо-за-

пад, кости черепа были найдены в области тазовых костей. На 20 см выше бедренных костей находилось скопление разрушенных костей. По всей видимости, грабительский ход был в этой центральной части погребения.

Инвентарь (рис. I, I, 2, II). В северо-западном конце погребения в непо потревоженном состоянии находился одноручный кушак с грушевидным туловом и чуть поодаль от него бокал выпукло-конической формы, около ножки которого обнаружена маленькая золотая бляшка треугольной формы. Здесь же были кости животного. В скоплении костей в "грабительском лазе" найдена золотая бляшка, изображающая лошадь с подогнутыми ногами и повернутой назад головой (рис. 2).

Рис. 2

Под дерном кургана найден фрагмент донца сосуда с сосцевидной ножкой; на глубине 0,7 м от западной полы в северо-западном секторе - фрагмент орнаментированного сосуда, аналогичный другому фрагменту, обнаруженному под дерном.

Курган 46 находится в северной части могильника. Камни надмогильного сооружения были взяты для строительства кошары; судя по следам от них, оно представляло собой панцирное покрытие размером 5,2х5,3 м. Высота кургана 0,22 м от восточной полы; 0,02 м от западной.

Могила прямоугольной формы, вытянута по оси север-

юг, из камней сложен "ящик". Дно ямы на глубине 1,8 м от западной полы. Самая высокая точка каменного перекрытия "ящика" на глубине 0,44 м от западной полы. Крайние точки восточной и западной стороны соответственно на глубине 0,66 и 0,62 м; южный край на глубине 1,02 м, северный - 0,72 м. Размеры пе-

рекретия 3,35x1,8 (южная сторона) – I,96 (северная сторона). По торцовым сторонам перекрытие горизонтальное, в центре концентрические ряды камней, положенные с напуском, образуют нечто напоминающее купол.

Охарактеризуем подробнее устройство каменного "ящика" и его перекрытия. Вдоль стен могильной ямы два ряда камней на высоту двух рядов в южной части и трех в северной. Южный торец ящика закруглен, на северном торце камней не было, только на высоте 0,85 м от земляного пола положен поперек камень длиной 0,75 м.

На стенках ящика ряд камней с заостренными концами, нависающие над кладкой стенок наподобие карниза.

Чтобы сократить промежуток между стенками ящика и создать в центре квадратное пространство (для устройства "купола"), южный конец ящика был перекрыт угловыми камнями – "тромами" на карнизе и торцовой стенке, на них большой плоский камень. Это устройство было повторено дважды. На ближней к центру плите и "тромах" последние "трома", на которых покоились камни основания купола. С северной стороны перекрытие пространства ящика было упрощено. На карнизах две поперечные плиты с наклоном к центру. На ближайшую к центру плиту и карнизы опирались два трома, а на них – камни основания "купола".

На камнях основания "купола" второе кольцо камней, нависающее над первым. Оставшееся отверстие было закрыто одним камнем. "Купол" был немного смещен к западной части ящика. Щели между камнями были тщательно заложены мелкими камнями. Внутренние размеры ящика 2,55x0,6 м.

В могиле погребение женщины на спине, в вытянутом положении, головой на северо-северо-запад. Первоначальное положение головы, судя по положению нижней челюсти, было лицом вверх; локтевые и лучевые кости обеих рук лежали на тазовых костях. Скелет частично потревожен грызунами.

Инвентарь (рис.3): в углу западной стенки большая фляга и рядом с ней бокал с цилиндрическим туловом и маленький фрагмент тисненой золотой монеты. Сколо сосудов кости животного и квадратная рамка из железного прута, заостренные концы которого не сомкнуты. Тут же лежало бронзовое зеркало с боковой

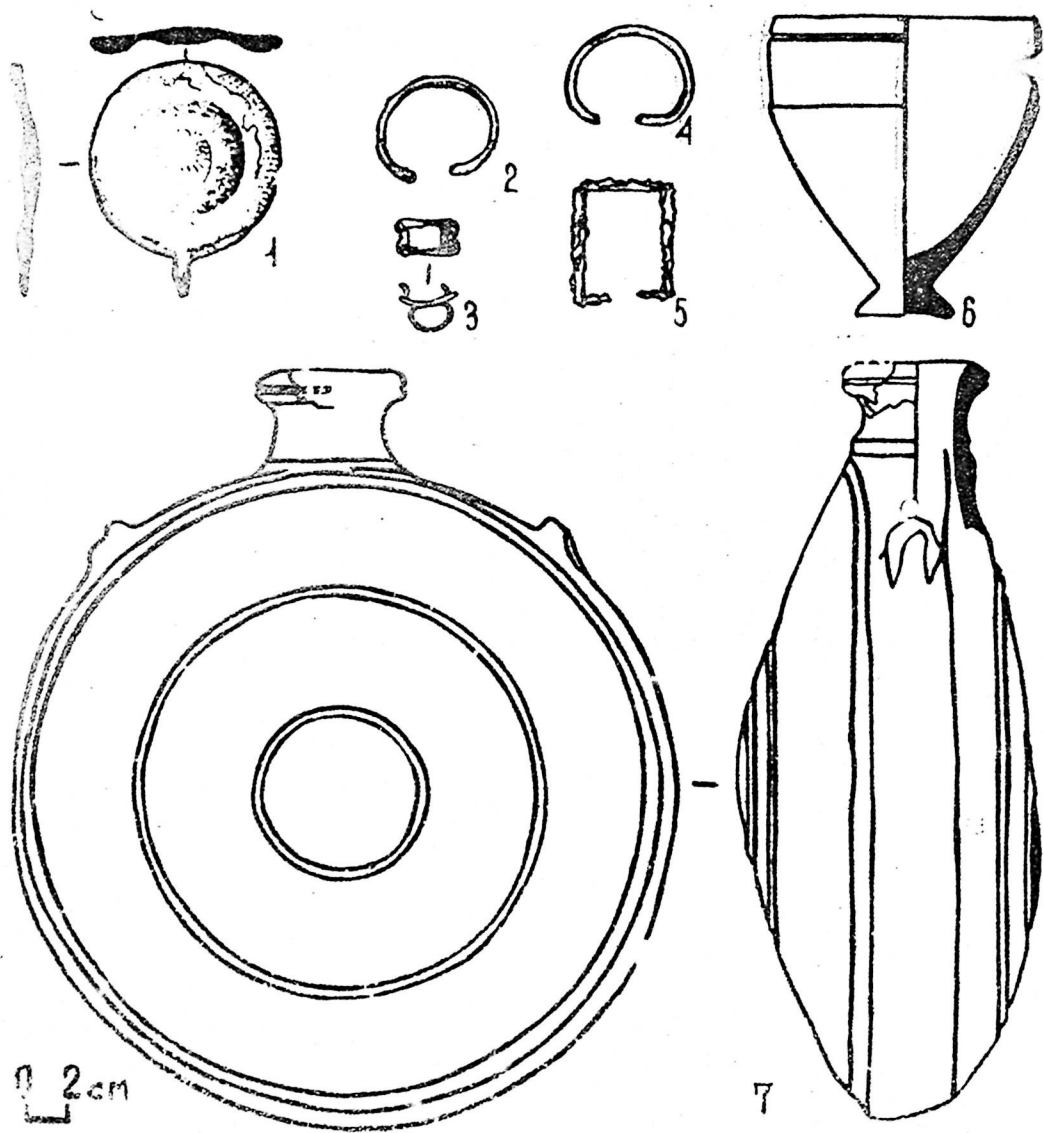

FIG. 3

ручкой лицевой стороной вверх. У самого черепа найдена серебряная рунка (от деревянного сосуда?). Около нижней челюсти и на левой лопатке — несколько раковин каури и бисер. На кистях рук — по бронзовому браслету с незамкнутыми концами. У тазовых костей — бронзовый пластинчатый перстень. У левого плеча и около правой лопатки — 2 одинаковые золотые серьги с фигурными подвесками искусной работы (рис.4). Похожие, но

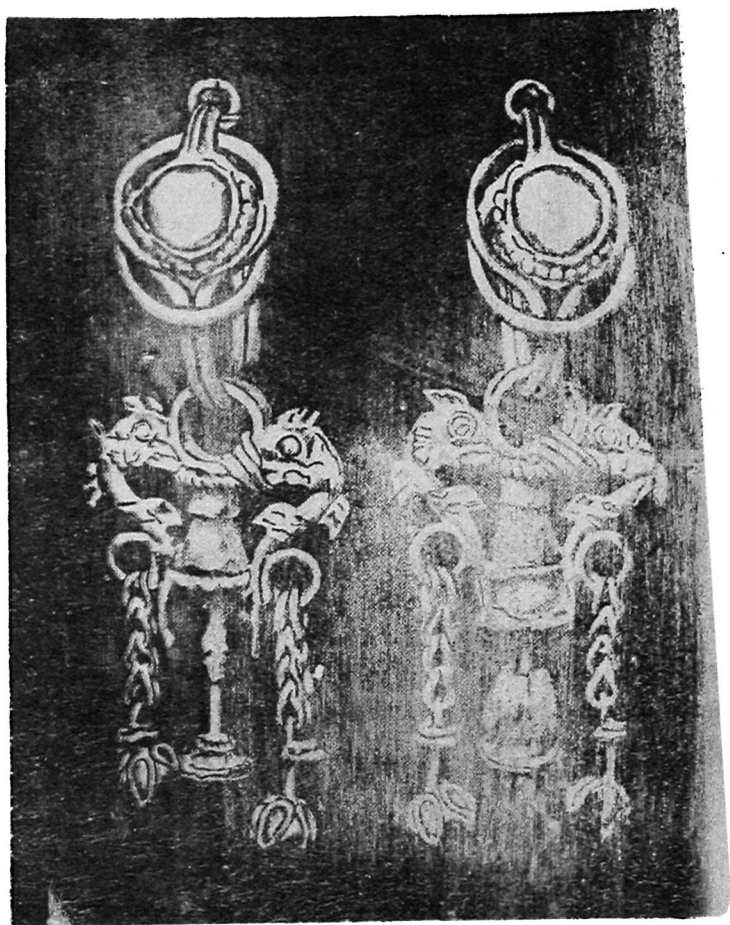

Рис.4

более простые по форме, серьги были найдены в могильнике БМ-У и в соседнем Тулхарском могильнике, раскопанном А.М. Мандельштамом. Слева от головы обнаружена золотая подвеска из золотого стержня, на которой нависаны две бусы — большая черная сферической формы, заключенная в золотую сет-

ку, в маленькая жемчужная уплощенной формы. Стержень заканчивается пирамидкой из зерна (рис.5). Подобные подвески в Южной Азии неизвестны. Две очень похожие на нее подвески,

украшающие золотые серьги, были найдены в составе клада из Пасаргад в Иране; клад датируется концом У-IV вв. до н.э.⁴⁾

Рис.5

В насыпи, под дерном обнаружены фрагменты стенки крупной миски.

Курган 6I находился в центральной части могильника. Надмогильное сооружение представляло собой небольшое скопление камней удлиненной формы, ориентированное ССЗ-ЮВ, размером 1,4x0,5 м.

Могила - небольшая яма подпрямоугольной формы, ориентированная ССЗ-ЮВ, размером 1,45x0,95 м, смещенная относительно скопления камней на север.

В яме сложен из камней "ящик", устройство которого было очень простым. Вдоль стенок ямы поставлены в один ряд 7 камней, на них - поперек три камня уплощенной формы. Щели между ямами были тщательно заложены мелкими камнями. По краям перекрытия еще несколько камней, частично заходящих на перекрытие. Внутренние размеры "ящика" 0,9x0,38 м, внешние - 1,3-0,75 (шт) x 0,65 м (сев.). Дно ямы на глубине 1 м от восточной полы.

Перекрытие на глубине 0,55 м от восточной полы.

В "ящике" погребение младенца, вытянутое на спине, головой на север-северо-запад, лицом на восток. Кости практи-

4) D. S t r o n a c h. Excavation at Pasargadae. - "Iran" III, 1965, pl.xi/a; D. S t r o n a c h. Pasargadae, Excavations in Iran; the British Contribution, Oxford 1972, фото на обложке.

чески не сохранились, в некоторых случаях удавалось проследить лишь их следы.

Инвентарь: в северо-западном углу у головы стоял сосуд со сливом, прикрытый прислоненным плоским камнем. В области груди - несколько бус удлиненной формы и подвеска в виде уточки.

Б.А. Литвинский

КАЛАИ КАФИРНИГАН
(раскопки 1975 г.)

Эсамбайский отряд Дуно-Таджикской археологической экспедиции Института истории им. А.Дониша, Института востоковедения АН СССР и Государственного Эрмитажа в 1975 г. продолжили начатые в предыдущем году раскопки городища Калаи Кафирниган (другое название городища — Токкуз-Кала).¹⁾

Отряд работал в следующем составе: начальник отряда Б.А. Литвинский (АН СССР), заместители начальника А.В. Седов (АН СССР) и В.С. Соловьев (АН ТаджССР), археологи С.Ф. Арабов, А.И. Маняхина (АН ТаджССР), Е.В. Антонова, Н.М. Виноградова, Т.А. Шеркова (АН СССР), архитекторы И.П. Пичикян, Б.З. Брыкина (АН СССР), художники Т.И. Удыма, Н.И. Кулакова, В.П. Толстикова, В.Георгадзе (АН СССР). Реставрационную группу возглавляла Л.П. Новикова, реставратор Н.П. Гиряева и Н.В. Турлыгина. В работе участвовали студенты исторического факультета ТГУ. Отряд работал с середины августа до середины ноября.

Работы проводились на цитадели (объект IV — руководитель А. Маняхина) и на трех объектах шахристана: I — руководитель В.С. Соловьев, III — руководитель В.С. Соловьев и V — руководитель А.В. Седов.

1) Б.А. Литвинский. Токкуз-Кала. "АО 1975 года". М., 1976; Б.А. Литвинский. Фрески Калаи Кафирнигана. — "Вокруг Света", 1976, № 5; Б.А. Литвинский, А.В. Седов. Из открытий советских археологов (Древний буддийский храм на юге Таджикистана). — "Азия и Африка сегодня", 1976, № 9; Б.А. Литвинский. Калаи Кафирниган (раскопки 1974 г.). — АРТ, т. I4 (1974 г.), Душанбе, "Дониш", 1979.

Раскоп на цитадели был заложен в центре ее. Выявились наличие крупных построек, неоднократно перестраивавшихся. Из отдельных находок наиболее важной является венчик хума с прорезанной до обжига надписью, которая, по заключению В.А. Лившица, входит в группу еще не расшифрованных надписей особой среднеазиатской письменности.

Раскопки на объекте I в 1974 г. вскрыли большой комплекс монументальных построек в южной части шахристана. Ядро комплекса — подквадратный, собственно ромбический зал с маловероятными сторонами (от 7,35 до 7,55 м), но со значительно отличающимися диагоналями (10,9 и 9,85 м), с обращенным на север арочным проходом. Стены из пахсовых блоков, сохранились на высоту 2-2,1 м. Вдоль стен — двухъярусная суфа, напротив входа она расширяется, образуя прямоугольный выступ — "эстраду". Внутри центрального квадрата, майлединого суфами, — насквозь обожженный прямоугольный постамент, где, очевидно, находился жертвенник с негасимым огнем. Перекрытие поддерживалось 4 колоннами: интерьер был богато украшен деревянными панно. В результате пожара деревянная конструкция и украшения сгорели и ее части сохранились лишь частично. Особо следует отметить 2-метровое деревянное панно с изображением идущих навстречу друг другу павлинов с распущенными хвостами. С трех сторон: южной, западной, северной и, видимо, первоначально — также и с восточной сторон центральный зал был охвачен коридором, причем вначале это был единый коридор (позже отдельные его части были отсечены и перестроены).

По своей планировке зал комплекса I очень напоминает парадные залы жилых пещджикентских комплексов. Однако наличие постамента под жертвенник в центре зала и обходного коридора ставят под сомнение возможность определения каланджифирниганского комплекса как жилого (мехмон-хона — гостиница). Не исключено, что этот комплекс, во всяком случае первоначально, имел культовое назначение, или наряду с жилыми выполнял и культовые функции.

В центральном зале (пом. I) объекта I в 1975 г. был заложен (К.В. Антонова) большой шурф (3x3 м) с пола помещения,

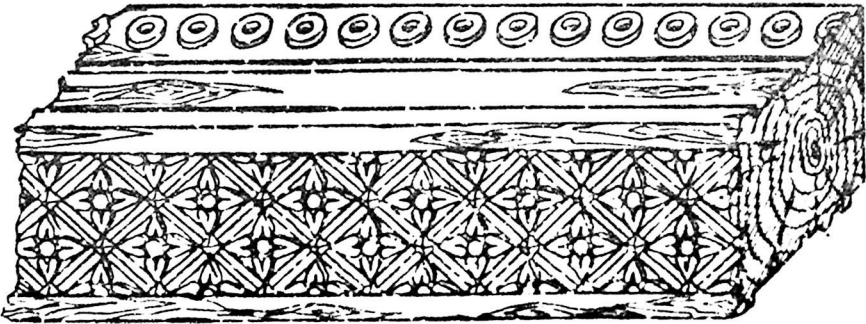
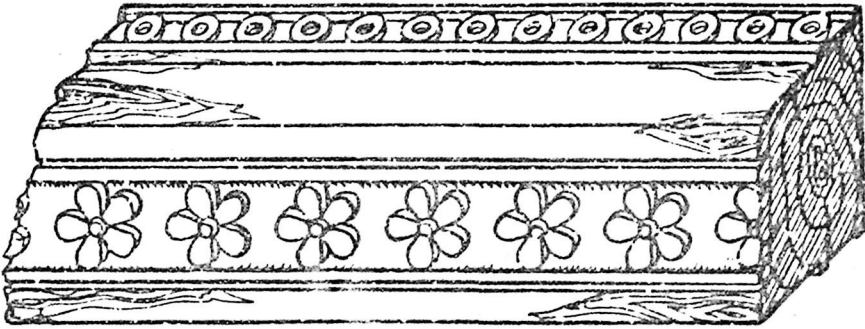
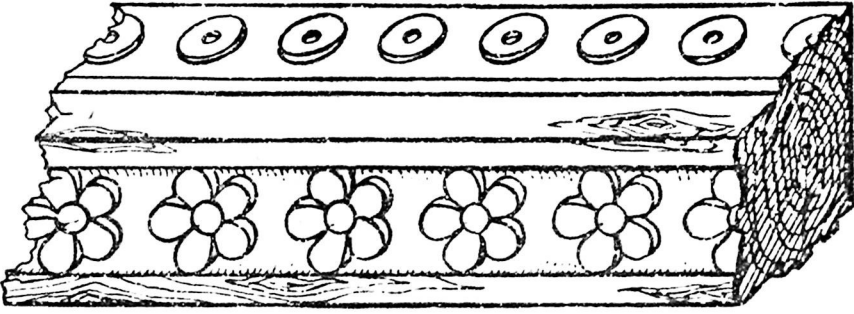
который показал, что дом был построен на развалинах построен кушанского перисда. Шурф доведен до выхода материковых слоев. Кроме того, был вскрыт проем из помещения I в северное колено коридора. На полу проема расчищены следы двойного деревянного дверного косяка сложного устройства. Основные работы сосредоточивались в северном (вскрыт полностью) и западном (вскрыт на 2/3 длины) отрезках обходного коридора. В коридоре на высоте 1,2 м над полом тянется в 4-м яруса завал из сгоревших деревянных деталей: балок (рис.1), панно, плах. Особенно большим этот завал был на повороте колончатого коридора. Здесь в гнезде, врезанном во входящий угол, была установлена деревянная колонна, монолитная²⁾ деревянная база которой сохранилась *in situ*.

Гнездо в виде вертикального желоба, резко расширяющегося книзу, начинается над плинтом (см. ниже). Основание колоколовидного уширения имеет по фронту 67 см, верхняя часть - 38 см, желоб заглублен в стену на 9 см. На плинт посажена деревянная база, заполняющая низ желоба. База колоколовидная, ее основание имеет 67 см по фронту и 44 см в глубину при высоте 20 см. Основание базы - низкий плинт (высота 3 см, выступание 3-3,7 см), на фасаде оформленный в виде уплощенного валика, по бокам - в виде плоской каймы.

Среди многих сотен деревянных деталей выделялись четыре с половиной десятка конструктивных деталей и панно, покрытых декоративной резьбой (рис.2). На конструктивных деталях преобладают розетки и кружки, на панно - виноград³⁾, арки, волно-

1) В отличие от базы центрального зала, которая была составной.

2) Доминирование мотива виноградной лозы едва ли случайное. Анализируя изображения виноградной лозы на памятниках сасанидского искусства, М.Картер предлагает интерпретировать их появление в рамках зороастрийской религиозной идеологии: с одной стороны, как воплощение зороастрийского древа жизни Хом, с другой, - как символ возрождения и повторения Науруза, шире - природы, в ассоциации с представлением о вине как царском "напитке жизни". Вместе с тем этот мотив органически вошел в буддийское и манихейское искусство Центральной Азии, а затем - в искусство Китая и Японии (A. W a l e y. A catalogue of paintings recovered from Tun-huang by Sir Aurel Stein. London, 1931, pp.54-59; S. C a m a n n. The lion and grape

2 9 18

FIG. I

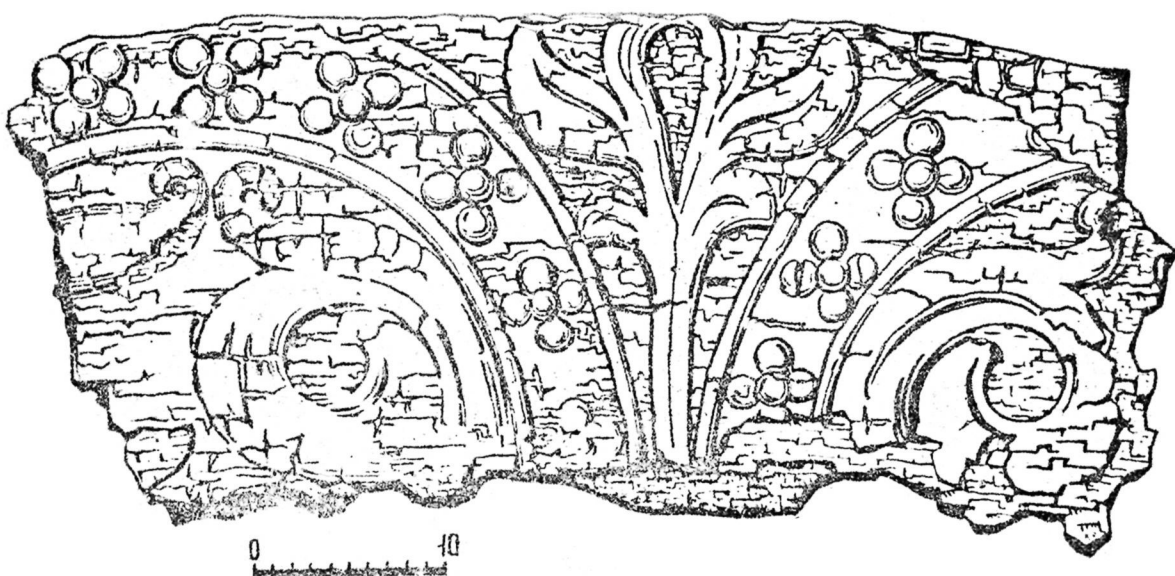

Рис.2

ты. Имеется панно с изображением стилизованной птицы. Качество и сохранность многих фрагментов превосходны.

Расчистку и полевую консервацию этих резных предметов осуществила под руководством В.С.Соловьева группа студентов ТГУ (группу возглавляла Н.Симакова). В Институт истории им. А.Донича взято свыше двух десятков фрагментов.

продолжение примечания 3 со стр.122.

pattern on Chinese mirrors. - "Artibus Asiae", vol.16, 1953, pp.265-291; M.L. C a r t e r. Royal festal themes in Sasanian silverwork. - "Commemoration Cyrus", I. Leiden-Téhéran, 1974, pp.196-197. Очень интересна и история этого мотива в Индии. - см. V.S. A g r a v a l a. The vine motif in Mathuran art. - "Journal of the Indian Society of Oriental art", vol.4, 1936, p.128-134; B. R o w l a n d. The vine scroll in Gandhara. - "Artibus Asiae", vol.19, 1956, p.353-361.

После выемки сгоревшего дерева выяснилось оригинальное устройство коридора. Главная его черта — резкий подъем (от улицы и повороту) западного отрезка коридора, наличие высокого плинта вдоль стены, прилегающей к залу, и суфы с уступом на углу — вдоль противоположной стены.

Объект III (рис.3) до раскопок представлял невысокое, почти квадратное (20х20 м) возвышение, располагавшееся северо-восточнее раскопа I, в центре шахристана. В ходе раскопок выяснилось, что в этом месте находились три изолированных друг от друга жилых дома.

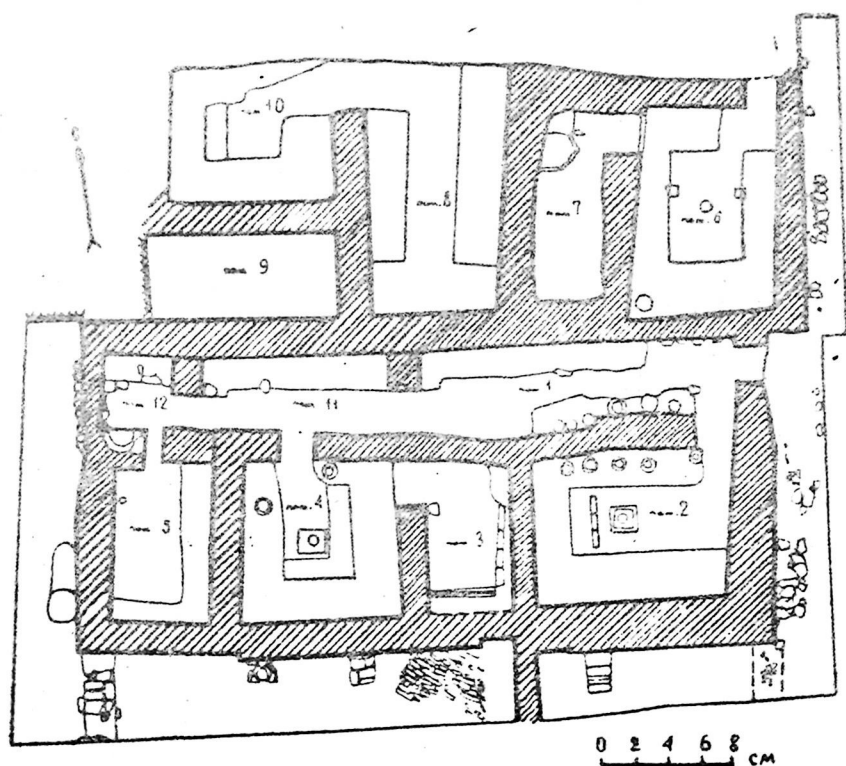

Рис.3

Дом I состоял из семи соединенных входами друг с другом помещений различного назначения: трех жилых, одного для хранения продуктов и трех производственных. В жилых помещениях располагались сложные системы суф, очаги для обогрева.

В них найдена керамика, монеты, железные и каменные изделия. В помещениях, служивших для производственных целей, расчищены доменные для плавки металлов, заглубленные в суфь.

Дом 2 состоял из двух помещений, одного жилого и одного хозяйственного. В жилом найдены нестеревшие деревянные базы колоны, фрагменты перекрытия, вскрыта система суф, занимавшая все околостенное пространство. В хозяйственном коридорообразном помещении обнаружены обломки хумов, зернов, фрагменты стеклянных сосудов.

Дом 3 включал в себя три помещения: два жилых и одно коридорообразное. Жилые помещения одновременно служили для хранения съестных припасов. В них расчищены также очажные плиты, на полах найдены монеты, керамика, пряслица различных форм и размеров.

Таким образом, в раскопе 3 расчищено 12 помещений — целый участок рядовой городской застройки.

Значение раскопок на объекте III не только в том, что они дают представление об облике рядового жилого дома, но — и это главное — впервые показывают характер городской планировки раннесредневекового Тохаристана.

В 1975 г. были начаты раскопки объекта У (рис. 4 и 5), смежного с объектом I — они разделены лишь древней улицей. До раскопок здесь находилось округлое возвышение (30x30 м). Раскопана его северная половина.

Общая схема вскрытого сооружения — буддийского храма — следующая. Центральное помещение — квадратное святилище с двумя входами на одной оси, с трех сторон охваченное П-образным коридором, а с четвертой стороны, у одного из входов четырехколонный портал. Из противоположного портала отрезка коридора один проем вел в маленькое квадратное помещение, располагавшееся вблизи продолжения оси святилища (проведенной через проходы), другой — в помещения внешнего пояса (два помещения, соединенные длинным и узким коридором). К portalу примыкает огороженный двор, который вскрыт лишь частично в своей западной части.

Святилище (пом. 2) имеет почти точно квадратные очертания (4,65x4,95 м по диагонали 6,8 и 6,68 м). В середине

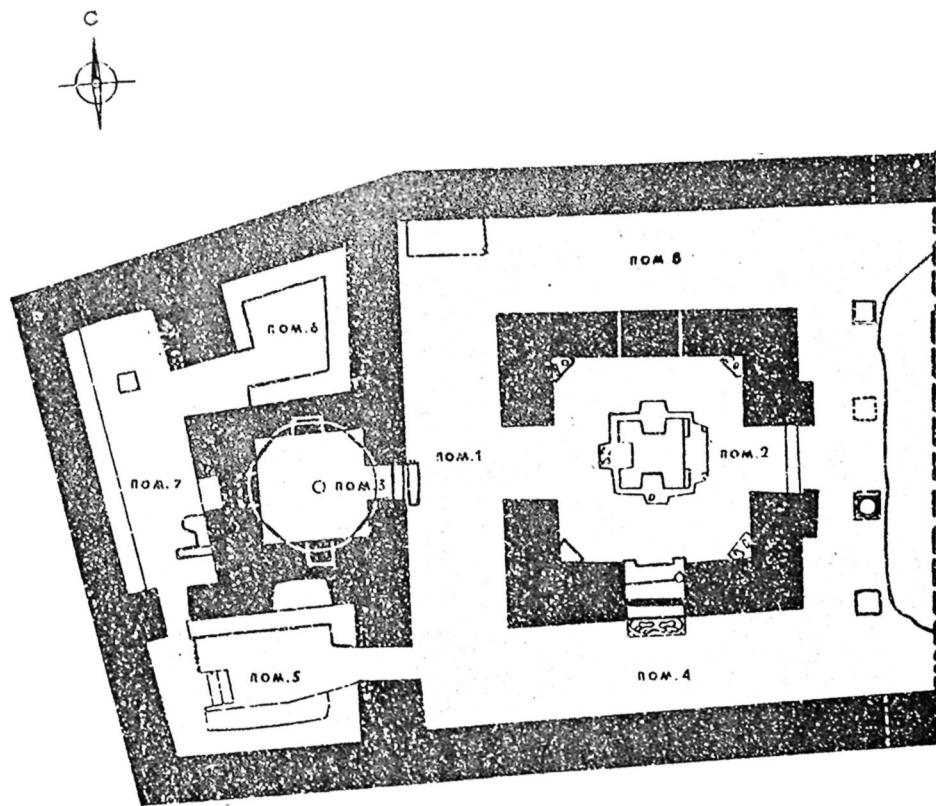

Рис. 4

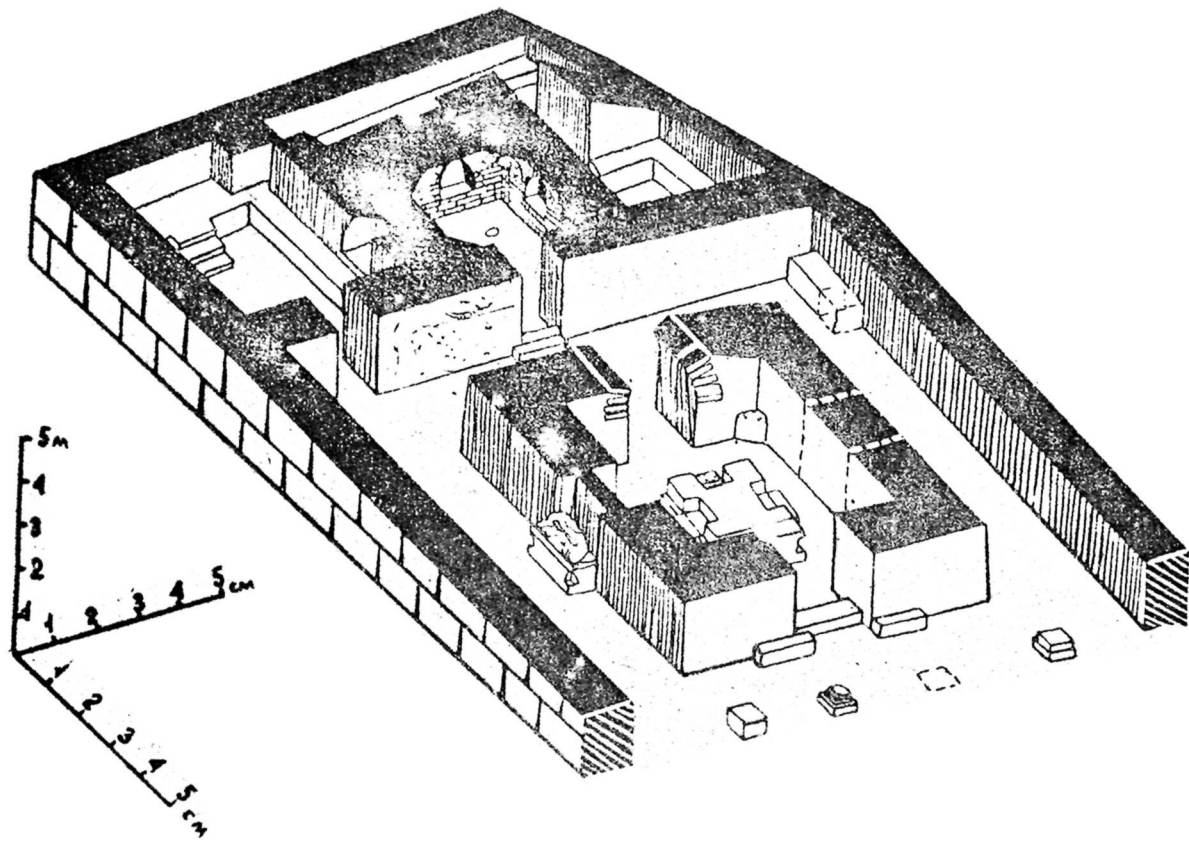

Рис. 5

двух противоположащих сторон - арочные проемы (обращенный к внутренней части комплекса - I,87 м шириной, к портику - I,68 м). Ось, проведенная со стороны портика через эти проемы, ориентирована с СВВ на ЮЗЗ.

Углы помещения заполнены постаментами, которые имеют в плане не треугольную, а пятиугольную форму, так как уголки фронтальной стороны подрезаны. Северо-западный постамент имеет по фронту длину 58, глубину - 50 см, боковые стороны по 20-22 см, высота 40 см. На его поверхности, как и на других постаментах, сохранились следы ступней ног обрушившихся стоящих статуй.⁴⁾ В середине южной стены - крупная и глубокая арочная ниша (шириной по фронту - I,66 м, глубиной 0,8 м). В нише - невысокий, П-образный в плане, постамент, "перекладина" которого, обращенная к щипцовой стене ниши, более высокая, чем боковинки. На постаменте - сидящая скульптура Будды (сохранилось основание и голова).⁵⁾ В левой щеле ниши был тайник, где обнаружено 37 замурованных глиняных светильников - чирогов.⁶⁾

-
- 4) Аналогичное устройство постаментов, на которых были стоящие статуи - в углах квадратного помещения 36 Тапа Сардара - см. ISMEO Activities. - "East and West", vol.19/3-4, 1969, p.545, pl.9.
- 5) Возможно, в середине противоположащей стороны была вторая фигура сидящего Будды - в нише, устроенной в северном проходе, ныне разрушенном (предположение Т.И.Зеймаль).
- 6) По свидетельству Фа-Сяня, в области Таксилы царь, министры и народ соперничают в разбрасывании цветов и возжигании светильников перед имевшимися там ступами (сходные данные он приводит и о других местах Индии). Об одном из храмов этот же паломник сообщает чрезвычайно существенную подробность: перед его воротами сидели продавцы цветов и курильниц, и те, кто хотели сделать приношение, покупали их. (F a - H v i e n. A record of the Buddhist countries. Peking, 1957, p.27, 30-31 u.a.). В живописи Восточного Туркестана есть изображение адорантов с пятью светильниками (иногда горящими) - по одному на голове, на плечах и руках (A. G r ü n w e d e l. Alt-buddhistische Kultstätte in Chinesisch Turkistan, Berlin, 1912, Ss. 74, 93, 183-184). На Аджинатепе, в кельях VII и VIII, на полу были поставлены один на другой, "стопками" сотни светильников (Б.А. Л и т в и н с к и й, Т.И.Зеймаль, стр.22). Буддийские религиозные тексты содержат предписания относительно поднесения светильников буддийским святым (L.A. В a r e a u. La construction et le culte des stupa d'après les Vinayapitaka. - Bulletin de l'Ecole Française d'Extreme Orient, t.L/2. Paris, 1962, p.244).

В центре помещения - большой двухступенчатый звездчатый постамент. Нижняя ступень в плане квадратная 190x170 см, при высоте 37-40 см. От нее на запад, север и юг, по средне соответствующих сторон, отходят короткие выступы такой же высоты, что и ступень, они выдаются за плоскость на 30 см, имея по фасаду длину 55-60 см.

Верхняя ступень меньше, чем нижняя, ее размеры 105 x 165 см, высота до 45 см, но верхняя плоскость не сохранилась. У верхней ступени, на трех сторонах, выступам нижней ступени соответствуют углубления-ниши длиной 52-57 см по фасаду, глубиной 35-38 см.

Восточный фас, обращенный к проему, ведущему к портику, оформлен в виде прикинутого к основному, блоковидного постамента с четверть-куполками в углах. Он выступает за плоскость стены основного постамента на 29 см, длина по фронту - 126 см, сохранившаяся высота 75 см. Этот постамент был прикинут к основному позднее. Учитывая имеющиеся аналогии, можно думать, что постамент с четверть-нишами в углах был предназначен под сидящую фигуру Будды.

Первоначально же постамент имел крестовидную форму.⁷⁾ На каждом из его выступов была стоящая культовая статуя (сохранились лишь ступни). Этот постамент можно рассматривать как *stūpa* или *caitya*.

В этом святилище было по крайней мере 9 крупных статуй (4 - на постаментах в углах, 4 - на центральном постаменте, 1 - в нише) и, как показывают обломки, множество мелких. В этом отношении пом.2 можно сопоставить с *patimāgeha* - "домом образа" цейлонских буддийских храмов.⁸⁾ Толщина стен

7) Это находит аналогии в Восточном Туркестане, - см.

A. G r u n w e d e l. Bericht über archäologische Arbeiten in Indikutschari und Umgebung im Winter 1902-1903. München, 1905 (Abhandlungen der K. Bayer. Akademie der Wissenschaften, I. Kl. XXIV, Bd. I. Abt.), fig. 10, 25, 41, v; С.Ф. О л ь д е н о в у р г. Русская Туркестанская экспедиция 1909-1910 г. СПб, 1914, рис. 26-27, с. 25-27.

8) W. G e i g e r. Culture of Ceylon in mediaeval times. Wiesbaden, 1960, p. 191.

святилища I,2-I,25 м, снаружи оно в плане квадратное, размером 7x7,4 м. Наружные стены его не вертикальные, а имеют сильный наклон внутрь.

П-образный обходной коридор имел ширину 2,12-2,20 м. В его южном колене во внешней стене святилища была устроена ниша (глубина 0,3 м), щеки которой соответствуют щекам ниши внутри помещения. В нише на постаменте фигура сидящего Будды. Стены коридора были полностью расписаны — часть настенной росписи сохранилась. Коридор был перекрыт сводом. Просевшие участки этого свода позволили выяснить его конструкцию: он был клинчатый. Внутренняя поверхность его была оштукатурена алебастром и расписана.

Квадратное помещение (пом.3) (рис.6), в которое попадали из западного отрезка коридора, расположенное (со значи-

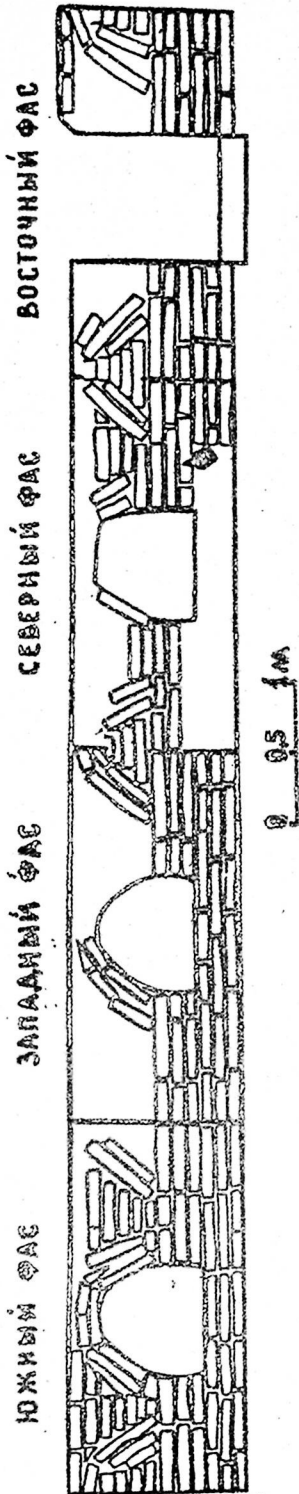

Рис.6

тельным смещением) вблизи оси, проведенной через оси святилища, было очень небольшим (2,55x2,6 м). Его пол значительно выше полов остальных помещений. В отличие от всех описанных помещений, у которых стены пахсовые, помещение 3 имеет стены из сырцового кирпича. По углам помещения, на высоте 0,7 м над полом — тромпы. Юго-восточный тромп имеет "сердечник" из положенных с обеих сторон по наклонному кирпичу. Вокруг этого "сердечника" формировались арки, образуя перспективно-арочный тромп.

Кирпичный четверик в середине каждой стороны рассечен глубокими арочными нишами (их основание на высоте 0,4-0,6 м над полом), имеющих по фронту 75-80 см, глубину 52 см. Все арки — повышенных очертаний. Судя по лучше сохранившемуся юго-восточному углу, высота стен четверика (вместе с тромпами) 1,30 м над полом, выше начиналась радиальная кладка кирпичей свода.

Четырехколонный портик располагался в 1,4-1,5 м к востоку от восточной стены святилища. Сохранились 3 каменные базы и гнездо от четвертой. Две базы — в виде каменных блоков, одна — торовидная на двухступенчатом постаменте.

История святилища достаточно сложная и она еще не во всех пунктах для нас ясна. Но уже на данной стадии исследования можно высказать несколько соображений, не рассматривая, разумеется, их как окончательные.

1. Отдельные части комплекса являются разновременными. Сам облик комплекса на протяжении его истории радикально менялся.

2. То, что наружные стены святилища не вертикальные, а наклонные внутрь, значительное несовпадение осей святилища и пом.3, а также другие наблюдения могут свидетельствовать, что первоначально святилище существовало как отдельное здание (I этап). Оно имело центрическую планировку, с 4 входами, причем главный западный (он шире и параднее).

3. Позже была построена небольшая кирпичная cella, возможно, служебного назначения (келья? хранилище?). Образовался комплекс из двух зданий (II этап).

4. Затем был построен обходной коридор, в систему которого включили и cella, а также соорудили жилые помещения за-

падного фаса, планировка которых частично определялась линией обрыва холма шахристана. С восточной стороны возвели портик (III период). Вход в святилище был переориентирован — главным входом стал восточный. В связи с этим перестроили и центральный постамент — к нему примкнули постамент с сидящим Буддой, обращенным на восток. Тогда же в южный проход были вставлены со стороны святилища и коридора по постаменту с сидящими, спиной друг к другу, скульптурами.

Время существования последнего периода устанавливается на основании находок монет и других данных — нач. VII — сер. VIII вв. Первый-второй периоды, вероятно, следует относить к концу V — нач. VII вв.

На последнем этапе это был, несомненно, буддийский храм — вихара (vihāra). Для первого этапа мы не располагаем данными о функциях постройки. С точки зрения планировки, центрическое помещение с 4 проемами совершенно аналогично иранским святилищам огня — чартак'ам.⁹⁾ Это тождество, разумеется, не может служить доказательством того, что калайка-фирниганское здание также было святилищем огня.

Уже в ахеменидское время, судя по храму в Сузах, были сооружения, где центральное помещение святилища было окружено узким обходным коридором, с входной стороны был портик.¹⁰⁾

В Кухи Ходжа, в самом верхнем слое, было открыто Э.Херцфельдом квадратное помещение, покрытое покоящимся на 4 угловых арках куполом, с узкой сводчатой обходной галлереей и с монументальным входом.¹¹⁾ Кухи Ходжа интересны и тем, что на двух первых этапах существования святилища оно имело помимо обходного коридора четырехколонный портик.¹²⁾

Нам уже приходилось высказывать свою точку зрения на процесс сложения схемы святилища с обходным коридором в буд-

9) K. S c h i r p m a n n. Die iranischen Feuerheiligtümer. Berlin-New-York, 1971.

10) K. S c h i r p m a n n, op. cit., S. 266-274, Abb. 38.

11) E. H e r z f e l d. Iran in the ancient East. London-New-York, 1941, p. 301-302.

12) K. S c h i r p m a n n, op. cit., S. 57-70, Abb. 9-10.

дийской культовой архитектуре как синтез иранских и индийских архитектурных идей.¹³⁾ Эта схема нашла отражение и в архитектуре Средней Азии, причем в двух вариантах: без портика и с портиком. Каратепя, Сурх Котал, Кафиркала и второй храм Ак-Бешима принадлежат к первому варианту, Калаи Кафирниган, Пенджикент и первый храм Ак-Бешима — ко второму.

Особенно близки планировочные решения храма Калаи Кафирниган и первого храма Ак-Бешима.¹⁴⁾ Калаикафирниганский храм занимает важное место в типологии этого рода построек и в их эволюции как в Средней Азии, так и в Восточном Туркестане.¹⁵⁾

На последнем этапе сооружения в Калаи Кафирнигане безусловно было буддийским (это не исключено, хотя и не может быть доказано, и для двух первых этапов).

В это время стены коридора, окаймляющего святилище, были целиком покрыты живописью. In situ сохранился лишь участок живописи на западной стене коридорного помещения I. Размеры этого участка 190 см (по длине) x 130 см (по высоте). Это центр и верхняя часть двухъярусной композиции, причем верхний ярус сохранился на 1/3 своей первоначальной высоты, а нижний целиком. Вся композиция верхнего яруса состояла из

13) В. А. Л и т в и н с к у. Outline history of Buddhism in Central Asia. Moscow, 1968, p. 106-108. Этот тип был связан со значительно более древними индо-европейскими ритуальными идеями. — G. R. H. W r i g h t. Square temples. East and West. "VI-th International congress of Iranian art and archaeology. Memorial volume", vol. I. Tehran, 1972, p. 385. Ср. В. В р е н т ж е с. On the prototype of the proto-Bulgarian temples at Pliska, Preslav and Madara. "East and West". 21/3-4, 1971.

14) И. Р. К и з л а о в. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. — Тр. Киргизской археолого-этнограф. экп., вып. II. М., 1959, с. 165-198.

15) А. Г р ü н в е д е л ь. Краткие заметки о буддийском искусстве в Туркестане. СПб., 1908 (отд. отт. из ЗВОРАО, т. 18), с. 2; А. G r ü n w e d e l. Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschar und Umgebung..., S. 174.

центральной фигуры сидящего Будды и по бокам от него — двух стоящих фигур, в нижнем ярусе — процессия, двигающаяся вправо.

Остановимся на некоторых деталях. Центральная фигура верхнего яруса покоится на сложном основании — троне. Это Будда в позе радмасānā. Сохранились его ноги и самый кончик левой руки.

Расстояние между коленами — ок. 100 см, так что высота фигуры могла быть 110 — 120 см. По сторонам от него две стоящие фигуры.

Нижний ярус отделен от верхнего черной каймой с белыми овалами. В нижнем ярусе на красном фоне разворачивается многофигурная композиция, в которую входят крупные фигуры высотой ок. 70 см, между которыми находятся более мелкие (2/3 величины крупных).

В левой части композиции две обращенные вправо стоящие женские фигуры. У крайней корпус и голова согласованно повернуты на 3/4 вправо. Лицо широкое, нижняя часть тяжелая, массивная. Сохранившийся левый глаз в виде горизонтального узкого овала, почти щели, расширяющейся к носу и треугольно приостренной в противоположном конце. Брови, в виде круглых дуг, высоко посажены. Лицо и короткая шея окрашены в кремовый цвет. Волосы черные, с узлом на затылке. Вдоль уха — острый клиновидный локоп. Над лбом — широкая опоясывающая повязка, более широкая по краям, по ее желтому фону проведены продольные коричневые линии, показывающие полосы. В ушах сложные серьги желтого цвета. Левая рука приподнята и вытянута вперед, к большому пальцу прижат указательный, остальные согнуты "в кулак". Между пальцами зажат нижний конец изогнутого стебля цветка. Остроконечные лепестки цветка, как и его стебель, белые, с черным контуром. В левой руке женщина держит чашу желтого цвета, на поверхности которой прослеживаются слабо видные вертикально изогнутые линии, возможно передающие ее дощатость. В верхней части чаши 6 полукруглый — не исключено, что это фрукты.

Женщина одета в длинное платье и широко распахнутый, доходящий до щиколоток, плащ. Платье с высоким прямым выре-

зом ворота. Воротник синий, широкий, украшенный белыми кружками. Основная часть платья розового цвета с двумя кружками на месте груди, возможно передающими объем тела. Рукава синие, широкие, свободно, без складок, свисающие, с белым кружковым орнаментом по полю. У запястий руки охвачены широкими пластинчатыми желтыми браслетами. Ниже бедер платье синего цвета. Подол прямой, из-под него выступают ноги в остроносой обуви, развернутые в разные стороны.

Плащ широко распахнут и полы отвернуты, так что видна его желтая подкладка, орнаментированная дугообразной каймой, заполненной черными окружностями. Снаружи плащ был также желтого цвета, но более темного.

В целом фигура колоколовидная, слабо расширяющаяся вниз, с очень узкими и покатыми плечами.

Следующая женская фигура (рис. 7) по своей позе очень похожа на описанную, однако в деталях много отличий. В левой вытянутой вперед руке закат вертикальный конусообразный стержень, внизу желтый, в верхней части черный (вероятно, сандаловая свеча). В правой, сжатой в кулак руке, женщина держит стебель 9-лепесткового цветка. Одевание также несколько различается. Голова этого персонажа непропорционально велика, фигура в целом более крупная, чем предыдущая.

Затем следует меньшая по масштабу мужская сидящая фигура. Мужчина обращен вправо в три четверти. Прическа своеобразная: вдоль уха опускается тонкий острый клинышек, вслед за клиновидным вырезом — два широких треугольных мыса, вершины которых приходятся над серединой бровей. В мочку уха продета серьга.

Одевание желтого цвета, поверх которого гладкий тесно облегающий кафтан с левосторонним треугольным отверстием. В талии фигура опоясана наборным поясом, к которому, по-видимому, был подвешен плохо видимый меч. Руки вытянуты вперед. В правой, запястье которой охвачено желтым браслетом, стебель цветка такого же типа, как описанные. В левой, также вытянутой вперед руке, на разведенных пальцах — круглый предмет в виде желтого кружка. Ноги согнуты в коленях, ступ-

FIG. 7

ни с оттянутыми носками отведены назад, персонаж сидит таким образом, что ягодицы опираются на пятки. Показаны обе ноги, причем подошва и низкий рант вдоль нее закрашены черным, выше — желтая окраска. Это очень напоминает галоши, но, может быть, это отделка нижней части мягких ичигов.

Перед сидящим находится фигура стоящего мужского персонажа — монаха. Правое плечо и рука обнажены. На левое плечо накинута розовая *dupattā*, из-под которой вверху выступает клин нижнего одеяния серовато-голубого цвета. Кое-где, поверх складок — орнамент в виде прямоугольных ячеек. Низ *dupattā* — округло-овальный с двумя concentрическими линиями по его основанию.¹⁶⁾ Внизу виден прямоугольный подол нижнего одеяния, желтого цвета. Может быть, разная сверху и снизу окраска нижнего одеяния указывает на то, что оно на самом деле состояло из *uttarāsanga* (вверху) и *antagavā-vaṅka*.¹⁷⁾ В правой руке, на груди, персонаж держит изогнутый стебель цветка. Ноги, более пропорциональные, чем у других стоящих фигур, обращены носками в противоположные стороны. На ногах черные сапоги с отворотами.

Перед монахом — пара сидящих, лицом друг к другу, небольших мужских персонажей, даже более мелких, чем предыдущий сидящий. Первая фигура держит большую и неглубокую желтую чашу. В центре блюда — какой-то плод розового цвета, в левой части блюда — другой плод.

За этой группой следует крупная фигура стоящего мужчины. Сохранилась часть правой руки и низ одежды. Фигура была, очевидно, обращена вправо. На груди, животе и в нижней части верхнее одеяние желтого цвета с неправильным клетчатым узором, рукав белый. Выше и левее этой фигуры — языки пламени.

16) Это поздняя модификация *dupattā* — см. G. S. Ghugra Indian costume. Bombay. 1951, p. 119-120, 137-138.

17) С применением такого типа одежды в кушанское время — см. H. Ch. Askernan. Narrative stone reliefs from Gandhara in the Victoria and Albert Museum in London. Rome, (IcMEO. Report and Memoirs, vol. 17, p. 92, 139).

Коленопреклоненные персонажи калайкафирниганской живописи очень близки аджинатепинским. Как известно, на Аджинатепе был обнаружен небольшой фрагмент живописи с 2 коленопреклоненными персонажами, которые держат сосуды из золота и серебра, заполненные цветами.¹⁸⁾ Анализ этого произведения позволил в свое время Т.И. Зеймаль и мне выдвинуть несколько альтернативных вариантов истолкования, одним из которых было отнесение фрагмента к сцене пранидхи.¹⁹⁾

В Восточном Туркестане сцены пранидхи — это сложные многочастные композиции, одним из элементов которых часто являлось изображение подношения даров, в том числе сосудов, коленопреклоненными людьми.²⁰⁾

В композиционном отношении восточно-туркестанские образцы изображений пранидхи, однако, кардинально отличаются от калайкафирниганской сцены, что заставляет вести поиск в другом направлении.

Калайкафирниганская сцена очень напоминает восточно-туркестанские *Stiftgebilde* — изображение церемоний, во время которой устроители монастыря (храма) подносят дары святыне. Изображение этих сцен чрезвычайно распространено на буддийских памятниках Восточного Туркестана.²¹⁾ Обычно

18) Б.А. Литвинский, Т.И. Зеймаль. Аджинатепе, с.66-67, 4-6.

19) Б.А. Литвинский, Т.И. Зеймаль. Буддийский сюжет в живописи Средней Азии (к интерпретации сцены дароносцев из Аджинатепе). — СЗ, 1968, № 3. Об иконографии этого сюжета: А. Ле Соф. *Chotscho*. Berlin, 1913, Taf. 17-29; Д. Секел. *The art of Buddhism*. New-York, 1963, p.67, 270; А. Грюнведель. Краткие заметки..., с.5; А. Габайн. *Das Leben im uigurischen Königreich von Ooco (850-1250)*. Wiesbaden, 1973, S.180 (там же литература вопроса).

20) См., например, А. Грюнведель. *Alt buddhistische Kultstätten...* Ss.239-241.

21) А. Грюнведель. *Alt buddhistische Kultstätten...*, Ss.5,6,12-14,16,25 usw. Иногда входящие в процессию слуги и другие персонажи стоят на коленях — см. G. Гроп. *Archäologische Funde aus Chotan. Chinesisch Turkestan*. Bremen. 1974, Ss. 167-171.

основатели религиозного учреждения были в половину натуральной величины — натуральную величину, составляя нижнюю полосу стеновой росписи. Они шествуют один за другим, предводительствуемые монахами, которые держат лампы (воспроизводя церемонию *pradaxvā*) или же стоят на месте. Эта сцена расписывалась в коридорах, но чаще — на внутренней или внешней поверхности стены со входом в камеру. Иконографически калайкафирниганская живопись занимает промежуточное положение, скорее приближаясь к поздним восточнотуркестанским.²²⁾

Выявляются и другие параллели с восточнотуркестанской живописью. Так, трехчетвертной поворот всех персонажей на калайкафирниганской сцене дароносцев можно сопоставить с аналогичной чертой безекджиской живописи, "отличительной особенностью которой является то, что почти каждая фигура нарисована с лицом в три четверти". Настоящие профильные изображения не встречаются.²³⁾

В восточнотуркестанской живописи многие персонажи, входящие в *Stiefbild*, как мужские, так и женские, часто держат в одной из рук стебель цветка (сам цветок выше плеча),²⁴⁾ причем таким же способом, как монах на калайкафирниганской живописи, так и монахи восточнотуркестанских композиций с основателями буддийских святилищ. Клетчатое одеяние на разрушенной мужской фигуре можно предположительно сопоставить с "доскутной" одеждой монахов восточнотуркестанской живописи²⁵⁾. Трон Будды, как, по-видимому, и вся "триа-

22) A. G r ü n w e d e l. *Alt-Kutscha*. Berlin, 1920, S.20, 27-29; A. G a b a i n *das Leben...*, S.197.

Однохарактерные сцены поднесения даров бодисатве или Будде в живописи Аджанты (*G. Y a z d a n i. Ajanta. Pt. II. Text. Oxford, 1933, pp.31-34; Plates, Oxford, 1933, pl. XXXII-XXXIII*) композиционно решены совсем иначе, чем в калайкафирниганской живописи.

23) F. H. A n d r e w s. *Catalogue of wall-painting from ancient shrines in Central Asia and Sistan recovered by sir A. Stein*. Delhi, 1933, p.VIII-IX.

24) A. L e C o q. *Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens*. Berlin, 1925, S.10, Figs. 137-140.

25) A. L e C o q. *Die buddhistische Spätantike in Mittel-asien, IV, Taf.* ; E. W a l d s c h m i d t. *Gandhara. Kutscha. Turfan-Beipzig, 1925, Taf.23 b.*

да" верхнего яруса калайкафирниганской живописи близка одной сцене на настенной живописи из Хотана.²⁶⁾

Бполне веу ятно, что в помещении были изображены правитель и его семья - патроны (основатели?) этого храма. Можно привести множество фактов о том, что в рассматриваемое время правители выступали в такой роли. Выше уже говорилось о Восточном Туркестане, то же самое можно сказать и об Индии.²⁷⁾

Во всяком случае, нет никакого сомнения, что в калайкафирниганской живописи представлен этнический тип местных тохаристанских жителей, их одежда и аксессуары. В этом отношении значение вновь открытой живописи как важного источника трудно переоценить.

Не менее существенно, что живопись Калаи Кафирнигата с ее яркой колористической гаммой, отличается высокими художественными достоинствами. Стилистически она очень близка замечательному циклу балалыктепинской живописи,²⁸⁾ причем сходство прослеживается и в целом и в ряде существенных деталей. Однако тождества нет, что, вероятно, зависит в значительной степени от более поздней даты калайкафирниганской живописи, которая занимает промежуточное место между искусством Балалыктепа и Аджинатепа.²⁹⁾

Сооружение, как указывалось, было украшено не только живописью, но и глиняной скульптурой (рис.8). Одна из крупных скульптур находилась в южном колене обводного коридора. Ее постамент был частично утоплен в нишу в наружной стене святилища. Постамент блоковидный, имеет форму неправильного параллелепипеда (в плане 150x75 см, высота 71-72 см). Сверху вдоль фасадной и боковых сторон - невысокий гладкий карниз.

26) J. W i l l i a m s. The iconography of Khotanese painting. EW, vol.23/1-2. 1973, p.139, pl.45.

27) L. J o h n i. Studies in the Buddhistic culture of India during the 7th and 8th centuries. A. Delhi-Patna-Varanasi, 1967, p.83-92.

28) Д.И. А л ь б а у м. Балалыктепа. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.

29) Б.А. Д и т в я н с к и й, Т.И. З е й м а л ь. Аджинатепа, с.56 и след.

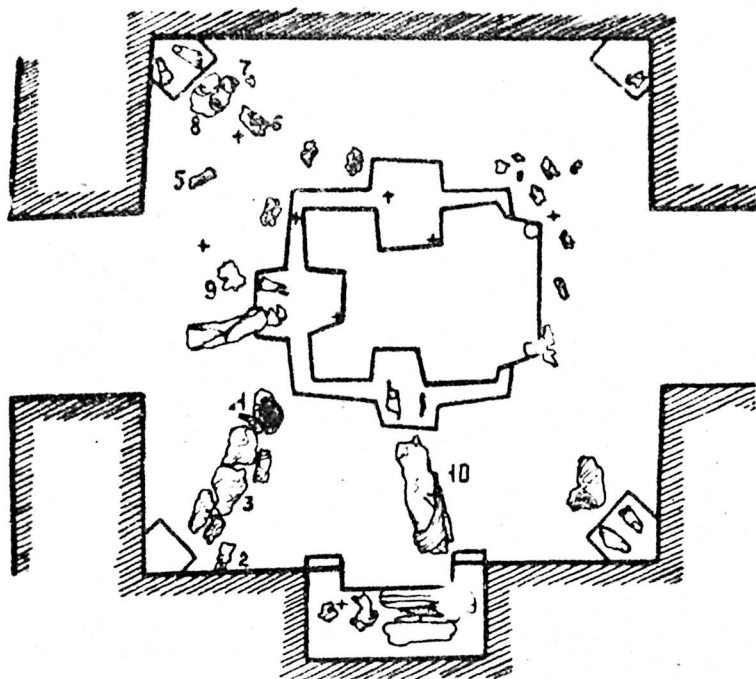
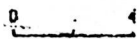
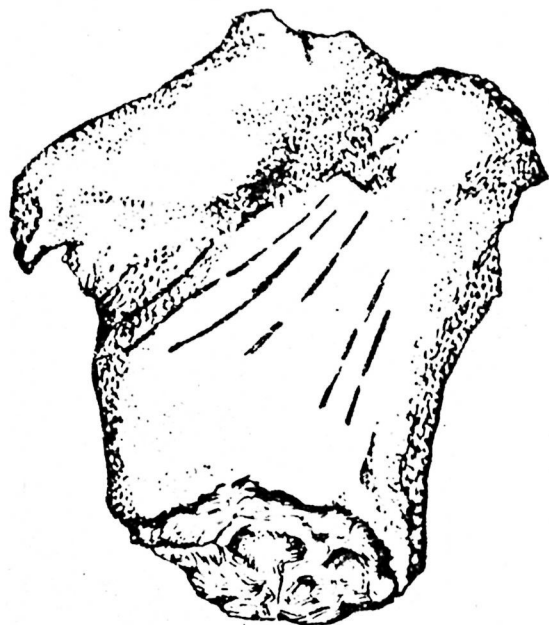

Рис. 8

На углах фасадной стороны врезаны нишки в виде четверть куполов.³⁰⁾ Поверхность постамента была раскрашена. На верхней плоскости — крупная фигура сидящего персонажа (сохранилась лишь нижняя часть, до уровня талии). Будда сидит в позе расмаваñā. Это, несомненно, фигура Будды (в dharmasakra-mudrā) крупного размера — расстояние между крайними точками правого и левого колена достигало (с учетом утрат) — 155 см.³¹⁾

Другая скульптура сидящего Будды была в святилище, также в нише, причем расположены они "спиной к спине". Эта скульптура была значительно меньше первой и сохранилась хуже. Рядом с ней была найдена скульптурная голова (несколько больше натуральной величины) с узким вытянутым лицом. Голова прекрасно моделирована, выполнена с поразительным мастерством. Перед нами идеализированный образ Будды с тронутым полуулыбкой ртом и слегка опущенными вниз глазами.

Из других скульптур в святилище отметим голову с крупными глазами и подусткрытым ртом; несколько торсов, в том числе от крупной стоящей скульптуры бодисатвы или деваты (высотой 180—200 см) с выдвинутой вперед правой ногой и полихромной раскраской и др. Кроме того, в западном конце коридора найдена скульптурная фигура птицы.

Среди скульптур Калам Кафирниган есть подлинные шедевры, стоящие на одном художественном уровне с лучшими произведениями аджинатепинской скульптуры. Но есть и определенное отличие: на Калам Кафирниган скульптура не просто условно раскрашена, в некоторых случаях можно наблюдать более органическую связь цветов и формы: полихромия, передача орнаментов одежды и т.д. В этом отношении каламкафирниганская

30) На Аджинатепе были совершенно аналогичные постаменты — см. Б.А. Литвинский, Т.И. Зеймаль. Аджинатепе, с.18,80.

31) На Аджинатепе сидящие скульптуры были меньшего размера: у скульптуры Будды в dharmasakra-mudrā (ном.22) соответствующий размер равен 110 см (Б.А. Литвинский, Т.И. Зеймаль. Аджинатепе, с.80).

скульптура, еще ближе, чем аджинатепинская³²⁾, стоит к фундукистанской.³³⁾ М. Буссалди в свое время подчеркивал большое влияние на искусство Фундукистана среднеазиатского искусства, а именно живописи и скульптуры Пенджикента, живописи Балалыктепа. Он считает, что в Фундукистане представлен "почти сплав" индийских и среднеазиатских элементов.³⁴⁾ Сейчас к числу "доноров" искусства Фундукистана следует добавить Аджинатепу и Калаи Кафирниган.

Чрезвычайно интересно сопоставление с другим афганско-таджикским памятником — Тепаи Сардар в Газни.³⁵⁾

Следует указать и на восточнотуркестанские аналогии и связи.

Крупный полихромный торс по своему общему контуру отчасти напоминает торсы бодисатв или деват из Шорчук'а³⁶⁾ и Субаши³⁷⁾, полихромией и деталями — скульптуру из Кумтура³⁸⁾ и Шорчук'а.³⁹⁾ Упомянутая выше голова с крупными глазами и приоткрытым ртом находит себе аналогии в скульптурах "гениев" из Тумшука⁴⁰⁾ и др.

В целом же живопись и скульптура Калаи Кафирнигана значительно расширяют наши представления об искусстве ранне-средневекового Тохаристана.

32) Б.А. Литвинский, Т.И. Зеймаль. Аджинатепу, с.108.

33) J. N a s k i n. Le monastère bouddhique de Fandukistan. — MDPА, t.VIII. Paris, 1959; B. R o w l a n d. Art of Afghanistan. Objects from the Kabul Museum. London, 1971, p.43-48, pl.147-164.

34) M. B u s s a l d i. Die Malerei..., S.42.

35) M. T a d d e i. Тепа Сардар. First preliminary report. — "East and West", 18/1-2, 1968 и информационные заметки в последующих выпусках "East and West".

36) B. R o w l a n d. The art of Central Asia, p.183.

37) P. M i s s i o n. Pelliot, III. Koutcha. Planches. Paris, 1967, pl.LXXXIII/171-172.

38) B. R o w l a n d. The art of Central Asia, p.174.

39) A. L e S o q. Buddhistische Spätantike, I, Taf.36.

40) M i s s i o n P. P e l l i o t, I. Tousshoug. Planches. Paris. 1961, pl.LV/135-136; LV/144.

Характеристика Калаи кафирниган была бы неполной, если бы мы не остановились на значении этого комплекса для генезиса форм среднеазиатской архитектуры развитого средневековья, так называемой "мусульманской" архитектуры Средней Азии.

Г.А. Пугаченкова указала на множество нитей, связывающих наиболее ранний из сохранившихся средневековых мавзолеев — мавзолеев Саманидов — с домусульманским зодчеством, но отрицала идею Кресуэлла, что композиция этого мавзолея восходит к сооружениям типа иранских святилищ огня, на том основании, что аналогичных домусульманских сооружений в Средней Азии не обнаружено.⁴¹⁾ Теперь этот аргумент Г.А. Пугаченковой отпадает: такое архитектурно-композиционное решение представлено святилищем буддийского храма Калаи Кафирниган — святилищем, которое первоначально было изолированным. Зачаточная "крестообразность" плана выявляется уже в квадратных помещениях Кухи Ходжа,⁴²⁾ дальнейшее развитие этой схемы должно было идти параллельно с развитием четырехконтрастной композиции.⁴³⁾ Выработанная крестообразная схема представлена в центральном помещении акбешимской христианской церкви III в.⁴⁴⁾

Не менее существенно, что в одном из помещений калайкафирниганского храма представлена (в абсолютно развитом виде) система перехода от четверика стен к куполу, состоящая из тропов на углах и ний между ними. Это важное открытие, ибо теперь с учетом наличия (в менее развитом виде) этой схемы и на ташкентском Актепа, уверенно устанавливается домусульманское происхождение этой системы.

41) Г.А. П у г а ч е н к о в а. Мавзолей Араб Ата (из истории архитектуры Мавераннахра IX-X вв.), Ташкент, 1963 (Искусство зодчих Узбекистана, II), с.68-69.

42) E. N e g r e l d. Iran in the ancient East. London-New-York, 1941, pl.XCVII.

43) Б.А. Д и т в и н с к и й и Т.И. З е й м а л ь. Аджинатепе, с.49-52.

44) Л.Р. К и з л а с о в. Археологические исследования, с.231-232, рис.56. Л.Р. Кизласов подчеркивает значение сирийского влияния на появление этой схемы в среднеазиатских памятниках.

Это положение следует распространить и на такие типы общественных зданий, как медресе, мавзолей, мечеть, караван-сарай. Многие связывает их с домусульманским временем — можно проследить генезис орнаментации, конструкций, композиционно-планировочных схем.⁴⁵⁾ Однако каждый из названных выше типов сооружения, взятый в единстве архитектурного, социального и идеологического аспектов, безусловно, являл собой принципиально новый феномен, обязанный своим возникновением эпохе средневековья и характерный именно для нее.⁴⁶⁾

Итак, обнаружение буддийского храма на Калаи-Кафирнигане открыло новую, доселе неизвестную, страницу истории буддизма в раннесредневековой Средней Азии, ярко показало органическую связь буддийского искусства и архитектуры с не буддийским искусством и архитектурой. Не только буддизм как идеология, но и связанные с ним культовые постройки среднеазиатских народов накануне ислама и оказали значительное влияние на развитие среднеазиатской цивилизации.⁴⁷⁾

45) В. А. Литвинский. Outline history of Buddhism in Central Asia. Moscow. 1968, p. 68-73.

46) В части мавзолеев см. особенно: O. Grabar. The earliest Islamic commemorative structures. Notes and documents. "Ars Orientalis", vol. 6. Michigan, 1966, p. 7-13, 38-45; O. Grabar. The formation of Islamic art. New Haven and London. 1973, p. 38, 128, 140, 201.

47) Б. А. Литвинский. Буддизм и среднеазиатская цивилизация. В соб.: "Индийская культура и буддизм". М., 1972; о н ж е. Среднеазиатская цивилизация и буддизм. — Журнал "Бвразия", Токио, 1972, № 5-6 (на яп. яз.).

Т.И.Зеймаль

РАСКОПКИ НА АДЖИНАТЕПА В 1975 г.

Аджинатепа — один из наиболее полно изученных в настоящее время буддийских памятников Средней Азии.¹⁾ Его раскопки были начаты в 1960 г. и велись ежегодно силами сотрудников Института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа. С момента организации Южнотаджикстанской археологической экспедиции (начальник — профессор Б.А. Литвинский) в раскопках Аджинатепа принимают участие сотрудники Института востоковедения АН СССР, а в последние годы и Министерства культуры Таджикской ССР. Последний, заключительный сезон работ на Аджинатепа был проведен целиком на средства Министерства культуры Таджикской ССР.

За 16 лет раскопочных работ были вскрыты все помещения основного плана здания (их общее число — 52), пристроенные к внешнему фасаду здания два помещения, оба внутренних двора и остатки главной ступы. Установлено, что Аджинатепа представляет собой остатки единого ансамбля жилых и культовых помещений буддийского монастыря, построенного во второй половине VII в., когда Вахшская долина (и все остальные районы Южного Таджикистана) входила в состав крупного государственного объединения — Тохаристана. Письменные источники сообщают о широком распространении в Тохаристане буддизма, о большом количестве буддийских монастырей в разных центрах Тохаристана и о живущих в этих монастырях монахах-буддистах.

1) Б.А. Литвинский, Т.И. Зеймаль. Аджинатепа. Живопись. Скульптура. Архитектура. М., 1971 и отчеты в АРТ.

Археологические исследования целиком подтверждают сообщения раннесредневековых авторов: в настоящее время уже известны и другие монастырские комплексы (как наземные, так и пещерные), буддийские храмы и святилища, а также находки буддийских рукописей.

Гурьные исторические события первой половины VIII в. непосредственным образом отразились на судьбе монастыря: он просуществовал не более ста лет. Как показали раскопки, здание, построенное по единому плану, за время своего функционирования коренным образом не перестраивалось. Крупные ремонты делались там, где стены, не выдерживая давления тяжелых сводчатых и купольных перекрытий, начинали "ползти". В таких случаях возводили подпорные стены из сырцового кирпича вдоль помещений, усиливая первоначальные стены. Если же проседала часть свода и возникала угроза его обвала, ставились поперечные стенки-закладки, превращавшие длинные помещения и коридоры в несколько маленьких комнат-отсеков. В критических случаях аварийные помещения целиком закладывали кирпичом, а если обвал перекрытия уже произошел, то ограничивались закладкой прохода в помещение, переставившее после этого функционировать. Так постепенно полезная площадь здания (особенно монастырской его половины) сокращалась и обитателям монастыря пришлось пристроить несколько новых помещений к внешнему фасаду здания с юго-западной стороны. Это и есть единственное добавление к первоначальному плану Аджинатапа.

Многочисленные мелкие ремонты производились во всех помещениях монастыря. Особенно часто приходилось чинить нижние части стен, разрушавшиеся под воздействием почвенных солей, а также производить "косметический" ремонт Главной ступы и примыкающей к ней части двора.

К середине VIII в. монастырь был оставлен его обитателями. Как свидетельствуют письменные источники, в 40-50-х годах VIII в. арабы, принеся ислам, окончательно закрепились в этой провинции Тохаристана. Какое-то время здание стояло необитаемым и разрушалось. Но в конце VII или в начале IX в. уцелевшие от обвала помещения и дворы были вторично "обжить"

какими-то ремесленниками: они построили несколько больших печей производственного назначения, много мелких печей-тануров, завалили выбросом из печей вестибюль храма и часть двора, устроили стойла для скота в кельях. Вполне возможно, что обживание развалин монастыря (второй период) имело по крайней мере два этапа (на это указывает стратиграфия юго-восточного угла монастырской половины), но в целом оно продолжалось недолго и вряд ли выходит за пределы IX века.

Итак, понадобилось 16 лет раскопок для того, чтобы вскрыть остатки построек, скрытых холмом $100 \times 50 \text{ м}^2$ (при высоте от 4 до 7 м). Здание с двумя большими дворами состояло первоначально из 52 помещений, в числе которых был один храм, 8 святилищ, 8 коленчатых коридоров, большой зал для собраний общины, 9 айванов (считая и айван главного входа в монастырь), два проходных вестибюльных помещения, девять келий, два пандусных сооружения для подъема наверх, к постройкам второго этажа в юго-восточной половине комплекса. Очень трудоемкой оказалась расчистка нижнего (основного) этажа: стены помещений сохранились на высоту до 6 м (хотя реальные поверхности стен, особенно в купольных помещениях, хорошо прослеживались на высоту обычно не более чем до одного метра). Помещения внутри были заполнены рухнувшими перекрытиями, обвалившимися верхними частями стен, остатками построек второго этажа.

Лучше сохранились стены помещений, составлявших ограду вокруг Главной ступы. Сказывалось отсутствие второго этажа и то, что кладка сводов здесь начиналась значительно выше, чем в помещениях монастырской половины. Работы по расчистке Главной ступы монастыря были начаты в первый раскопный сезон и продолжались (с перерывами) до 1974 г., т.е. велись параллельно со вскрытием помещений ограды ступы и соответствующих участков ограды двора. Сложность и трудоемкость работ по расчистке Главной ступы определялись тем, что это внушительное по своим размерам сооружение (диаметр 24 м, реконструируемая высота — около 12 м) не было защищено перекрытием. Необходимость в частых ремонтах и перестройках главной святыни монастыря определялась именно этим. В ре-

зультате, первоначальный облик Главной ступы оказался настолько видоизменившимся, что каждый из четырех фасадов приобрел свое "лицо". Хуже всего сохранилась верхняя часть ступы (барабан и полусфера). Ее остатки в непо потревоженном виде удалось расчистить только на высоту семи рядов кирпичной кладки. Крупный обломок-монолит полусферы сполз в восточный угол двора, прикрыв собою часть второй ступени основания ступы и сохранив тем самым от размывания даже участок с оштукатуренной поверхностью.

Из всех частей ступы лучше всего сохранилась нижняя (цокольная) ее ступень в последнем своем варианте. Она чинилась и подновлялась особенно часто, а при разрушении ступы оказалась почти полностью присыпанной обломками верхних частей сооружения, что защитило ее от дальнейшего размывания. Почти по всему периметру цоколь сохранился на полную высоту (1,3 м). С четырех фасадов в него врезаны лестничные марши, облицованные обожженными плитками. Толстый слой саманной штукатурки и многократно возобновлявшихся алебастровых обмазок покрывал вертикальные поверхности цоколя, плинтусы и ступени.

Второй ярус-ступень и примыкающие к нему лестничные марши сохранились лишь своим основным объемом: реальная поверхность с остатками штукатурки зафиксирована лишь по юго-восточному фасаду (под обломком полусферы) и лишь на небольших участках, в основном в углах возле лестниц.

Остатки живописного убранства и скульптуры были обнаружены во всех помещениях ограды Главной ступы и в отдельных помещениях собственно монастырской половины.

Если живописное оформление монастыря было одноразовым явлением (на поздних этапах монастырского периода лишь в одном случае была сделана попытка подновить сюжетную роспись в разрушенных местах — в пом. I; во всех других случаях стены с разрушившейся живописью закрашивали в один цвет), то скульптуру реставрировали, делали заново и только сильно пострадавшую убрали вовсе. За время раскопок мы неоднократно сталкивались со случаями замуровывания скульптурных фрагментов в щели дверных проемов (пом. 5,30), в толщу стен (пом. 28),

внутри постаментов (пом. 23), в ниши или проемы помещений, закладывавшиеся кирпичом (пом. 22, 24). Значительное количество обломков скульптуры найдено при вскрытии поздних полов двора вокруг Главной ступы, куда она была вмазана при очередных ремонтах. Эти вмурованные фрагменты можно считать наиболее ранней скульптурой Аджинатепа, хотя подобные "закладки" могли совершаться в течение всего периода функционирования комплекса как монастыря.

Часть скульптурного убранства сохранилась на тех местах, где фигуры были установлены, и оказалась заваленной рухнувшими перекрытиями и стенами (скульптура в храме, фигура Будды в Nirване, скульптуры в нишах коридоров 25 и 27). О времени создания такой скульптуры судить трудно, но ясно, что погибла она в течение первого периода.

Следы сознательного разрушения скульптуры относятся ко времени частичного обживания уцелевших помещений монастыря ремесленниками на протяжении второго периода. К этому времени относится образование скульптурных завалов в некоторых помещениях, где уцелевшие статуи и их фрагменты в виде "забутозки" равномерно заполняют пространство, подстилающее уровень второго периода. По-видимому, именно в это время смели и сложили в одну кучу обломки скульптуры, обнаруженные и расчищенные в монастырском дворе возле айвана П. Временные обитатели второго периода не испытывали никакого почтения к чужим святыням: в пом. 39 печь-танур была установлена на угловом постаменте у ног фигуры бодисатвы (Дваропала?), в пом. 31, 33, 38 тануры вкапывали в тело вотипных ступ, в нишах, где были фигуры Будд (пом. 27), устраивали очаги.

К началу работ на Аджинатепа в 1975 г.²⁾ оставался нераскопанным только небольшой участок в северном углу мона-

2) Отряд работал в составе: Т.И. Зеймаль (Гос.Эрмитаж) — начальник отряда, Е.В. Антонова (ИВ АН СССР) — мл. научный сотрудник, С. Моллаев (Ин-т истории им. А. Дониша АН ТаджССР) — ст. лаборант, А.Н. Керзум — лаборант, студенты-практиканты Тадж. Госуниверситета Д. Бегиев, И. Юсупов, В. Дроздов, Б. Додов, Н. Мухитдинов, Д. Мухаммадиева.

стырской половины комплекса. Его исследование и составило основную задачу отчетного сезона. По результатам раскопок предшествующих лет было очевидно, что здесь существовал коленчатый коридор. Характер второго ряда помещений (т.е. помещений, параллельных коридору и выходящих в него) и предстояло выяснить. Три остальных угла монастырской половины дали три разных варианта планировки. По результатам работ 1973 г. можно было предполагать, что эти помещения окажутся небольшими купольными кельями. Однако северный угол монастырской половины дал нам четвертый вариант планировочного решения: из коленчатого коридора 49/50 проходы вели в две кельи (помещения 51 и 54), в длинное сводчатое помещение (№ 52) и в помещение (№ 53), занятое пандусно-лестничной клеткой для подъема на крышу здания (или, что более вероятно, к помещениям второго этажа) (рис. I).

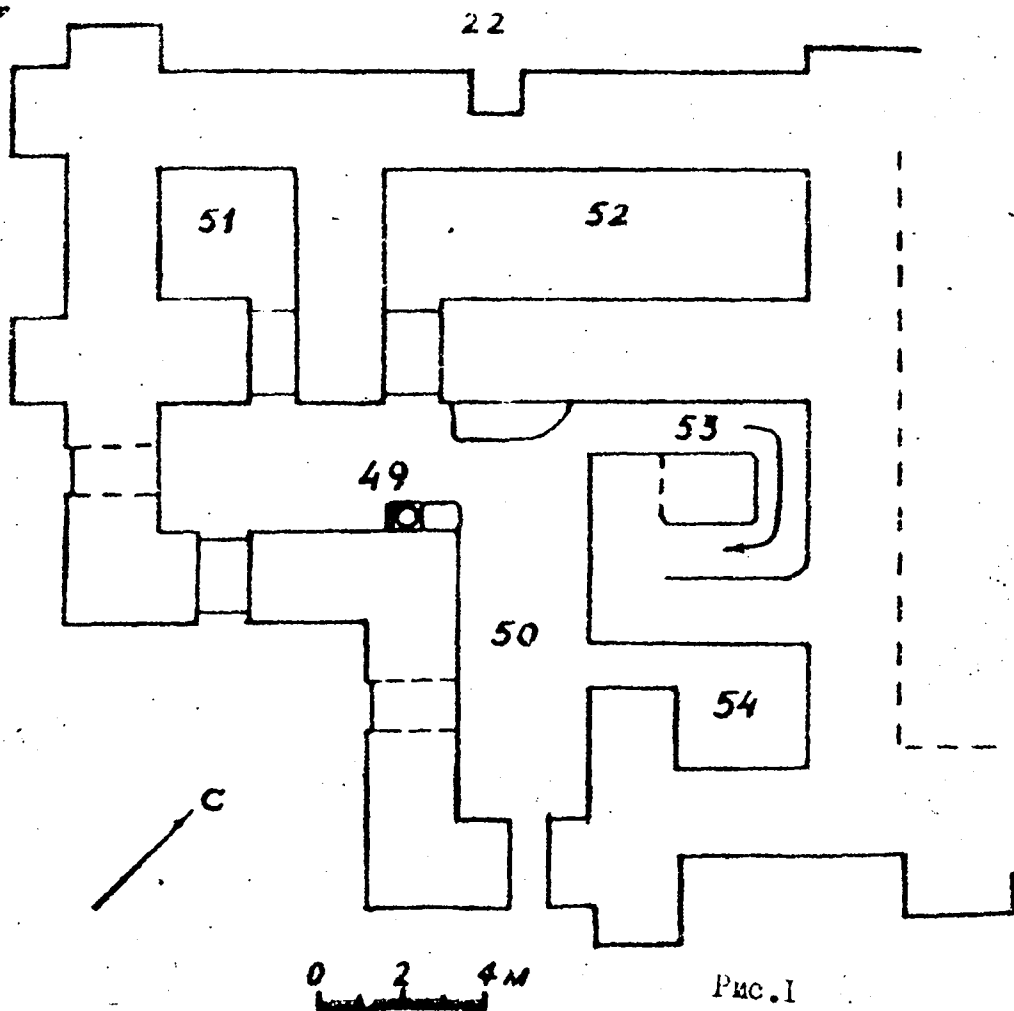

Рис. I

Как показали раскопки, эта часть здания имела довольно сложную историю: коленчатый коридор № 49/50, кельи и пандус функционировали на протяжении первого и второго периодов жизни здания, а помещение № 52 обрушилось в течение первого (монастырского) периода и было заброшено, таким образом, довольно рано.

Как уже отмечалось выше, оползание стен под тяжестью массивных сырцовых перекрытий (куполов или сводов) — не редкость на Аджинатепе. Как правило, такие случаи засвидетельствованы только в монастырской половине комплекса (а в храмовой — лишь в тех помещениях, которые граничили с монастырской половиной) и тогда, когда два длинных коридора шли параллельно. Если же второй (параллельный коридору) ряд помещений представлял собой купольные кельи или святилища (т.е. длинная стена коридора имела как бы дополнительные "контрфорсы" — массивные поперечные перегородки), стены справлялись с нагрузкой от перекрытий. В этом, видимо, состоял серьезный просчет строителей монастыря, не соизмеривших силу давления тяжелых сводов с протяженностью и шириной помещений и толщиной стен.

В результате такого просчета обрушился свод стены большого помещения № 6/9, в котором, вероятно, находились мастерские монастыря. Вход в мастерские со стороны помещения № 5 заложил пахсовыми блоками, а стену укрепили дополнительно приставной кирпичной стеной. Чтобы компенсировать потери в площади, пришлось пристраивать к внешнему фасаду здания, по другую сторону засыпанного помещения, несколько дополнительных комнат. Аналогичные ремонтные подпорки, а также частичные или сплошные закладки пришлось также делать в помещениях 16 и 48, 17, 21 и 24 (случай трех параллельно расположенных сводчатых помещений).

В помещении № 52, которое раскапывалось в 1975 г., обрушился не только свод, но и стены почти на полную свою высоту (изнутри помещения реальные поверхности зачищались только на отдельных участках и лишь в самом низу). Просел и частично был переложён свод соседнего коленчатого коридора (в месте его поворота), а также арка свода пандусного марша. Со

стороны храмовой половины комплекса, в том месте, где к ней примыкал северный угол монастырской половины (помещение № 22), по всей длине "стыка" с разрушившимися помещениями значае была поставлена подпорная стена, а позже часть коридора заложили сплошной кирпичной кладкой.

В такой критической ситуации монастырь оказался в конце первого периода. Выпадение из эксплуатации определенной части помещений основного плана не могло не повысить значение второго этажа. Пандусные ходы наверх сохранились (в обоих случаях) хорошо - ими постоянно пользовались и, несомненно, поддерживали в "рабочем" состоянии.

Всего на Аджинатепе существовало два таких пандусных подъема на второй этаж и крышу. Один из них был открыт и полностью расчищен в отчетном сезоне. Начинался он в углу коленчатого коридора № 49/50 широким (1,3 м) арочным проемом. На его клинчатую арку, как на исходный торец, опиралась кладка свода, положенного наклонными отрезками. Свод опирался на полочку из одного ряда кирпича, положенного плашмя на кирпичную кладку стены, высота которой повышалась параллельно наклонному уровню поверхности пандуса. На повороте пандуса (в 4,5 м от входа) кладка свода заканчивалась. По-видимому, второе колено-марш пандуса было перекрыто самостоятельным сводом, выведенным выше свода первого марша. Второй марш пандуса короче (1,75 м) и имеет более крутой угол подъема (около 30°). Делая плавный поворот, пандус переходит далее в третье колено (его длина 2,45 м) и выходит на современную дневную поверхность. Сохранился только самый угол поворота к следующему (четвертому) колену, который, вероятнее всего, уже не имел подъема, а просто являлся проходом по стене здания - к помещениям верхнего этажа.

Таким образом, в помещении № 53 мы имеем типичный и широко распространенный в раннесредневековой архитектуре Средней Азии случай пандусного безступенчатого подъема, шедшего по спирали вокруг прямоугольного столба. У него есть много общих черт с другим коленчатым пандусом Аджинатепе (он начинался в проходном вестибюльном помещении № 42), но у каждого из них имеются и свои индивидуальные особенности. Хотя

пандусные клетки не совсем четко "вписываются" в планировочную схему всего здания, несколько нарушая ее стройность, нет никаких сомнений, что они были предусмотрены уже первоначальным замыслом. Следует отметить некоторое отступление от стандартных для Аджинатела размеров толщины стен: они тоньше, там где стены примыкают к пандусной клетке, на 70-80 см.

О характере построек второго этажа, к которым вели пандусные подъемы, можно судить только предположительно. Вероятно, они не были монументальными сооружениями. Наиболее активное использование вторых этажей должно приходиться на конец первого периода в жизни здания, когда определенная часть помещений первого этажа перестала функционировать.

Оба пандуса, особенно их нижние марши, хорошо сохранились. При расчистке пандуса в 1975 г. были найдены фрагменты керамики, треугольный стеатитовый светильник, медная монета (без отверстия). Находки эти связаны со слоем второго периода и относятся к концу VIII- началу IX в.

Столь же активно обживались на протяжении второго периода келья 54 и оба колена коридора 49/50, раскопанные в 1975 г. К этому времени относится сооружение печи-табура возле входящего угла коридора и суфы - у противоположной стены. Размеры суфы 110x95 см. Сама печь представляла собой кирпичный кожух (100x70 см) с остатками вставленного в него кума, заполненного золой и обгоревшими комками глины. Сохранность остатков печи не позволяет судить, с каким видом ремесленного производства она связана, но в непосредственной близости от табура были найдены фрагменты каких-то железных изделий плохой сохранности. У другой стены коридора имелась суфа (длиной около 3,5 м), которая, плавно закругляясь, оставляла свободным проход в пандус. Очевидно, к последним дням второго периода относится костяк у самой стены коридора, под развалинами кирпичей свода, - случайная жертва обвала. Со вторым периодом в коридоре связаны находки нескольких железных изделий (обломки небольшого ножа, крупный нож с черенком для насаживания рукояти), а также двух медных монет с отверстиями (очевидно, переотложенных из слоя первого периода).

Сильно разрушенной оказалась келья № 54, но и в нее доступ на протяжении второго периода не прекращался. Окончательный обвал перекрытия (купольного) произошел поздно, о чем свидетельствуют мощные слои дождевых натеков над полом помещения, сильно повредившие поверхность стен и пола. В этой же келье, в заваде, высоко над полом, были найдены куски керамических труб-кубуров: очевидно, остатки системы водосборных сооружений, обеспечивавших сток воды с крыши здания.

В 1975 г. были закончены основные раскопочные работы на Аджинатепа. Следующий этап полевых работ (дочистка полов, изучение стыков между разновременными стенами, снятие некоторых приставных стен и т.п. работы по исследованию памятника) должен проводиться одновременно с предусмотренными для Аджинатепа работами по консервации и частичной реставрации памятника. Превращению Аджинатепа в памятник-музей должно предшествовать удаление с его территории остатков отвалов земли (основная часть их уже убрана), сооружение дренажных устройств, чтобы предотвратить разрушение стен почвенными солями грунтовых вод, а также возведение недорогого перекрытия над реставрированными частями памятника. Естественно, что все эти консервационно-реставрационные работы должны будут проводиться при непосредственном участии и под наблюдением археологов, раскапывавших Аджинатепа. Только в этом случае была бы обеспечена научная достоверность реставрации и полностью были бы завершены исследования этого замечательного археологического памятника.

Е.В.Зеймаль

РАБОТЫ В ГИССАРСКОЙ ДОЛИНЕ В 1975 г.

Работы Гиссарского отряда Южнотаджикистанской археологической экспедиции велись в 1975 г. силами Государственного Эрмитажа и Института востоковедения АН СССР с 24 апреля по 23 июня. Они носили, как и в 1974 г., разведывательный характер.

С 28 апреля по 12 мая А.В.Седовым была проведена общая рекогносцировка остатков ирригационных сооружений в среднем и нижнем течении р. Кафирниган и связь археологических памятников со старыми каналами. Заложённый на городище Доккы-Юнус шурф (4x3 м²) показал, что кроющийся слой на этом памятнике, впервые описанном М.М.Дьяконовым¹⁾, относится к позднесредневековому периоду (XVI-XVIII вв.). Датировка подстилающих слоев осталась в 1975 г. не установленной.

Основные работы велись отрядом в самой западной части Гиссарской долины - в правобережье р. Ширкент, на землях колхоза им. Калинина и колхоза им. XX партсъезда (Регарский район). Впервые обследованный в 1955 г.²⁾, этот район, весьма насыщенный археологическими памятниками, снова, уже более детально, с постановкой раскопочных работ, изучался в 1958 г.³⁾ в связи с задачей составления археологической карты Таджикистана (тогда работы велись в основном в левобережье р. Кара-

1) М.М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирнигана (Кобалиян) (1950-1951 гг.). - Тр. Тадж. археол. эксп., т.1 (МИА СССР, № 37), М.-Л., 1953, с.263.

2) Б.А. Давидович. О работах Гиссарского отряда в 1955 г. АРТ, вып.2. Сталинабад, 1956, с.75-86.

3) Е.В. Зеймаль. Археологические разведки в Гиссарской долине. - АРТ, вып.6 (1958 г.). Сталинабад, 1961, с.121-136.

таг и в междуречье Каратага и Ширкентдарьи). В 1973 г. небольшие разведочные работы в Регарском районе (в связи с поисками памятников бронзового века) проводил Х. Мухитдинов.

В 1974 г. работы здесь были возобновлены, поскольку правобережье Ширкентдарьи представляет особый интерес с точки зрения истории ирригации: здесь в самом общем виде сохранилась старая ирригационная схема, тогда как в более восточных районах долины (от Каратагдарьи до Джамсаньки) она оказалась принципиально перестроенной в результате сооружения Большого Гиссарского канала. Существующая ирригационная сеть в правобережье Ширкентдарьи — это схема веерного типа, без магистральных каналов большой протяженности и без сколько-нибудь значительной зоны холостого пробега воды. Такая схема может служить моделью для реконструкции общей картины древнего водоснабжения не только этого района, но и других частей Гиссарской долины.

Основная цель, которую преследовали проводившиеся здесь раскопачные работы 1974 и 1975 гг., — датировать расположенные в правобережье Ширкентдарьи памятники, наметить хронологическую закономерность в их расположении в связи с условиями водоснабжения. Всего в 1975 г. раскопачные работы велись на четырех памятниках.

Кутантепа (другое название — Джалтепа) — большое прямоугольное поселение, несколько необычного плана — с двумя вынесенными вперед небольшими возвышениями, как бы фланкирующими восточный фас памятника (рис. I). Кутантепа — один из семи археологических памятников, составляющих компактную группу, расположенную на стыке территории колхозов им. Калинина и им. XX партсъезда (участок им. Ворошилова), в непосредственной близости от действующего (но, очевидно, имеющего большой возраст) канала Шодмон-Козок (выведен из Ширкентдарьи в 3 км выше по течению реки).

В 1974 г. на Кутантепа был заложен небольшой ($2 \times 3 \text{ м}^2$) шурф, доведенный по глубине до VIII яруса и не достигший материка. Стратиграфический раскоп 1975 г. на этом памятнике имел большую площадь ($4 \times 10 \text{ м}^2$) и был доведен до материка (встречен на глубине XI яруса).

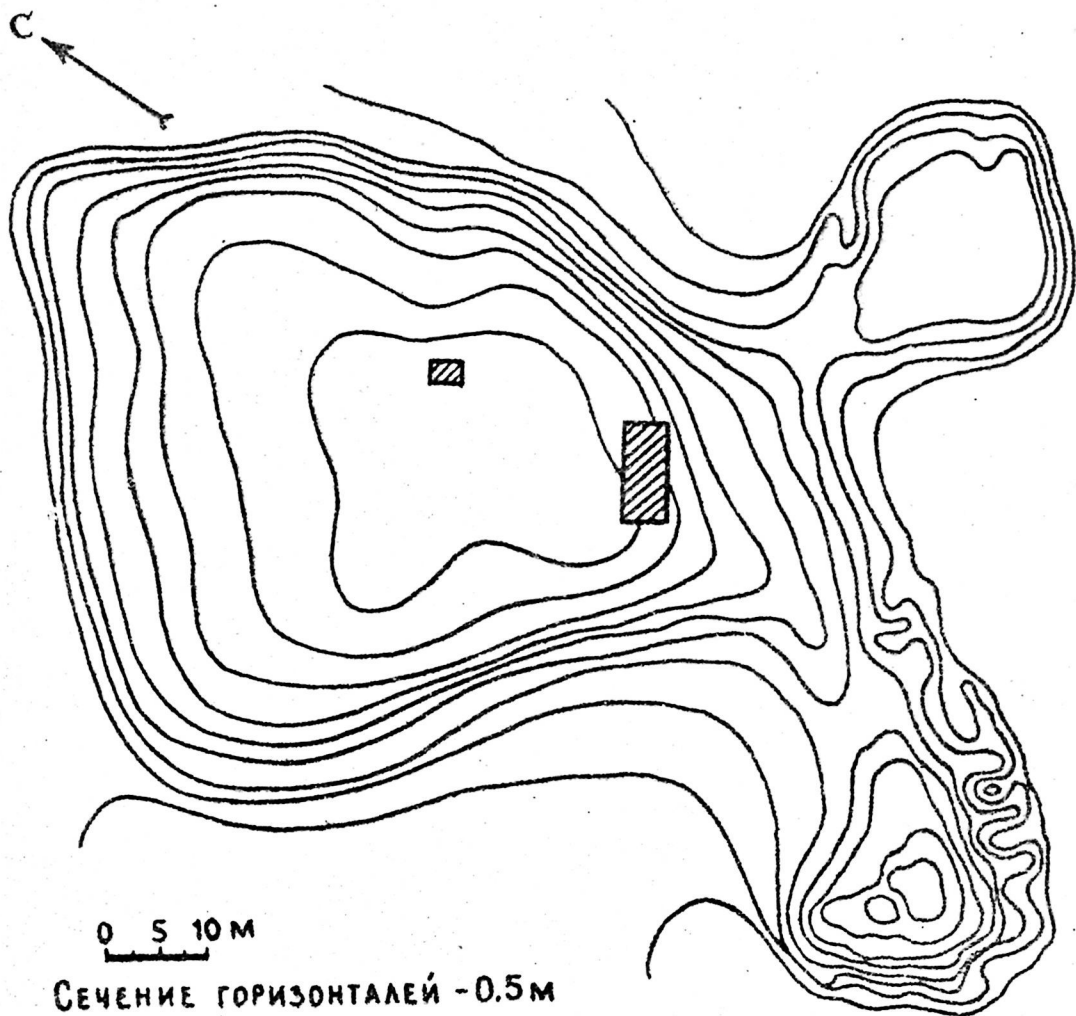

Рис. I

Всего в пределах вскрытой части холма были обнаружены остатки четырех последовательных периодов жизни, если не считать разложившихся строительных остатков, составлявших подперной слой (I и часть II яруса). Верхние слои обнаружили ту же последовательность, что и в шурфе 1974 г., однако в раскопе 1975 г. было получено больше материалов (прежде всего, керамических), что делает более надежной датировку двух верхних слоев позднекушанским временем. Подкрепляют эту датировку и строительные остатки (квадратный сырцовый

кирпич со стороной 35-36 см и толщиной 10-12 см), а также терракотовые статуэтки из слоя и другие находки.

В слое второго периода (УП ярус - в зольнике, занимавшем восточную часть раскопа) была найдена терракотовая статуэтка, изображающая мужчину в коническом мягком головном уборе (?), в перепоясанном кафтане и в шароварах (ступни ног отсутствуют). Нижнюю часть овального лица европеоида обрамляют выпущенные из-под головного убора крупные пряди волос. Прижатая к телу левая рука опущена вниз. В правой руке, согнутой в локте и прижатой к груди, какой-то небольшой объемный предмет. Характерный изгиб дугой нижнего края кафтана, складчатая разделка шаровар, орнаментальное убранство пояса и кафтана (намечены на найденном экземпляре слабо, поскольку оттиск сделан с уже "изношенной" формы) и ряд других признаков позволяют определить эту статуэтку как кушанскую. По слою, в котором она найдена, ее можно отнести к позднекушанскому времени. Среди опубликованных материалов мне не удалось найти полной аналогии к этой терракоте, но определенную близость можно отметить с фигуркой "воина" из Регарского района, найденной в 1970 г. (или несколько раньше).⁴⁾

Со слоем второго и третьего периодов связаны находки нескольких скругленно-цилиндрических и полусферических керамических пряслиц, а также двух каменных уплощенно-сферических пряслиц. В слое третьего периода были найдены, кроме того, два пирамидальных грузила из обожженной глины (высота 8,9 см и 7,3 см), часто встречающиеся в кушанских слоях в Южном Таджикистане и Южном Узбекистане.

Слой третьего периода содержал остатки здания (стены сохранились на высоту до 80 см) из сырцового кирпича (квад-

4) Н.Н. Негматов. Терракотовая статуэтка воина из Регарского района. АРТ, вып. 10. М., 1973, с. 291-293, табл. 38. Н.Н. Негматов, не располагая сведениями о месте находки, сообщает, что изданная им терракотовая статуэтка "была прислана из бригады № 27 Тельмановского участка колхоза им. Калинина Регарского района". На землях этой бригады находится тепа Балагардон, занятое позднесредневековым мусульманским кладбищем, функционирующим и в настоящее время. Возможно, находка связана именно с этим тепа, расположенном на старом канале Балагардонсай, владившем в Ширкентдарью несколько выше городища Узбеконтела.

ратный, со стороны 30-31 см). В пределах раскопа прослежи-
вались остатки трех помещений. Из керамических находок мож-
но отметить кубок на невысокой ножке, верхняя треть которо-
го, почти цилиндрическая, слегка сужается к верхнему краю
(высота II,7 см). Снаружи и изнутри верхняя часть этого куб-
ка облита красновато-коричневым ангобом (рис.2, I).

На полу одного из помещений (с ямками для столбов) бы-
ла найдена чаша на поддоне (диаметр - около 20 см), покры-
тая изнутри жидким черным ангобом (рис.2, 2). Все остальные
керамические находки, относящиеся к третьему периоду как по
ассортименту форм, так и по особенностям изготовления (в
частности, сетчатое лощение на фрагментах столовой посуды,
покрытых желтовато-красным ангобом) типичны для кувшаских
слоев, исследованных в Ижном Таджикистане.

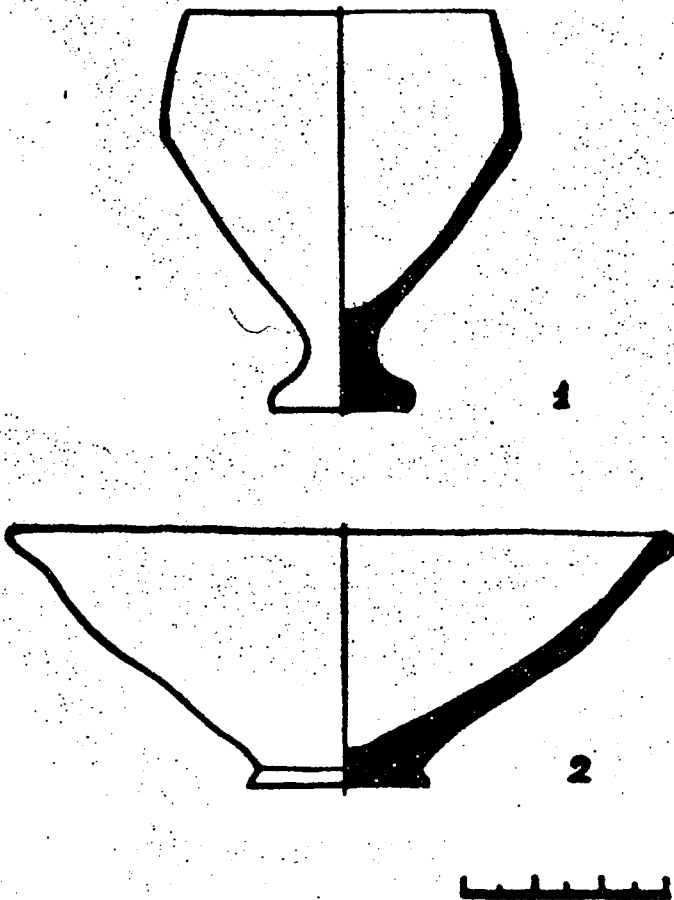

Рис.2

В западной части раскопа (VIII ярус), в слое над полом третьего периода, была найдена еще одна терракотовая статуэтка (голова отсутствует), изображающая сидящую фигуру в длинном, полностью скрывающем ноги, облачении — плаще, надетом на одно плечо, как стола (правое плечо и правая рука остаются непокрытыми). Под плащом рубашка-туника с остроугольным вырезом. В правой руке, согнутой в локте и прижатой к груди, предмет, напоминающий чашу (или вазу) на высокой ножке (точнее определить этот предмет нельзя, так как его контуры сглажены и неопределены). По характеру одежды статуэтка может быть определена как женская, хотя, как и на кушанских терракотовых статуэтках из Кей-Кобадшаха⁵⁾, грудь изображена плоско.

Эта сидящая фигурка из Кутантепа имеет одну интересную особенность, ранее не встречавшуюся на терракотах такого типа, — с тыльной стороны ее имелся широкий и плоский выступ-ножка, шедший вниз под углом к вертикальной оси статуэтки. Такая ножка (на нашем экземпляре она отбита, но по сколу у ее основания можно судить о конфигурации и направлении этого выступа), подпирая статуэтку сзади, обеспечивала ей вертикальное положение.

Самый ранний слой (IV) на Кутантепа не дал прямых датирующих материалов, однако характерные керамические формы (фрагменты кубков на сложной профилированной ножке; чаши, в том числе сероглиняные, с кольцом на зеркале и т.п.) позволяют предполагать, что здание было возведено в раннекушанский или в кушанский период.

В слое над уровнем четвертого периода (точнее, в отвале из этого слоя) была обнаружена терракотовая статуэтка мужчины (без головы), одежда которого передана с детальностью, не характерной для большинства среднеазиатских терракот. Распахнутые полы кафтана (сравнительно короткого, так как он прикрывает только верхнюю часть бедер) отогнуты наружу (по всей

5) А.М. М а н д е л ь ш т а м, С.Б. П е в з н е р. Работы Кафирниганского отряда в 1952-1953 гг. — Тр. Тадж. археол. экспед., т.3, (МИА СССР, № 66). М.-Л., 1958, с.304, рис. 12.

длине запаха) и соораны в вертикальные складки. Под кафтаном короткая, на выпуск, рубаха, перетянутая поясом (видны три круглых звена-бляшки, из которых был набран пояс, и центральная — удлиненно-овальная). Нижний подол рубахи оторочен горизонтальным рядом кружков-бляшек (точно таких же, как бляшки пояса). Перед рубахи украшен вертикальной полосой, заполненной (на терракоте) косыми пересекающимися насечками и, очевидно, передававшей декоративную вышитую полосу или широкий ряд нашивных украшений (возможно, металлических). Такие полосы "васечек" (но не косых, а горизонтальных и вертикальных), только более узкие, украшают спереди обе штанины шаровар, сужающихся к ступням. "Разделка" шаровар выполнена наклонными вертикальными складками. Ступни ног и руки не сохранились, но, судя по сколам, они были выполнены, видимо, в полном рельефе (а не условно переданы в нерасчлененном от остальной фигуры объеме, как это чаще всего бывает на среднеазиатских терракотах кушанского времени). О положении рук можно судить только предположительно: правая, согнутая в локте, была несколько выставлена вперед (возможно, перед грудью); левая рука, также согнутая в локте, очевидно, была поднята вверх (трудно судить, насколько).

В отличие от большинства среднеазиатских терракот, находимых в слоях кушанского времени, описываемая фигура как пропорциями, так и пластикой, несмотря на сравнительно скромные размеры (сохранившаяся высота — 10,6 см, полная высота — не менее 15 см), ближе к памятникам монументального искусства, чем к произведениям местных корропластов. Особенности костюма, описанные выше, характерны как для широкого круга памятников кушано-гандхарского искусства, так и для более западных областей (вплоть до парфянского Ирана и Хатры), но точного и полного соответствия всем деталям в каком-либо одном памятнике пока найти не удалось. Затрудняет точное определение отсутствие верхней части статуэтки. Очевидно, датировать кутантепинскую находку можно II—III вв. н. э., но нельзя исключить возможность того, что она является произведением не местных мастеров, а привезена сюда с запада или с юга.

Безымянное тепа в 150 м от Кутантепа, на котором был заложен небольшой шурф (2x3 м²), доведенный по глубине до III яруса, не дал четких остатков построек, но обнаружил примерно ту же последовательность слоев, что и верхняя часть стратиграфического раскопа на Кутантепа.

Культепа - большое (80x60 м) прямоугольное тепа, расположенное на землях колхоза им. XX партсъезда (участок им. Ворошилова), в 1,5 км на северо-восток от Кутантепа, было обследовано отрядом в 1974 г.

В 1975 г. здесь был заложен шурф (3x6 м) в северо-западной части верхней площадки холма, доведенный по глубине до XII яруса. Верхний слой (от I до середины III-У яруса) содержал в основном разложившиеся строительные остатки с включениями керамики (в том числе и немногочисленных поливных фрагментов в подперновом слое). На глубине 0,7-0,8 м в восточной части раскопа было вскрыто погребение без инвентаря (на правом боку, головой на север). В пределы раскопа на этом же уровне незначительной своей частью попали остатки еще двух погребений, также не давшие никакого инвентаря.

С уровня III-IV яруса характер заполнения изменился: комки-обломки пахсы приобрели более "оформленный" характер. От нижележащего этот слой был отделен интенсивной зольной прослойкой, имеющей общее падение к востоку.

С уровня IV - середины V яруса (уже под зольной прослойкой) заполнение имело уже более однородный характер (плотный лесс с включениями угольков, извести, мелкой гальки и небольшого количества фрагментов керамики). В восточной половине раскопа были расчищены остатки одной из стен сводчатого помещения, идущего с севера на юг. Общая сохранившаяся высота стены - более 3,5 м. Свод, выполненный наклонными отрезками, обрушился, но сохранились остатки его плиты и часть кирпичей, впущенных в стену над ней. Стена была сложена из двух рядов пахсы (высота каждого ряда 65 см) и 6 рядов кирпича до полочки (общая высота 75 см; размер кирпича - 35x35x11-12 см), выше полочки поверхность стены не сохранилась, так как в стену впущены кирпичи свода (их размер - 52x28x12 см).

В пределы раскопа попала также поперечная стена этого сводчатого помещения, приставленная к продольной без переяс-

ки. Поперечная стена сложена также из квадратного сырцового кирпича, но светло-желтого оттенка. В этой стене имелся проход шириной около 1 м.

На полу помещения (на глубине 5,2 м) наряду с немногочисленными керамическими фрагментами (остатки хума и сферического кухонного сосуда) была найдена медная монета царя Хувинки (лиц. ст. — царь на слоне вправо, об. ст. — стоящий бог Вишна). Ниже пола шла тонкая культурная прослойка и о глубины 5,5 м — плотный материковый лесс.

Таким образом, в пределах раскопа основное сводчатое здание кушанского времени оказалось перекрытым строительными остатками времени вторичного обживания холма (раннесредневековый период?), в которые затем были впущены погребения (очевидно, позднесредневековые мусульманские).

Каттагепа (или Гурмонтепа) — большой холм на край. террасы за северо-западной окраиной Пахтаабада (колхоз им. Калининна, 23-я бригада). Он расположен в иных, чем кутантепийская группа памятников, условиях водоснабжения — на канале, который доводил воду до уже упоминавшейся выше группы памятников у кладбища Балагардон и до окрестностей городища Узбеконтепа. Был обследован в 1958 и 1974 гг., а в 1975 г. здесь был заложен шурф (3 м x 6 м), доведенный до глубины УИ яруса.

I—IV ярусы (и частично V ярус) составляли слой, относящийся к предмонгольскому времени (X—XI в., видимо, XII вв.). Четких остатков построек слой не дал. В пределы раскопа частично попали два плохой сохранности погребения (мусульманских?). В юго-западном углу раскопа, с уровня границы между III и IV ярусами, были обнаружены остатки кладки из тонкого (до 4 см) жженого кирпича, уходящие в основном за пределы раскопа (не исключено, что это остатки разрушенной саганы еще одного погребения). Фрагменты таких же кирпичей в большом количестве встречались по всей площади раскопа (в слое I—IV ярусов).

IV—VIII ярусы дали остатки раннесредневековой постройки из пахсы и сырцового кирпича (45x25x10 см), стены которой сохранились на высоту около 2 м. В пределах раскопа оказалось (неполностью) одно помещение. Датировать слой позволяют достаточно характерные керамические фрагменты (VII—VIII вв.).

Обследование памятников, расположенных вдоль этой же террасы (Актепа, Хиштепа и др.), позволяет считать, судя по подъемному материалу, что и для них характерна такая же последовательность слоев, какую удалось установить для Каттаепа.

В целом, сравнительно узкая полоса вдоль Ширкентдарьи (кутантепинская группа и другие памятники), как удалось выяснить, была обжита в кушанское и позднекушанское время. Явных признаков обживания этой полосы в раннесредневековый период и позднее не было обнаружено. Ширина этой полосы от I до 2 км.

На запад (до Закоттепа и, возможно, до расположенного почти на самой границе с Узбекской ССР Кафиртепа и примыкающей к этому городищу группы памятников), на большем удалении от Ширкентдарьи (до 3-5 км) тянулась цепочка поселений, возникших в раннесредневековое время и продолжавших существовать и позднее, вплоть до монгольского времени.

Ю.Якубов

РАБОТЫ ЗЕРАВШАНСКОГО ОТРЯДА В 1975 г.

Работы Зеравшанского отряда можно разделить на два этапа: 1) разведки в бассейнах рек Магиандарьи, Кштутдарьи и часть Офтобруя; 2) раскопки на поселении Кум.¹⁾

Как известно, впервые в этих районах была произведена разведка в 1947–1948 гг. Верхнезеравшанским отрядом Согдийско-Таджикской археологической экспедиции под руководством А.Ю. Якубовского. С тех пор прошло 30 лет. За эти годы некоторые памятники были уничтожены. Из-за труднодоступности этих районов не все памятники удалось обследовать. Кроме того, некоторые недостаточно точно описаны. Датировка многих памятников требует пересмотра. На эту пятилетку запланировано составление археологической карты Таджикистана, поэтому разведки памятников Верхнего Зеравшана будут возобновлены. В 1975 г. были обследованы памятники древних и средневековых рустакв Магиана, Кштута и частично Офтобруя – современного Певджикентского района.

Нами обследовано около 40 разновременных памятников²⁾ и среди них много новых, в том числе небольшой мавзолей ХУІ–ХУІІ вв. Офокходжа в сел. Бри. Остановимся вкратце на его описании.

Мавзолей сложен из жженого кирпича размером 23х24–25х х 3–4 см. Состоит из одного помещения, вытянутого с севера

1) В 1975 г. Зеравшанский отряд работал в следующем составе: Ю.Якубов (нач. отряда), Е.П.Денисов (заместитель начальника отряда), Б.Я.Ставиский, В.Л.Хмельницкая, С.Арабов (археологи), С.Г.Хмельницкий, Р.Мукимов, С.Мамаджанова (архитекторы).

2) В данной статье мы приводим краткие данные лишь о некоторых из них.

на юг на 4,5 м и с востока на запад на 3,64 м. Вход оформлен в виде неглубокой стрельчатой ниши. Купол помещения покоится на четырех тропях, как в раннесредневековых помещениях. Кладка в тропях ачолная. Снаружи купол венчает кунгра. Пол выложен жженым кирпичем. В центре помещения — надгробие, на котором мраморная плита с нарисованным геометрическим узором.

Отряд начал разведку в сел. Суджина, где по Магмандарье проходила граница Буттама и Панча. В селении Суджина нами обследовано городище Санджаршах. Оно было описано и датировано X—XII вв. н.э. членами Зеравшанского отряда СТАЭ в 1947 г.³⁾ Сейчас поверхность городища Санджаршах сильно разрушена. Восточная стена города снята бульдозером и большая часть городища сnivelирована под посевы. Вдоль южной крепостной стены, в результате вывоза грунта на удобрения, разрушено несколько сводчатых помещений, расположенных на этой половине.

Подъемный материал показывает, что городище многослойное: возникло раньше V в.н.э. и просуществовало до VIII в.н.э.

В селении Чорбог описано другое раннесредневековое городище Охтонкургон. Городище и сырцовый минарет в нем упоминаются в отчете О.И. Смирновой,⁴⁾ где, однако, нет их подробного описания. О.И.Смирнова по подъемному материалу (поливной керамике) датирует Охтонкургон X—XII вв. н.э. Действительно, на поверхности Охтонкургона очень много керамики XII в., но, возможно, поселение возникло значительно раньше, в VII—VIII вв.н.э. Минарет Калтаминар в отличие от минаретов IX—X вв. сложен внизу из четырех рядов тахсовых блоков, а верхняя часть — из кирпича-сырца. По южной и восточной части городища проходит оросительная сеть кяризов (около 20 глубоких воронкообразных углубле-

3) О.И. Смирнова, Разведки в бассейне р. Зеравшан. — МИА, № 37, М.-Д., 1953, с.72.

4) Там же, с.75.

ний со сводообразными входами). Кяризы использовались до недавнего времени.

В 15 м на север от наиболее крупного всхолмления, на распаханном поле было вскрыто женское захоронение. На поверхности оказались кости рук с бронзовыми браслетами. К сожалению, могильная яма полностью разрушена. Кости вдавлены и перемещены. Удалось найти три браслета с одной руки и два браслета с другой. Браслеты изготовлены из ковanej медной пластинки с желобчатой выпукло-вогнутой поверхностью. Незамкнутые, закругленные концы, заходящие друг на друга. В районе могильной ямы найдено много медных бус и две серебряные серьги с широким раструбом (рис. 1). В конце раструба сквозное отверстие, в котором закреплялся тонкий конец серьги. Бусы, как и браслеты, изготовлены способомковки из тонкой выпукло-вогнутой в сечении пластины в виде колечка и имеют цилиндрическую форму.

Вместе с вышеперечисленными предметами найден небольшой лещной плоскодонный разбитый горшок или котелок.

Найти другие захоронения на этом распаханном поле не удалось. Председатель колхоза сообщил, что на этом месте были небольшие холмы, которые в настоящее время с nivelированы бульдозером.

На поле много кусков жженого кирпича и поливной керамики IX-XII вв. н.э. Очевидно, в древности здесь был могильник, а в раннем средневековье — поселение. Холмы, упомянутые председателем, были, вероятно, остатками средневековых домов. Возможно, могилы были уничтожены при строительстве домов еще в VIII-XII вв. Обнаруженное захоронение относится к числу уцелевших могил эпохи бронзы.

Судя по остаткам костей и найденным здесь вещам, могильная яма была ориентирована с запада на восток.

Подобные вещи найдены в могильнике эпохи бронзы вблизи Муминабада Ургутского района Самаркандской области Узбекской ССР А. Аскарвым⁵⁾. Горшок из чербогской могилы по

5) А. А с к а р о в. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде. — ИЖКУ, вып.8. Ташкент, 1969, с.56.

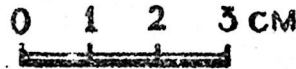
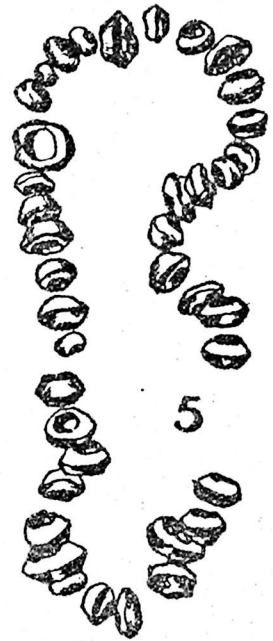
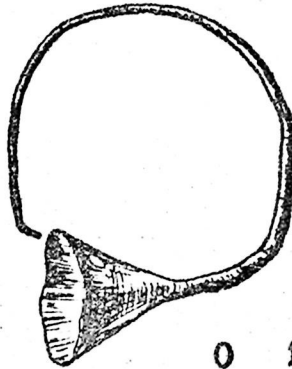
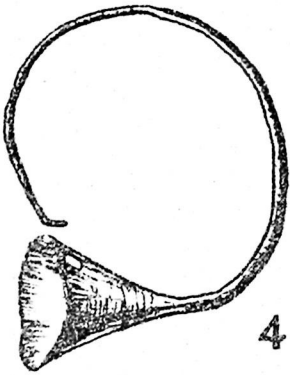
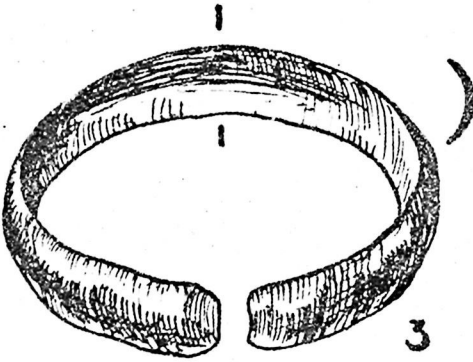
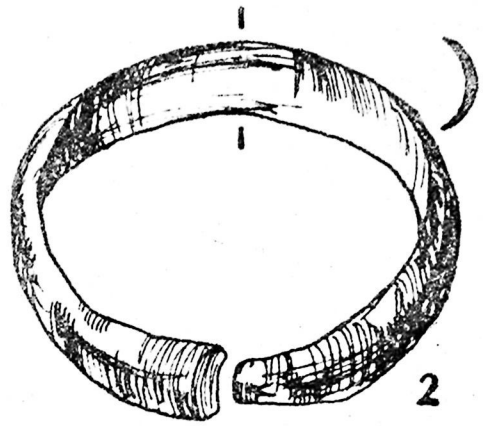
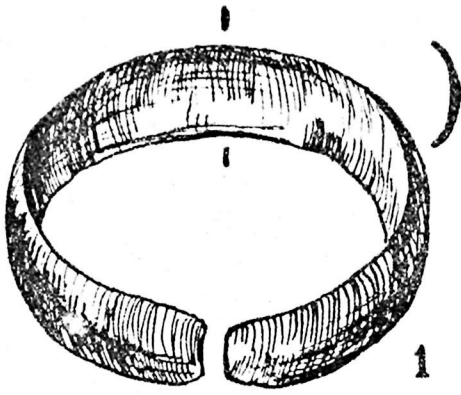

Рис. I

форме похож на муминабадский. Последний, однако, имеет две параллельные линии по плечам и штрихованный орнамент в виде треугольника. А. Аскарлов, сравнивая погребальный инвентарь муминабадских могил с памятниками тазабагъябского круга, датирует могильник XII-XI вв. до н.э.⁶⁾ Возможно, Муминабадский и Чорбогский могильники оставлены родственными друг другу племенами.

Серьги с широким раструбом, бронзовые, иногда обложенные золотыми листами, часто встречаются в погребениях андроновской эпохи Западного⁷⁾, Северного⁸⁾, Восточного⁹⁾, Казахстана и на юге Сибири¹⁰⁾. Бронзовые серьги такого типа встречены Б.А. Литвинским при раскопках Даханинского могильника - Алтский район. Серебряные серьги из Чорбога по технике изготовления и изяществу ближе к муминабадским золотым и бронзовым серьгам. Поэтому мы датируем чорбогское захоронение, как и муминабадские, XIII-XII вв. до н.э.

Среди обследованных памятников значительный интерес представляет комплекс холмов к юго-востоку от сел. Вагатов (ныне Новобад) под названием Наврузшах. Наврузшах расположен на той же террасе, что и Пенджикент и Санджаршах.

Городище Наврузшах состоит из двух больших и нескольких мелких холмов, слитых друг с другом по направлению с запада на восток. По площади на Верхнем Зеравшане - это второй город после Пенджикента. Описание городища и его топографический план сделаны сотрудниками Верхнезеравшанского отряда в 1947 г. В результате работ по проведению в 1960 г. Маргедарского канала этот памятник значительно разрушен. Канал шириной местами до 10 м проходит с востока на запад по всей южной части города. Полностью разрушен западный холм (у О.И. Смирновой он назван северным) при вывозе земли местным насе-

6) А. А с к а р о в. Раскопки могильника..., с.62.

7) М.П. Г р я з н о в. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. - Сб.: "Казаки", вып.2, Л., 1927, рис.25, 7.

8) А.М. О р а з б о е в. Северный Казахстан в эпоху бронзы. - Тр. ИИАЭ АН КазССР, т.5, Археология, Алма-Ата, 1958, табл. IV, у.

9) С.С. Ч е р в и к о в. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. - МИА, 88, М.-Л., 1960, с.14,15, табл. XXVII/a.

10) С.В. К и с е л е в. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с.80.

лением на строительство домов. Кроме того, к западу от Наврузшаха построен дом отдыха совхоза Мартедар, идет интенсивное освоение и озеленение вокруг и у подножия городища, проведены джуйбары по стенам городища.

Все это значительно разрушило холмы. Оголены стены, выложенные из кирпича размером 48x25x10 см. Перед холмом было пространство, окруженное стеной. С севера эти стены тоже разрушены. Внутри это пространство тоже застроено, а здесь, возможно, было отдельное укрепленное здание.

Наврузшах интересен тем, что первоначально, вероятно, он состоял из отдельных укрепленных замков, которые впоследствии разрослись и слились в одно целое городище, сохраняя при этом свой замковый тип. Городище многослойное; судя по подъемному материалу, оно возникло в первых веках нашей эры и было разрушено в VII в.н.э.

В 300—400 м на запад на этой же террасе расположен другой холм. Подъемного датирующего материала не обнаружено, но, как нам сообщили местные жители, там при земляных работах были выкопаны большие квадратные сырцовые кирпичи. Если учесть, что в окрестностях Наврузшаха в 1960 г. Б.И.Маршаком были найдены каменные орудия раннего палеолита, то можно предположить, что эти районы были очень рано обжиты людьми.

К югу от городища на этой же террасе вдоль канала, который в древности снабжал городище водой, есть еще другие холмы и керамика более позднего периода. Канал брал начало из сая Заврона. В районе селения Заврон нами впервые описаны три памятника.

В данном отчете мы хотим остановиться на вопросе типологического определения верхнезеравшанских памятников.

Б.Е.Неразик, занимаясь типологическим определением археологических памятников Беркуткалинского оазиса, один и тот же памятник называет то усадьбой, то замком и пишет, что "...термин "усадьба" применительно к памятникам весьма условен...", условен и термин "замок", который мы, однако, сохраняем, так как он принят в литературе".^{II)}

II) Б.Е. Н е р а з и к. Сельские поселения афритидского Хорезма. М., 1966, с.15.

Один и тот же тип памятника исследователями называется по-разному: замком¹²⁾, сторожевым постом¹³⁾, поселением или сельской усадьбой.¹⁴⁾ У некоторых исследователей понятие "городище" сливается с понятием сельское "поселение".¹⁵⁾ Одним словом, отсутствует четкое типологическое деление. Это создает определенные затруднения.

Сейчас археологическая наука в Средней Азии достигла того уровня, когда все виды памятников могут иметь четкое типологическое определение. Хронологическое и типологическое определение памятников имеет большое значение для изучения проблем истории появления и формирования селений и городищ древней и средневековой Средней Азии.

Мы попытаемся предварительно этот вопрос рассмотреть на примерах памятников Верхнего Зеравшана. Многолетние работы на сельских поселениях показывают, что по нераскопанным памятникам трудно судить об их структуре, размерах и даже назначении.

В данный момент на Верхнем Зеравшане полностью раскопаны двухчастное поселение городского типа Гардани Хисор, замок на горе Муг, Тушхона, Калаи Мирон, Калаи Фильмадлар. Частично исследованы двухчастное поселение Кум, Бомуртепа, Калаи Муг и замок Калаи Кофин. Материалы, полученные на основе археологических работ на упомянутых памятниках, с одной стороны, и разведки, проведенные автором в районе Офтобруя, Магнана, Кштута и частично Фалгара, с другой, позволяют выделить четыре типа поселений. При выделении типов учтены прежде всего признаки тех памятников, которые сейчас полностью раскопаны. Приводится топография памятников до раскопок и после того, как они полностью раскопаны.

12) А.И. В а с и л ь е в. Согдийский замок на горе Муг. - Согдийский сборник. Л., 1934; С.Л. В о л ь и н. К вопросу о замке на горе Муг. - Тр. Тадж. базы АН СССР, т.9, Л., 1938; В.Л. В о р о н и н а. Изучение архитектуры древнего Пенджикента. - МИА, 15, М.-Л., 1950, с.27,28 и др.

13) Н.Н. Н е г м а т о в, С.Г. Х м е л ь н и ц к и й. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966, с.III.

14) Ю. Я к у б о в. Паргар в VI-VIII вв. (в печати).

15) П.Н. К о ж е м я к о. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, с.131-165.

К первой группе относятся шахрак - городки, такие как городища Санджаршах и Наврузшах.

Санджаршах - это городок с хорошо выраженными элементами топографии раннесредневекового города Средней Азии. Площадь 5 га. Четко делится на две части: низ - цитадель и шахристан - городок, с трех сторон окруженный высокими и крутыми обрывами, а с четвертой - защищенный высокой мощной стеной, как в Пенджикенте. Санджаршах расположен в 12 км от древнего Пенджикента, и время его расцвета совпадает также с временем расцвета Пенджикента. Поэтому проведение археологических работ на этом памятнике в дальнейшем было бы весьма перспективным.

Другое городище - Наврузшах (описано нами выше). Площадь его около 7 га. Состоит из отдельных укрепленных усадеб или замков с примыкавшими к ним домами.

Ко второй группе можно отнести укрепленные замки-усадьбы типа замка на горе Муг VII-VIII вв.¹⁶⁾, Тупхона VII-XII и XIII-XIX вв., калаи Мирон IX-VIII и XI-XII вв., Тали Мала VII-XII вв., калаи Филмандар V в., раскопанные А.Исаковым¹⁷⁾ и Калаи Нофни IX-XII вв. н.э., частично раскопанный Б.Я.Стависким.¹⁸⁾

К этой категории относятся следующие раскопанные памятники: по Магиану Тупхона IX-V вв. в самом Магиане, Борзи Ходжамахмад VII-XIII вв. в сел. Сор, калаи Афросиаб, Опхона V-VIII вв. в сел. Фараб, Хамтуда в сел. Мазоршариф, Кудула I-III на Дашти Мала; по Кштуту Хисорак, калаи Мошу VII-VIII вв. в сел. Вору, калаи Сормат VII-VIII вв. н.э. в сел. Сормат, калаи Амтуч, в сел. Амтуч, калаи Газна VII-VIII вв. в сел. Газна, калаи Зимтуш VII-VIII вв. в сел. Зимтуш.

Эти замки-усадьбы по размеру небольшие и состоят из одного здания, имеющего не более 10 помещений. Раскопки на трех памятниках показывают, что здания были двухэтажные. По-

16) Согдийский сборник. II., 1934.

17) А. И с а к о в. Раскопки Косаторошского отряда. Археологические открытия 1974 г. М., 1975, с.537, 538.

18) Б. Я. С т а в и с к и й. Работы Магианской группы в 1959 г. - АРТ, вып.7, Душанбе, 1961, с.106.

мещения первого этажа были хозяйственные, а верхние — жилые. Помещения верхнего этажа не сохранились. Все здания стоят на высоких, труднодоступных отрогах, на гребнях гор. Они хорошо защищены с трех сторон естественными преградами и рассчитаны на самооборону. Недалеко от этих замков имеются посевные площади. Возможно, в таких замках жила одна патриархальная семья.

К третьей категории относятся памятники двухъярусные, небольших размеров, типа Ботуртепа УП—XII вв. н.э. Ни одного памятника этого типа полностью не исследовано, поэтому о характере застройки таких поселений мы мало знаем. Судя по раскопкам А.М. Мандельштама, Ботуртепа состоит из двух частей: небольшого двухэтажного замка и примыкавших к нему с юга и запада сельских домов. Таких двухъярусных тепа было значительно больше, чем тепа второй группы. К этой группе относятся следующие памятники: по Магнану Калаи Тутя УП—УШ вв. н.э. в сел. Хурми, Талиадат (Мугбазар) УП—XII вв. в сел. Гезан, Калаандартепа УП—УШ вв. в сел. Мазаршариф, Тешикташ УП—УШ вв. на Дашти Мала, калача и калаи Пуштимазар УП—УШ вв. в сел. Заврон, Дунги Обид, Калаи Хосров, Калаи Муг и Калаи Навруз УП—УШ вв. в сел. Шашкат, Калаи Парвия УП—УШ вв., Калаи Гурбак УП—УШ вв. н.э. в сел. Негнот, Мугтепа УП—УШ вв. в сел. Амондара.

Все перечисленные памятники по подъемному материалу в основном относятся к домусульманскому периоду. По существу это были небольшие селения, где жило, вероятно, несколько семей. Эти памятники, как и памятники второй группы, расположены в очень труднодоступных местах и защищены естественными преградами.

К четвертой категории относятся поселения типа Гардани Хисор УП—УШ вв. н.э. Поселение состоит из двух частей: замка феодала и примыкающих к нему жилых домов сельских жителей. Известны следующие поселения такого типа на Верхнем Зеравшане: по Магнану Калаи Мугоя II—XII вв. н.э. в Магнано, по Кетуту Хисор У—XIX вв. н.э. в Кулоли, Тепам Мурбак (Табостепа) и Мугтепа У—УШ вв. н.э. в Амандаре, Кургочи Бри УП—XVI вв. н.э. в Бри. Площадь каждого из поселений более I га.

Среди селений четвертой категории полностью раскопано Гардани Хисор¹⁹⁾, частично — Калаи Мугон²⁰⁾ и крепость Кум.²¹⁾

Раскопки на Гардани Хисор показывают, что в поселении господствующее положение занимал замок правителя. Он стоит на искусственно приподнятой платформе. Помещения в нем двухэтажные и одноэтажные. В замке были парадные помещения, в том числе большой приемный зал, домашнее святилище, сходные с раскопанными домами жилищ знати древнего Пенджикента, парадные айваны, коридоры, жилые покои, домашняя кладовая, — всего около тридцати различных помещений. Замок от остальной части поселения отгораживала нетолстая кирпичная стена. Перед замком был двор с воротами. Через ворота можно было попасть в замок.

К западу, северу и югу от замка было расположено поселение. На нем вскрыты три параллельных ряда домов и четыре параллельные улицы. Так как поселение находится на склоне холма, то улицы, в зависимости от рельефа, расположены уступами.

Учитывая площадь части селения, погибшего в результате обвала в Гардани Хисор в 722 г. н.э. во время похода арабов, которые пришли вслед за отступившим сюда из Пенджикента Деваштичем, здесь жило 30–35 семей, не считая жителей дворца и специальной постройки у входа. Эта постройка, помимо широкого входного коридора, ведущего в поселение, включала также айван с двумя примыкавшими к нему помещениями: вероятно, для стражи. Толстые стены входной постройки наводят на мысль, что над помещениями I–2 был некогда еще второй этаж.

Поселение с двух сторон окружено обрывами, скатами, а с юга и запада — оборонительной стеной с внутренним коридором.

19) Ю. Я к у б о в. Поселение Гардани Хисор. Археологические открытия 1974 г. М., 1975, с.546.

20) Б.Я. С т а в и с к и й. Археологические работы в бассейне Магиалдарьи в 1957 г. — АРТ, вып.5. Сталинабад, 1959, с.6.–81; о н ж е. Раскопки средневекового поселения близ Калаи Муг. — АРТ, вып.7. Душанбе, 1961, с.102–105...

21) Ю. Я к у б о в. Крепость Кум. — АРТ, вып.10 (1970 г.) М., 1973.

Все двухчастные поселения типа Гардани Хисор в своем рустаке были центром, где сидел правитель определенного округа.

Строительство таких укрепленных селений, усадеб, замков, крепостей в Средней Азии, в основном относящихся к V–VII вв. н.э., имело на то объективные причины. Во-первых, после распада кушанской, а затем эфталитской державы в Средней Азии отсутствовало централизованное государство, которое могло бы оградить селения и города от постоянных набегов кочевников–тюрков, которые в это время волнами проникали во многие районы Турана. Жить на равнинах без защитных крепостных стен со всеми оборонительными элементами было бы невозможно. Именно в это время утолщаются городские стены многих городов Средней Азии. Изучение городской стены в Пенджикенте показывает, что начиная с V до VIII в. н.э. она периодически укреплялась, утолщалась. Первое удвоение пенджикентской стены относится к V в. н.э.²²⁾ Нам кажется, что это было связано с постоянными набегами кочевников–тюрков. В VII в. толщина пенджикентской стены достигает II м. Время ее последнего утолщения совпадает с появлением арабов в Средней Азии.

Примерно к этому же периоду относится первая стена Самарканда (Афрасиаба), а вторая стена построена в VII в. – накануне арабского завоевания.²³⁾

В этот же период, т.е. в V–VII вв. н.э. в Хорезме строили замки с площадкой для стрелков на крыше жилых построек.²⁴⁾ Такие примеры можно привести по всем областям Средней Азии.

22) См. о пенджикентской городской стене: Б.И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг. – МИА, 124, М.–Л., 1964, с.184–241; А.М. Белевницкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова. Раскопки в Пенджикенте. – АО 1974 г. М., 1975, с.534.

23) В.А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. – Сб.: "Афрасиаб", вып.1. Ташкент, 1969, с.140.

24) В.Б. Неразник. Раскопки в Беркут-Калиновском оазисе в 1953–1956 гг. Мат-лы Хорезмийской экспедиции, вып. I, М., 1959.

Чтобы строить вокруг селения большие и толстые оборонительные стены, нужны силы, средства и время, а у многих жителей поселений того времени таких возможностей не было. Селения были разрозненные и небольшие. Поэтому жители этих мест вынуждены были строить свои дома и кишлаки на естественном, недоступном для врага месте, а поселения, расположенные на небольших открытых местах имели оборонительные стены. Каждое селение, каждая усадьба и замок были рассчитаны на самооборону.

После того, как арабы завоевали Среднюю Азию, образовалось в известной степени централизованное государство. Сначала арабские эмиры, а потом местные династии Тахиридов и Саманидов до X в. н. э. обеспечили городам и селениям Средней Азии спокойную жизнь. Уцелевшие города и селения быстро начали развиваться.

Новые оборонительные стены вокруг городов и селений перестали строиться. Одновременно жители сельских мест стали покидать укрепленные замки, крепости и селения, расположенные на высоких труднодоступных и безводных местах. Они спускались на более ровные, открытые, удобные и обеспеченные водой места. Этот процесс хорошо прослеживается на Верхнем Зеравшане. Аналогичные явления происходили и в других районах Средней Азии. Отсюда наличие большого количества развалин городищ, поселений, замков и укрепленных усадеб, покинутых в конце VIII и начале IX вв. н. э. И хотя арабское завоевание привело к разрушению и опустошению многих населенных пунктов, связывать заустение всех покинутых населением городских и сельских поселений и замков именно с арабским завоеванием, как это обычно делается, на наш взгляд неверно. Разумеется, все охарактеризованные явления протекали на фоне сложных и противоречивых процессов феодализации Средней Азии, которые являлись определяющими и в отношении типа и характера расселения жителей Средней Азии.

В.С.Соловьев

РАБОТЫ КОЛХОЗОБАДСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТРЯДА В 1975 г.

В 1975 г. Колхозобадский археологический отряд продолжал раскопки дворцовых помещений на цитадели городища Кафиркала в Колхозобадском районе. Здесь велась одновременно расчистка нескольких помещений (пом.34,35,37,39). Наибольший интерес представляют два из них (пом.34 и 39).

Помещение 34 являлось, очевидно, одним из парадных залов дворца, функционировавшим на всем протяжении его существования. В период КФ-I в его южной стене были вырублены ступени. Сохранилось три из них. Высота ступеней равна 68-20 см, ширина 40-50 см. Поверхность их была тщательно выровнена и оштукатурена. О назначении этих ступеней говорить трудно, потому что строения дворца в этом месте сильно пострадали при хозяйственных работах в 1965 г. При расчистке ступеней была найдена монета "Безымянного царя".

Восточная стена помещения была оформлена в виде ниши, фланкированной по бокам уступами, которые имитируют колонны. Первоначальная глубина ниши равнялась 70 см, затем ее частично заделали (рис.1).

Помещение 39 располагается в юго-восточном углу цитадели. Оно представляет собой коридор длиной около 12 м, шириной 2,5 м. Вытянут он с юго-запада на юго-восток. Одним торцом он выходил во двор, другим - в сторону выступа, находящегося снаружи, у юго-западного угла цитадели, где в древности, очевидно, находился устой для подвешенного моста, связывавшего цитадель с городом.

Помещение функционировало на всем протяжении существования дворца. Вдоль его стен шли неширокие суфы-скамьи. По-

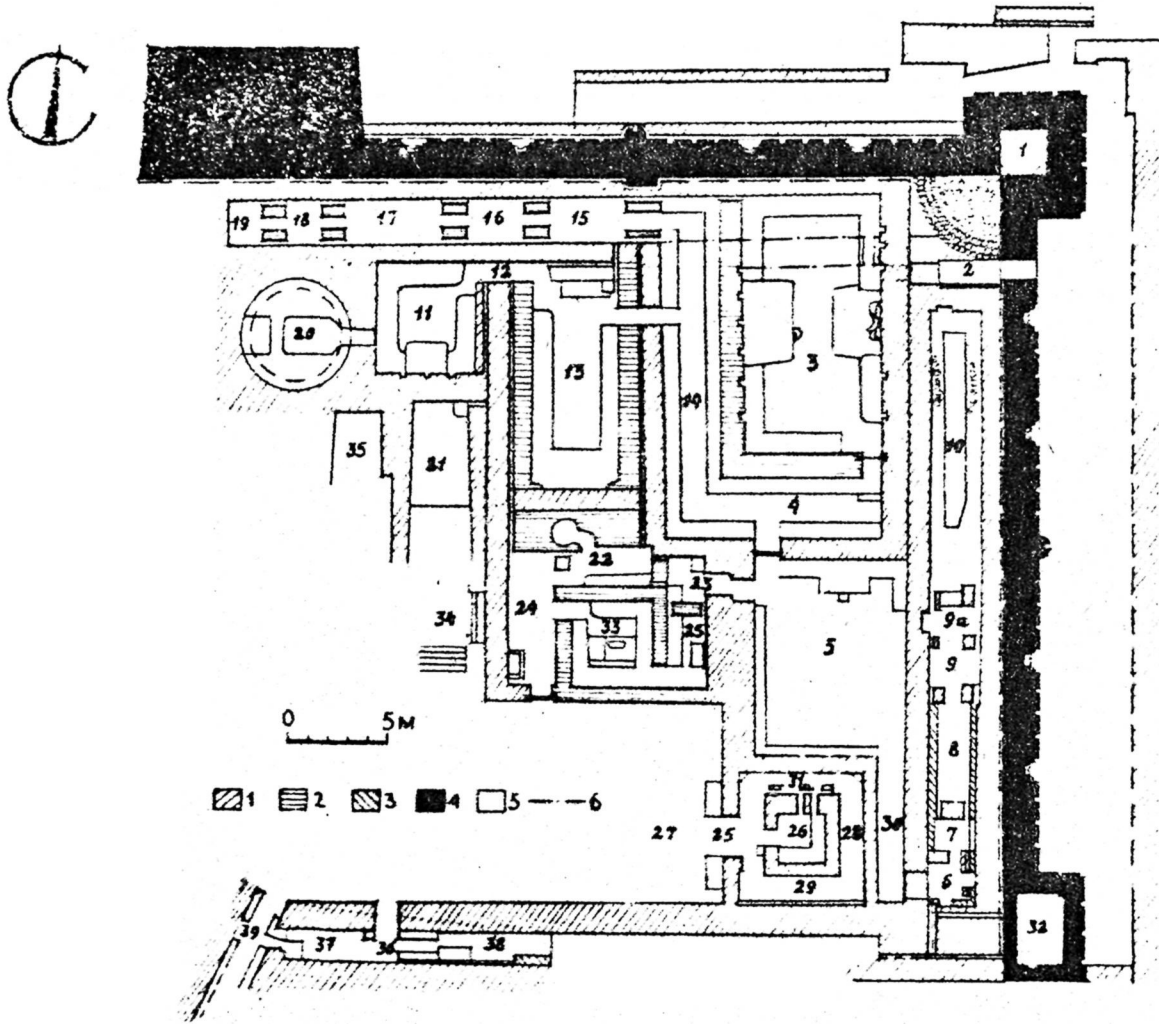

FIG. I

мещение подверглось одному крупному ремонту. Уровень пола в нем неоднократно менялся.

Таким образом, к 1975 г. дворцовые постройки на цитадели Кафыркалы раскопаны почти полностью. Выявлена композиционная схема дворца (преимущественно периода КФ-I). Судя по ее четким очертаниям, перед началом возведения дворцовых строений был изготовлен эскизный план комплекса, производилась разбивка контуров помещения на местности.

Принцип застройки кафыркалинской цитадели можно назвать "дворец-крепость", что имеет существенное отличие от застройки двух, наиболее изученных городских цитаделей Согда - Варахши и Пенджикента. В Пенджикенте, как выяснил в ходе раскопок А. Исаков¹⁾, первоначальные раскопки (А.И. Тереножкин²⁾ и Б.Я. Ставский³⁾) производились в донжоне, возвышавшемся над дворцом. Следовательно, дворец и донжон были двумя самостоятельными частями не только по членению, но и по назначению.

Аналогичное решение, очевидно, имелось и в Варахше. Представляется, что раскопанный дворец являлся одновременно жилым и парадным зданием для правителя, а западная, ранняя часть цитадели, которую исследователи считают жилой⁴⁾, была донжоном, служащим правителю не для жилья, а для укрытия в случае осады.

-
- 1) А. И с а к о в. Дворец правителей древнего Пенджикента. - СНВ, вып. 10, М., 1971.
 - 2) А. И. Т е р е н о ж к и н. Раскопки в кухендизе Пенджикента. - МИА, № 15, М.-Л., 1950.
 - 3) Б. Я. С т а в с к и й. Раскопки жилых построек в кухендизе древнего Пенджикента. - МИА, № 15, М.-Л., 1950.
 - 4) В. А. Н и л ь с е н. Варахшская цитадель. - ТИАА АН УзССР, вып. 9, Ташкент, 1956; В. А. Н и л ь с е н. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (У-УШ вв.). Ташкент, 1966; В. А. Ш и ш к и н. Варахша. М., 1963.

Э. Гулямова

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ САЙЕД В 1975 г.

Пять полевых сезонов ведутся раскопки на средневековом городище Сайед IX-XI вв. Раскопана треть жилого комплекса. В плане это должен быть большой квадратный двор (26x26 м) с помещениями вокруг него. В 1975 г.¹⁾ раскопки были сосредоточены в юго-западной части. Продолжались раскопки помещений I2 и I7, I8 раскопано полностью, частично вскрыты помещения I9 и юго-западный угол двора.

Помещение I2 раскапывается третий сезон. Раскопки затрудняются многочисленными перестройками, которые претерпело помещение за время своего бытования. Имеет два уровня пола, перепад между поздним и ранним около одного метра. Площадка, возведенная над старым уровнем пола, состоит (послойно): из обломков пазы, смоченной водой (очень плотный слой), гальки, обожженных скоплений и россыпей жженого кирпича. Почти над нижним уровнем пола выявилась нижняя часть восточной стены, сохранившаяся на высоту трех кирпичей и сложенная из обломков сырцовых кирпичей. Ширина 30-45 см. Края торцовая стена помещения еще не докопана до конца, но сейчас можно проследить по остаткам этой стены, что помещение I2, первоначально большее по размерам (11x8 м), на одном из этапов обживания было перегородено на два отдельных. Назначение помещения, нужно полагать, - хозяйственное. Земля над полом

1) Отряд работал в составе: Э. Гулямова - начальница отряда, М. П. Страдомская, Н. П. Гиряева - реставраторы, А. И. Малахеева, М. Мирхолов - старшие лаборанты, М. М. Муллокаев - маршрутный рабочий, Н. С. Бабаева - этнограф, К. Байзулкаев - шофер.

почти по всей площади прокалена. Это могут быть как следы пожара, так и результат хозяйственного обживания комнаты. Здесь обнаружены 2 ташноу, несколько очажков и на полу фрагменты поливной керамики — фрагмент нижней части миски с белой поливой, фрагмент венчика миски с росписью болотного цвета и др.

В этом сезоне было докопано помещение I7. Прямоугольная в плане парадная комната (8,15x4,14 м), стены ее были покрыты резным алебастровым штукатуром. Особый интерес представляют некоторые детали, выявленные при зачистке пола: овальные (30x30 см, глубина 15–35 см) лунки, которые в последний период обживания были замазаны алебастром. Вдоль восточной стены четыре лунки почти на равном расстоянии друг от друга. Вдоль западной — три — отсутствует лунка в юго-западном углу. В центре комнаты тоже углубление. Завалы на полу комнат незначительны, зачистка не дает сведений о характере перекрытия.

Этнографические параллели о характере перекрытия больших помещений (помещение I7, 8x15x4,10 м) предполагают введение дополнительных прогонов и колонн. В случае, "если помещение велико и четыре квадрата потолка с предельно возможной длиной укладываемых на них балок (около 3,75 м), его не перекрывают".²⁾ Возможно, мы имеем тот случай, когда строители Сайеда таким образом и разрешили перекрытие потолка. Но возможна и другая конструкция перекрытия — однорядная, когда один прогон в центре комнаты поддерживался одной колонной; или же "два прогона, пересекающихся под прямым углом, поддерживались одной колонной, установленной в точке пересечения и образующих четыре квадрата".³⁾

В юго-западном углу помещения на полу найдена обломанная алебастровая плита (82x66 см, толщина 4–8 см). С обеих

2) А.К. П и с а р ч и к. Строительные материалы и приемы мастеров Ферганской долины. — Среднеазиатский этнографический сборник, вып. I. М., 1954, с.270.

3) Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973, с.24.

сторон поверхность заглажена, в верхней части сохранились две выкружки. На щеках не видно пазов, которые были бы, если бы в них вставлялись стекла. Подобная панджара, со стеклом, закрепленным алебастровым раствором, была обнаружена при раскопках жилого дома захиточного горожанина в рабаде Мерва. Дом относится ко второму периоду обживания, датируется находками поливной керамики, резного алебастрового шнура и стекла IX в.н.э.⁴⁾

Помещение 18 раскапывалось еще в сезоне 1974 г. Тогда наметился порожек на высоте 45 см от уровня пола коридора. Под порошком четыре ряда кирпичей вперевязку, поверх них слой гальки с алебастром (толщина 7 см), поверх которого алебастровая плита (толщина 7 мм), гладко заглаженная поверху. Край алебастровой плиты срезан ступенькой (высота 5 см, ширина 15 см). На всю длину порошка лежал обгоревший деревянный брус. Со стороны коридора и помещения на суфе лежали обломки плоских алебастровых фрагментов с круглым отверстием (диаметр 38x42 см), вероятно, панджара. На суфе много обломков бледно-зеленого тонкостенного стекла. Хотя среди обломков есть фрагмент нижней части сосуда, некоторые фрагменты с прямыми стенками и закраиной могли служить вставками в панджара. Помещение 18 прямоугольное в плане (8,02x4,4 м) с проходами в восточной стене в помещение 17, в западной — в помещении 19.

Суфы расположены П-образно вдоль западной, восточной (ширина 1,15-1,19 м), южной (ширина 3,75 м) и северной стен (ширина 0,9-1 м). Высота суф 38-40 см. Внутреннее заполнение суф — глина с пахсой. Поверх плотная глино-сыманная обмазка (толщина 5-8 см), поверх нее дополнительная обмазка из тонко отмученной глины и только потом алебастровая обмазка. Нижняя часть стен с потеками красной краски, которой, возможно, покрывалась верхняя часть стен или закраина суф. Закраина име-

4) Н.П. С т о л я р о в а. Раскопки дома со штукатурным декором в рабаде Мерва. -- Тр. Ирано-Туркменской археологической комплексной экспедиции, т.15. Ашхабад, 1974, с.245, рис.8.

ет прямоугольную врезку в край (ширина 14 см, высота 10 см) в которой местами попадаются волокна и фрагменты дерева или же земля густо коричневого цвета. Самая широкая часть южная. На край этой стороны находится прямоугольная (95-97x90x93 см) оградка из алебаstra. В центре углубление, вся внутренняя поверхность прокалена до красноты. Здесь помещался огонь или специальное переносное сооружение для огня. Комната явно жилого назначения, суфы-лежанки служат тому подтверждением. Такие же суфы были раскопаны в жилом квартале X в. в западной части городища Варахша.

Стены помещения 18 покрыты резным алебастровым штукатуром, для которого характерно сочетание растительного и геометрического орнамента (рис.1). Тюльпанообразные цветы помещены

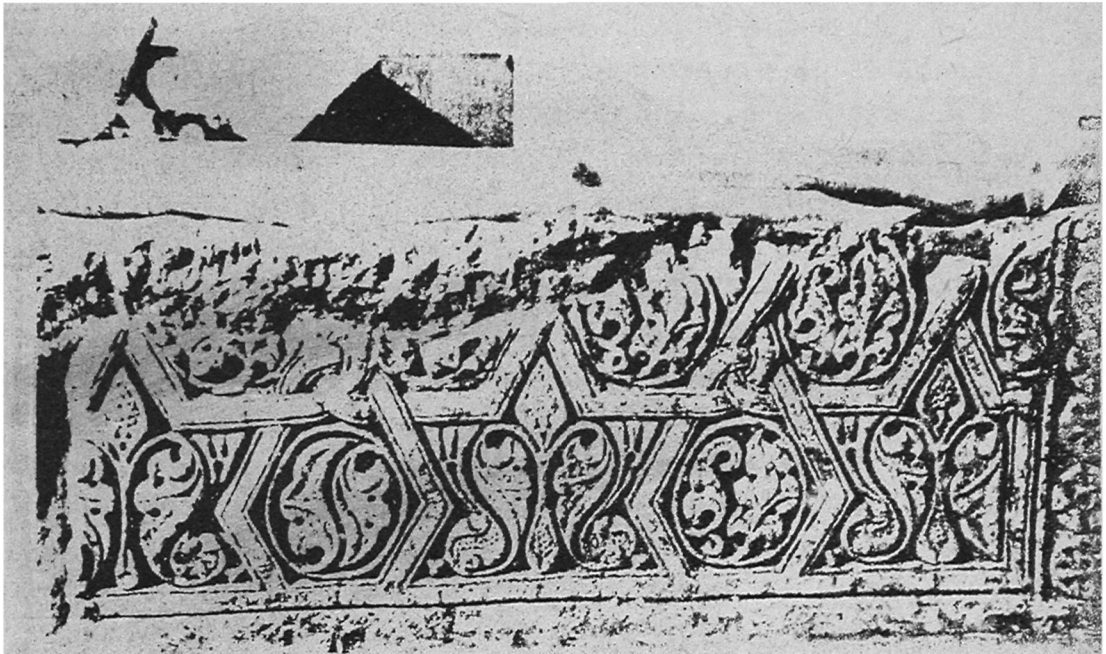

Рис.1

в пятиугольник, который, в свою очередь, образует трапецию. Полы комнаты выложены жженым кирпичем (24x24x4,5-5 см). Кирпич скрепляется алебастровым раствором. Местами на поверхности кирпичей сохранилась обмазка и не исключено, что первоначально пол был обмазан тонким слоем алебаstra. Комната своим колоритом, сочетанием белых леханок, красно-коричневого пола, бело-розового алебаstra производит впечатление праздничности.

Помещение 19 начали раскапывать, но до конца оно не открыто. Завал резного алебаstra у порога и за ним говорит о богатом убранстве помещения. Кроме того, встречаются фрагменты с выкружкой, причем настолько большие, что они могли быть деталями венчания прохода или перекрытия. Поэтому помещение решили законсервировать до следующего сезона.

Основная часть реставрационных и раскопочных работ проводилась на парадной фасадной стене. За выступающим пилоном была откочта стена протяженностью 2,08 м, обрамленная по краям слегка (0,04 м) выступающими из плоскости стены пилонами с трехчетвертными колонками по углам. Орнамент нижней части пилона составляют прочерченные по гладкой плоскости арки. Выше гладкий ствол колонны украшен рустовкой и рядом — орнамент в виде полупальметты, очерченной волнистой линией. Средняя часть панно представляет прямоугольник двухметровой длины (высота 1,2 м), по бокам и по верху обрамленный палеями. Внутренняя часть рисунка состоит из раппортного изображения четырех полукружий, внутри которых четыре тюльпана. Рисунок мелкой филигранной работы, с сочетанием на внутренних гранях синей и красной краски, сама поверхность ярко белая. Алебастр, использованный на этом отрезке, белый, хорошего качества. Техника нанесения на стены была следующая. На пиксовую основу наносился десятисантиметровый слой глины с саманом, поверх него — пятисантиметровый слой чернового алебаstra, который дополнительно выравнивался и заглаживался двухсантиметровым алебастровым слоем. На этом слое были прочерчены основные контуры рисунка и только потом слой, на котором непосредственно вырезали рисунок (рис.2).

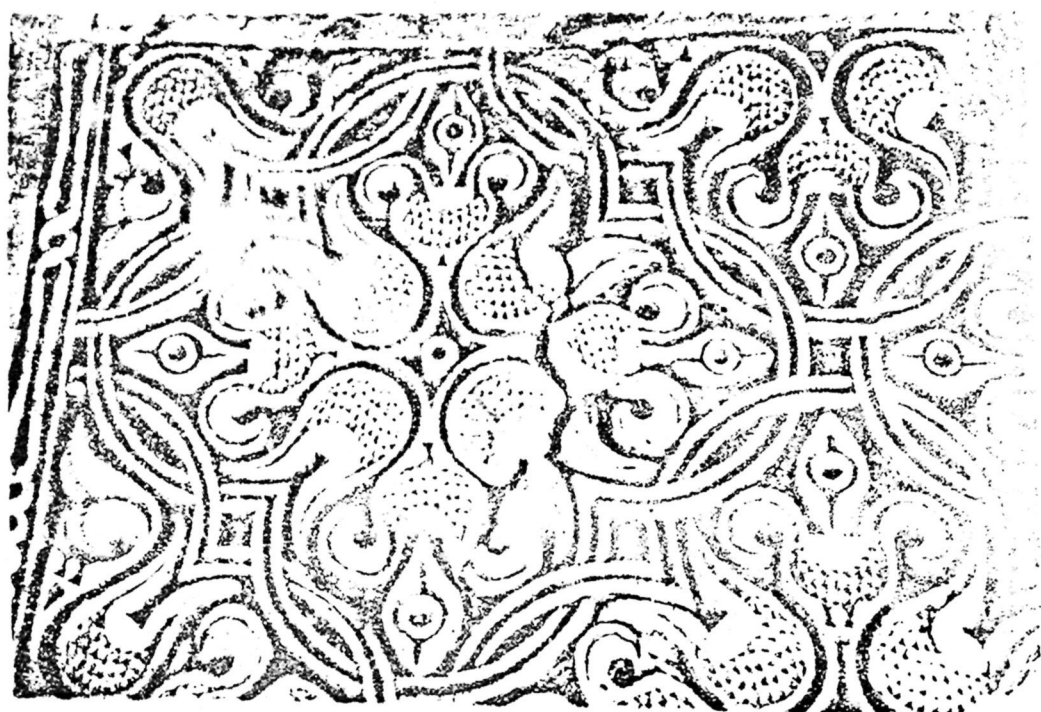

Рис. 2

Этим панно заканчивалась южная парадная стена, которая под прямым углом повернула на запад, открыв на почти трехметровом отрезке точно такой же рисунок с прямоугольником, обрамленный двумя полупилонами и завершени выступавшими из плоскости стены на 43—49 см пилонами. От середины плоская начиналась ажурная решетка, фрагменты которой в большом количестве найдены на полу перед пилоном. Таким образом, угол юго-западной части стены оказался обрамленным двумя пилонами на отрезке 2,78x2,80 м. Причем вдоль стен и от торцовых плоскостей пилона на полу кирпичи были выложены двумя рядами плоско и прямо положенных кирпичей, внутрен-

нее пространство этого квадрата — кирпичами, положенными косо в шахматном порядке. Создается впечатление, что это пространство специально выделено в квадрат, как и у юго-восточной оконечности стены. Возможно, парадная стена с концов завершалась какими-то особыми конструктивными деталями. Напрашивается мысль о куполках, но это лишь предположение, которое требует дополнительных раскопок.

На городище Афрасиаб было раскопано жилое здание с купольным залом (4,9x4,9 м), орнаментированным прекрасным резным штукатуром. Л.И.Ремпель датирует его X в.⁵⁾ Таким образом, купольные помещения для этого времени известны в сочетании с резным штукатуром. Но конкретные представления о жилых застройках городов IX—XI вв. до сегодняшнего дня немногочисленны. Были предприняты раскопки жилых домов X в. у западной городской стены городища Варахша. Дома располагались непосредственно у городской стены, были застроены густо и разделены узенькими улочками. Вскрыто несколько примыкавших друг к другу участков, каждый из которых был застроен по всему периметру. Стены глинобитные, сохранились на высоту I м. Комнаты размером 7,5—3,75x4—1,25 м. Вскрыты айваны, жилые комнаты с сырцовыми лезанками, кухни. В некоторых комнатах очаги ташноу. Вымостка полов и закраин ташноу из жженого кирпича.⁶⁾

Интересны и близки некоторыми деталями жилые дома на Краснореченском городище (Чуйская долина Киргизской ССР), время бытования которых определяется X—XII вв. Раскопано три дома. Для планировки их характерна общая композиционная схема. Вход в здание отмечен пилонами, помещения расположены вокруг одной комнаты размером 7,2x7,2; 6,5x7,8 м². Как отмечает исследовавший эти дома П.Н.Кожемяко, такие размеры велики для балочных перекрытий.⁷⁾ Видимо, это такой же внут-

5) И.И. А х р а р о в и Л.И. Р е м п е л ь. Резной штукатур Афрасиаба. Ташкент, 1971, с.71.

6) С.К. К а б а н о в. Раскопки жилого квартала X в. в западной части городища Варахша. — Тр. ИИА АН УзССР, вып.8, Ташкент, 1956, с.95—125.

7) П.Н. К о ж е м я к о. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище. — В сб.: "Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана". Фрунзе, 1967, с.53—90.

ренний двор, как в жилых домах Варахши в нижнем строительном горизонте Хульбука.⁸⁾ На Краснореченском городище в домах тоже обнаружен резной штук. Орнамент — стилизованный растительный узор с зооморфными мотивами, размещенный в трехлопастных фигурах.

В целом перечисленные жилые дома Хутталя, Мавераннахра и Чуйской долины имеют общие черты: одинаковые строительные материалы — пахса, сырцовый кирпич. Сходны конструктивные приемы возведения балочных и сводчатых перекрытий. Общими являются декоративные приемы, особенно резьба по ганчу. Была широко распространена такая характерная планировочная особенность как внутренний двор. Основную часть городских построек средневековых городов составляли жилые дома, раскопки которых в Средней Азии и на сегодня не так уж значительны. Поэтому раскопки на городище Сайед (общественно-дворцовый комплекс) представляют значительный интерес, ибо это новая страница в истории и культуре Хутталя.

8) Э. Г у л я м о в а. Раскопки в Хульбуке в 1961 г. — АРТ, вып.9. Душанбе, 1964, с.103-104.

М.А.Бубнова

ПОСЕЛЕНИЕ БАЗАРДАРА
(полевые исследования 1975 г.)

Памирский археологический отряд в полевой сезон 1975 г. (июль-август) продолжал раскопки на средневековом памятнике Базардара (Мургабский район ГБАО, долина р. Базардара, левый приток р. Мургаб).¹⁾

Как и в предыдущие сезоны (1973-1974 гг.), основные работы велись на следующих объектах:

1) раскопки жилого комплекса на территории со сплошной застройкой (дом № 6);

2) разбор свалки (флюоритово-сидеритовые отвалы); закончена юго-восточной участок вдоль домов 3 и 2 (был начат в 1974 г.) и северо-западный у дома № 6;

3) закончена разборка засыпи из I отсека ямы в помещении 27 (дом № 3), начатая в 1974 г.

Дом 6 состоял из 15 жилых и хозяйственных помещений, общая площадь 110,63 кв.м. Он расположен вдоль улицы (№37), напротив домов 2 и 3. Принцип планировки дома 6 не имеет существенных различий по отношению к уже известным домам, раскопанным ранее на территории со сплошной застройкой (рис.1). Дом состоит как бы из нескольких частей. При этом только одна группа помещений связана наружным выходом с улицей (помещения 63,62,61,60,65). Эти пять помещений объе-

1) Отряд работал в следующем составе: М.А. Бубнова - начальник отряда, М.Мирхолов, Н.И.Иванова, Ф.А.Тупиева - старшие лаборанты, С.П.Рогожкина, С.Г.Клечкова, А.А.Костенко, Г.Юсуфов и Р.Гулумиев - маршрутные рабочие. Ю.Тимасев - шофер.

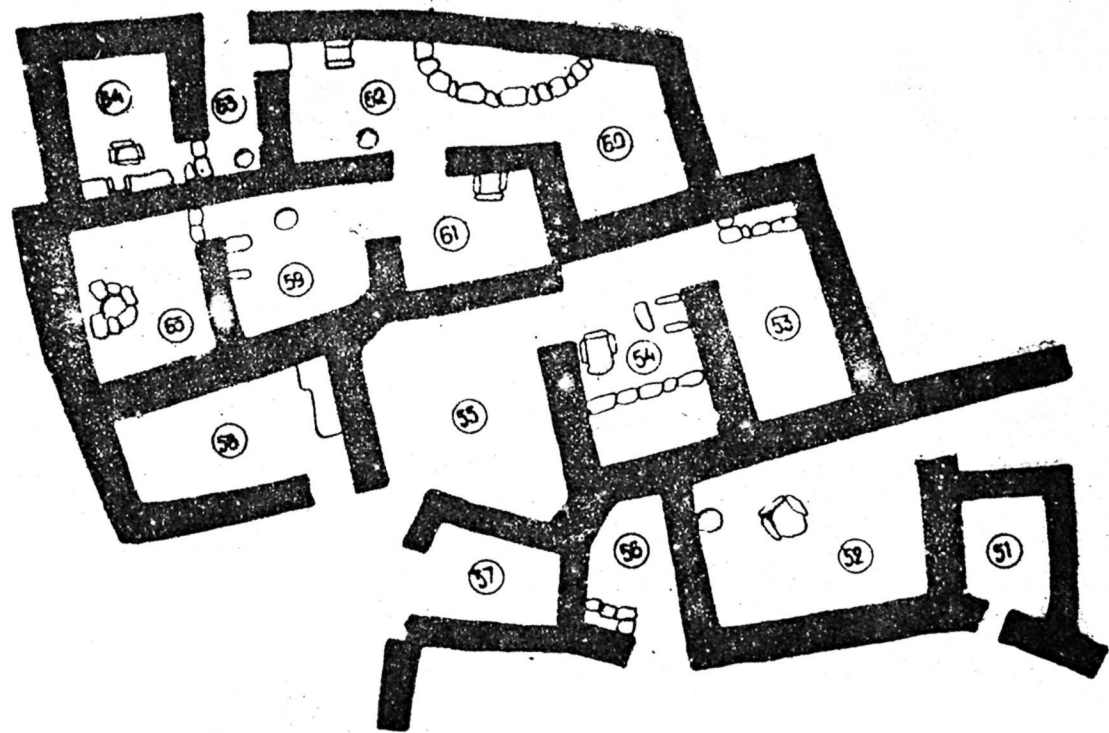

Рис. I

длинены прямоугольным в плане коридором.²⁾ Вход, расположенный слева, вел в три смежных помещения.

Помещение 62 прямоугольное в плане, имело угловую полукруглую суфу, края которой были обложены камнем. У наружной стены находился четырехугольный (55x33 см, глубина 11 см) очаг, он был сделан в полу. Края внутри обложены сланцевыми плитами, поставленными на ребро. Подобная конструкция очагов встречалась во всех раскопанных ранее домах.

Угловая суфа находилась в юго-западном углу помещения. Ее конструкция стандартна — глинобитное основание с краями, обложенными камнем.

Помещение 60 четырехугольное в плане, с суфой, аналогичной суфе в помещении 62. Их разделяла только смежная стена. Кроме суфы в полу сохранилось округлое углубление (31x30 см, глубина 9 см). Под вокруг него и стенки внутри сильно прогоревшие. Возможно, это углубление для сандала.

Помещение 61 вначале составляло одно целое с помещением 62, но тогда, когда помещение 60 пришлось оставить из-за разрушения стен, его выделили в самостоятельное. Для этого сделали перегородку со стороны помещения 62 шириной 22 см. При этом пространство между суфой и перегородкой было забутовано.

В помещении 61 у перегородки в полу был сделан очаг прямоугольный в плане (55x33 см, глубина 11 см), края внутри обложены сланцевыми плитками, поставленными на ребро.

Кроме описанных помещений в конце коридора справа вход вел в изолированное помещение 64. Прямоугольное в плане, оно имело очаг в полу, по устройству аналогичный очагам в помещениях 61 и 62. Его размеры 30x31x29x33 см, глубина 12–13 см. Второй очаг был встроен в суфу, протянувшуюся вдоль северо-восточной стены. Это произошло тогда, когда был поднят пол на высоту 6–8 см, перекрывший очаг, в связи с этим суфу или отремонтировали в северо-восточном углу, или нарастили до конца, соорудив очаг, так как эта ее

2) Площадь помещений дома 6 см. в таблице.

часть лежит на зольном слое, необработанном с пола. Суфа очень узкая (32–45 см) и служила для хозяйственных целей. Очаг в суфе П-образной формы. Края внутри обложены сланцевыми плитками, поставленными на ребро. Своим устройством помещение 64 очень похоже на помещение 82 в доме № 3.

В коридоре напротив входа в помещение 64 в углу была сделана яма для мусора (34x32 см, глубина 34 см), отверстие сверху закрывали плоской сланцевой плиткой.

Разность в уровнях полов по отношению к улице и между отдельными помещениями ликвидировали за счет лестниц — с улицы в коридор вели три ступеньки (высотой I3–I3–II см), и порогов: из коридора в помещение 62, из последнего в помещение 60. Края ступенек укрепляли камнями, а порога — сланцевыми плитками.

Вторая группа помещений не была связана с улицей, а с первой группой вышеописанных помещений, только на определенном этапе, когда функционировали помещения 59 и 65. Эта группа объединяет помещения 55, 54, 53, 59, 65 и 58, последнее изолированное. По своему устройству они сохраняют принцип первой группы с некоторыми отличиями.

Помещение 55 в плане приближается к четырехугольнику. Северо-западный угол образован скальным уступом, часть которого выступает в помещение. Верхняя часть его подтесана и использована как основание стены, на которую наращивали кладку. Пол в помещении был очень неровный, его выровняли мусором и обмазали навозом. Спрессованные пласты навоза достигали 7–9 см. Помещение 55 сообщается с помещением 54, четырехугольным в плане. Вдоль северо-восточной стены расположена суфа (ширина II5 см). Основание суфы сделано из гравия, края обложены камнем, сверху была обмазана глиной. У входа в помещение 55, слева к стене был пристроен очаг, представляющий из себя округлое углубление в полу (32x30 см, глубина 5 см) с краями, обложенными камнями.

Позже в помещении был сделан ремонт: пол подняли до уровня суфы (на 16,5 см), засыпав пространство гравием. Очаг был превращен в мусорную яму. Новый очаг был сделан у противоположной стене, у входа в помещение 53. Очаг по срав-

нению с вышеописанными более примитивной конструкции: небольшое подчетырёхугольной формы углубление (39x34, ширина боковых стенок 31-24 см) с боков было обложено плитками и камнями. Перед очагом положили плоский камень (53x23 см).

Из помещения 54 вход вел в помещение 53 — прямоугольный коридор. На первом этапе вход в помещения 54, 55 был со стороны улицы, но позже его заложили, одновременно закрыв вход в помещение 54, в это же время был сделан наружный вход в помещение 55. Вероятно, с этим периодом связана и ликвидация помещений 59 и 65, которые сообщались с помещением 55 (вход заложен большим камнем). Помещение 59 четырёхугольное в плане с очагом, расположенным у стены со стороны входа в помещение 65. По конструкции аналогичен очагу второго периода в помещении 54 (40x17 см). Отличается тем, что с одной стороны стенка образует край большой сланцевой плиты (55x40 см) — своеобразный "столик". Почти в центре помещения была вскрыта большая яма (124x120 см, глубина 100 см), заполненная камнями, которыми были обложены ее стенки, что наводит на мысль, что это была яма хранилище, тем более что в ней не было никаких находок, за исключением нескольких фрагментов керамики и косточек персика в верхнем слое. Помещение 65 четырёхугольное в плане, у северо-восточной стены находилась мусорная яма с краями, обложенными камнями (85x65 см, глубина 45 см).

Со второй группой описанных помещений связаны еще два изолированных помещения, с выходами в "проулок" перед входом в помещение 55. Это помещение 59 прямоугольное в плане с угловой узкой суфой (ширина 39 см), Г-образной формы, расположенной против входа. Пол был покрыт тонким слоем навоза (2-3 см). Вход в помещение оформлен порогом, укрепленным сланцевой плитой (высота 18 см).

Напротив помещения 69 расположено четырёхугольное в плане помещение 57, основанием для которого послужил скальный выступ, часть его была использована под стены помещения. Вероятно, это было не собственно помещение, а нечто вроде айвана, фасадная стена не прослеживается, кроме незначительного отрезка, отведенного от стены, смежной с поме-

щением 55. Этот отросток можно рассматривать и как барьер у входа.

Третья группа помещений – самостоятельная, с выходом на свободную от застроек часть террасы, обращенную к реке. Это помещение 52, подпрямоугольное в плане, имело два очажка: прямоугольное углубление в полу, края с трех сторон обложены сланцевыми плитками (26x22 см, глубина 13,5 см). Второй очаг – округлое углубление в полу (диаметр 35 см) у северо-восточной стены с прогоревшими стенками.

К помещению 52 примыкает с северо-западной стороны помещение 51. В связи с тем, что этот участок был очень мало разрушен, удалось выяснить лишь следующее. В этой части находилось небольшое хозяйственное помещение, заглубленное по отношению к полу в помещении 52 на 62 см, в него вел узкий вход со ступеньками (разрушены). Края входа закреплены двумя большими плитами, поставленными на ребро (высота 67 и 71 см при ширине 32 и 42 см). Они значительно отошли от стен и таким образом сузили проем до 38 см. В действительности он был около 50–60 см ширины. Само помещение, по видимому, находилось как бы внутри другого помещения или было огорожено, но достаточно веских оснований для этого получить не удалось, кроме отдельных фрагментов кладок на уровне поверхности, примерно одинаковой с уровнем пола в помещении 52.

Помещение 56 не являлось собственно помещением, а это пространство между помещениями 57 и 52 использовалось как подсобное, там даже было нечто вроде примитивного очажка, сложенного просто из сланцевых плиток. Суфа уже наружная и относится к "дворнику" между вышеописанными помещениями и наружной стеной следующего дома.

Базардара, дом 6. Площадь помещений:

51	-	1,48x1,40	=	2,07 м ²
52	-	4,17x3,51	=	14,64
53	-	4,25x2,02	=	8,58
54	-	3,49x2,37	=	8,27
55	-	3,33x3,20	=	10,65
56	-	3,52x2,07	=	7,27

57	-	2,52x1,90	=	4,79
58	-	3,49x1,66	=	5,79
59	-	3,89x2,48	=	9,65
60	-	2,43x1,14	=	2,77
61	-	2,86x1,99	=	5,69
62	-	5,17x2,85	=	14,73
63	-	2,73x0,91	=	2,48
64	-	3,90x3,28	=	12,79
65	-	3,03x1,47	=	4,45

Монеты, найденные в помещениях дома 6 и на свалке, по определению В.А.Давидович, относятся к группе восточно-караханидских и датируются XI в.

Раскопки шести домов показали, что для поселения Базардара характерны большие многокомнатные дома. Однако первоначально они состояли из меньшего числа помещений и увеличивались до своих максимальных размеров постепенно. На вопрос, с чем это было связано, ответить в настоящее время трудно. Во всяком случае, если учесть специфику самого поселения, как поселения рудокопов, и его изолированность, возможно, что площадь домов увеличивалась с увеличением семьи. Это не обязательно могло быть связано с ростом семьи на месте. Родственники со своими семьями могли "доезжать" и, сохраняя патриархальный уклад, селились одним домом.

Сравнение домов поселения Базардара с жилыми постройками на рудничных поселениях IX-XII вв. затруднительно, так как последние изучены мало. Действительно, мы располагаем опубликованными материалами всего с трех рудничных поселений.

I. Джар-Камар (Кармазар, Канимансурский участок). Наиболее сохранившиеся остатки зданий сосредоточены в средней части рудничной площади. Они представляют прямоугольные, в среднем размерами 4x4 м, фундаментные выкладки из камня без цемента (около 75), расположены правильными рядами. Эта группа вблизи главных выработок, по скученности и ограниченности жилой площади составляла, видимо, центральный рабочий поселок. Прочие зарегистрированные остатки жилья (около 75) менее отчетливые, размеры варьирующие - от

3x3 до 10x15 м (в ЮЗ и СЗ частях рудника), разбросаны в беспорядке по всей площади месторождения. Расположены преимущественно вблизи выработок. Суммируя все остатки построек и фундаменты, можно считать рудничную колонию состоящей из 150 отдельных построек, со средней жилой площадью 15 кв.м. каждая.³⁾

2. Кара-Ельчи. Западная часть Копет-Дага, на месторождении киновари. "С западной стороны от найденных старых выработок, на непосредственно прилежащей террасе, ... обнаружены следы бывшей здесь в древности небольшой рудничной колонии. Она была некогда обнесена стеной, от которой с южной стороны на протяжении около 130 м сохранилась нижняя часть каменной кладки. От некоторых строений рудничной колонии на поверхности также уцелели нижние части каменной кладки стен. Главная группа зданий была расположена в юго-западной части. Одно из них состояло из трех комнат... Поселение распространялось и за пределы пространства, огороженного стеной, на вторую нижнюю террасу, так как и тут, как и на верхней, встречаются фрагменты домашней утвари из стекла и глины... Этот подъемный материал, как из выработок, так и с территории колонии, относится к XII и первой половине XIII вв."⁴⁾

3. Китармай находится в горах Карнабтаг, между Кермине и Зияддином — древние выработки на жерновой камень. "Почти около каждой значительной группы выработок сохранились жилища древних рудокопов. Иногда они одиночные, но чаще всего соединяются в группы и комплексы. Обычно эти жилища сложены из плит того же самого сланца на глиняном растворе и без него и имеют в плане размеры от 3x3 до 4x4 м. На определенной высоте в углах комнаты клались горизонтальные плиты, служившие в качестве тропов, и начинался "ложный купол", выложенный горизонтальным напуском плит. Наряду с наземными-

3) А.М. Р а к и т и н. Древний рудник Джар-Камар. — Изв. Геол. комитета, т.48, № 5. Л., 1929, с.149.

4) М.Б. М а с с о н. К истории добычи ртути в Средней Азии. — "Народное хозяйство Средней Азии". 1930, № 5, с. 95-96.

ми постройками встречаются и полуподземные, в некоторых случаях они пристроены к отвесному скату. Встречаются также и многокомнатные помещения, например, большое здание 8,5x19 м, состоящее из 8 комнат, имеющих один общий вход⁵⁾.

Как видно из описания всего трех опубликованных рудничных поселений, для которых даются очень скудные сведения о характере жилых построек, трудно судить, что они представляли собой в период IX-XII вв.

Раскопки поселения Кани-Мансур, проведенные автором, в настоящее время дают наиболее четкое представление о характере застройки рудничных поселений, расположенных непосредственно вблизи рудников. Оно распланировано с учетом рельефа склона, поэтому постройки, вытянутые вдоль него в одну линию в верхней части и полукругом в нижней части склона располагаются уступами. Ряды домов отделены друг от друга узкими улочками. На одну из улиц выходило устье шахтного ствола (9 м глубины). В центре поселка небольшой двор, вдоль стен домов через определенные промежутки имелись суфы. На дворе большая полукруглая суфа. Помещения по своему назначению жилые, хозяйственные и производственные. Все постройки в поселке из камня. Кладка стен на глиняном растворе. Внутри и снаружи оштукатурены, полы обмазаны глиной. Многокомнатных домов нет.⁶⁾

Таким образом, даже по тем немногим материалам, которыми мы располагаем в настоящее время, очевидно, что в своей планировке дома поселения Базардара не находят аналогий в жилых постройках других рудничных поселений. Несмотря на то, что все из описанных поселений объединяет одно, они ограничены в площади, на которой ведется застройка.

Самую близкую аналогию домам поселения Базардара находим в Язгулеме. По материалам Л.Ф.Моногаровой, в Язгулеме

5) Б.А. Литвинский. К истории добычи слова в Узбекистане. — Тр. САГУ, нов. серия, вып. XI, гуманитарные науки, кн. 3. Ташкент, 1950, с. 62-63.

6) М.А. Бунова. Неопубликованные материалы автора.

старые дома построены из камня, цементированного глиной (на летовке делают упрощенного плана — из камня сухой кладки и, вероятно, представляют собой пережиток древнего типа жилищ Западного Памира) или же прямоугольных сырцовых кирпичей размером 30x40 см, у основания стены толще, чем наверху, поэтому дом внешне имеет несколько трапециевидную форму. Крыша плоская, поддерживается деревянным каркасом — столбами стен и перекладина — прием, свойственный постройкам всего Западного Припамирья. В домах всегда имеется три или четыре центральных столба, которые поддерживают весь деревянный каркас. В отдельно взятом доме для одной семьи вместе с хозяйственными постройками до 19 помещений. В это количество входят сени, в которых часто живут осенью и зимой, кухня, три кладовых, жилые однокомнатные помещения, 4 хлева и старый дом. Жилые и хозяйственные помещения в основном обращены дверьми во внутренний двор, так что с улицы видны только глухие стены, образующие замкнутый прямоугольник. Кладовые примыкают к дому. Зимой живут только в старом доме (куд). Бывает, что кладовые для хранения зерна, абрикосов пристраивали к дому отдельно, в них делали закрома, отделенные друг от друга глинобитными перегородками.

Возможно, в старых язгулемских постройках дожила до современности планировочная схема средневековых древних, а может быть и более ранних домов, бытовавших в то далекое время на Западном Памире, в горных районах Северо-Восточного Афганистана, в Восточном Туркестане, схема, столь ярко выраженная в поселении Базардары.⁷⁾

7) Л.Ф. Моногарова. Язгулемцы Западного Памира. — СЭ, 1949, № 3, с.95, 98, 99.

Д. Давутов

НОВЫЕ МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ТАДЖИКСКОЙ ССР¹⁾

Как известно, в секторе археологии и нумизматики Института истории АН Таджикской ССР уже много лет проводится систематический учет, регистрация и публикация монетных находок на территории республики.²⁾ Важность такого рода учета и регистрации очевидна.

Настоящая статья содержит список и краткую характеристику монетных находок с археологических памятников.³⁾ Сюда же включены отдельные случайные находки. Сначала дается список монет, которые найдены случайно, затем список монет археологических памятников.

Случайные находки

I. Подражание тетрадрахам Евкратида⁴⁾

Л.ст. Бюст Евкратида в шлеме в профиль, обращенный вправо.

Об.ст. В центре схематизированное изображение скачущих Диоскуров с пиками и пальмовыми ветвями. Сверху полукругом искаженная греческая надпись ΙΛΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΛΥ

1) В этот список включены монетные находки 1974 г., а также других годов, ранее не опубликованных.

2) См.: ст. Б.А. Д а в и д о в и ч.

3) Все описываемые монеты хранятся в Институте истории АН Таджикской ССР. Пользуясь случаем, считаю своим приятным долгом выразить благодарность Н.Н. Негматову, Ю. Якубову, А. Исакову, которые представили мне свои монеты для исследования и публикации.

4) Ввиду особой важности подробное описание этой монеты будет опубликовано в виде отдельной статьи.

(верхние концы букв обрзаны). Внизу горизонтально расположенная надпись БУКІАТІАУ . Справа монограмма НА .
 А ; д = 27-30; в = 12,45; ↖ ; С₁ - Ми:⁵⁾ кишлак Бобо-
 хоншид, Баджуанский район, Кулябская область. КП-Н 396.

2. Подражание тетрадрахам Гелиокла.

Л.ст. Изображение головы правителя в профиль, обращенный вправо. Волосы охвачены диадемой.

Об.ст. В центре фигура Зевса прямо. Левая рука поднята вверх и опирается на длинный жезл. Отведенная влево правая рука держит перун. Внизу слева знак π . По обеим сторонам фигуры двухстрочная надпись: справа СΛΕΩ , слева ΠΑ . Штемпель чуть сдвинут влево. Монетный кружок меньший размером, чем диаметр штампея. Л.ст. имеет выпуклую форму, рельеф изображения высокий. А ; д = 26-28; в = 11,18; ↑ ; С₂-Ми: г. Ленинабад, 1972 г. Поступила от Н.Н.Негматова. Относится к I-й группе по классификации В.М.Массона.⁶⁾ КП-Н 400.

В связи с тем что обстоятельство находки этой монеты точно неизвестно, некоторое сомнение вызывает место ее находки. Все монеты данного типа, найденные на территории Таджикистана, происходят из южных районов (Северная Бактрия). Каким образом эта монета оказалась в г. Ленинабаде, т.е. за пределами территории Северной Бактрии, пока нам неизвестно.

3. Монета "безымянного царя".

Л.ст. Погрудной портрет царя в профиль, обращенный вправо.

Об.ст. Всадник на коне, едущий вправо. Штемпель сдвинут чуть влево вниз. Края кружка обрзаны. Рельеф изображения на л.ст. высокий, на об.ст. не очень высокий. А ; д = 20; в = 7,42; ↖ ; С₂-Ми: кишлак Шибансай, колхоз им. В.И.Ленина Дангаринского района; при рытье фундамента - 1971 г. Поступила от Н.Н.Негматова. КП-Н 394. Относится к I-й группе по классификации М.Б.Массона.

5) С₁ = сохранность хорошая; С₂ = удовлетворительная; С₃ - плохая; Ми - место находки.

6) В.М. М а с с о н. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла. - ЭВ, II, 1956, с.63-76.

4. 3 экземпляра тимуридских монет 832 г.х./1428-29 гг. (часть клада). Бухара.

I экз. На л.ст. слева внизу у края кружка имеет надчекан. От надписи надчекана едва различается слово ضرب; \mathcal{A} ; $d = 25$; $v = 3,96$; \searrow ; C_3 .

2 экз. На л.ст. надчекан в квадратном картуше с надписью. ضرب عصار. \mathcal{A} ; $d = 25$; $v = 5,15$; \searrow ; C_2 .

3 экз. На л.ст. надчекан в квадратном картуше, испорченный в результате вторичных ударов. Монетный кружок чуть продолговатой формы. \mathcal{A} ; $d = 25$; $v = 6,64$; C_3 -Мн: селение Чирток Орджоникидзеободского района. Поступили от Солнева Толиба - 1972 г. КП-Н 394.

5. Медный пул квадратной формы, XIX в. \mathcal{A} ; $d = 16$; $v = 3,75$; \searrow ; C_3 -Мн: крепость Сарводе, Айнинский район - 1971 г. КП-Н 394.

Случайные находки на территории Шахристана

I. Бухархудатская медная монета с именем الشاه "ал Махди". \mathcal{A} ; $d = 24$; $v = 1,75$; \uparrow ; C_2 - КП-Н 398.

Тимуридская монета XV в. \mathcal{A} ; $d = 21-25$; $v = 3$. Мн: Майдан сайа. КП-398.

2. 5 экз. тимуридских монет XV в. (часть клада). Одна монета (8 (4), чекан Бухары 832 г.х., на л.ст. имеет надчекан в фигурном картуше и на об.ст. два надчекана битые друг на друга. Названия монетных дворов, которые производили надчекан, не читаются.

4 других экземпляра из той же серии монет с изображением на л.ст. названия места чеканки и на об.ст. года чеканки, обозначенные словами. Монеты очень плохой сохранности, что не позволяет установить ни место чеканки, ни год. КП-Н 397.

ГОРОДИЩЕ КАЛАЙ КАХКАХА I

Расположено в 0,5 км к северо-западу от современного города Шахристан Уратьюбинского района (Средневековая Уструшана). Уструшанские правители.

I. Раханч.⁷⁾

Л.ст. Погрудное изображение правителя в крылатом венце в фас.

Об.ст. В центре находится У-образный знак, занимающий все поле. По обеим сторонам надпись из двух слов: справа титул MR'У "господин", слева имя правителя - R'x'nš "Раханч". Ободок из редко поставленных точек отступает от края монетного кружка. Кружок тонкий с неровными краями. На поверхности л.ст. небольшой нарост металла. Æ ; $d = 18$, $v = 0,99$; \checkmark ; S_2 -Мн: Объект У, пом.9, на полу. КП-Н 399.

2. То же.

Л.ст. стерта. Знак, имя правителя и начало титула на об.ст. обозначены отчетливо. Æ ; $d = 20$; $v = 1,15$. Мн: Объект У1, пом.17, над полом. КП-Н 399.

3. То же.

Имя правителя стерто. Æ ; $d = 18$; $v = 0,89$; \checkmark ; Объект У1, пом.17, над полом. КП-Н 399.

4. То же.

Имя правителя стерто. Æ ; $d = 21$; $v = 1,95$. Объект 9, над вторым полом. КП-Н 399.

5. Неизвестный правитель (тип как № 735, О.И.Смирнова. Каталог...)⁸⁾

Л.ст. Изображение неоседланного коня вправо. Передняя левая нога приподнята. Над крупом коня ослышшая надпись. Вторая ослышшая надпись расположена внизу, под ногами коня.

Об.ст. Гладкая. Æ ; $d = 20$; $v = 1,67$; S_2 ; Объект Ш, помещение А, северная часть, низ закала. КП-Н 399.

Интересно отметить, что Б.И.Вайнберг⁹⁾ приводит прорисовки и описание двух монет из Ток-кали (Хорезм) с изображе-

7) Подробно об этих монетах и чтении их надписей см.: О.И. Смирнова. Первые монеты из Уструшан. - ЭВ, 1971, XX, с.59-64.

8) О.И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент, М., 1963.

9) Б.И. Вайнберг. Увальный чекан раннесредневекового Кердера. Сб. ст.: Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1973, с.116-118.

нием на л.ст. точно такого же неоседланного коня с поднятой передней ногой, идущего вправо. Стиль изображения коня на хорезмийских монетах почти идентичен со стилем изображения коня на нашей монете. На I-м экземпляре хорезмийской монеты над крупом коня находится свастика с кругом посредине, на об.ст. хорезмийский знак. На об.ст. 2-го типа вместо хорезмийского знака появляется аббасидская легенда. Автор статьи I-й тип относит к середине VIII в., а 2-й - ко 2-й половине VIII в. Эти датировки, если предположить, что неоседланный конь на нашей монете каким-то образом связан с хорезмийским конем, дают нам возможность ориентировочно отнести время чеканки нашей монеты приблизительно к этому же времени - I-я половина VIII в.

6. Чау (тип как № 775, О.И.Смирнова. Каталог...).

Л.ст. Едва намечается часть вилообразного знака повернутого вправо и одна буква (...t ...) от надписи, расположенная под знаком. Об.ст. стерта. \mathcal{A} ; Объект Ш, помещение А, сев. отсек, нижний завал, КП-Н 399.

7. Караханидская. Ибрахим Арслан-хакан. Узгезд 570 г.х./II74-75 гг. Дата чекана и часть наименования монетного двора плохо прослеживаются. Восстановлены по аналогичным монетам хорошей сохранности из собраний ИИ АН Таджикской ССР.

Л.ст. В центре поля обрамленный двухлинейным фигурным картушом символ веры $\text{لا اله الا الله محمد رسول الله}$. Вокруг в отсеках фигурного картуша место и год чеканки.

Об.ст. В центре поля имя и титул правителя (полустертые), расположенные в фигурном картуше, обрамленные двумя линейными и между ними точечными ободками. Круговая надпись содержит эпитеты правителя. \mathcal{A} ; д = 32; в = 3,19; \setminus ; \mathcal{C}_2 ; кружок тонкий. Объект У, пом. I4, в верхнем завале. КП-Н 399.

8. То же.

\mathcal{A} ; д = 31; в = 2,70; \setminus ; \mathcal{C}_3 . Объект Ш, пом. А, этаж 5. КП-Н 399.

9. 5 экземпляров неопределенных средневековых монет очень плохой сохранности. КП-Н 399.

ГОРОДИЩЕ ШИЖИН

Расположено западнее селения Куркат Уратюбинского района (КП-Н 401).

1. Кущанская. Выма Кадфиз или Канишка. Æ ; $d = 27$; $v = 13,08$; S_3 ; края чуть неровные. Шурф IY, 3-й ярус.

2. II экземпляров медных монет. Мн: район шурфа IY.

I. Китайская. Три четвертых части монеты с квадратным отверстием. Начало выпуска середина УП в., начало династии Тан по М.В.Воробьеву.¹⁰⁾

Л.ст. По сторонам квадратного отверстия три иероглифа (четвертый иероглиф обломан с частью кружка). "Кай вань тун бао". "Ходячая монета начала династии". Образец легенды "А" (дается по М.В.Воробьеву). Внешний ободок ровный = 1,55. Внутренний ободок очень узкий. Надписи и ободки исполнены четко.

Об.ст. Гладкая. Внешний ободок I-I,8 мм, внутренний узкий. Æ ; $d = 24$; $v = 2,33$.

7 экземпляров тимуридских монет очень плохой сохранности. Стерты. На разных экземплярах едва прослеживаются остатки надписи и фигурных картушей, но ни год, ни место чеканки не видны. 3 экз. неопределенных средневековых монет.

3. Сплюснутая русская монета XIX в. Æ ; $v = 7,27$.

СЕЛЕНИЕ КУРКАТ

Захоронение в склепе.

I. Неизвестный правитель (тип как № 777-782, О.И. Смирнова, Каталог...).

Л.ст. В центре изображение вилообразного знака, повернутого влево. Сверху и снизу остатки стертой надписи из двух строк.

10) М.В. Воробьев в. К вопросу определения старинных китайских монет "кайюань - тунбао". - ЭВ, XV, Л.-М., 1963, с.130.

Об.ст. Изображение плохо различимо. Æ ; $d = 17$; $v = 1,2$; S_3 -Мн: у селения Курнат, склеп II, в I-м от входа и в 30 см от стены, на полу. КП-Н 401.

2. Мелкие фрагменты неопределенной монеты. Æ ; КП-Н 400.

ГОРОДИЩЕ МУГТЕПА

Расположено около современного города Ура-Тюбе.

I. Медная монета Николая I, чекан 1843 г. "Копейка серебром"; $d = 27$; $v = 9,33$; \uparrow ; S_1 -Мн: городище Мугтепа. Объект УШ, верхний горизонт, в обресе. КП - 400.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

В ОКРЕСТНОСТЯХ ПЕНДЖИКЕНТА (КП-Н 395)

Калаи Мирон.

I. Клад медных монет, чеканенные пенджикентскими правителями.

Состоит из 8 экз. монет. При находке они были слипшимися. Удалось отделить и определить 3 монеты. Две из них оказались монетами Пенджикентского правителя Бидйана и одна "безымянной царицы". Остальные пять монет невозможно определить из-за сильной коррозии. Несмотря на это, судя по внешнему виду и размеру, эти экземпляры тоже относятся к этой же серии монет, т.е. чеканенных пенджикентскими правителями Бидйаном и "безымянной царицей". Интересен этот небольшой клад и тем, что присутствуют монеты двух пенджикентских правителей, которые, видимо, царствовали один за другим. Приведем описание монет из клада.

I. Бидйан (тип, как № 464, О.И.Смирнова. Каталог...).

Л.ст. испорчена коррозией. Надпись на об.ст. неотчетливая. Внешний ободок I-0,5 мм, внутренний 0,8 мм, неровные. Края кружка неровные. Монета обломана на две части. Æ ; $v = 1,29$; $d = 12$; S_2 : ном. I, завал, у северной стены, глубина I,30 м от дневной поверхности.

2. То же.

Надпись на об.ст. неотчетливая. Внешний ободок I мм, неровный, плохо прослеживается. Внутренний ободок I-0,6 мм, неровный. Местами по краю кружка рубчики металла. \mathcal{A} ; $v = 1,36$; $d = 18$; S_2 ; пом. I, завал у северной стены в глубине 1,30 м от дневной поверхности.

Отдельные находки в Калаа Мироне

I. Бициян.

3/2 части монеты. Внешний ободок на об.ст. 1,2 мм, внутренний 0,8 мм, неровные. Пом. 5, завал, 1974 г.

2. Пенджикентская "безымянная царица" (тип, как № 415, О.И.Смирнова. Каталог...). Внешний ободок на л.ст. 1,8-2 мм, внутренний 0,8-1,2 мм, неровные. Рельеф надписи на об.ст. невысокий. Внешний ободок 0,8-1 мм, внутренний очень узкий - 0,3 мм. С двух сторон следы литника. \mathcal{A} ; $x = 17$; $v = 1,39$; \mathcal{A} ; S_1 ; пом. I, завал, 1975 г.

3. 1/4 часть неопределенной ихшидской монеты с квадратным отверстием. Пом. I, над полом, 1974 г.

4. Неопределенная согдийская монета с квадратным отверстием. Возможно, Пенджикентская. Плохо отлита. \mathcal{A} ; $d = 17$; $v = 0,96$; S_3 . Завал, 1974 г.

5. Саманидская. Наср ибн Ахмад.

Самарканд, 272/885-86 гг. 2/3 монеты.

Л.ст. В центре поля в ливейном ободке трехстрочная надпись, символ веры: \dots لا اله الا الله وحده لا شريك له...
Круговая надпись, заключенная в двуклинейный ободок: \dots بسم الله
مرتقد سنة اثنين وسبعين ومائتين

Об.ст. В центре поля трехстрочная надпись, продолжение символа веры: \dots د... ول... له... Над центральной надписью слово والله, под ним نصر. Круговая надпись, заключенная в двуклинейный ободок: \dots لا اله الا الله الامير نصر بن احمد \mathcal{A} ; $d = 25$; $\mathcal{A} = 2,71$; \mathcal{A} ; S_1 ; пом. I, верхний слой, 0,60 м ниже репера, 1974 г. Монета литая, с большими дефектами литья (по краю в двух местах выступы-наплывы, в одном месте образовавшееся при отливке сквозное отверстие неправильных очертаний). Монета, судя по сохранности, не была в обращении. Рельеф надписей высокий.

Актепа.

I. Неизвестный правитель (тип, как № 787. О.И.Смирнова. Каталог...).

Л.ст. Погрудное изображение правителя в фас. На ушах серьги, переданы двумя точками – большой и маленькой. На голове низкий головной убор в виде башлыка, спускающийся вниз до уровня подбородка. Нижние его концы загибаются внутрь. Слева знак Ψ . Ободок из редко поставленных точек. В целом изображение полустертое.

Об.ст. Гладкая. Монетный кружок тонкий. Рельеф изображения невысокий. Края кружка чуть скошены. С двух сторон следы литника шириной 10 мм. Æ ; д = 21; в = 2,3; C_2 .

Случайная находка, 1972 г.

2. Ал Ан'ас сын Йахйи.

Надпись частично стерта. Æ ; д = 17; в = 2,51; \swarrow ; C_3 ; пом.4, завал, 1973 г.

3. Бухархудатская.

Æ ; д = 22; в = 1,70; \swarrow ; C_3 ; пом.5, завал, 1973 г.

4. То же.

Æ ; д = 23; в = 1,80; \swarrow ; C_3 ; пом.6, 3-я яма, 1974 г.

Гуртепа.

I. Бухархудатская серебряная монета с "малой надписью".

Над короной царя полумесяц. Л.ст. имеет чуть выпуклую форму. Края кружка неровные, тонкие. Æ ; д = 24; в = 2,97; \swarrow ; C_1 ; пом.3, завал, 1973 г.

Шурчатена.

I. Саманидская. Исмаил г' Ахмад. Самарканд, 281 г.х.

(тип, как в работе В.Г.Тизенгауза. О саманидских монетах)^{II)}

На л.ст. в результате смещения штемпеля и вторичного удара – в верхней части буквы двойны. В слове شاه пропущена одна черточка. Вместо شاه написано شاه . На круговой легенде об.ст. последнее слово написано شاه вместо شاه . Æ ; в = 3,63; д = 25; \uparrow ; C_1 ; Шурф. С глубинами 0,85 мм (вместе с поливными черепками).

II) В.Г. Т и з е н г а у з а. О саманидских монетах. СПб., 1855, с.91.

Каравуд-Ато.

I. Тимуридская монета XV в.

Æ ; д = 15; в = 1,05; С₃. Разрез стержня, завыл I-го периода.

Описание монетных находок позволяет полнее представить картину развития денежного хозяйства на территории Таджикистана и дает материал для решения вопросов культурных связей.

ПЕНДЖЕНТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

А.М.Беленицкий, Б.И.Маршак, В.И.Распопова

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА
В 1975 г.

Работы велись на нескольких объектах захристана, а также в пригороде, где были раскопаны усадьба и погребальные сооружения ¹⁾ (рис.1).

На объекте II (рук. А.Анарбаев) был заложен раскоп для исследования ранних слоев близ северного айвана восточной ограды храма. Всего выделено шесть этапов перестроек. Первоначально с востока на запад протекал естественный поток. На левом берегу его русла было построено коридоробразное помещение со сквозным поперечным проходом во внутренний двор храма. Короткие северная и южная стены этого помещения расположены точно напротив боковых стен главного здания. Вероятно, снесенная позднее ограда внутреннего двора соединяла эти отрезки стен, так что двор был равен по ширине входному помещению и айвану главного храма. Храм с узким двором был похож по принципу планировки на буддийский храм в Ак-Бе-

I) В работах экспедиции принимали участие помимо руководителей отдельных объектов, поименованных в отчете, старшие реставраторы Гос. Эрмитажа Г.И.Тер-Оганян, Т.С.Васильенко; архитекторы Д.Л.Гуревич (руководитель обмерных работ), Б.А.Тарантул, О.Туманова; росписи копировали художники Р.Б.Полюв, С.Н.Стебляк-Каменская, И.Г.Нахимов, Б.Л.Немировская. Триангуляционной съемкой занимался кандидат технических наук В.И.Степанов. Полевые съемки вел фотограф Гос. Эрмитажа В.М.Погребняк. Кроме того, в раскопках участвовали студенты различных вузов Ленинграда и ученики старших классов школ Пенджикента. Большую помощь в раскопках городища оказали студенты Пенджикентского педагогического института (директор-кандидат философских наук Н.Б.Боймуродов).

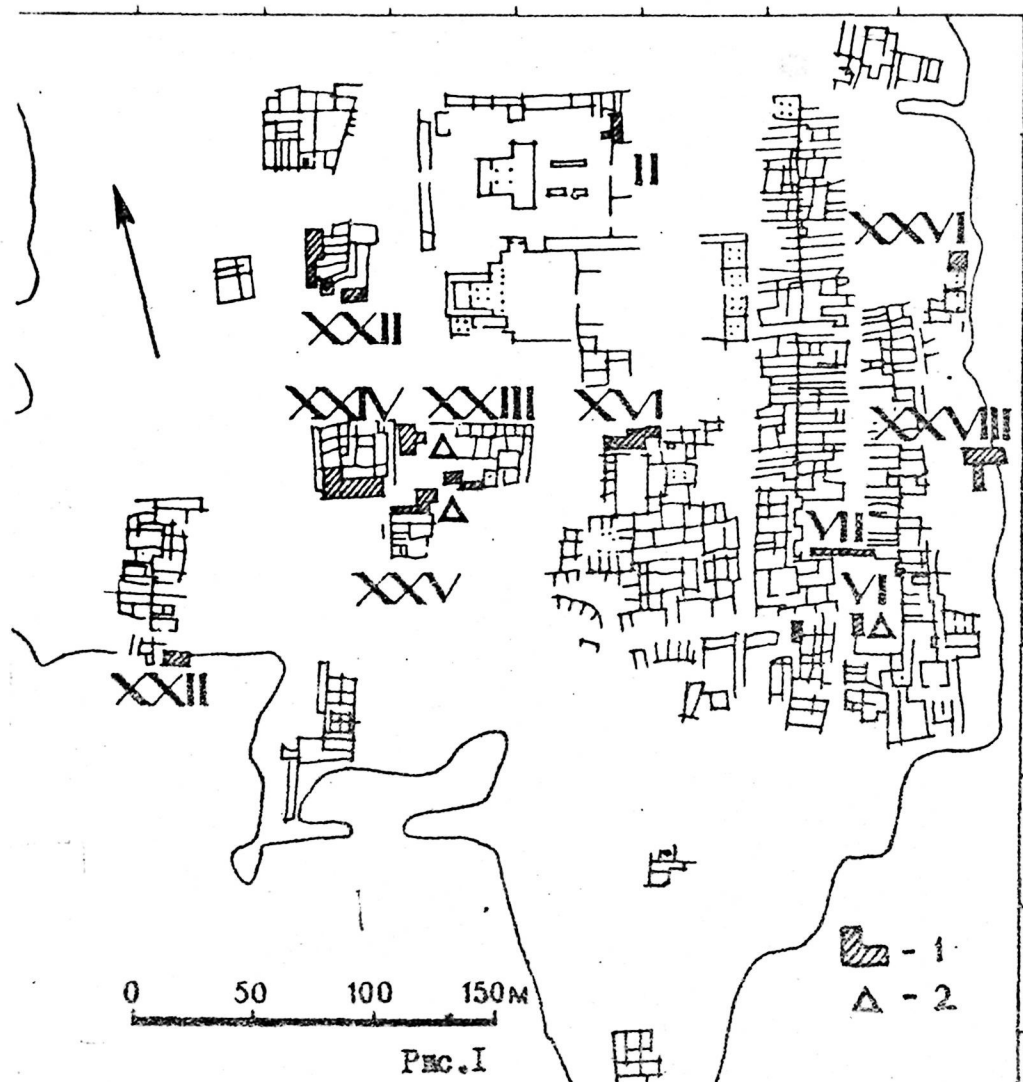

Рис. I

2) Вскоре к коридорообразному помещению с востока был пристроен айван, сохранившийся до конца существования храма. Тогда же вместо засыпанного протока севернее него был вырыт регулярный канал, продолжение которого было обнаружено ранее около северного фасада главного здания.

Несколько позднее канал также был засыпан. Поверх него расширили на север восточную ограду, очевидно, снеся при этом северную ограду внутреннего двора. Храм теперь не за-

2) Д. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. Труды археолого-этнографической экспедиции, т. 2. М., 1959, с. 165-198.

мыкал двор, а был со всех сторон окружен свободным пространством. От восточной ограды сохранилась широкая (3,8 м) сырцовая кладка. На раскопанном участке она образует два прямоугольных выступа на восток шириной 1,45 м. Длина одного из них, раскопанного целиком, 2,7 м. Промежутки от стены коридорообразного помещения до выступа и между выступами по 4,7 м. Пока остается неясным, была ли это ограда с прямоугольными башенками типа крепостной или же стена возвышалась только над западной частью кладки, а ее восточная часть представляла собой высокую суфу с выступами. Еще через некоторое время были построены двухступенчатые контрфорсы боковых стен среднего айвана. Полы перед стеной с выступами выросли на 0,15–0,50 м. С этого уровня начинается толстая (до II см) обмазка стены с выступами, сглаживающая углы и на высоте 0,8–0,85 м дающая плавный скругленный переход от вертикали к горизонтальной поверхности. Обмазка горизонтальной поверхности прослежена между выступами на ширину не менее 0,4 м. Таким образом, в это время безусловно существовала суфа. Позади выступов суфы могли быть как выступы-пилонны, так и, наоборот, ниши с культовыми изображениями. К созданию, об этом трудно судить, так как стена была снесена до уровня верха суфы. После сноса стены и дополнения суфы сплошной сырцовой закладкой с востока образовалась платформа, на которую поставили заднюю стену построенного тогда северного айвана восточной ограды. В этой стене был проход шириной 2,1 м с деревянным порогом. Ступенчатый контрфорс (кроме участка, включенного в стену) был снесен до уровня нижней ступени, включенной в суфу вновь образовавшегося северного айвана. Коридорообразное помещение за средним айваном восточной ограды также снесли. На месте снесенных построек устроили навес с деревянными столбами. Гнездо от низа одного из них сохранилось.

Сложение окончательного трехайванного плана восточной ограды храма относится к VI в. В конце VII–начале VIII в. только утолстили стену между средним и северным айванами. Позднее северный айван горел (в 722 г.?). В слое пожара

найдена монета Тархуна. Над слоем пожара залегает прослойка более позднего обжигания.

Керамики найдено мало. В слоях ниже айвана нет керамики моложе конца V-начала VI в., хотя прослежено целых четыре более ранних строительных периода. Следовательно, основание храма едва ли можно датировать позднее, чем начало V в. Таким образом, храм возник вместе с городом или даже мог быть несколько старше, чем город.

На объекте VI (руководитель Б.И.Маршак) работы велись на участке между помещениями 4I, 42, 55,³⁾ известными прежде всего тем, что в них были обнаружены росписи. В частности, помещение 4I — это известный "Синий зал".⁴⁾ Б.Я.Ставицкий отмечал, что штукатурка с росписью на северной стене помещения 4I уходит на запад за поверхность западной стены зала.⁵⁾ В результате раскопок оказалось, что массивный педон между указанными тремя помещениями скрывает остатки четырех последовательно сменявших друг друга построек.

Первоначально было возведено двухэтажное сырцовое здание, к которому относится стена, позднее служившая северной стеной помещения 4I, и ее западное продолжение (длиной 2,70 м). Высота первого этажа до гнезд потолочного настила 2,4 м. Стена была сначала покрыта очень тонкой обмазкой, не вполне даже маскирующей швы между кирпичами. Эта обмазка была закопчена. После ремонта стену обмазали толстой глиняной штукатуркой, на которой была нанесена роспись красной, светло-серой и темно-серой красками (рис.2). Под потолком проходил орнамент из крупных листьев, находящий полную аналогию в росписях Афрасиаба (помещение 9).⁶⁾ Ниже помещалась фигур-

3) Б.Я. Ставицкий И. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951-1959 гг. МИА, № 124. М.-Л., 1964, с.160, 162-164.

4) А.М. Беленицкий И. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973, табл.7-17.

5) Б.Я. Ставицкий И. Ук. соч., с.162.

6) Л.И. Альбаум. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, табл. I, II. Как по орнаменту, так и по другим признакам эта роспись синхронна с росписями Пенджикента VI в. Ср.: Л.И. Альбаум, ук. соч., с.15-19.

Рис. 2

ная композиция на светло-сером фоне. Красная фигура бегущего человека с ведром в руке показана перед стоящей, обернувшей голову назад коровой, которая написана темно-серой краской. У человека на руках по три браслета, в ушах серьги, на шее гривна, на голове покрывало. Вся композиция весьма динамична, контуры толстые черные, одна из рук непропорционально длинна, но эта "ошибка" оправдана задачами композиции. В изображении коровы большую роль играет тоновая моделировка, контур здесь не виден. Верхний фриз перед человеком имеет вертикальную границу, показывающую, что здесь был край всего панно.

По технико-стилистическим особенностям роспись похожа на живопись VI в. из храмов Пенджикента, однако впервые такая ранняя роспись обнаружена не в храме, а в жилом доме, причем в доме, построенном не на первоначальной территории города, а между его внутренней и внешней стенами. Надо отметить необычное для более позднего времени сочетание малой высоты помещения с наличием в нем живописи.

Следующий этап был ознаменован устройством пандусной клетки. В северной стене пробили арочный проход, продолжавшийся на юг сводчатым коридором. Это был обычный подпандусный коридор шириной 1,1 м и высотой 1,65 м. Вновь возведенная восточная стена коридора была выведена под потолок первоначального помещения с сохранением его потолка. На втором этаже поверх этого потолка была построена сырцовая стена. В углу между новой стеной второго этажа и старой северной в помещении 4I на обеих стенах сохранились остатки орнаментальной (?) живописи с более богатым набором красок, чем в заложенной (по крайней мере частично) ранней росписи первого этажа. Отметим наличие ультрамарина.

Пол коридора прикрыт обычными припольными прослойками на 10–12 см. Выше идет кладка из двух рядов сырца (некоторые кирпичи обгоревшие). Над ними лежит рыхлый слой с обломками оссуариев, человеческими и собачими костями, костями других животных и углями. Среди костей фрагмент черепной крышки и фрагмент нижней челюсти женщины в возрасте 35–40 лет (определение Т.К.Ходжайлева). Керамика с пола относится к комплексу VI в. (т.е. около середины VII в.). После поднятия пола коридор могли использовать как наус, но, скорее, куски оссуариев и кости собрали сюда с каких-то других близлежащих участков в момент перед закладкой коридора. Так или иначе, на шахристане в VII в. находился склеп с оссуариями, что отмечается впервые.

Коридор был заложен сырцовой стеной. На втором этаже западная стена и столб пандуса были снесены. На их месте были возведены новые стены сводчатого помещения 55. Над сводом имелся второй этаж. В восточной стене был устроен новый арочный проход (шириной 1 м, высотой 1,7 м), который вел на

новый пандус. С этого момента (конец VI или начало VII в.) планировка жилища уже мало менялась. Помещение было оштукатурено толстой обмазкой с побелкой. Позднее его еще дважды обмазывали тонкими слоями лессовой штукатурки. Роспись с изображением китайцев, обнаруженная под поздней живописью в помещении 42,⁷⁾ видимо, относится к этому периоду.

Затем здание было сильно разрушено и восстановлено вновь. Свод помещения 55 был срублен, а вновь возведенный опирался уже на новую стену, за которой была скрыта старая стена с сохранившейся частью своего свода. Тогда же была построена западная стена помещения 4I. Новые стены состоят из мощных пахсовых блоков. К этому восстановлению относятся росписи "Синего зала" и сцены поединков из помещений 42 и 55 (на красном фоне). Поскольку на полах жилища имелись монеты Тургара, представляется вероятным относить перестройку к восстановлению города после разрушений 722 г., т.е. примерно к 740 г. Одно о предстоит найти точные основания для даты *post quem*.

Наконец, последняя фиксируемая перестройка относится скорее всего уже к 760-м годам. Это закладка прохода из помещения 55 в лежащий восточнее пандус, что связано уже с уменьшением площади жилища. Закладка произведена с пола, подымавшегося на высоту 0,3 м от первоначального уровня из-за небрежного содержания.

Итак, вероятные даты первого здания — VI в., первого пандуса и науса (?) — VII в.; второго пандуса и ранних помещений 55, 42 и 4I — конец VI или начало VII в., но до 722 г.; окончательной планировки и больших росписей — около 740 г.; усадка жилища — 3-я четверть VIII в. Кроме самого начала своего существования, дом всегда имел росписи, обновлявшиеся при каждой перестройке.

7) А.М. Б е л е н я г к и й. Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1958 г. — Тр. Ин-та истории им. А.Дониша АН ТаджССР, т.27. Душанбе, 1961, с.94-95, рис.6.

На объекте УП (руководитель Б.И.Маршак) раскапывались два участка рва, окружавшего первоначальный шахрестан. Первый шурф, заложенный напротив I куртины восточной стены, дал возможность установить ширину рва и его характер. С наружной стороны рва имелся насыпной гласис. От края этой насыпи до опускавшейся в ров стены второго периода более 14 м по горизонтали. До первоначального западного края рва времени первой стены будет уже около 16 м. Однако, возможно, что в связи с устройством второй стены произошло расширение рва. Общая глубина рва пока не выяснена. Глубина его в материке более 4,5 м, что дает 6 м до верха гласиса. Во рву стояла вода. Характерные "хауз-ные" отложения изредка прослаиваются прослойками осыпавшейся из насыпи гальки. Этот участок был чистым, так как в шурфе почти нет ржаво-зеленой земли.

Стена третьего периода построена после того, как ров полностью засыпали и его территория превратилась в широкую улицу. Керамика из рва относится к VI-VII вв. После сноса в начале VIII в. внутренней стены было застроено, за исключением сузившейся улицы, все пространство, занимавшееся прежде рвом, а также второй и третьей стенами. Однако сохранилось продиктованное направлением стены направление этой "улицы восточного рва" (улицы I).

Южный шурф был заложен на улице 2 там, где можно было бы ожидать продолжение восточной крепостной стены. Однако и здесь оказался ров. Видимо, под зданием УП скрыт угол, а улица, как и первая, идет по направлению рва (на этот раз южного рва).

Глубина шурфа от улицы VIII в. 7,5 м. Материк еще не достигнут, хотя шурф уже на 0,3 м глубже, чем восточный. В нижней части шурфа аморфная лессовидная земля, выше нее лежит мощный слой ржаво-зеленых отложений заросшего водоема с водорослями. Керамика из этих слоев не старше рубежа VI-VII вв.

Выше, в северной части раскопа начинаются насильные, сильно утрамбованные слои, уходящие, как и перекрывающая их кладка из камней, под стену здания УП. Монеты Укара и

Бидиана из нижних прослоек насыпи датируют насыпь, кладку над ней и улицу временем не ранее последних десятилетий VII в. Построенное над кладкой здание VII возведено после разрушения внутренней городской стены (около 712 г.) и сгорело в 722 г.

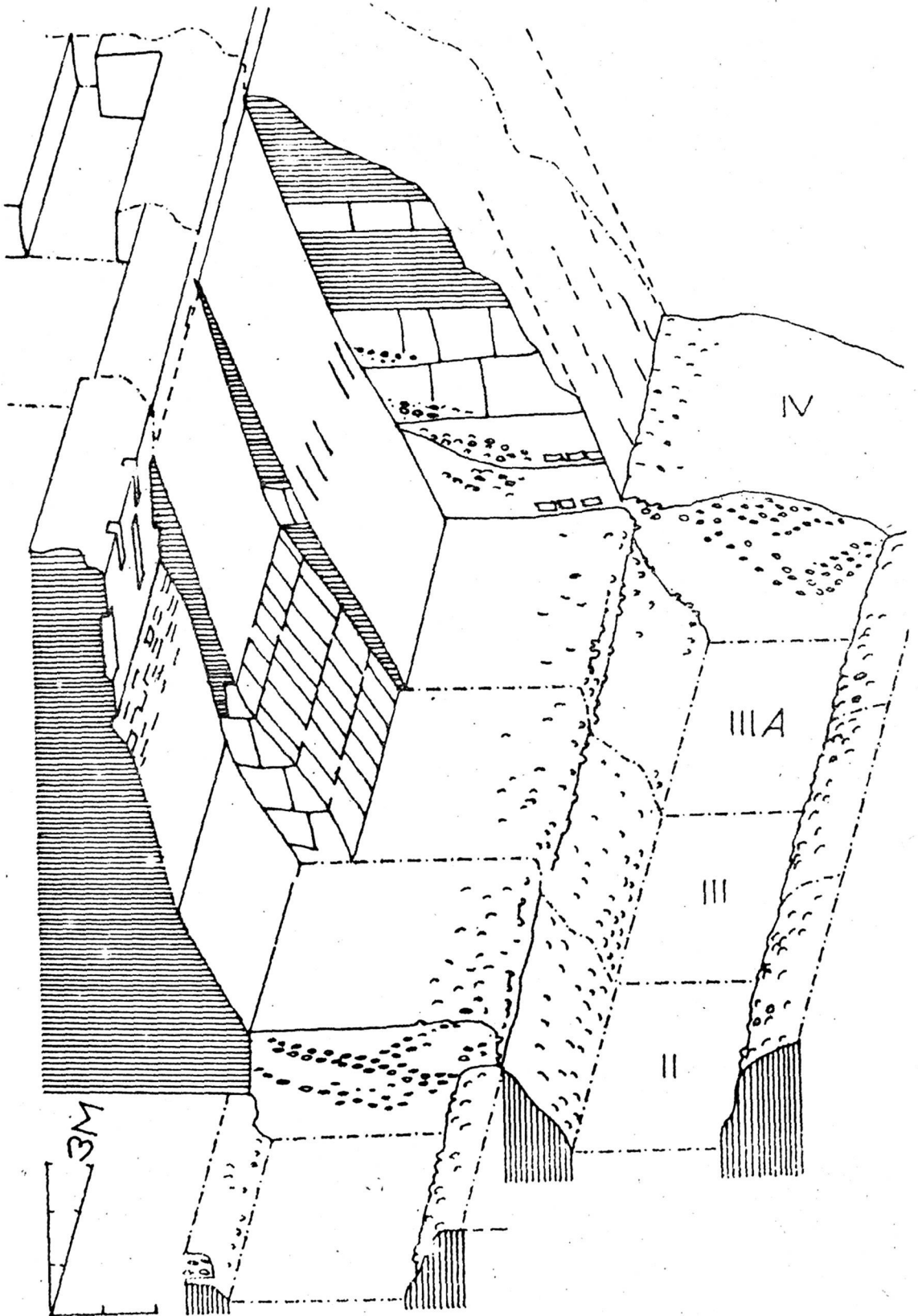
На объекте XII (руководитель Б.И.Маршак) были произведены небольшие работы по расчистке с наружной стороны первоначальной южной стены города. Открыт фас одной куртины, ограниченной боковыми стенами башен. В куртине обнаружены нижние части трех наклонных бойниц первого яруса. Выше стена не сохранилась. Поверх ее остатков идет пахсовая кладка следующего периода.

Конструкция и архитектурный облик первой стены, как это и предполагалось, оказались точно такими же, как у первой восточной стены первоначального шахристана на объектах III и VII. Керамика из пахсовой кладки относится к комплексу II (конец V — начало VI в.).

Для исследования внешней восточной стены города начаты раскопки нового объекта XXVIII (руководитель Г.Л.Семенов). Ось разреза стены продолжает направление шурфа через восточный ров объекта VII. Хотя разрез еще не завершен, уже сейчас наметились основные вехи истории внешней оборонительной стены (рис.3).

Самым ранним из обнаруженных здесь укреплений оказался ров шириной 4,85 м, вырытый в материке.

Во втором строительном периоде ров заполняли галькой и глиной. Поверх рва из тех же материалов вывели платформу высотой 1 м. На платформе, отступив на запад более чем на 4 м, возвели городскую стену из сырца на пахсовом основании, сохранившуюся на высоту около 9 м. К востоку от платформы находился новый ров, открытый на ширину около 5 м. Стена датируется керамикой из платформы и забутовки первого рва. Вся эта керамика (фрагменты от 120 определенных сосудов) характерна для комплекса II (конец V — начало VI в.). Таким образом, землю для платформы брали из слоя V (начало VI в.). Полное отсутствие более поздней керами-

ки не позволяет определить постройку стены позже, чем первая половина VI в. Тогда более ранний ров под платформой придется относить уже ко времени не позднее начала VI в. Следовательно, можно считать доказанным, что город уже очень рано достиг своей окончательной восточной границы и в течение почти двух веков (VI и VII) имел две линии обороны; внутреннюю, исследованную на объектах III и VII, и наружную, изучение которой начато на объекте XXVIII.

Фасад стены делится на верхнюю вертикальную и нижнюю наклонные части (угол наклона около 70°). Вертикальная часть, сохранившаяся на высоту 3,1 м, снабжена двумя рядами прямоугольных бойниц, расположенных в шахматном порядке. Нижние бойницы ложные. Верхние слишком плохо сохранились, чтобы о них можно было судить. Толщина верхней части стены около 1,5 м. С внутренней стороны к стене были пристроены многократно перепланировавшиеся помещения. От первоначального пола их верхнего этажа до плоской крыши над ними могло быть не менее 2,5 м. Если эта крыша служила площадкой для стрелков, то к этому надо добавить еще не менее 1,5 м защидавшего стрелков бруствера. В результате минимальная суммарная высота стены получается около 12 м или даже выше.

Во время одной из перестроек VII в. в стене было прорублено трапециевидное окно для освещения находившихся внутри помещений.

Крепостную стену дважды ремонтировали. Сначала утолстили на 1 м пахсовыми блоками ее наклонную часть, закрыв при этом низ ложных бойниц. Второй ремонт привел к увеличению высоты наклонной поверхности, так что бойницы нижнего яруса были закрыты уже целиком. На некоторых участках фасад стены с бойницами вообще не сохранился, и открыты только ремонтные кладки.

Эти небольшие перестройки не меняли общего характера стены. Перед стеной оставалась широкая платформа, на которой можно было разместить башенные выступы.

Новая кардинальная перестройка была произведена после того, как стена сильно оплыла. Поверх натека поставили

новую кладку из пахсовых блоков, заполнившую платформу до самого края. Толщина стены выросла еще на 3 м. У основания стена была почти вертикальная, выше она имела тот же наклон, что и предшествующие стены. Для конструкций этой стены характерны подсыпки гальки между слоями пахсы. Над четырьмя рядами пахсы шла сырцовая кладка (12 рядов), еще один ярус пахсы и снова сырцовая кладка.

В оплыве ремонтных стен керамика только VI в., что подтверждает дату более ранней, чем они, основной стены — не позже первой половины VI в. В пахсе последней стены примерно поровну керамики VI в. и керамики VII в. Керамика, типичной для начала VIII в., нет совсем, но есть несколько черепков от сосудов форм, появляющихся во второй половине VII в. (Тали Барзу У). Таким образом, это мощное усиление укреплений относится ко второй половине VII в. Общая толщина стены не менее 9 м у основания.

Эта стена, вероятно, построена тогда же, когда и третья внутренняя стена на объектах III и VII, т.е. после первых походов арабов в Согд в последние десятилетия VII в.

После сноса около 712 г. внутренней стены (объекты II и VII) начались новые работы, чтобы компенсировать ослабление обороны с помощью усиления внешней оборонительной линии. Оплывший ров был засыпан мощным слоем (толщиной до 1,8 м) чистой гальки. Эта материковая галька должно быть вырыта из нового рва, который копали к востоку от предыдущего. В оплыве рва керамика V — начала VII в., вымытая из платформы и стен. Один фрагмент кружки с ручкой относится к форме, характерной уже для слоев начала VIII в. или позднее.

Как отразился на стене разгром 722 г., сказать пока трудно. Небольшое трапецевидное окошко, освещавшее помещение, датированное монетой Тургара (после 738 г.), было пробито в ранней стене. Оно выходило наружу на высоте около 8,5 м над основанием. Как раз до этого уровня сохранился массив поздней стены. Выше она к этому времени уже разрушилась или была снесена.

Большое внимание при работах 1975 г. уделялось исследованию жилищ VII—VIII вв., принадлежащих горожанам разных социальных слоев.

На объекте XVI (руководитель В.И.Распопова) продолжались раскопки одного из самых крупных жилищ древнего Пенджикента. Работы велись в северной части объекта, где продолжалось исследование айвана (помещение 75) и начаты раскопки сводчатого, вытянутого с запада на восток помещения 80, расположенного на восток от айвана и связанного с ним проходом. Установлено, что длина айвана 19,5 м и ширина не менее 10 м. Таким образом, это самый большой айван, входящий в состав жилищ древнего Пенджикента. Раскопки его предстоит завершить в следующем сезоне.

На объекте XVII (руководитель И.М.Стеблин-Каменский) исследовалась улица, на которую выходит западный фасад здания и вестибюли (помещения 18, 19) двух жилищ, имеющих выходы на эту улицу, а также начаты раскопки помещения 20 в южной части объекта.

Улица исследовалась вдоль помещений 15, 18, 19. Ширина ее 1,85 м. Прослежено три ее поверхности, на двух из них зачищаются остатки вымосток из крупных камней. Напротив помещения 15 верхний уровень улицы проходит над завалом рухнувших стен. По нижнему уровню к фасадной стене помещения 15 была пристроена суфа. Помещение 15 имеет два заложённых прохода. Северный связан с нижним уровнем улицы и заложён с него. Южный — выходит на второй уровень улицы и заложён с верхнего пола помещения.

Помещение 19 (площадь 2,4х3,5 м) является вестибюлем жилища, в которое входило еще два сводчатых помещения (17 и 5) по первому этажу. Пол помещения был ниже улицы на 0,8 м, и поэтому при выходе на улицу была небольшая лестница. Вдоль северной стены помещения шла лестница на второй этаж, отделенная от помещения тонкой стенкой. В проходе на лестницу под этой стеной была крупная яма-хранилище, замаскированная под пол. Юго-западный угол помещения занят суфой. В проходе из помещения 19 в помещении 17 была деревянная дверь. В помещении зафиксировано

два уровня пола с разницей в 10–15 см. Жизнь на верхнем уровне относится к третьей четверти VIII в.

Помещение 18 также является вестибюлем для жилища, к которому относится еще одно помещение 16. Подъема на второй этаж в этом жилище не обнаружено. Помещение раскопано по верхнему полу.

Помещение 20 (площадь 2,6x8,7 м) сводчатое, вытянутое с запада на восток, примыкает с юга к большому колечатому коридору. Помещение раскопано до верхнего пола в западной части.

Объект XXIII⁸⁾ (руководитель И. Рахматуллаев). Работы велись в разных частях объекта (рис. 4). Целиком раскопано помещение 39, расположенное на юго-западе объекта. Это сводчатое помещение является "вестибюлем" жилого комплекса, раскопки которого еще не завершены. Установлено, что помещение сгорело во время пожара первой четверти VIII в. и затем было восстановлено около 740 г. Проход в юго-восточном углу в южной стене скорее всего вел на улицу. В северной стене было два арочных прохода. Проход в северо-восточном углу вел на пандус, а в северо-западном — в кладовку под пандусом, а, скорее, через коридор в другие помещения первого этажа. Кладовая запиралась на замок. В западной щеле прохода зафиксировано гнездо полукруглой формы от деревянного замка. Аналогичное оформление проходов на пандус и под пандус неоднократно зафиксировано в жилищах Пенджикента.⁹⁾ В юго-западном углу в западной стене намечен еще один проход. В юго-восточном углу в восточной стене с пола ремонтного периода был прорублен проход в помещение 13 б. Это сводчатое помещение, вероятно, хозяйственного назначения. Оно, так же, как и помещение 39, сгорело во время пожара первой четверти VIII в., а затем было восстановлено. Первоначально это помещение входило в один

8) Как и в предыдущие годы, объект XXIII раскапывался на средства Пенджикентского музея им. А. Рудаки.

9) В. И. Ра с п о п о в а . Квартал жилищ рядовых граждан Пенджикента VII–VIII вв. — СА, 1969, № I, с. 177–178, рис. 6.

отсеков, разделенных сырцовыми стенками с отверстиями, через которые могло пересыпаться зерно. Северный отсек зернохранилища был размером I, I-I, 25x2 м. Южная его стена была толщиной 20-25 см, сохранилась на высоту I м, но, судя по ее отпечаткам на алебастровой обмазке, доходила до карниза свода. Стена отсека была покрыта грубой алебастровой обмазкой. В южной стене на высоте 0,25 м от пола имеется отверстие из второго отсека. Вдоль западной, северной и восточной стен отсека положен в два ряда жженный кирпич, обмазанный сверху слоем алебастра. Северная стена отсека высотой 0,5 м. В этом отсеке был раскопан запас зерна, как и в отсеке помещения 38 (раскопки 1974 г.). Проход в помещение 37 из помещения 31 оформлен в виде арки. Видимо, с переделкой сводчатого помещения в зернохранилище связано устройство здесь двери с порогом. Низ арки был подтесан для вставленной прямоугольной деревянной рамы (рис. 5, I).

Было доисследовано еще одно помещение, входящее в тот же комплекс, что и зернохранилище, — это зад второго этажа — помещение 26, вход в которое шел по пандусу (помещение 27).

В помещении 26, створевшем в пожаре 722 г., была разобрана сырцовая кладка пилонов, подпиравших свод ниши в восточной торцовой стене. За пилонами были росписи более раннего времени (рис. 6). Они относятся к первоначальному прямоугольному залу, не имевшему сводчатой ниши. Допустимо предположение, что перестройка зала относится к последнему десятилетию перед пожаром, поскольку план зала с нишей мог стать модным после перестройки тронного зала во дворце Деваштича. Однако и в этом случае живопись надо датировать не рубежом VII-VIII вв., а более ранним временем, поскольку к моменту перестройки она успела износиться и ее даже подновляли. Был загрунтован поверх первоначальной живописи пояс орнамента, шедший по низу стены. Новый, состоящий из ромбов и небольших вальмет орнамент гораздо проще по рисунку, чем сложный растительный мотив первоначаль-

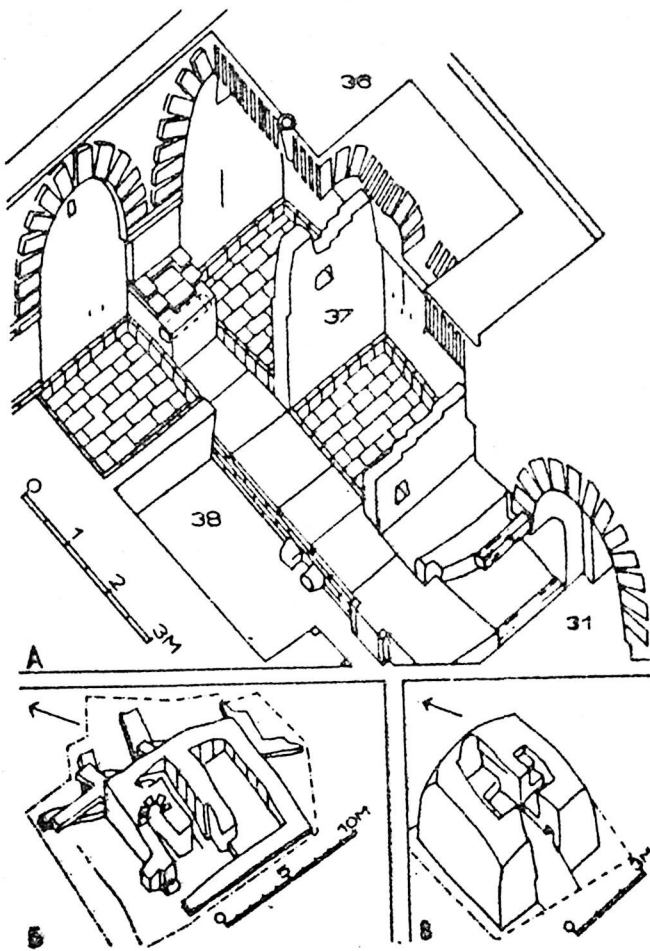

Рис. 5

ного фриза — побег с пучком изогнутых листьев. Мастер нового орнамента был не художником, а маляром. Он не стал поправлять скетчную живопись, а просто широкой кистью записал красно-фиолетовым тоном угол и низ композиции, которые наиболее пострадали от времени. Все это показывает, что первоначальная живопись выполнена по крайней мере за несколько десятилетий до рубежа VII—VIII вв. Фон этой росписи красный. Плотность цвета, толщина черных контуров, простота очертаний сближают ее с живописью VII в. из Афрасиаба.¹⁰⁾ Росписи объекта XXIII — одна из немногих на городи-

10) Л. И. А д ъ б а у м. Ук. соч., табл. V-L, LIII-LVII.

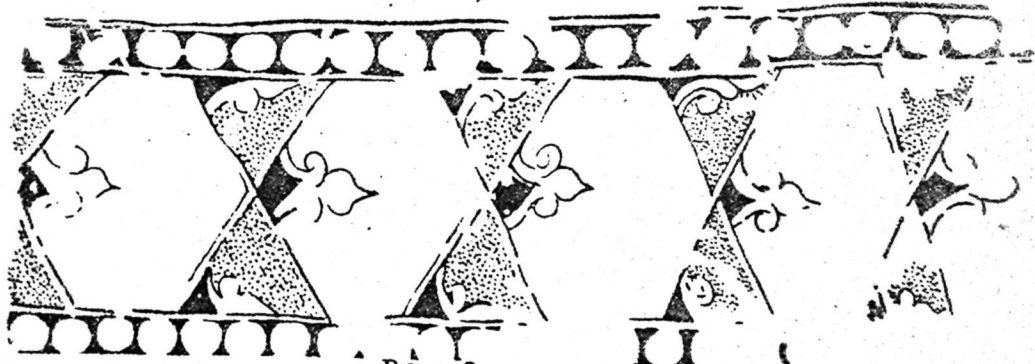

Рис. 6

II

не образцов живописи VII в., которые, как оказалось, не только на Афрасмабе, но и в самом Пенджикенте, отнюдь не идентичны по стилю росписям VIII в.

Сюжет живописи помещения 26 — конная охота. На восточной стене за северным пилоном находилось изображение упавшего леопарда с обернутой головой и часть ноги какого-то животного. За южным пилоном на этой же стене сохранилось изображение всадника на оранжево-красном коне, стреляющего из лука. У ног всадника нарисована багушая черная собака. Хорошо видны меч, колчан, седло. Особенно интересна высокая фестончатая передняя дуга седла с ярким просветом внизу. У головы собаки показаны очертания скал.

Южная стена сохранилась хуже. Между ней и пилоном образовалась щель, в которой скопились фрагменты штукатурки с росписью. Здесь имеется изображение части колчана, а также изображение руки человека, одетой в синее одеяние с прописанными широкими мазками складками. На росписях, сохранившихся на южной стене *in situ* видны остатки ног копытных животных, собаки и козля.

В западной части жилища раскопаны помещения второго этажа (4I, 42). Еще западнее находились принадлежавшие тому же дому помещения второго этажа над переулком (помещения 4, 2I объекта XXIV). Одно из них — зерноскладница, разделенное на отсеки, в которое попадали только сверху, с третьего этажа. Остатки пандуса, который вел со второго этажа на третий, прослежены в помещении 42.

После разрушения здания в 760-х годах в развалинах второго этажа была устроена комната со сводчатым очагом. Еще немного позже в той же комнате оборудовали печь из составленного на венчик хума, обхваченного футнером из сырцового кирпича. Еще один пристенный очаг этого времени открыт в помещении 42а к северо-востоку от пандуса.

В помещениях 760-770-х гг. попадали прямо с улицы по обштытому развалу более ранних построек.

В помещении 19 доследовалась заложённая арка в южной стене. Эта арка (шириной 1,95 м, высотой 1,85 м) относится к периоду до постройки зданий, сгоревших в 722 г. Выясняется, что тогда планировка была совсем другой, чем в VIII в., и участки, в начале VIII в. принадлежавшие разным жилищам, входили в один дом.

На объекте XXIV (руководитель Б.И.Маршак) раскоп был продолжен к югу (рис.4). Здесь обнаружены помещения, относившиеся к нескольким жилищам, границы которых неоднократно менялись, так что одно и то же помещение поочередно входило в состав двух и даже трех разных домов.

Наиболее ранние строительные остатки сохранились на высоту не более 0,75 м под капитальными стенами помещений 27, 28, 34 (перегородки между пом. 27 и 28 построены много позже). Фрагменты керамики VI в. под более поздними полами помогают приблизительно датировать постройки.

К следующему строительному периоду относится дом, состоящий из большой прямоугольной комнаты (на месте позднейших пом. 26-28) площадью 6х8 м и помещения 34 к югу от него. Из помещения 34 вели проходы в переулок на запад и в большую комнату на север, а также имелся арочный проход на восток во двор (?). Был ли проход на юг, пока неясно. Тогда же или немного позднее в юго-восточной части территории раскопа был построен дом, в который входило сводчатое помещение, находившееся на месте позднейших помещений 32-33.

Западная стена помещения с наружной стороны имеет характерный для фасадов наклон. Видимо, к западу от этой комнаты находилось открытое пространство.

К третьему строительному периоду можно отнести дом из трех комнат (пом. 19, 20, 30). Этот дом был пристроен к уже существовавшим зданиям, стоявшим к западу и к северу от него. Южная и восточная стены с наклонными наружными поверхностями были фасадами.

В помещении 19 первоначально находилась металлообрабатывающая мастерская (раскопана в 1974 г.). Эта комната площадью приблизительно 5,8х2,3 м была позднее сильно пе-

рестроена, и о ее первоначальном виде трудно судить. В юго-западном углу имелась (позднее снесенная) лестница на второй этаж, тогда как в южной части восточной стены был выход с подъемом наружу. В западной стене — два прохода в параллельные сводчатые помещения (20, 30) с низкими суфами и сводами с двойными карнизами.

Такое жилище ремесленника с мастерской необычно для Пенджикента. Просуществовало оно недолго. В четвертом строительном периоде произошла перестройка зданий на всей территории раскопа 1975 г., приведшая к уничтожению мастерской и разделу дома между владельцами вновь построенных жилищ. В этот период на месте двух домов и примыкающих к ним участков возникли три новых, причем сместились границы обоих старых домов. Если с разделами жилищ мы уже не раз сталкивались, то подобные переделы части городской территории наблюдаются редко и поэтому представляют особый интерес.

Помещения 26, 27, 28 составили одно жилище, которое целиком уместилось в прямоугольной комнате второго периода. Помещения 26 и 27 — вестибюль и небольшая кладовая — раскопаны в 1974 г. При этом в помещении 27 под суфой, кладка которой уходит под перегородку между помещениями 27 и 28, была найдена монета "Бидйана", т.е. Чакин Чур Бильги, правившего в Пенджикенте с 690 г. (или несколько раньше) до первых годов VIII в. Эта находка, как и такая же монета из кладки южной стены помещения 28, дает дату post quem для всего четвертого периода. Дата ante quem также определяется в помещении 28, где просевшие прослойки полов, отложившиеся на антресолях, содержат керамику (в том числе целый широкогорлый сосуд) конца VII в. Антресоли устроены только после разделения домов. Их прогон имеет гнезда в новых стенах. Поэтому сама перестройка происходила в узкий промежуток времени где-то в конце VII в. Соответственно второй и третий периоды оказывается возможным датировать VII в., тогда как первый период датирован по керамике VI в.

К времени между первым и третьим периодами, т.е. к VII в. относится и постройка раскопанных ранее жилищ северной части объекта. Из них дом с росписями в северо-восточном углу подстилается слоями с керамикой VII в. и, следовательно не может быть датирован началом этого века, тогда как пристроенные к нему с запада комнаты другого жилища, заполнявшие пространство между ним и домом около западного переулка, датируются до третьего периода, когда к нему, в свою очередь, были пристроены стены помещения 19, 20. Таким образом, оба эти помещения нельзя относить не только к концу VII в. (начало периода 4), но и к предшествующим десятилетиям (период 3). Наиболее вероятная дата их постройки — вторая треть этого столетия. Этот вывод важен для общей хронологии и истории Пенджикента, поскольку дом в северо-восточном углу объекта XXIV относится к наиболее интересным по своей сложной и необычной архитектуре зданий города. II)

В помещении 28 (площадь 4,5x5 м) в суфу были замазаны на треть два небольших хума, один из которых почти целиком сохранился. Прямо перед входом в полу вырыта яма-храмиллище. Антресоли частично сохранились в виде пустот с древесной трухой в западной части помещения. Один из двух столбов сохранился вместе с доской-поцбалкой и прогоном на высоте 1,3 м от пола. Поперек западного прогона шли доски и балочки разного размера, прослеженные в завале.

Гнезда от поперечных балок перекрытия в восточной стене находятся на 0,8-1 м выше, чем антресоли. Перекрытие опиралось на стены и два столба.

Помещения первого этажа служили кладовыми. Однако небольшой очажок-жаровня в середине пола свидетельствует, что помещение 28, хорошо изолированное от наружного пространства, могло служить и в качестве жилья в холодные дни. Насто-

II) А.М. Б е л е н и ц к и й. Раскопки на городище Древнего Пенджикента (1970 г.). АРТ, вып. 10 (1970 г.). М., 1973, с. II-III.

ющий очаг для приготовления пищи, сохранившийся в завале, был на втором этаже.

В прослойках "пола" антреслей найдены монеты Варху-мана и панджикентской царьцы. В кладке упавшей южной стены, приставленной к стене второго периода, обнаружена монета "Бидйан". В целом жилище относится к домам рядового населения, напоминая синхронные ему постройки объекта XII. 12)

Помещения 34, 30 и вновь построенные помещения 31, 35 в четвертом периоде образовали один дом. Выходящая в переулок западная стена помещения 34 была снесена и превращена в невысокую приступку. Жилая комната превратилась во входной айван. Из этого айвана идет узкий, проходящий под ведущим на второй этаж пандусом коридор — помещение 35. Коридор выходит на восток в помещение 31 — сводчатую комнату, пристроенную к наружной стене помещения 30. Из коридора в помещение 30 пробит узкий проход. Видимо, над помещениями 30 и 31 были вторые этажи, принадлежащие тому же небольшому дому.

Очевидно, что выделение помещений 34 и 30 из домов 2 и 3-го периодов имело единственной целью постройку этого нового дома. Поэтому оба раздела синхронны, а раздел дома 3-го периода тоже должен датироваться концом III века, как и раздел западного дома (по находкам помещения 28).

Помещения 19 и 20 (последнее раскапывалось только в 1974 г.), составлявшие в третьем периоде один дом с помещением 30, теперь при разделе были включены в одно жилище с помещениями 29, II, 12. При этом в помещении 19 мастерская была уничтожена. Был также закрыт стеной проход в помещение 30, и возведен свод.

Выход на восток из помещения 19 был сужен. Он вел теперь не наружу, а в новый вестибюль — помещение 29.

Новое помещение 29 (площадь 7,6x2,7 м) в западной части имело свод с двойным карнизом. Над восточной частью

12) В.И. Распопова. Ук. соч.

было плоское перекрытие. Рядом с дверью в переулок в восточной стене помещалось окно. В северной стене были два арочных дверных проема разной высоты и прямоугольное окно. Высокий восточный проем выходил, видимо, на пандус, один из маршей которого освещался окном. Низкий проход вел в подпандусный коридор, крытый сводом "балхи", который выводил в небольшую квадратную комнату на месте позднейшего помещения 12. После следующей кардинальной перестройки пандус был уничтожен, за окном положили кирпичи пазухи свода, а пандусный коридор, сохраненный только в южной части, превратили в кладовку помещения 12.

Как и все кварталы города, рассматриваемый участок, полностью застроенный к концу III в., претерпел большие изменения в связи с событиями 722 г. Дома вдоль восточного переуллка сгорели.

В западной части раскопа нет следов пожара, но и там есть прослойки ватков, разделяющие уровни полов.

При восстановлении жилищ, происходившем, вероятно, около 740 г. (на данном участке это пятый строительный период), наименьшие изменения произошли в доме с помещениями 26-28, где верхний пол датируется монетой Тургара (после 738 г.) из помещения 26 (находка 1974 г.). Здесь была усилена кладкой из темно-серого сырья западная стена под полкой помещения 28, а его северная стена была укреплена камнями и кирпичами и двумя положенными на ребро досками.

К дому, состоявшему из помещений 30, 31, 34, 35, в результате раздела соседнего домовладения были присоединены помещения 19, 20 и второй этаж над ними. Проход под пандусом в помещение 30 был заложен. Со стороны помещения 19 был прорублен новый сужающийся проход в помещение 30. Само же помещение 19 было изолировано от помещения 29 и соединено проходом с помещением 31. Второй этаж над помещением 19 был перепланирован. Здесь образовалась большая комната с очагом-камином. Надо отметить, что он не имеет колонн или других деталей, характерных для очагов-алтарей.

Наибольшие перемены произошли в домах близ восточного переуллка. После пожара были перепланированы и снабжены

новыми более низкими сводами помещения II, I2. Помещение II получило выход в переулочек и стало вестибюлем. Южный проход в помещении 29 был заложен. Подъем на невысокий второй этаж теперь мог осуществляться только в южной части помещения II, т.е. на единственном участке помещений II, I2, где нет сводов. Помещение II второго этажа имело стационарный очаг, дымоходом для которого служила устроенная еще в четвертом периоде шахта в северной стене, через которую проходил свет как в окно более раннего соседнего дома (помещение 2), так и, видимо, в окно (?) пандуса, находившегося на месте помещения II. Устройство очага приходится на то же время, что и закладки окна в помещении 2. Оба эти ремонта датируются периодом восстановления около 740 г.

Так возникло одно из самых малых жилищ древнего Пенд-викента с вестибюлем (помещение II) и темной сводчатой комнатой (помещение I2) на первом этаже и двумя помещениями второго этажа: большой комнатой с очагом и малой без очага.

Помещение 29 после восстановления сохранило только выход на улицу, тогда как закладка и толстая обмазка стен некрывают все проходы в соседние помещения. При этом в помещении устраивают суфы и приспособленный для приготовления пищи очаг под окном в переулочек. Поверх грубой обмазки стены дважды покрывали тонкой глиняной штукатуркой. На карнизе под сводом на северной стене сохранился рисунок фасада шахтосового здания, процарапанный по обмазке. Живописи в комнате не было, но арка крытого переулочка, по которому подходили с большой северной улицы к входу в помещение 29, была украшена характерной для вестибюлей росписью с изображением ваз, из которых поднимаются ветки граната.

Каким же стало теперь назначение комнат? Однокамерных домов в городе не было. Изолированные от жилья, выходящие на улицу помещения обычно использовались как мастерские и лавки. Но помещение 29 отличается от них большими размерами, очагом и парадным архитектурным обликом. Возможно, здесь помещалась своего рода "столовая" или другое доходное заведение такого рода.

Помещение 33 после пожара было превращено в типичный вестибюль рядового жилища с двумя проходами и двумя внутренними окнами во встроенный под сводом новой торцовой стене. Эта стена отделяет помещение 32 с лестницей вдоль северной стены. На западе лестница переходит в пандус, обходящий вокруг столба.

Таким образом, вся застройка рассматриваемого участка была восстановлена после запустения 720-730-х гг. При этом произошла существенная перепланировка домов и новый передел территории. В третьей четверти VIII в. напротив началось постепенное запустение. До 770-х гг. сохранил свою структуру только дом из помещений 34, 31, 30, 19, 20, в котором, однако, можно отметить быстрое нарастание гуммированных прослоек на полах и натеков в айване. В этом доме найдено несколько фельсов.

На объекте XXV (руководитель Д.Абдуллаев) начаты раскопки нового жилища. Раскапывались сводчатый коридор (помещение 12) и зал (помещение 13).

Помещение 13 объекта XXV относится к типу залов со сводчатой нишей в противоположной от входа стене. На торцовой стене ниши прямо под сводом имеется композиция на синем фоне. У других росписей зала фон красный. Такое сочетание уже встречено на объекте XXII и в коридоре шахристанского дворца.

На торцовой стене изображены два божества. В центре — большая фигура четверорукой богини, сидящей на льве, обернувшей к ней голову. Сохранились две руки, отходящие от одного локтя, и перекинутые через локоть длинные пряди волос. Перед богиней помещена небольшая фигурка колена-преданного мужчины с мечом, подвешенным к поясу. На мужчине одежда из узорного шелка, сложенная перед грудью руками он держал длинную трубу или булаву, утолщенный конец которой находится позади фигуры. Эта фигура донатора объясняет запутанные детали композиции помещения I объек-

та VI, ¹³⁾ где около божества на льве имеется помещенное столь же высоко изображение точно такой же трубы или булавки (перед головой арфистки). Фигура человека там не сохранилась.

Перед львом стояла крупномасштабная мужская фигура в шлеме с протомой крылатого рогатого дракона с длинной изогнутой шеей. На груди фигуры медальон в виде львиных масок, от которых отходят шнуры. На шее два ожерелья. Медальон и ожерелья были расписаны золотом, от которого остались только небольшие чешуйки. В отведенных назад опущенных руках этот персонаж держал какое-то древко. Над плечами поднимались языки пламени. Судя по всему, это изображение бога более низкого ранга, чем четверорукая богиня. Таким был, в частности, вооруженный бог на колеснице с крылатыми конями (пом. 6 объекта III, малый зал Шахристана), который изображался коленопреклоненным перед богиней, едущей на льве ему навстречу. ¹⁴⁾ Здесь, однако, изображено какое-то другое божество, у него нет в отличие от бога на колеснице бороды, но зато есть корона с драконом.

Внизу позади мужского божества изображен культовый предмет в виде небольшого зонтика с колокольчиками, привлекательное изображение луны (?) в виде темного полумесяца, схватывающего снизу светлый круг.

На западной стене изображен пир. Там сохранился целиком нижний ярус и часть второго яруса. Между ярусами, как и в помещении I объекта VI, нет рамки, их граница определяется самими изображениями. Внизу под всей росписью проходит орнаментальный фриз в виде "гармонички".

В верхнем ярусе показаны два ковра, около которых стоят или преклонены фигуры группы людей. Нижний ярус скомпонован иначе. Ковры внизу, отличаясь друг от друга по ри-

13) Скульптура и живопись древнего Персидского Ирана. М., 1959, т. II, с. 148-149.

14) Н.Н. Вегматов. О живописи двенадцати абдалов Устат-ханов (Предварительное сообщение). - СА, 1973, № 3, с. 192-195.

сунку, образуют сплошную узорную ленту. На коврах сидят, скрестив ноги, сгруппированные парами пирующие. Между парами — маленькие фигурки слуг или отроков. Над ними летящие фантастические существа: крылатый конь с хвостом дракона, крылатый верблюд с птичьим хвостом, крылатая женская фигурка.

Первая слева из открытых больших фигур — это мужчина в камчатом кафтане держит в руке дыню. Рядом показана маленькая фигура слуги (?) с кистью винограда в руках. Далее большая фигура человека в розовой одежде с белыми крестами и квадратиками, образующими ромбическую сетку. Этот человек пьет из ритона с головой верблюда (?). Напротив него сидит персонаж, держащий в руках сосуд в виде белой фигурки с ритоном и бурдюком в руках. Здесь имеет место характерный прием повышения достоверности изображаемых фигур. Видя рядом с большим изображением человека с ритоном маленькое "изображение изображения" человека с ритоном в такой же позе, зритель воспринимает маленькую фигуру как изображенную, а большую — в значительной мере реальную, относящуюся к миру подлинных людей и противопоставленную миру изображений.

Затем снова идет маленькая фигурка с гирляндой в руках. Фигурка показана в сложном движении: ее верхняя половина повернута на 180° по отношению к нижней.

Наконец, еще одна пара больших мужских фигур. В руке у одной из них серебряная чаша.

Роспись выполнена с большим мастерством и изысканностью. Художник явно стремился показать, как он может разнообразить детали при сохранении единства темы. Особенно разнообразны ткани. Большинство из них таяские или местные, одна западная, византийского круга. Иранских тканей нет. У сидящих фигур богато украшенные пояса, но нет мечей и нет серег.

Роспись пока раскрыта не полностью. Окончание работ в зале IЗ планируется на будущий год.

Объекты XVI, XVII—XXV расположены в центральной части древнего города. Наряду с ними продолжалось исследование

объекта ХХУІ (руководитель И.Б.Бентович) близ восточной городской стены. Здесь раскопан зал, примыкающий к стене. У зала были выходы на запад (на улицу) и на юг (в соседнее помещение). Особенность архитектуры этого зала — высокая платформа-суфа вдоль восточной стены. На суфу опирались две деревянные колонны. Удалось также выявить остатки предшествовавших залу сооружений. Оказалось, что платформа старше зала, поскольку на ней стояли стены позднего с севера на юг "коридора", остатки которых видны в восточной и южной стенах зала. Узкий и низкий "коридор" сначала не имел свода, но позднее его перекрыл сводом, а его западную несущую свод стену утолстили кладкой из вертикально поставленных кирпичей.

Под зала был ниже улицы, и, как всегда в таких случаях, его уровень быстро нарастал. В южной северной стене найдена монета Тургара II типа. Выше южной этой южной прохода уровень прохладного пола, который идет уже под суфой. Еще позднее на вновь подымавшемся полу в северо-западном углу помещения был устроен стационарный кухонный очаг. Последняя перестройка в зале связана с возведением стены, идущей по направлению запад-восток, которая разделила зал на прямоугольную комнату на севере в туниковый коридорчик (помещение 5) на юге.

Очевидно, что позднейший период относится к 760-770-м годам, тогда как устройство очага приходится на время около середины VIII в. Устройство зала датируется до 740 г. (время Тургара) в связи с мощностью наслоений между основным полом и очагом. Можно считать, что зал уже существовал в первой четверти VIII в. Дата более ранних построек пока не может быть уточнена.

В 1975 г. было возобновлено исследование пригородной зоны. На холме к югу от городища раскопана усадьба — объект УШ, дом II (руководитель Е.С.Баевская) (рис. 5, 2). Основное здание усадьбы состояло из вестибюля, пандуса с кладовкой под ним и прямоугольной комнаты площадью около 10 м². Очевидно, имелся и второй этаж. Позднее с севера и востока были пристроены еще четыре помещения, стены кото-

рых очень плохо сохранились. Под северной частью этого здания прослежены остатки стен предшествующей постройки, состоявшей из не менее чем четырех комнат. Верхнее здание на основании керамики и монет можно датировать концом II—VIII вв. В нижнем здании датированных материалов не обнаружено.

В западной части некрополя проводилось исследование наусов (руководитель Д. Давутов). Раскопаны четыре науса, из которых два (I, 2, нумерация 1975 г.) были сильно повреждены при строительстве автомобильной дороги. Своеобразна архитектура науса 4 (рис. 5, 3). Он стоял на платформе, на которую поднимался наружный пандус. Рядом с прямоугольной сводчатой погребальной камерой находилась сырцовая лестница. Видимо, наус был двухэтажным. Наус был разграблен в древности. В нем обнаружены фрагменты овальных оссуариев. Керамика, найденная около науса, относится к комплексу II (рубеж V—VI вв.). В погребальной камере найден фрагмент чаши V—VI вв.

В наусе 3, несмотря на разграбление, уцелела золотая византийская монета с изображением императора на лицевой стороне и сидящей богини на обороте. Из керамики следует отметить фрагменты сформованного на круге, но необожженного сосуда, что можно было бы связать с погребением гснчара, а также ручку и венчик от кружки-кувшина VI—VII вв. Имеются и фрагменты оссуариев. По крайней мере, один из них был овальным.

В наусе I оссуарии были прямоугольными. Один из них оформлен в виде крепостной стены с зубцами и бойницами. Здесь же найдены фрагменты керамики VI в. и обломок железного перстня. В наусе 2 обнаружены обломки овальных оссуариев со штампованным орнаментом и монета "Биджан".

Кроме того, весной 1975 г. была случайно найдена еще одна золотая византийская монета.¹⁵⁾ При осмотре места на-

15) Монета поступила в Пенджикентский музей им. А. Рудаки.

ходки найдены обломки оссуариев (один из них с валежной т.рракотовой головкой) и фрагменты керамических сосудов. Находки сделаны на месте науса, еще до войны раскопанного В.Р. Чейлытко. Несколько лет назад остатки этого науса были снесены бульдозером во время работ по землеустройству.

Итак, наусы Пенджикента, которые ранее датировали только УП- началом УШ в.¹⁶⁾, в действительности, строились уже на ранних этапах жизни города, начиная по крайней мере с конца У- начала УІ в. Особый интерес представляют находки золотых византийских монет, которые существенно обогащают наши представления о связях Согда с Западом.

При ирригационных работах в местности Дашти Урдакон (около 1100 м к юго-востоку от городища) бульдозер обрушил свод катакомбы. Сотрудники Пенджикентского музея извлекли из нее хум с человеческими костями. Катакомба была исследована Г.В.Длужневской, которая после этого провела раскопки на соседних участках. В результате открыто восемь могил, в которых были похоронены 13-14 человек. Антропологические определения костных остатков даны Т.К.Ходжайовым.

Погребения ориентированы по оси З-В, головой на запад с небольшими отклонениями. В катакомбе (могила 2) с забитыми сырцовыми кирпичами дромосом по ее длинной оси лежали вытянуто на спине три костяка: на сырцовой подкладке — костяки женщины и мужчины, а на материке, но с сырцовой "подушкой" — скелет еще одного мужчины. Около женского костяка найдено несколько позвонков барана. В хуме, поставленном позднее, находились кости мужчины, женщины и ребенка. На черепе ребенка — отверстие, возникшее при обгладывании трупа собакой. На хуме — процарапанный до обжига рисунок (коленопреклоненная женщина перед крестом?), а также круги и овалы, нанесенные слабой черной краской внутри и снаружи.

16) Б.Я. Ставиский, О.Г. Большаков, В.А. Монадская. Пенджикентский некрополь. — МИА, № 37. М.-Л., 1953, с.84-85.

В могильной яме 7 на прокладке из сырцовых кирпичей стоял овальный керамический оссуарий со ступенчатыми зубцами на лицевой стороне. Он был расписан красной краской: на лицевой стороне — "шахматная доска", на задней — вертикальные линии, соединенные несколькими дугами — "арочками". Крышка оссуария алебастровая с росписью красной краской. Погребены в нем кости женщины в возрасте 25—30 лет. На черепе и длинных костях видны многочисленные следы собачьих зубов.

В остальных могилах были только труположения на спине, причем почти каждая могила имеет небольшие отличия в погребальном обряде. Так, в могилах 3, 4, 8 череп был развернут лицом на юг, а ноги, по-видимому, были согнуты в коленях и поставлены вертикально. Различаются и положения рук, вытянутых или по-разному согнутых в локтях (в могилах 3, 5, 6, 8). В могиле 6 голова погребенного находится в подбосе.

В нескольких могилах использованы сырцовые кирпичи: в виде "сводика" (могила I), нижней прокладки (могилы 2, 7), "облицовки" северной стенки ямы (могилы 5, 6). Все кирпичи размером 48х24х8 см, т.е. обычного пенджикентского стандарта. В могиле 3 дно было устлано обожженным кирпичом размером (32х21х3 см) тоже обычного пенджикентского стандарта, а за головой стоял сырцовый кирпич.

Инвентарь могильников скуден. В могиле I найдены бронзовая и серебряная бусины и бронзовое кольцо. В могиле 4 на черепе погребенной лежала бронзовая печать в виде ложного перстня с U-образным знаком, известным по самаркандским монетам. В могиле 8 около черепа найден аббасидский фельс.

Могильник Дашти Урдакон — это, часть городского некрополя III в. Здесь прослеживается связанная с исламизацией смена оссуарного обряда обрядом труположения. Некоторым исключением представляется катакомба, в которой, напротив после труположений произвели захоронения в хуме. Однако, возможно, что здесь засвидетельствована рецидив старого обряда во время восстания Муканна.

В историко-культурном отношении работы на некрополе дали новый и исключительно важный материал как по истории местных верований, так и по начавшемуся в VII в. глубоким культурным изменениям, связанным с последствием арабского завоевания.

Продолжалось исследование ранних этапов истории города. Раскопки на объектах II, VI, VII, XII, XXIII дали новые материалы по проблеме сложения городской территории. Выявляется особая древность храмов, намечена не только восточная, но и южная граница первоначального шахристана. Установлена синхронность первого периода на юге и востоке этого шахристана. Выяснено, что выросший к началу VII в. город имел в VI-VII вв. две линии укреплений, причем уже в VI в. во внешнем городе были украшенные живописью постройки.

Наконец, надо отметить, что проводившиеся в большом масштабе раскопки жилищ существенно обогатили наши представления о динамике застройки жилых кварталов в VI-VIII вв. Особую историко-культурную и историко-художественную ценность представляют вновь открытые росписи на объектах VI, XXIII и XXV.

А. И. Исаков

РАБОТЫ КОСАТОРОШСКОГО ОТРЯДА В 1975 г.

В отчетном году Косаторошский отряд продолжил работу в зоне первой очереди канала им. XXV партсъезда. I) Одновременно при отряде была создана специальная группа для проведения разведывательных работ в зоне второй очереди упомянутого канала.

Разведывательные работы состояли из трех маршрутов: первый прошел по равнине и предгорным склонам территории колхозов им. Калинина и Ленина от кишлака Нови Чумок до Суфияна. Второй — по правобережью р. Магиандарья от кишлака Косаторош до плотины раннесредневекового канала Ток-саякорез в южной оконечности кишлака Чорбог. В задачу третьего маршрута входила разведка по горным кишлакам в ущельях и саях северных склонов Зеравшанского хребта.

В результате были обнаружены пять новых археологических памятников. Они известны у местного населения современных кишлаков Косаторош и Ак-Куталь под названиями Мурудак, Кургантепа, Холикназар, Тепай Хирманджо и Куджрах (последний памятник имеет и второе название — Калаи Тухтамыш).

В отчетном году были исследованы лишь Куджрах и Холикназар. На Тепай Хирманджо, Мурудак и Кургантепа пока заложены только разведывательные шурфы, которые показали,

I) По решению Министерства мелиорации и водного хозяйства республики Косаторошский канал переименован в канал им. XXV съезда КПСС. Отряд работал в течение июля-октября в следующем составе: А. Исаков — начальник отряда, Д. Давутов, М. Исакова, С. Назамов, Т. Эгамов, М. Кандияров — ст. лаборанты, Т. Баймурадов — художник, Ч. Чургасиев — шофер и 10 маршрутных рабочих.

что памятники двухслойные, нижние слои относятся к У-УШ вв., где культурный слой более мощный, в обрезах хорошо прослеживаются строительные остатки стен.

Верхний слой 0,8-1,2 м толщины. Из строительных остатков встречаются отдельные части фундамента, сложенного из речных гранитных камней. Найдено много керамики, монет, наконечников стрел и других металлических изделий, которые датируются X-XI вв. н.э.

Кудроха (Калаи Тухтамыш). Памятник этот расположен на высокой оконечности грады, понижающейся с востока на запад к долине Магиандарьи. В плане он вытянут с СЗ на ЮВ, длиной 40 м при ширине около 20 м.

До раскопок на поверхности памятника было собрано небольшое количество неглазурованных фрагментов керамики, среди которых имелись и расписные.²⁾

Первоначально была раскопана западная половина холма, где выявлены остатки трех параллельно расположенных друг к другу помещений. Удалось установить, что средневековой II слой, где найдена поливная и расписная керамика, имеет всего 0,5 м в толщину.

Основной слой толщиной 2,5-3 м относится к раннесредневековому периоду. Состоит из обломков сырца и пахсы, образовавшихся в результате разрушения стен и сводов. Кроме того, на высоте 0,35 м от пола в пом. I, 2, 3 прослеживается слой золы и полусгоревшего навоза, толщина которого около 0,5-0,7 м. Надпольный слой рыхлый, с небольшой гумусной прослойкой.

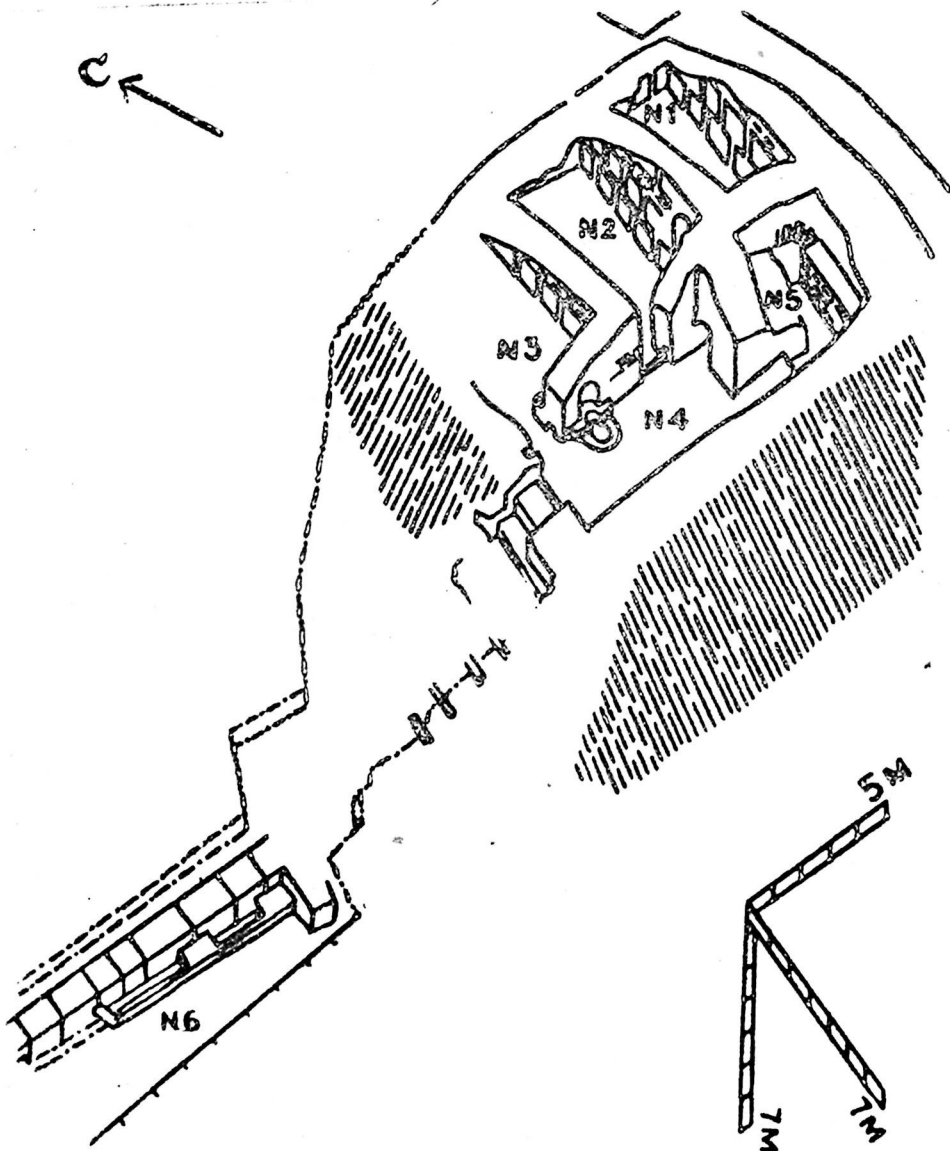
В этих помещениях в завале обнаружено незначительное количество фрагментов керамических изделий. Единичны металлические изделия, в том числе бронзовая пряжка и редуший инструмент, напоминающий скальпель.

Пол помещения I был аккуратно вымощен арочными брусками, тогда как в других помещениях замка, как обычно, обмазан глиняным раствором.

2) Раскопками руководил ст. лаборант Института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР Е.Давутов.

После полной фиксации разреза работа была продолжена и на восточной половине замка, где выявлены торцовые стены помещений 1, 2, 3. Далее к востоку от этих стен были околонтурены еще помещения 4 и 5 (последнее - пандус, ведущий некогда на второй этаж) (рис.1).

После того как все помещения замка целиком были раскопаны, решено, по возможности, околонтурить фасады замка. Как удалось установить, замок Кудраха представлял собой в основании прямоугольник со сторонами 14х14 м.

Замок построен на монолитной естественной платформе. Последняя по краям укреплена паксовой стеной, стоявшей на каменном фундаменте. Все это говорит о том, что исследуемый памятник следует отнести к группе укрепленных замков крупного землевладельца-дихкана.

Вещественные находки замка представлены фрагментами и несколькими металлическими изделиями.

В северо-западном углу платформы замка в небольшой свалке удалось найти большое количество керамических изделий. Свалка прямоугольная в плане, размером 3х2,5 м, с трех сторон оштукатурена кирпичной стеной (ном.7). Стенки невысокие, высота их колеблется от 0,6 до 1,5 м при толщине 0,5 и 0,9 м. В этой комнате найдены более 80 фрагментированных и 13 археологически целых сосудов. По технике изготовления они делятся на стаяковне и лепные. К первой группе относятся хумы, хумчи, водовозные кувшины, котлы, молочные сосуды, ко второй — чаши с прямым и волнистым венчиком, светильники, а также кухонные котлы.

Весь керамический комплекс как по формам, так и по технике исполнения напоминает керамику конца VII- начала VIII вв. городища древнего Пенджикента.³⁾

Как указывалось, в помещениях Кудухраха было найдено всего несколько металлических изделий: хорошо сохранившаяся орнаментированная бронзовая пряжка, два фрагмента бронзовых браслета и три "медицинских инструмента". Пряжка и обломки браслетов аналогичны находкам такого рода из городища древнего Пенджикента. Что касается так называемых "медицинских инструментов", то они встречены впервые. В связи с этим подробно остановимся на них.

Первый из них — железный "скальпель" длиной 12 см, срезан прямоугольной в сечении железной ручкой. Лезвие од-

3) И.Б. Белятович. Керамика Пенджикента. — МИА, № 37, М.-Л., 1953, с.133, сл., рис.1-9; о н а ж е. Керамика восточного края Пенджикента (VII-VIII вв.). — МИА, № 124, М.-Л., 1961, с.265, рис.1-20, 21 и др.; А.М. Белятович и И.Б. Белятович, О.Г. Бодьяков. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с.55, 57, рис.25-26 и сл.

ностороннее, длина 2,5 см при ширине 8-9 см. Второй инструмент бронзовый, намного меньше первого, длиной 9 см, возможно, некогда имел деревянный вкладыш, так как округлая ручка длиной в 6 см имеет сечение 7 см. Лезвие одностороннее, длиной 3 см. По виду этот инструмент может быть и шилом или дыроколом. Однако, судя по заостренному лезвию, он мог быть и "медицинским инструментом". Весьма интересную форму имеет третий инструмент. Длина 11 см, по двум сторонам заостренные концы. Одна из сторон (ручка?) некогда имела деревянный вкладыш. Второй конец - рабочий, сильно заострен, сечение ромбической формы. У нас пока нет прямых аналогий среди древних металлических изделий, но сопоставляя их с современными медицинскими инструментами, можно сказать, что наши находки из Куджраха, очевидно, являлись режущими предметами древних хирургов.

Работа на замке Куджраха еще не закончена. Поэтому сделать окончательные выводы о значении замка и примыкающих к нему с юга построек невозможно, можно лишь сказать, что месторасположение замка указывает на то, что он играл определенную роль в сельском округе городища древнего Пенджикента.

Холикназар. Это вытянутый с севера на юг длиной около 30 м, шириной 20 м памятник, расположенный у самого обрывистого правобережья Магиандарьи. По встречающимся фрагментам керамики, разрезу культурного слоя в обрывах, можно предположить, что некогда памятник представлял собой поселенческую площадку не менее 50x40 м. В настоящее время сохранился лишь бугор, находившийся в центре поселения. Бугор округлой формы, размером 8x12 м, возвышается над окружающими полями более чем на 10 м.

В ходе раскопочных работ установлено, что Холикназар сильно пострадал в результате перестроек. Многие ранние помещения были разобраны при застройке последующих периодов. Встречающиеся в забутовке и кладках стен кирпичи античного размера 60x30x10 см и фрагменты керамики весьма затрудняют последнюю фиксацию находок и их периодизацию. Тем не менее за истекший сезон удалось полностью исследовать центральный

бугор. Сохранившаяся часть бугра представляла собой квадратное по основанию сооружение размером 15x15 м. Всего на бугре раскопаны остатки трех помещений, обозначенные в плане под № 1, 2, 3 (рис.2).

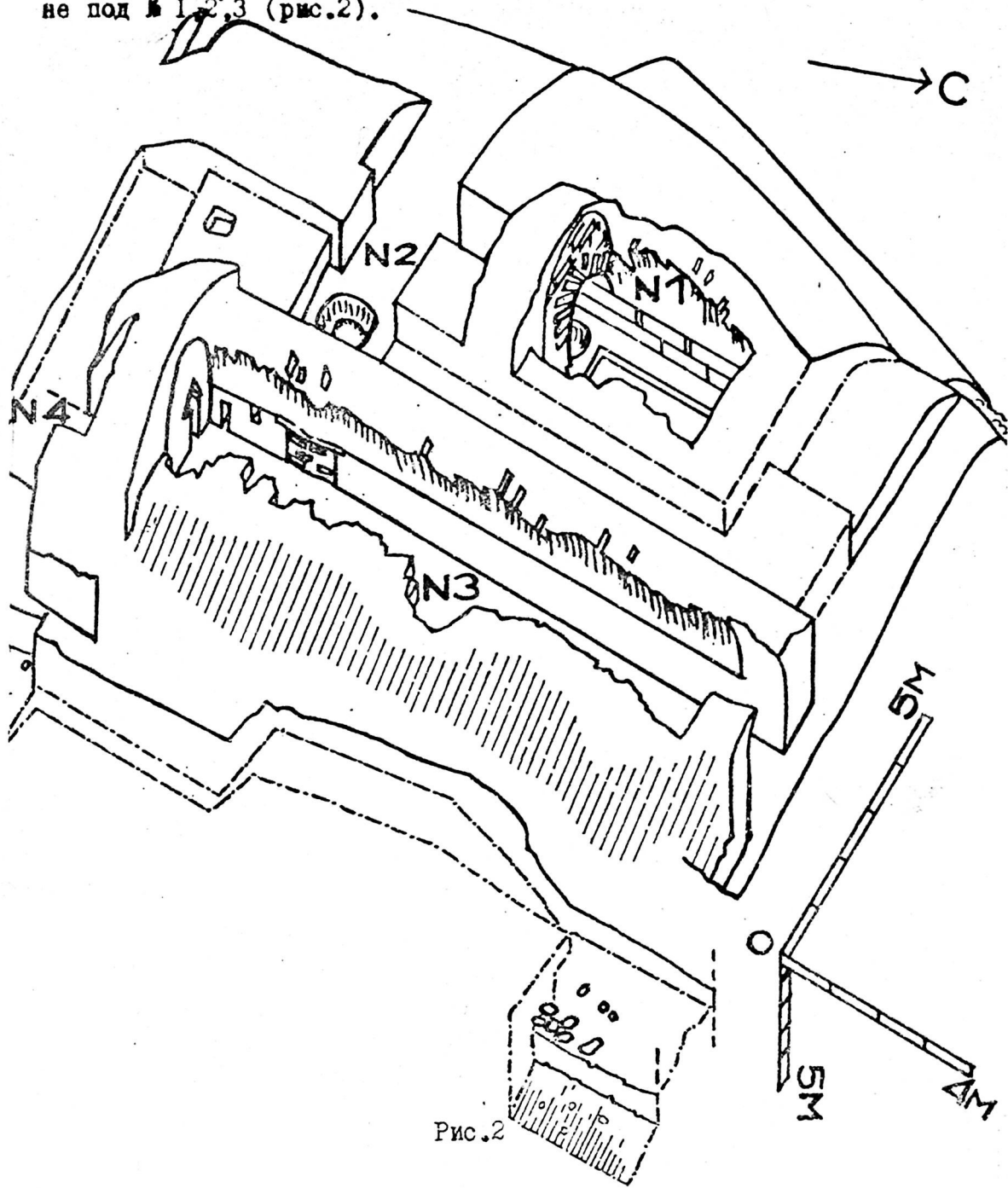

Рис.2

Помещение 2.⁴⁾ Это большое вестибюльного назначения помещение размером 7x6 м, расположено в юго-западной части центрального холма. Судя по строительным материалам и вещественным находкам, оно использовалось в первом периоде заселения. Из стен этого периода хорошо сохранились северная и восточная, высота их в северо-восточном углу равна 4,25 м. К западу северная стена, понижаясь, выходит на дневную поверхность, а восточная примыкает к южной стене. Высота их в юго-восточном углу равна 75 см. Западная стена при обвале сбрыва полностью разрушилась. Остатки глиняной штукатурки обнаружены лишь в отдельных местах восточной стены. Поверхность других стен — в северной и южной — без штукатурки.

Пол ровный, лишь у северной стены он слегка приподнимается. Единственное сооружение на полу — ближе к северо-восточному углу яма-колодец. По форме яма как бы состоит из двух частей: первая, верхняя часть диаметром 0,75—0,80 м имеет глубину 1,80 м, причем диаметр ямы на этой отметке 1,25 м. Вторая часть ямы диаметром 0,75 м уходит в материк. Яма первоначально была колодцем глубиной более 5 м, обеспечивавшим питьевой водой жителей поселения. Позже ее, не зашивая, закрыли арчовыми брусками. Найденные брусья на глубине 1,80 м, откуда начинаются вертикальные стенки колодца; говорит о том, что верхняя часть колодца в последующем была использована как зернохранилище. Очевидно, с этим и связано расширение стенок второй верхней части бывшего колодца. Здесь найдено всего несколько фрагментов керамики, кремневые отщепы и кости животных.

Вход, расположенный в середине северной стены помещения 2, шириной 1,25 м ведет в помещение 1. В плане он имеет вид витаяного с севера на юг коридора длиной 2,75 м. Сохранившиеся отдельные элементы боковых стен коридора и уцелевшая арка над входом, ведущим в помещение 1, позволяют предположить, что входной коридор некогда имел сводчатое перекрытие. В северном конце коридора под упомянутой аркой об-

4) Описание помещений дается согласно восстановленному плану здания и по их назначению.

наружена яма диаметром 1 м, глубиной 2 м. Она была засыпана рыхлой землей и обломками кирпичей. В ходе зачистки наряду с фрагментами лепчаной и ангобированной керамики найдена головка терракотовой фигурки.

Помещение 1 в плане вытянуто с севера на юг, размером 3x2 м, расположено, как указывалось, к северу от помещения 2. Помещение с дневной поверхности до глубины 2,3 м забутовано. Ниже забутовки слой с разложившимися кирпичами и галечкой. В этом слое встречены отдельно лежащие камни и небольшое количество фрагментов керамики. С глубины 3 м завал становится рыхлым и содержит, наряду с фрагментами керамики, кости животных. Надпольный слой толщиной 30-35 см сильно гумусирован, и чередуется с линзообразными зольными прослойками. На полу, сугубо и их промежутках скопление камней различной величины весом от 100 г до 75 кг.

Вдоль трех стен помещения сугубы шириной 60-70 см, высотой 20-25 см. Промежуток между западной и восточной сугубами шириной 80 см выполнял роль прохода, ведущего к северной сугубе. Поверхность сугуб и пола помещения покрыта алебастровой обмазкой. Как известно, обычно алебастровой обмазкой покрывались хранилища-кладовые. Возможно, и наше помещение некогда было построено с этой целью, так как его небольшой размер не соответствует размерам жилых помещений, раскопанных в памятниках Согды и других областей Средней Азии.

Стены, благодаря упомянутой забутовке, сохранились хорошо. Высота стен 2,75; 2; 3,75; 3,80 м. От пола до высоты 1,75 м сооружены из пачсы, разделенной на два пояса сырцовыми кирпичами размерами 7x25-26x8-9, 7x29-30x9-10 см. Высота каждого пояса 50-75 см. Верхняя часть стен сложена из сырца размерами 44x21-22x10; 46x23-24x8-9; 48x24x9 см, поверхность их не была оштукатурена, на отдельных местах прослеживаются следы копоти. По наклону внутрь верха западной и восточной стен устанавливается, что помещение имело сводчатое перекрытие.

Помещение 3. Расположено к востоку от пом. 1 и 2 и вытянуто с севера на юг на 12 м, ширина в раскопанной части 3,5 м. Вход в помещение шириной 1,75 м в северной стене. Это помещение также было забутовано от дневной поверхности

до глубины 1,76 м методом комбинированной кладки. Ниже плотный пахсовый завал. С 50–60 см выше пола завал становится рыхлым с зольными и гумусными прослойками. Надпольный слой состоит из сплошного гумуса с натечными прослойками. Пол ровный, отделен от материка глиняной обмазкой в 5–10 см.

В ходе раскопок помещения, с дневной поверхности до самого пола, встречено большое количество различных форм зернотерок, фрагментов керамики, пряслиц и каменных бус. Весьма интересная находка – алебастровый идол, найденный в завале этого помещения.

Из-за мощного слоя забутовки раскопки помещения в отчетном году не закончены. Из стен обнаружена южная, западная и часть северной. Южная стена (ширина 1,5 м) с пола до сохранившейся части верха 3,25 м высоты, сложена методом комбинированной кладки, между поясами пахсовых блоков прослеживаются ряды кирпича. В отличие от стен помещения I, блоки здесь выделены вертикальными швами. Блоки нестандартные, размеры их от 75x90 до 90x110 см. Западная стена сохранилась до 3 м высоты, с основания до высоты 1,50 м сооружена также из блоков пахсы нестандартного размера. Верхняя часть сложена из сырца. Помещение имело сводчатое перекрытие, пята свода прослеживается на высоте 1,5 м от пола. Северная стена сильно разрушена.

Все упомянутые стены до пята свода остались неоштукатуренными. Свод помещения целиком был покрыт двойным слоем глиняной и алебастровой штукатурки. Некогда в юго-западном углу по нижней части стен были пробиты две стреловидные бойницы. Высота бойниц изнутри 1 м при ширине 13 см. Со стороны помещений 2 и 4 они похожи на щель высотой 30, шириной 12–13 см. Любопытно, что зона обстрела бойниц весьма небольшая, они могли перекрыть небольшой участок юго-западного угла фасада здания.

Бойницы, гумусированный и сильно растоптанный пол, а также заложенный проход в западной стене являются доказательством того, что помещение 3 было пристроено к фасадной стене наиболее раннего здания, в результате чего упомянутые

бойницы потеряли свое значение и позже были заложены камнями и обломками сырца.

Помещение 4 небольшое башнеобразное прямоугольное, размером 2x2(?) м, расположено к югу от помещения 3. Оно вынесено вперед от линии вытянутой с севера на юг первоначальной крепостной стены. Щель бойниц расположена на высоте 0,7 м от пола и была рассчитана для сидячих стрелков. Поскольку ранние части памятника сильно пострадали в результате перестроек, других элементов фортификации в помещении 4 не обнаружено. Тем не менее не исключено, что это одна из башен античного памятника Холикназара.⁵⁾

Сооружение центрального холма памятника с севера оконтуривается вытянутой с запада на восток стеной с сохранившейся длиной 6,5 м. В плане она указана как живая стена помещения, условно названного помещением 5. Стена эта, как нам удалось выяснить, на самом деле является фасадной, сложена пахсовыми блоками, между которыми лежит в один ряд сырцовый пояс. Нижняя часть стены сохранившаяся на высоту 2,75 м, слегка отрухлилась, и при зачистке пола труха, осыпаясь, образовала пустоты, напоминающие неглубокий подбой. Это наблюдается во всех фасадных глинобитных стенах, обнаруженных при раскопках городища древнего Пенджикента и его цитадели. В связи с этим, во избежание разрушения, некоторым стенам снаружи придан пирамидальный вид.

Весьма ценные сведения о характере строительства памятника и его планировке были получены при раскопках северо-восточного угла. Здесь у подножия центрального бугра обнаружены остатки основания крепостной стены и неглубокий ров. Стена толщиной в 2 м вытянута с севера на юг, сохранилась на высоту 1,2 м. Конструктивно она была сооружена из битой глины, но со стороны рва укреплена каменной обкладкой. Найденные в завале и особенно на дне рва фрагменты керамики с лощением по черному и красному, густо нанесенно-

5) Этот вывод поддержали при осмотре памятника и члены Пенджикентской археологической экспедиции: В.И.Маршак, В.И.Рисполова и архитектор Л.Л.Буревич.

му ангобу позволяют говорить о том, что ров и стена появились одновременно где-то в конце III - начале II вв. до н.э.

Таким образом, несмотря на то что памятник в результате последующих перестроек сильно пострадал, по остаткам отдельных стен и встреченным вещественным находкам удалось выделить три строительных периода.

Первый - конец III - конец II вв. до н.э. В это время памятник представлял собой небольшой замок с двойной крепостной стеной, с многочисленными стрельчатыми бойницами, прямоугольными башнями. Промежуток стен шириной более 5 м выполнял роль обходного коридора. Вывесенная на 3,5 м наружу от второй линии стен башня также была снабжена бойницами. Вход в центральное здание, являющееся ядром поселения, расположен в южной части второй стены, у подножия одной из башен (в плане помещения 4).

Замок, по всей вероятности, с трех сторон - южной, восточной и северной был окружен неглубоким ровом.

Из застроек этого периода сохранились кроме рва, двух упомянутых стен и башни помещения I и 2. Что касается остальных застроек, либо их не было, либо они были смыты р. Магнадарьей. Вторая гипотеза нам кажется вернее, потому что все стены, уходящие на запад, срезаны обрывистым берегом.

В целом Холикназар первоначально был небольшим замком местного владельца площадью не более 20x20 м.

Во втором периоде (I-IV вв. н.э.) обходной коридор, т.е. межстенное пространство, был превращен в сводчатое помещение (в плане указано под № 3). В связи с этим прямоугольные башни с бойницами потеряли свое значение, но функционировали как небольшие помещения. Бойницы были забиты камнями и обломками сырца. Вторая стена также перестала быть оборонительной. Вход из коридора (пом.3) в помещение 2 был заложен. Количество жилых помещений Холикназара увеличилось за счет упомянутых перестроек. Фортификационным сооружением второго периода являлась внешняя стена со рвом.

В третьем строительном периоде (V-VI вв.), как это наблюдалось в некоторых других античных памятниках, заст-

ройки двух предшествующих периодов аккуратно забутовывались. Возможно, таким образом была сооружена платформа для последующих зданий донжонного характера. При забутовке античных зданий глина и кирпичи были взяты из других таких же ранних построек. Этот факт аргументируется, во-первых, тем, что в глиняных прослойках толщиной 8–12 см были встречены измельченные фрагменты керамики античного периода. Во-вторых, примененные в забутовке кирпичи соответствуют кирпичам стен античных зданий. Напомним, что из жилых застроек этого периода ничего не сохранилось. Третий период датируется лишь фрагментами чашевидных кубков и горшков, напоминающими керамику Караул-Ата, Калаи Муг и нижних слоев древнего Пенджикента.

Таким образом, Холикназар является редким памятником в Восточном Согде, представляющим большой интерес как в хронологическом, так и в социальном отношении.

Во время раскопок найдено значительное количество вещественных находок: девять бусин, более чем двадцать пряслиц, три терракоты и керамика; из металлических изделий: половина сапожного ножа, фрагмент бронзового браслета.

Бусы. Три из девяти бусин каменные, причем, две из сердолика. Форма круглая, диаметр 0,9 см, со сквозными отверстиями. Третья бусина из черноцветного камня, коническая, необычайно большого размера: длина 3 см при сечении 1,5 см. Остальные бусины из пасты зеленого цвета. По форме они круглые, сечением 0,8–0,1 см.

Пряслица. В Холикназаре найдены более 15 пряслиц (рис.3). Все они, за исключением одного, из глины.

По форме их можно разделить на два вида: паровидные и конические. Поверхность двух пряслиц первого вида покрыта красно-серым и черным ангобом. Были также и два плоских пряслица. Одно из них каменное, а другое изготовлено из донца какого-то небольшого сосудика. Все эти пряслица отличаются по виду от пряслиц раннесредневекового периода, найденных в большом количестве при раскопках городища древнего Пенджикента и других памятников Восточного Согда.

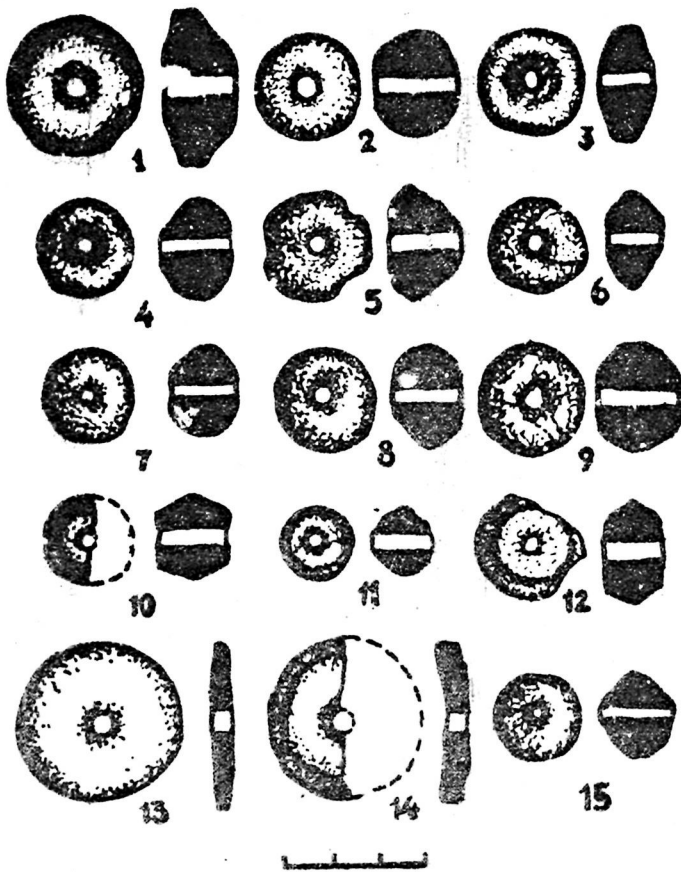

Рис.3

Терракоты. Их найдено всего две. Первая, как указывалось, найдена в яме, расположенной под аркой входа в помещение I. Она представляет собой штампованную глиняную головку со сложной прической. Округленный разрез глаз, прямой нос, прекрасно сочетаются со слегка приоткрытым ртом и губами. Вторая терракота вырезана из мягкого алебастра (рис.4). По

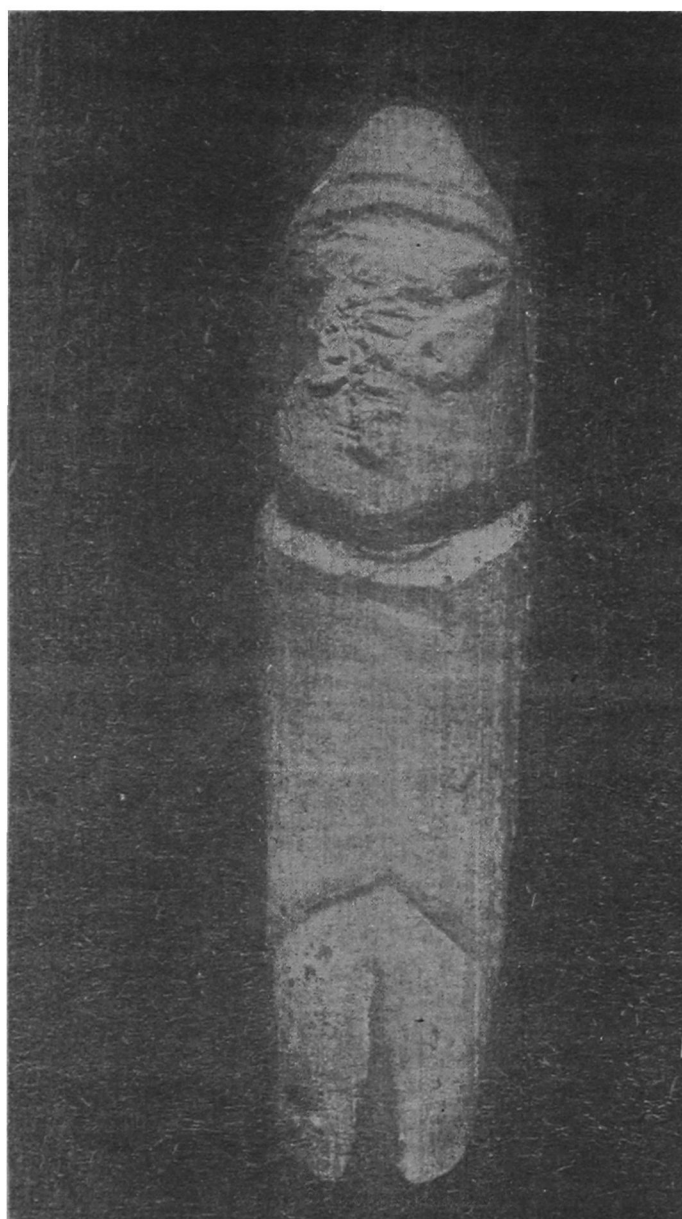

Рис. 4

имеющимся аналогиям ее следует признать идолом. Высота фигурки 12 см. Головной убор имитирует остроконечную шапку. Разрез глаз миндалевидный, уголки дотянуты до висков. Голова идола отделена от плеч неглубоким, но четким надрезом. Таким надрезом отделены и ноги. К сожалению, они сохранились лишь до колена.

Фигурка из Холикназара очень близка идолу, найденному Б.А. Литвинским в Исфаринском районе,⁶⁾ только идол из Холикназара появился на два столетия раньше, чем исфаринский.

Наиболее хорошо представлена керамика. В слоях завала и забутовке помещений Холикназара было встречено множество фрагментов керамических изделий, причем эта керамика имеет большое значение для уточнения исторической периодизации Пенджикентского района и Восточного Согда в целом, так как она представлена в исследуемом нами памятнике с конца III в. до н.э. (рис.5).

По технике изготовления керамика Холикназара делится на две группы: станковую и лепную. Керамические формы представлены хумами, хумча, кувшинами, горшками, чашами и котлами.

Следовательно, в результате раскопок Холикназара впервые получена керамика античного времени в верховьях Зеравшанской долины. До сих пор по единичным находкам в долине⁷⁾ трудно было что-либо сказать об эволюции керамики горных районов, отождествляемых, по сведениям письменных источников, с Пенджикентским княжеством в Восточном Согде. Античная керамика Холикназара имеет полное сходство с керамикой ранних слоев Афрасиаба II и III.

В целом, керамика первых двух периодов памятника в хронологическом отношении датируется III-I вв. до н.э., эпохой, когда в Согде завершался расцвет эллинистической культуры.

6) Б.А. Д а в и д о в и ч, Б.А. Л и т в и н с к и й. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, с.52, рис.24,25,26.

7) Б.В. З е й м а л ь. Кубок из погребения в Суджине. АРТ, вып.УІ (1958 г.), Сталинабад.

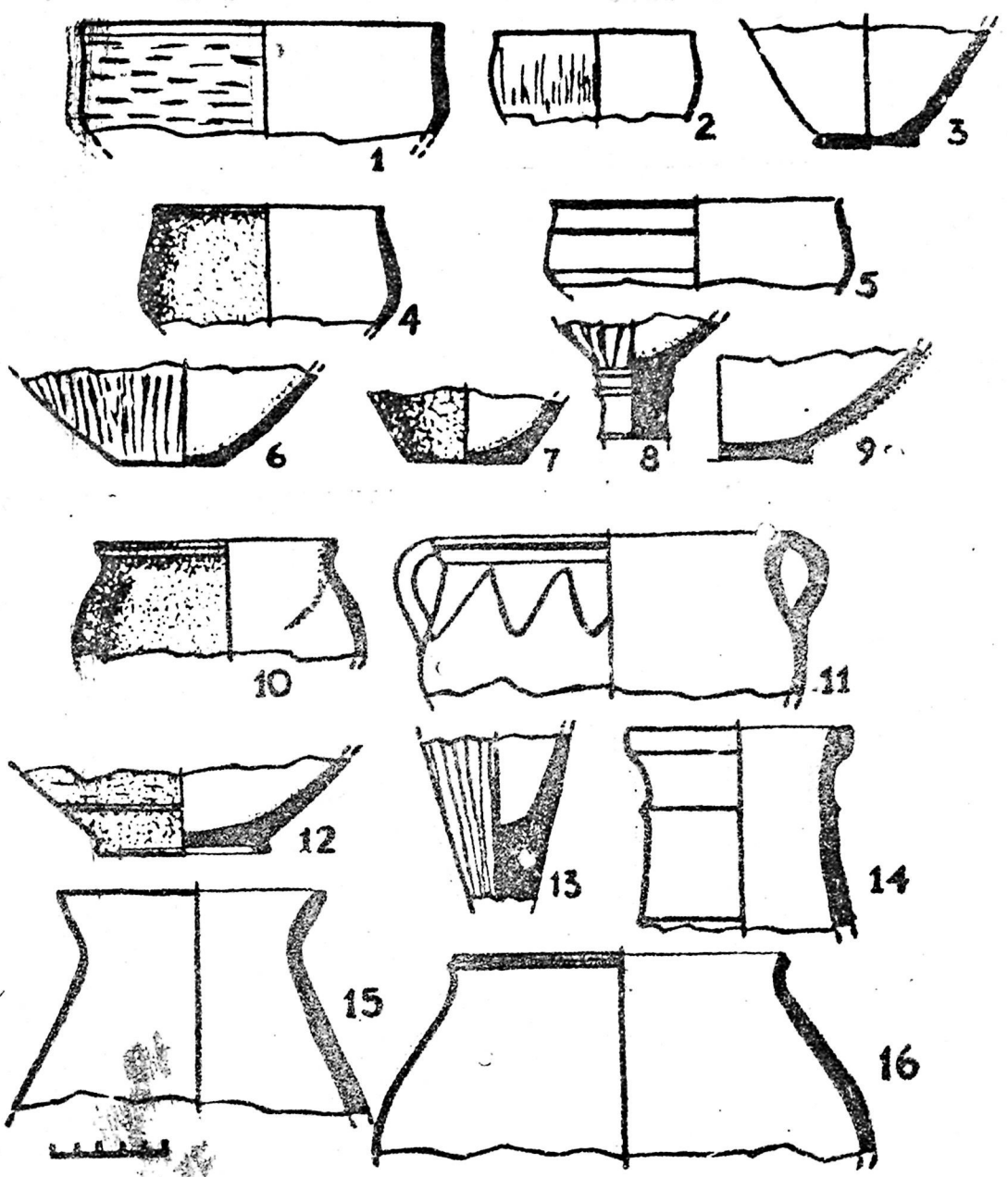

FIG. 5

СЕВЕРО-ТАДЖИКИСТАНСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ СТАКЭ В 1975 г.

Северо-Таджикистанская археологическая комплексная экспедиция Института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР полевые исследования 1975 г. проводила в составе Уструшанского, Шахристанского, Западно-Ферганского и Ленинбадского отрядов и раскапывала ряд объектов древнего и средневекового периодов.

Уструшанский отряд¹⁾ продолжал раскопки двух памятников, расположенных близ селения Куркят Науского района Ленинбадской области:

1) городища Ширин, где вскрыто несколько хорошо сохранившихся помещений северного архитектурного комплекса (объект I) середины первого тысячелетия нашей эры, давших серию чрезвычайно интересных керамических и металлических находок, в том числе золотая подвеска позднеантичного облика с ажурным изображением мужской фигуры на обратной стороне и каменной вставкой-жеммой в виде человеческой головы на лицевой стороне, часть шейной гривны в виде бронзовой фигуры лошади со стилизованным всадником, посаженным сзади коралловым стержнем в золотой оправе и др;

2) Куркятских скальных склепов, где полностью расчищены склепы II и III, из которых последний дал крупную антропологическую серию (182 черепа) и большую коллекцию украшений из

1) Уструшанский отряд работал в составе начальника СТАКЭ профессора Н.Н.Негматова, начальника отряда А.К.Мирзобоева, аспиранта М.Абдурасулова, младшего научного сотрудника В.П.Потемкиной, старших лаборанток Э.Малаевой и М.Сриповой, художки И.К.Симавской, коллектора-студентки М.Хамраевой и группы местных рабочих.

металла, камня и пасты, в том числе бронзовая серьга в золотой оправе, два золотых брактеата с оттисками человеческих бюстов, видимо, позднекушанского-эфталитского облика, две золотые подвески и др.²⁾

Шахристанский отряд³⁾ продолжал раскопки: 1) комплекса общественных построек (объект У) и жилого квартала (объект УІ) городища Калаи Кахкаха I — шахристана столицы Уструшаны города Бунджиката, где вскрыты ряд новых групп помещений, существенно восполняющих наши познания по городской планировке, архитектуре и материальной культуре; 2) печей и мастерских квартала гончаров Бунджиката на юго-восточной окраине современного поселка Шахристан, среди значительного материала которых особенно ценны великолепные керамические колыбы — формы переносных очажков; 3) завершены раскопки холма Тонтемиртепа, который дал хороший материал по замковому зодчеству и фортификации Уструшаны середины I тыс. н.э.⁴⁾

Западно-Ферганский отряд⁵⁾ начал раскопки холма Актепа на окраине поселка Табошар Ленинабадской области, где вскрыт верхний и часть нижнего горизонтов здания с остатками фортификационных сооружений замкового типа позднеантичного периода, возможно, связанного с горными разработками:

2) Н.Н. Негматов, А.К. Мирбабаев, М.А. Абдурасулов. Работы Уструшанского отряда. — Археологические открытия 1975 г. М., "Наука", 1976, с.569-570 (там же фото медальона и серьги).

3) Шахристанский отряд работал в составе начальника отряда Р.З.Авзалова, старшего научного сотрудника У.П.Пулатова, младших научных сотр. П.Т.Самойлик, А.Б.Павловой и группы местных рабочих.

4) Р.З. Авзалов, П.Т. Самойлик. Работы Шахристанского отряда. — Археологические открытия 1975 г. М., "Наука", 1976 г., с.560; У.П. Пулатов. Раннесредневековый замок Тонтемиртепа. — АО 1975 г. М., "Наука", 1976, с.570.

5) Западно-Ферганский отряд работал в составе начальника отряда П.Т.Самойлик, студентов исторического факультета ЦУ им. В.И.Ленина и группы местных рабочих.

Ленинабадский отряд ⁶⁾ на основе хоздоговора с Обществом охраны памятников истории и культуры Таджикской ССР производил археолого-архитектурные работы с целью подготовки научных рекомендаций по консервации и реставрации Ленинабадской цитадели. В нескольких шурфах были обнаружены местные культурные слои античного городища, расчищен участок восточной стены этого античного городища, что окончательно решает вопрос о месте нахождения города Александрии Эсхати (Крайней) в центре современного г. Ленинабада. Одновременно велась раскопки внутреннего арка Ленинабадской цитадели. ⁷⁾

Достижения СТАКЭ в 1975 г. значительны. Часть результатов полевых исследований изложена в статьях руководителей работ в данном сборнике. ⁸⁾ Остановимся специально на двух вопросах, представляющих особый интерес в связи с проводившимися исследованиями:

- 6) Ленинабадский отряд работал в составе начальника отряда А.М. Билалова, м.и.с. Т.В. Беляевой, А.А. Белогородского, Т.П. Самойлики, Р. Данова, Л. Кузнецовой, группы студентов-историков Ленинабадского гос. университета им. С.М. Кирова и группы местных рабочих.
- 7) А.М. Билалов, Т.В. Беляева. Исследование крепости Ходжента. - АО 1975 г. М., "Наука", 1975, с. 562.
- 8) Итоги работ 1975 г. получили широкое освещение в периодической печати. Некоторые из них: М.А. Алиджалиев. Поиск археологов. "Коммунист Таджикистана", 1975, 16 июля; Н.Я. Негматов, А.К. Мирбабаев. Сметая пыль веков. - "Коммунист Таджикистана", 1976, 23 марта; А.А. Белогорский. Сокровища Уструшаны. - "Вопрос света", 1976, № 3, с. 60-64; А. Белогорский. На земле древней Уструшаны. - "Ленинабадская правда", 1975, 1 августа; А. Белогорский. "Тайна длинноголовых пришельцев". - "Коммунист Таджикистана", 1975, 22 августа; А. Белогорский. "Тайна длинноголовых". - "Вечерняя Москва", 1975, 13 сентября; А. Белогорский и И. Город Македонского найдены. - "Ленинабадская правда", 1975, 31 октября; (об открытых остатках Александрии Эсхаты под Ленинабадской цитаделью статья корреспондента АПН А.А. Белогорского опубликована в более чем ста газетах и журналах СССР и в нескольких десятках зарубежных газет и журналов); Ю. Игнатов. Тайна древнего дворца. - "Комсомолец Таджикистана", 1976, 11 апреля и мн. др.

I. Для восстановления подлинной и всесторонней истории культуры народов Средней Азии, в том числе и таджиков, чрезвычайно ценно выявление и изучение не только наиболее выдающихся памятников зодчества. В этом отношении научно ценный и разнообразный материал дают часто и те рядовые творения народных зодчих, которые неизбежно остаются вне поля зрения историков архитектуры и искусства. Уже не раз было высказано мнение, что в Средней Азии есть еще много памятников архитектуры, совсем неизвестных в науке и не опубликованных, что иногда приводит даже к неверным представлениям о развитии архитектуры тех или иных районов того или иного периода.⁹⁾ А между тем многие из тех памятников бесследно стираются временем.

Учитывая это положение, различные отряды Таджикской археологической экспедиции, много лет работавшие в районах Северного Таджикистана, наряду со своими прямыми археологическими задачами одновременно занимались выявлением и изучением средневековых архитектурных памятников.¹⁰⁾ За последние годы изучение средневековых и поздних архитектурных сооружений превратилось в один из профилей и постоянных задач исследований Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедиции. Уже изучен и частично опубликован ряд памятников Ходжента-Ленинабада (мавзолей Тубахан, остатки комплекса Хаз-

9) В.Л. Воронина. Неизвестные памятники Средней Азии. — В кн.: "Материалы по истории и теории архитектуры Средней Азии", вып. I, М., 1950, с.84; Р.Р. Абдурашудев, Л.И. Ремпель. Неизвестные памятники архитектуры бассейна Кашкадарьи. — В кн.: "Искусство зодчих Узбекистана". Ташкент, 1962, с.5.

10) Б.А. Литвицкий. Мечеть-намозго в кишлаке Навгулем (Исфаринский район). — Докл. АН ТаджССР, вып.9, 1953, с.43-48; и др.

рати Бобо, комплекс шейха Муслихиiddина)¹¹⁾ и Ура-Тюбе (мавзолей Бобо Таго, Сари Мазор, Худояра Валлами, Абдукодъра Джелони, мечеть и мавзолей Хозрати Шох, памятника Оджина Хона и др.)¹²⁾, дополнительно изучен превосходный памятник искусства — известный резной михраб из Ашта.¹³⁾

В последние годы велись особенно усиленные поиски остатков мадраса (опросы местных старожиллов городов и селений Северного Таджикистана, изучение письменных и архивных сведений). К настоящему времени завершены фиксация, локализация и описание обнаруженных мадраса и их монографическое, историко-культурное исследование. Итоги этой работы оказались весьма полезными для лучшего понимания истории поздней архитектуры и истории таджикского народного образования как мусульманского духовного, так и светского. Автором этих работ уже осуществлены первые научные публикации.¹⁴⁾

- 11) Н.Н. Негматов. Мавзолей Тубахан. — Изв. АН Тадж. ССР, ООИ, вып.14, 1957, с.45-60; Н.Н. Негматов. Предварительный отчет о работах Ходжентского отряда в 1954 г. АРТ (1954 г.); Тр. АН ТаджССР, т.37, 1956, с.37; Н.Н. Негматов и С.Г. Хмельницкий и А.К. истории архитектурного комплекса Хазрати Бобо. — Изв. АН ТаджССР, ООИ, вып.1/22, 1960, с.3-17; Н.Н. Негматов. Работы Ходжентско-Уструшанского отряда в 1958 г. АРТ, вып.6 (1958 г.), Тр. Ин-та истории им. А.Дониша АН ТаджССР, т.37, 1961, с.113-114; Н.Н. Негматов, Б.Д. Салтовская. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1960 г. АРТ, вып.8 (1960 г.), Тр. Ин-та истории им. А.Дониша АН ТаджССР, т.34, 1962, с.69-71; Н.Б. Немец в а. Археологические исследования у мавзолея шейха Муслихиiddина в г. Ленинабаде, там же, с.153-154.
- 12) С.Г. Хмельницкий. Исследования архитектурных памятников Ура-Тюбе в 1959 г. — АРТ, вып.7 (1959 г.), Тр. Ин-та истории им. А.Дониша АН ТаджССР, т.31, Душанбе, 1961, с.130-142; Н.Н. Негматов. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1955 г. — АРТ (1955 г.), Тр. АН ТаджССР, т.63, 1956, с.66-67.
- 13) С.Г. Хмельницкий, Н.Н. Негматов. Михраб в с. Ашт. — "Советская археология", 1963, № 2, с.192-202.
- 14) А.К. Мирбабаев. Изучение архитектурных памятников Северного Таджикистана. — Изв. АН ТаджССР, ООИ, 1974, № 4 (78); А.К. Мирбабаев. Изучение мадраса Северного Таджикистана. — Тез. докл. республ. конф. мол. уч. и спец. Таджикской ССР. Душанбе, 1975, с.4-5; А.К. Мирбабаев. Исследование таджикских мадраса. — Тез. докл. на сессии, посвящ. итогам полевых этнографических и эт-

II. Около двухсот лет в востоковедении велась дискуссия по проблеме местонахождения города Александрии Эсхаты (Крайней): Такой спор был вызван скудостью и неточностью сведений античных греко-римских авторов, сообщавших об этом городе в свою очередь со слов историков-современников походов Александра Македонского.

Доходя до берегов Сырдарьи, поскольку последняя должна была стать границей его империи, Александр задумал возвести здесь укрепление. Античный историк Арриан (I-II вв. н.э.) сообщает об этом следующее: "Сам он решил основать на реке Танаисе город, назвав и его своим именем. Место это показалось ему подходящим для города, который станет расти, будет превосходно защищен от возможного нападения скифов и станет оплотом против набегов живущих за рекой варваров. Что город станет большим, за это ручалось и обилие поселенцев, которых он хотел собрать здесь, и блеск его имени". И далее: "Александр занялся задуманным городом; за 20 дней он обвел его стеной и поселил там эллинских наемников, тех из соседей-варваров, которые пожелали там поселиться и тех македонских солдат, которые уже не годились для военной службы. Принеся, как было у него в обычае, жертву богам, он установил празднество с гимнастическими и конными состязаниями" (Анабасис, IV, I, 3-4; IV, 4, I). Определеннее говорит Квинт Курций Руф (I в. н.э.): "На берегу Танаиса царь выбрал место для основания города, который послужил бы оплотом как против покоряемых уже народов, так и тех, против которых он решил идти впоследствии". И далее: "Между тем Александр вернулся назад к Танаису и окружил стеной все пространство, занятое его лагерем. Стена нового города, названная по его приказу также Александрией, была длиной в 60 стадиев. Сооружение было закончено с такой скоростью, что в семнадцать дней после начала постройки оброчительной стены были возведены также и кровли домов города. Между солдатами происходило необычайное соревнование, так что

Продолжение сноски I4 со стр.265:

археологических исследований в 1974-1975 гг. Душанбе, "Донини", 1976, с.201-202; А.К. Мирзабаев. Материальная база мадраса городов Северного Таджикистана. - Изв. АН ТаджССР, ООН, 1976, № 2 (84), с.29-35.

каждый старался первым продемонстрировать порученную ему работу, которая была между ними разделена. В качестве жителей нового города были назначены военнопленные, освобожденные посредством выкупа у их господ; их потомство известно и теперь еще, по прошествии стольких веков, среди того народа по причине памяти об Александре" (История Александра Великого. VII, 6-II, 6-28).

Помпей Трог (Филипповская история, XII, 5, 9) и Юстин (Эпитома сочинения Помпея Трога "Филипповская история"; XII) дополнительно к этим сведениям сообщают, что возведенная городская стена была шесть тысяч шагов длины и что сюда были переселены жители из трех городов, основанным Киром. Интересны сведения Гая Плиния Секунда (I в.н.э.): "За бактрами живут согдианы, у них города Панда и Александрия, построенная Александром Великим на крайних пределах земли. Там Геркулесом и отцом Либером (Дионис - Н.Н.), а также Киром, Семирамидой и Александром построены алтари, которыми отмечен предел их походов в этих землях; дальнейшему их продвижению препятствовала река Яксарт, которую скифы зовут Силисом, а Александр и его воины приняли за Танаис. Через эту реку переправился Демодамант, военачальник царей Селевка и Антиоха, которому мы, главным образом, и следуем в этом описании, и поставили алтари Аполлону Дицимскому" (Естественная история, VI, 49). Аммиан Марцелин (IV в.н.э.) среди трех наиболее известных городов Согдианы называет Александрию (История, XXIII, 6, 59). Александрией в Скифии называет этот город Плиний Валерий (Деяния Александра Македонского, III, 35).

Можно найти и другие упоминания в древних источниках, однако, они существенно нового к приведенному не добавляют.

Итак, Александр Македонский возвел на берегу Танаиса (Яксарт-Сейхун-Сырдарья) укрепление, причем, крепостной стеной было окружено пространство, которое занимал греко-македонский лагерь. Длина стен равнялась 60 стадиям или 6 тысячам шагов. Сложная военная ситуация, в которой тогда находился Александр, вынудила македонян так устроить строительство "стен", а в другом сообщении "крыш домов" было закончено за 17 или 20 дней.

Эти не совсем расшифрованные нашими источниками строительные работы, видимо, имели первоначальный характер и скорее всего включали, кроме возведения крепостных стен, еще и первичную распланировку ее внутренней территории с определенным количеством построек, необходимых для заселения в данный момент. Хотя относительно примененного строительного материала в источниках ничего не сохранилось, однако в литературе существует твердое мнение на сей счет. Еще в прошлом столетии Франц Шварц писал, что "город, основанный Александром, был, очевидно, построен также, как и теперь производятся постройки в Туркестане, т.е. городские стены, равно как и жилые строения, возведены просто из глины".¹⁵⁾ Подкрепляет этот вывод, например, сообщение Арриана о глиняных стенах соседнего древнеуструшанского города Газы (Анабасис, IY, 2, 3).

Укрепление было заселено сначала этнически разнородными людьми: притянутыми сюда пленными из соседних захваченных и разрушенных Александром городов Уструшаны, а также теми воинами Александра, которые были уже не годны для дальнейшей военной службы или вообще неудобными для него смутьянами из среды войска. Судя по намеку у Арриана, видимо, здесь поселились добровольно и люди из числа окрестного местного населения, что в довольно категорической форме было отмечено уже рядом исследователей.¹⁶⁾

Среди исследователей нет единства и в вопросе обозначения Александрии Эсхаты. Большинство из них, с учетом применяемых античными авторами понятий, ее прямо обозначают термином "город", ряд других ученых, учитывая назначение и роль построенного пункта, называют ее "...не город, а скорее

15) F r a n z W. S c h w a r z. Alexander des Großen Feldzüge in Turkestan, kommentar zu den Geschichtswerken des Flavius Arrianus und Q. Curtius Rufus auf Grund der vieljährigen Reisen in russischen Turkestan und den angrenzenden Ländern. München, 1893.

16) И. Г. Д р о й з е н. История эллинизма. Перев. с франц. Шелгунова, т. I. История Александра Великого. М., 1891, с. 349.

укрепленный лагерь¹⁷⁾ или именуют терминами "крепость" и "укрепление".¹⁸⁾

Крайне трудной являлась проблема локализации Александрии Крайней. Ученые различных стран мира еще с XVIII в. высказывают свои предположения и догадки по этому весьма важному вопросу. Однако большинство мнений основывалось исключительно на данных отмеченных письменных свидетельствах, лишь отдельные из них учитывали историко-географические, иногда археологические факторы решения вопроса. И все же до последних лет более или менее единого, археологически подтверждаемого мнения не было выработано. Хотя ход рассуждения ученых имеет большей историко-библиографический интерес, из-за краткости мы лишены возможности воспроизвести это. Поэтому остановимся лишь на суммарном резюме почти двухсотлетней дискуссии, в которой выдвинут ряд пунктов - претендентов на Александрию Крайнюю.¹⁹⁾

1) Город Ходжент (ныне Ленинабад) и его ближайший район. На этой точке зрения стоят: А. Левшин, И. Дройзен, Х.Х. Вильсон, П.С. Савельев, В. Томашек, Ф. Соколов, В.В. Григорьев, Ф. Шварц, В. Чериковер, У. Вилькен, В. Тарн, С.И. Ковалев, Л.В. Баженов, Б.Г. Гафуров, А.Н. Бернштам, Х.А. Робинзон, К.В. Тревер, С.П. Талстов, М.М. Дьяконов, Б.А. Литвинский и многие другие - всего нами зафиксирована точка зрения более пятидесяти исследователей.

2) Район Нау - по мнению В.В. Бартольда.

3) Район Бекабада - по мнению М.М. Дютова, В.Ф. Гайдуковича.

4) Город Ош - согласно А. Вамбери, А. Канниггема, Н. Шава.

5) Город Узген - по Ф. Юсти и Е. Херцфельду.

17) В.В. Григорьев. Поход Александра Великого в Западный Туркестан. СПб., 1881, с.36.

18) К.В. Тревер. Александр Македонский в Согде. - "Вопросы истории", 1947, № 5, с.116.

19) Частичная сводка этих точек зрения была сделана Б.А. Литвинским. См. История таджикского народа, т. I. М. 1963, с.256-257.

Здесь не примем во внимание лишние всякого основания локализации Александрии Крайней в г. Аксу Восточного Туркестана (В.Бехренц), утверждение о тождестве Кирополя и Александрии Крайней (Л.Каммингс) и Кирополя — Александрии Эскаты с современным селением Куркат (В.Г.Чейлытко).

Локализация Александрии в Оше возникла в связи с сообщениями о будто бы сохранившихся в этом городе развалинах с колоннами греческого происхождения. Однако А.П. Федченко и Л.Н.Соболев еще в 70-х годах XIX в. опровергли наличие греческих памятников в Оше²⁰⁾ и в этой локализации больше никто не вернул.

Против локализации в Узгене, так же как и в Оше, в первую очередь говорят сами данные письменных источников. Если всесторонне проанализировать имеющиеся письменные свидетельства и сопоставить их с микрогеографией бассейна Сырдарьи, то не подлежит сомнению тот уже признанный абсолютным большинством исследователей факт, что Александр вышел к этой реке именно в районе современного Ленинабада. Он не мог пройти дальше вверх по Сырдарье вглубь Ферганской долины к районам Оша или Узгена и не пошел туда в действительности по многим обстоятельствам. Во-первых, он рисковал быть слишком отрезанным от своего тыла яксартскими саками, которые его встретили на Сырдарье как только он появился там; во-вторых, не успев увидеть Сырдарью, он тут же узнал о восстании в Согде и в его ближайшем тыле, т.е. в уструшанских породах и, естественно, о таком беспокойном тылом не имел возможности дальше углубиться в Ферганскую долину. Именно такая обстановка и отражена в письменных источниках. В источниках нет никаких сведений о дальнейшем продвижении Александра по Сырдарье и локализации Александрии Крайней в Оше и Узгене возникли произвольно без какого-либо основания.

20) Л.Н. С о б о л е в. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе (с приложением списка населенных мест округа). Зап. Имп. Русского Геогр. об-ва по отделу статистики, т.4. СПб., 1874, с.300.

Микрогеографические и археологические наблюдения позволяют нам отклонить и локализацию этого города и в районах Нау и Бекабада. Во-первых, начиная от Ленинабадского пригородного селения Ява вдоль группы прибрежных селений Науского района вплоть до г. Бекабада издревле располагается речная пойма Сырдарьи и на самом берегу не мог быть построен город. Во-вторых, если все же допустить, что город был основан здесь или даже в районе Бекабада дальше от реки, то это противоречило бы известиям древних авторов: Арриан, например, писал: "Александр увидел, что скифы не уходят от реки и даже пускают через нее стрелы (река была неширокой..." (Анабасис, IV, 4, 1-2)) и далее, македонское "войско в полном вооружении стояло у реки, и машины по данному знаку стали метать стрелы в скифов, скакавших на лошадях по берегу. Некоторые были ранены; одному страда пробил насквозь щит и панцирь, и он ушел с лошади. Скифы испугались стрел, летящих на такое большое расстояние и того, что богатырь их убит, и стояли немного от берега" (Анабасис, IV, 4, 4). Таким образом, река здесь была неширокой и скифы (саки) и греко-македоняне с разных берегов стреляли друг в друга, чего не может быть в вышеупомянутом районе. В-третьих, несмотря на значительную археологическую изученность районов Нау и Бекабада, древнейших городищ здесь не выявлено: известны только памятники первых веков нашей эры и раннего средневековья. Что же касается рассуждений В.В. Бартальда и В.Ф. Гайдукевича о месте "действия скифской конницы" на правом берегу Сырдарьи²¹⁾, то они также не выдерживают критики: у Бекабада и Нау цепь Могаптау (Фархадские скалы) непосредственно выходила к берегу реки, не оставляя необходимого места для "действий конницы".

21) В.В. Бартальд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 гг. СПб., 1897, Зап. Имп. АН по историко-филологич. отделению, т. I, № 4, с. 74-75; В.Ф. Гайдукевич. Могилишки близ Ширинсая в Узбекистане. - "Советская археология", 16, М.-Л., 1952, с. 357.

Итак, оставалось лишь одно — Александрия Крайняя могла быть локализована только на территории г. Ленинабада и его ближайших окрестностей. С этим районом согласовывается как общестратегическая ситуация данного периода похода Александра, так и все конкретные приводившиеся замечания античных авторов. Именно у города Ленинабада река сильно сужается до 170 м²²⁾, поэтому возможна была перестрелка через реку. Известно, что древние стрелометы могли выбросить стрелы на расстояние до 300 м²³⁾ и безошибочно попасть в отдельных людей до 100 шагов, а в группы противника до 200 шагов.²⁴⁾ Интересно также совпадение замечания Арриана о том, что македоняне, перейдя Сырдарью, преследовали скифов (саков) на 80 стадий вглубь их страны, т.е. около 15 км. "Врага преследовали стремительно, и воины замучились от сильной жары; все войско терпело жажду, и сам Александр на скаку пил воду, какая там была. А была эта вода плохой, и у него началось сильное расстройство. Поэтому и не удалось догнать всех скифов" (Анабасис, IY, 4, 8-9). Эта местность Шуркуль (Соленое озеро) с соленой, вредной для питья водой, была известна до недавнего времени в 13-14 км к востоку от Ленинабада в зоне Кайраккунского водохранилища.

Однако такое согласование письменных источников и данных микрогеографии с районом Ленинабада для еще большей убедительности следовало подтвердить археологическими материалами. Так были начаты археологические поиски следов Александрии Крайней отрядами Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедиции Института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР под руководством автора этих строк.

22) Н.Г. М а л и н ц к и й. Учебное пособие по географии Таджикистана, ч.2. Ходженский округ. Ташкент-Душанбе, 1930, с.17.

23) Т. Д и л ь с. Античная техника. М.-Л., 1934, с.95.

24) А.В. Б о л д и р е в и Я.М. Б о р о в с к и й. Техника военного дела. Сб.: "Эллинистическая техника". М.-Л., 1948, с.292.

В течение 20 лет (1954–1975 гг.) на территории города Ленинабада и его предместий (Унджи, Румон, Кулангир, Гозиев, Чорсу и Курук-Ява) были проведены весьма тщательные поисковые работы, организован археологический надзор над новостройками, проводились фиксации и изучение случайных находок и самое важное – в несколько экспедиционных сезонов на основе изучения городского микрорельефа и топографии Ленинабад был подвергнут широкой археологической шурфовке. При этом, естественно, особое внимание было уделено сохранившимся до наших дней остаткам цитадели, расположенным в центре города на берегу Сырдарьи. Цитадель, площадь 320х200 м, прямоугольной формы, в северном углу холма внутреннего дворцового арка высотой 25 м и размером 80 х 80 м. Стены и башни сохранились различно, несут на себе следы многочисленных ремонтов, произведенных особенно в средние века и в XVIII в. ²⁵⁾

Из 29 заложённых на территории Ленинабада археологических шурфов в восьми вскрыты мощные культурные отложения молутора – трехметровой толщины со значительной по количеству керамикой середины и второй половины I тысячелетия до н.э. Это в основном обломки станковой выделки тонкостенной посуды (миски, кубковидные сосуды, котлы, кувшины), покрытой красным ангобом (с верхних слоев шурфов) и белым ангобом (с нижнего слоя). В одном из шурфов вскрыто целое зернохранилище с крупными архаичными хумами, из которых расчищено и вынута II штук. Эти шурфы были заложены внутри городской цитадели (I 5,6,27,28) и вне цитадели, к западу от нее (№ 20,21,22,24). Особенно интересные материалы дал шурф-траншея № 28, заложённый внутри цитадели у восточной стены. ²⁶⁾ Здесь в двух перпендикулярно расположенных траншеях длиной в 32 и 12 м на всем протяжении также зафиксиро-

25) И.Н. Пегматов. К истории Ходжентской цитадели (некоторые итоги историко-археологического изучения). – Изв. АН ТаджССР, Отд. обществ. наук, 1962, № 1 (28), с.51–65.

26) А.И. Бидялов, Т.В. Беляева. Исследования крепости Ходжента. – АО 1975 г. М., "Наука", 1976, с.562.

ваны ранние слои с фрагментарной керамикой от бело- и красноангобированных тонкостенных сосудов. Произведенный здесь же срез основания восточной стены цитадели привел к неожиданному чрезвычайно важному открытию остатков отрезка античной городской стены. Стена возведена из сырцовых кирпичей размером 42—43х32х14—15 см и 46х26—28х14 см, формованных из песчаной глины с небольшой примесью самана. Почти на всех кирпичях имеются клейма в виде нескольких параллельных линий, проведенных вдоль, поперек или по диагонали сырца. Ряды кладки промазаны глиной толщиной до 10 см. В промазке также встречены фрагменты ранней белоангобированной и неангобированной керамики. Сохранились шесть рядов кладки общей высотой 1,5 м. Интересна субструкция фундамента античной стены: специально вырытая траншея была заполнена песком с мелким галечником, поверх которого был аккуратно уложен один ряд галечника средних размеров. Смысл такой удивительно простой конструкции фундамента стены еще предстоит объяснить. Поверхность и фасад этой стены были впоследствии срезаны при надстройке стены цитадели поздних эпох. О времени возведения обнаруженной стены кроме белоангобированной керамики в растворе промазки кладки говорят и размеры кирпичей. Судя по материалам известных среднеазиатских памятников Яздега, Кызаягыр, Калалигыр, Дингильдаи, Калаи Мир и др., продолговатый сырцовый кирпич использовался до I в. до н.э., после чего в строительстве закрепляется квадратный кирпич как основной формат классической античной эпохи Средней Азии.

Таким образом, в центре современного Ленинграда, на самом берегу Сырдарьи открыты остатки древнейшего городища середины и второй половины I тысячелетия до н.э. с мощными структурными напластованиями. Полученный материал позволяет определять и границы городища.

Если обнаруженная стена была восточной стеной городища, то в трех шурфах (№ 15, 23 и 24) одновременно зафиксирована и западная граница и линия западного наружного оборонительного рва городища, которые находились на оси новой части временной улицы Садовой и Кондигерского цеха Городского парка. Почти аналогичную картину фиксируют шурфы

№ 19 и 25, приходящиеся на ось современной улицы им. С.Орджоникидзе, где, видимо, проходила линия южного оборонительного рва. Северные пределы городища непосредственно выходили к Сырдарье, которая тогда протекала на 40-50 м ближе к цитадели. Этот факт зафиксирован в соответствующих напластованных шурфах № 22. Так приблизительно эскизируются пределы раннего Ленинабадского городища, которое находилось под средневековой городской цитаделью и в районе к западу от нее. Заметим, что эта городская территория ныне густо застроена, что очень осложняло и затрудняло исследования. Поэтому достигнутые результаты мы считаем весьма успешными.

Таким образом, с выявлением остатков крупного по тогдашним масштабам античного города, при отсутствии других аналогичных остатков на сырдарьинском побережье Ленинабадской долины, полностью и окончательно решается вопрос о локализации Александрии Крайней в центре современного Ленинабада (бывший Ходженг). Поэтому можно считать завершенной очень полезную, во многом поучительную дискуссию по этому вопросу, так долго ведущуюся в мировом востоковедении.²⁷⁾

27) Последняя дискуссия прошла несколько лет назад в связи с "находкой" в ленинабадском пригородном селении Чорсу бронзового кратера, якобы относящегося ко времени Александра Македонского (В.А. Литвинский и Н.О. Турсунов. Ленинабадский кратер и луврская ваза Сосибия (Несаттическое искусство в Средней Азия). - "Вестник древней истории", 1971 г., № 3 (117), с.92-106. То же: В.А. Литвинскую, Н.О. Турсунов. The Leninabad Krater and the Louvre Sosibios Vase (Neo-Attic Art and Central Asia). - East and West, vol.24, No.1-2, pp.89-110. Кратер оказался ничем иным как несаттической подделкой XIX в. (С. Борисковская. Об одной группе подделок античной керамики. - Сообщ. Гос. Эрмитажа, XXXIX, Л., 1974, с.41-42), а археологические работы в Чорсу никаких античных материалов не дали (Н.Н. Негматов. Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г. - АРТ, вып.10 (1970 г.). М., "Наука", 1973, с.86-92.

В заключение отметим еще один очень важный вопрос ранней истории Ленинабада. Укрепление, названное Александром Крайней, было сооружено во время похода греко-македоняни в 329-327 гг. до н.э. Построено ли оно было на пустом месте или в ранее обжитом населенном пункте? Ряд историко-археологических наблюдений и материалов говорят о втором из возможных вариантов. Не подлежит никакому сомнению, что данное побережье Сырдарьи уже до этого было густо обжито согдийцами (древними уструшанцами) и саками. Именно, из-за своей обжитости, благоприятных природно-географических, стратегических и экономических условий этот пункт привлек внимание завоевателя. Предшествующим периодом - V-IV вв. до н.э. можно датировать часть обнаруженных в шурфах № 21, 27, 28 керамических материалов - обломки тонкостенных белоангосбиранных мисок и кубковидных сосудов и серию хумов, также частично покрытых белым ангобом. Традиция градостроительства согдийцев и саков бассейна Средней Сырдарьи уходит именно к середине I тыс. до н.э., когда здесь возводились семь древнеуструшанских городов (Курукада, Газа, Бага и др.),²⁸⁾ когда строила города царица саков Зарина.²⁹⁾

Таким образом, есть все основания говорить о существовании здесь раннего городка, у которого или в котором Александр Македонский построил свой укрепленный лагерь, назвав своим именем. Этому Проходженцу ныне исполняется 2500 лет.

28) Н.Н. Н е г м а т о в. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад. Изд-во АН ТаджССР, 1957.

29) По данным Ктесия Книдского (V-IV вв. до н.э.) в изложении Диодора Сицилийского (I в. до н.э.). См. И.В. П ъ я н к о в. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (текст, перевод, примечания). Душанбе, "Доник", 1975, с.73.

А.И.Билалов, Т.В.Беляева

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦИТАДЕЛИ ХОДЖЕНТА В 1975 г.

Образованный в 1975 г. на основе хоздоговора с Обществом охраны памятников истории и культуры Таджикской ССР Канинабадский археологический отряд Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедиции (СТАКЭ) Института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР продолжил планомерное изучение одного из древних памятников Северного Таджикистана — Ходжентской цитадели. По своему характеру работа отряда является продолжением многолетних исследований по истории города, начатых Н.Н.Негматовым. ¹⁾

1) См. его работы: Предварительный отчет о работах Ходжентского отряда в 1954 г. АРТ, вып.2 (1954 г.). Тр. АН ТаджССР, т.37, 1956; О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1955 г. — АРТ, вып.3 (1955 г.). — Тр. АН ТаджССР, т.63, 1956; О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1956 г. — АРТ, вып.4 (1956 г.) — Тр. АН ТаджССР, т.91, 1959; Географы IX-XII вв. с Ходженте и его области. — ИООН АН ТаджССР, вып.8, 1956; О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1957 г. — АРТ, вып.5 (1957 г.). — Тр. АН ТаджССР, т.103, 1959; Из истории позднесредневекового Ходжента. — Мат. второго совещ. археологов и этнографов Средней Азии. М.-Л., 1959; Страницы из истории Ходжента. — В кн.: "Археологи рассказывают". Сталинабад, 1959; К истории Ходжентской цитадели. — ИООН АН ТаджССР, I (28), 1962; Ходжент во второй половине XIX и начале XX вв. (вопросы реконструкции города, количество и этнический состав населения). — ИООН АН ТаджССР, I (47), 1967; Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (середины I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.). — Автореф. докт. дис. М., 1968; Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г. — АРТ, вып.10 (1970 г.). М., 1973; Исследования в Северном Таджикистане в 1971 г. — АРТ, вып.11 (1971 г.). Душанбе, 1975.

Задача отряда — систематическое изучение памятника путем вскрытия всей поверхности главного холма и шурфов на территории крепости. На главном холме заложен стратиграфический шурф, начато вскрытие его площади, заложены три шурфа внутри и один — вне крепости.

Шурф 25. Заложен в 30 м к западу от юго-западного угла цитадели, по ул. Орджоникидзе, у дома № 51. Размер шурфа 4х2 м. Заполнение его в основном состоит из перестроенных слоев позднего времени. Однако, среди находок, без соответствующих слоев, имеются фрагменты керамических изделий: венчик сосуда большого диаметра V-IV вв. до н.э. (II ярус), венчик красноангобириванной миски III-IV вв. н.э. (IV ярус), венчик хумча, венчик сосуда первых веков нашей эры (III ярус), фрагменты поливной керамики X-XII вв. (II ярус) и много фрагментов сосудов позднего времени. В конце II яруса начинается естественный галечник.

Шурф 26 размером 3х2 м расположен в южной части цитадели, в 10 м от двух ранее заложённых шурфов (5, 6).²⁾ Под дерновым покрытием, специально уложенном на участке газона, лежит утрамбованный галечный слой двора. Северную часть шурфа занимает фундамент бывшего здания из крупного битого камня. На остальном участке культурный слой содержит массу фрагментов безангобной керамики, невыразительных по форме. Несколько черепков дают сочетание синего, черного и фиолетового цветов глазури. Такая роспись характерна для посуды X-III вв.

Подобная картина наблюдается до IV яруса. Культурный пласт IV-V ярусов представляет однообразную рыхловатую глину средней плотности с мелкими черепками керамики. Два из них — от донца чаши, покрыты глазурью. На первом зеленой точками по светлому фону передав рисунок в виде листочка. Второй — с зеленой глазурью и подглазурным орнаментом. Два фрагмента от узкогорлых кувшинов с процарапанными волнисто-

2) Н.Н. Негматов. К истории Хедкентской цитадели. — ИООН АН ТаджССР, I(28), 1962, с.51.

тыми линиями. Очевидно, этот слой отражает материал IX-X вв. С линии У яруса начинается обросовая яма, уходящая в юго-восточный угол. Материал в ней ничем не отличается от верхних слоев. Яма вырыта в материковом слое цементированного песчаного лесса. В остальной части были выбраны фрагменты от хумов, тагор, кувшинов, ледяных котлов. Три фрагмента отличаются от остальных: венчик тонкостенного бокала, покрытый с двух сторон темно-красным ангобом; фрагмент от тонкостенной крышки с отогнутым горизонтально бортиком; фрагмент тонкостенного сосуда с плотным черным ангобом и процарапанным орнаментом (даваньского типа). Эти фрагменты явно перестложены, так как характерны для посуды I-III вв.

С конца IX яруса начинается речной песок и гравий. Материал шурфа показывает, что данный участок обживался в IX-X и XУШ-XIX вв., с указанием на обживание его и в I-III вв. н.э.

Шурф 27 заложен в юго-восточной части цитадели. Размеры его 3х3 м. Верхний слой толщиной 0,2 м состоит из искусственной засыпки земли с дерновым слоем для газона, лежащим на галечнике, который длительное время служил уровнем дворовой части. Под ним лежит 40-сантиметровый культурный слой со множеством мелких фрагментов керамики. Среди разнообразных черепков: дно чаши, покрытое внутри беловато-зеленой глазурью; лепная ручка от кувшинчика; фрагмент сосуда, с наружной стороны которого имеются красно-коричневые потеки по беловатому ангобу; венчик от хума; нижняя часть плоской тарелочки, покрытой с двух сторон красно-коричневым ангобом; два фрагмента от маленького кувшинчика с ручкой, покрытого снаружи красным ангобом; два фрагмента от тонкостенных красноангобированных бокалов со следами дощечки. Весь материал этого слоя перестложенный и смешанный. Он только указывает на обживание территории в I-II, V-VIII и IX-X вв.

В середине II яруса зачищены очажные дыны размерами 30-50 см. Слой плотный и содержит мелкие фрагменты от красноангобированных чаш с хорошим дощечкам. Очажные дыны

В ригине по устройству: одни были просто углублены в землю и прокалены до 10–15 см, другие обкладывались фрагментами от сосудов. Защищен хороший уровень пола в начале III яруса в юго-западной части шурфа. На нем был устроен очаг диаметром 40 см, края и дно которого обложены фрагментами от глиняного сосуда и жаровни. Жаровни с невысокими бортиками выполнены от руки, в тесте большое добавление измельченной керамики. Рядом с очагом лежал целый горшочек лепной выделки, сильно закопченный снаружи. Все прослойки с темными пятнами накопились в результате продолжительной здесь жизни. Видимо, они находились в помещении. По имеющимся в слое мелким фрагментам от красноангобированной посуды этот слой можно отнести к периоду обживания первых ветвей нашей эры.

Под этим слоем пролегает очень плотный пласт с редким включением мелкого галечника, со следами мелких корешков, папок червей и моллюсков. В целом он был похож на предметный слой. Но при продолжении вскрытия в конце III яруса появились фрагменты от лепного котла, несколько стенок и два фрагмента венчика с чуть утолщенным краем. Черепок содержит большое количество белого кварца. Обжиг неравномерный: середина черная, края светло-коричневые.

Ниже лежит очень плотный, темный по тону, культурный слой с незначительным количеством фрагментов керамики. Среди них два плоских донца от мисок или тарелок, верхняя часть чашечки с небольшим перегибом от вертикального бортика, верхняя часть бортика от миски с широким устьем. Небольшой фрагмент венчика хуна, который попал в огонь и несет следы копоти. Все фрагменты от сосудов изготовлены на гончарном кругу и из глины с хорошей отмучкой и покрыты плотным красно-коричневым ангобом.

В середине IV яруса зачищена очажная линза диаметром в 40 см. Около нее лежала зерноверка из крупнозернистого известняка и плоский пестик. Восточнее от них стоял сосуд с характерным туловом на полый невысокой ножке. Сосуд с тонкими стенками выполнен на гончарном кругу. Он оказался разбитым и разбросан частями. Обращает внимание техника

его изготовления. Сначала выполнялся корпус, отдельный поддон. На поддоне оставлены выступы для крепления кольцевой ножки. Сосуд сформован из хорошо отмученной глины с добавлением небольшого количества мельчайшего песка. Снаружи обработан светло-розовым раствором и при обжиге получил опаление в виде белых и красноватых пятен. Своеобразная форма его находит некоторые сравнения (рис. I). Так, среди керамического комплекса Ко-Крылганкалы I встречена ножка от вазообразного сосуда, В-8,2 см, Д-13,7. Она полая внутри. При раскопках Кой-Крылганкалы II в слое с раннекангуйским керамическим комплексом обнаружена ножка Д-9 см и ниже, чем первая. Нижняя плоскость тулова лишь немного вогнута. Выработка обеих очень хорошая, покрыта красно-ко-

Рис. I

ричневым ангобом.³⁾ В Мерве при раскопках мастерской ремесленника на городище Гяуркала в раннем слое встречена подставка от сосуда типа вазы Д-14 см, Т-1 см.⁴⁾ Нижняя половина сосуда на полый высокой ножке отмечена в раннем слое А1-Ханум. Г.В.Шешкина, рассматривая эллинистическую керамику Афрасиаба (комплекса А-П), под группой IУ выделяет крупные сосуды с широким устьем на высоком поддоне. Она пишет: "Несмотря на своеобразие формы, сосуды вызывают ассоциацию с греческим кратером. Хронологическая последовательность появления типов "кратеров" пока не установлена... Они отмечены только на ранних этапах А-П и дальнейшего развития не получили."⁵⁾ Форма нашего сосуда очень схожа с кратером коринфского типа VI в. до н.э. В.Д.Блаватский пишет: "Значительные изменения форма кратера претерпевает в коринфской керамике VII-VI в. до н.э. Распространенный в ней тип кратера именуется келебой. Форма тулова в основном сохраняет котлообразные или луковичнообразные очертания, но сильнее стянута сверху и образует поэтому плечи. Над плечами поднимается невысокая шейка, завершенная простым венцом, имеющим сильный вынос; к венцу примыкают два пластинчатых выступа, на них опираются выходящие из плеч ручки... Небольшая ножка имеет простые очертания".⁶⁾ По описанию видно, что в нашем сосуде не хватает верхней части до плечика.

Такая близость формы нашего сосуда и коринфской келебы и отсутствие ее как в более ранних слоях названных памятников, так и в более поздних, приводит нас к поддержке

3) М.Г. Воробьев. Керамика Хорезма античного периода. - Тр. ХАЭЭ, т.4, М., 1959, с.115.

4) З.И. Усманова. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяуркала. - Тр. УТАКЭ, т.12, Ашхабад, 1963, с.191.

5) Г.В. Шешкина. Эллинистическая керамика Афрасиаба. - СА, 1975, № 2, с.60-77.

6) В.Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, с.42, форма 48.

мнения Г.В.Шихиной о местном характере подобных сосудов, изготовленных в подражение греческому образцу.⁷⁾

Описанный слой в этом случае можно определить временем конца IУ—Ш вв. до н.э.

Культурный пласт во второй половине IУ и У ярусов очень насыщен фрагментами керамики. Есть каменная пуговица (или грузик). Но в основном это стенки сосудов и плоские донца. Донца разных размеров: 13—22 см. С тыльной стороны они несут остатки прилипшего песка. Есть несколько венчиков с плавно отогнутым краем. Их диаметр — 9—16 см. Некоторые стенки сосудов являлись их плечиками, где горловина присоединялась к тулову. Он выражен слегка утолщенным черепком и небольшим выступающим валиком. Все эти фрагменты подразделяются по обработке поверхности на три группы. Одна группа имеет плотное беловатое покрытие; вторая — розовато-красное в тон черепка; третья — без покрытия с тщательной обработкой. Преобладают фрагменты с беловатым покрытием. На розовато-красных есть пятна красные или светлые, такой цветовой эффект достигался мастером специально при обжиге. Из всех фрагментов восстанавливается лишь один в виде хушиновидного сосуда. Среди других форм есть часть бокала или вазообразной чаши. Край ее светлый, без розоватый. Это достигнуто закрытием верхней части при обжиге сосуда. Три фрагмента от посуды левой выделки; чаша со слегка вогнутым корпусом покрыта черным ангобом, а снаружи — красные и черные пятна; венчик от небольшого котла, край его слегка передан вертикальным бортиком. Надо отметить тщательность изготовления всей посуды. Тесто ее очень плотное, черепок при обжиге получил красный или коричневатый тон.

В западной стенке шурфа в У ярусе виден край какого-то сосуда, при подбросе нам удалось вытащить небольшие части крупноцепаляго хума. Выполнен он от руки, в тесте большое количество кварца и песка. Обжиг у него неровный, с сери-

7) Г.В. Шихина, ук. раб., с.61.

ми плитками от сильного огня. По высокому техническому качеству, по скромности в формах сосудов этот комплекс близок материалу усадьбы Дингильдже⁸⁾ (сер. V—IV вв. до н.э.). З.И. Усманова пишет: "Если в нижних слоях шурфа встречалась керамика, черепок которой по цвету красный и по структуре рыхловатый (VI—V вв. до н.э.), то из нового слоя черепок становится плотным, больше розовым и коричневым. Ангоб в том и другом случае всегда светлый от белого до кремового оттенка. Подобная керамика (V—IV вв. до н.э.) часто встречается при археологических вскрытиях в Эркале, а также будучи вымытой из древних кладок, куда они попали вместе с землей."⁹⁾ Однако материал Эркалы характеризует ахеменидский период. Известны уже многие памятники этого времени на территории Средней Азии: Кучуктене¹⁰⁾, Кызылтене¹¹⁾ на территории Сурхандарьинской области, памятник в среднем течении Кашкадарьи¹²⁾ и нижние слои Афрасиаба¹³⁾, нижние слои Кобаджана¹⁴⁾ и Болдайтене в Таджикистане.¹⁵⁾ Все они связаны единым типом формовки, цилиндрической в основе. Но последние годы исследователи не только выделяют памятники эпохи ахеменидов, но и расчленяют периоды их обжи-

8) И.Г. Воробьева. Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме. — Мат-лы ХАЭЭ, вып.9, М., 1973, с.118—148.

9) З.И. Усманова, укр. раб., с.17.

10) Д.И. Альбаум. К датировке верхнего слоя поселения Кучуктена. — ИМКУ, вып.8. Ташкент, 1969, с.65.

11) Т.В. Беляева, З.А. Хакимов. Древнебактрийские памятники Миршаде. — В сб.: "Из истории античной культуры Узбекистана". Ташкент, 1973.

12) З.И. Усманова. К вопросу о ранней античной керамике древней области Кеш. — ИМКУ, вып.10. Ташкент, 1973, с.52—53.

13) М.И. Филанович. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе. — В сб.: Афрасиаб, вып.1. Ташкент, 1969, с.206.

14) И.М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафиркирган (Кобаджан) (1950—51 гг.). — МИА СССР, 1953, в.37, с.253.

15) Т.А. Зеймалъ. Древнеземледельческое поселение Болдайтене — ИКТ, вып.2. Душанбе, 1971, с.97.

вания на этапы, по которым становится видно, что уже к концу этой эпохи цилиндроконическая форма не является ведущей, хотя еще присутствует.

В нашем комплексе керамики, который залегает ниже слоя конца IY—III вв. до н.э., нет прототипа с подкосом, но на территории Ленинабада в переотложенном материале встречен венчик от банкообразного сосуда с клювовидным венчиком.¹⁶⁾ Интересны наблюдения Т.И. Зеймаль. Она пишет: "В таких областях Средней Азии, как Чач или Фергана, где не обнаружено культуры цилиндроконических сосудов, а керамика, изготовленная с помощью гончарного круга, не получила такого широкого распространения, как в Маргиане, Бактрии, Согде".¹⁷⁾ Л.И. Альбаум, как бы подтверждая мнение Т.И. Зеймаль, пишет: "На основании археологического материала можно сделать предположение, что под давлением Ахеменидов... северные завоеватели были оттеснены на свои исконные земли (Фергана). Местное население (Кучуктепа) стало изготовлять посуду, формы которой повторяют несколько измененные древние образцы... В Фергане, не вошедшей в сферу влияния ахеменидского государства, продолжали изготовлять керамику по старым установившимся образцам".¹⁸⁾ Это и подтверждает нижний слой шурфа 27, который покоится на песчанике с лессовой прожилкой, перекрывающей материковый галечник. Он сочетает хорошо выработанную продукцию, изготовленную на гончарном круге, с местной традицией производства. Работами предыдущих лет отмечены слои материала IY—II вв. до н.э., а в них — фрагменты посуды более раннего времени.¹⁹⁾ Культурного наслоения, однако, зафиксировано не было.

16) См. фонды Института истории, коллекция Ленинабад, III—22.

17) Т.И. Зеймаль, ук. раб., с.97.

18) Л.И. Альбаум, ук. раб., с.79.

19) Н.Н. Негматов. Исследования в Северном Таджикистане в 1971 г. — АРТ, вып. II (1971 г.). Душанбе. 1975 с.143—156.

Шурф 28 был заложен в юго-восточной части цитадели близ южного участка восточной стены в связи с проложением в строительных целях траншеи вдоль стены длиной 32x2 м и другой, перпендикулярной первой, длиной 12x2 м. За ходом вскрытия сразу были установлены наблюдения. Обе траншеи в верхних слоях содержали массу фрагментов керамики. Это черепки от чаш, кувшинов, котлов, хумов, пиал и лагаднов. Большое скопление материала с поливой и без нее в своей массе отразило период обживания в ХУП-ХІХ вв. Наблюдение за залеганием слоев позволило зафиксировать, а затем зачислить участок во второй траншее. В результате выявлено: с севера на юг в этом месте проходила естественная песчано-лессовая гряда. Ее западный уклон хорошо читается в срезе траншеи. Она покоится на материковом галечнике, темно-коричневом и серо-зеленом слое болотного отложения, которое простирается к западу от вала. На этом отложении накоплен небольшой культурный слой с фрагментами керамики и очажными пятнами, органическими остатками. В срезе траншеи выявлено также погребение этого слоя песчаными отложениями водоносных линз. Керамика собрана в небольшом количестве. В основном это стенки сосудов, фрагменты бокалов, чашечек и кувшинов. Вся керамика выполнена на гончарном круге с хорошим черепком и обжигом. Ангоб плотный, от красного до черного тонов. По своим техническим данным и формам этот материал находит самые близкие аналогии с посудой из периода Аффрасиоб II и переходного этапа и может быть отнесен к III-I вв. до н.э.

Поперечная траншея (12x2 м по линии 3-В) была продолжена на восток до стены, чтобы произвести срез последней для изучения ее основания. В результате этой работы было выявлено следующее: на материковом галечнике (2,3 м и ниже современной поверхности) и темно-коричневом, а также серо-зеленом слоях болотного отложения с севера на юг проходил вышеупомянутый естественный песчано-лессовый вал. Высота его доходит до двух метров. Этот вал и послужил естественным основанием для возведения стены. Его неровная поверхность (или специально вырытая траншея) была выровнена за-

сыпкой мелкого гравия с песком. Это заполнение покрыто одним ровным слоем выкладки галечника среднего размера. На образованную таким путем горизонтальную площадку накладывались сырцовые прямоугольные кирпичи. Последние формованы из песчаного лесса с небольшой примесью самана. Размеры их 46x26-28x13,5; 43x32x13-15; 42x32x15 см. Ширина неполных кирпичей - 30,34 см при толщине 14 см. Почти на всех кирпичах клеймо в виде нескольких параллельных линий, проведенных поперек, вдоль или по диагонали кирпича (рис. 2).

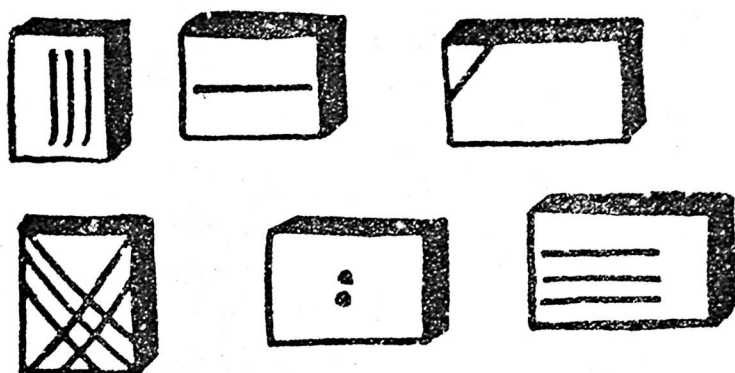

Рис. 2

Кладка довольно регулярная, вперевязку с широкими промежутками - 6-7 см, заполненная глиной. Промазка между рядами тоже толстая - до 10 см. Всего от этой кладки сохранилось 6 рядов высотой 1,3 м (рис. 3). Выше в более позднее время после разрушения верхней части ранней, стена была наращена пахсовыми блоками. Высота этой части 1,5 м. Дальнейшая высота стены не охватывается срезом, и ее структура не выявляется.

Из промазки нижней кладки было получено несколько фрагментов керамики: стенка толстостенного белоангобированного сосуда, четыре фрагмента толстостенной керамики с беловатым ангобом, донце чашки со следами ремонта (просверленные дырочки). Так как керамика малочисленна и фрагментарна, то для установления времени возведения стены оп-

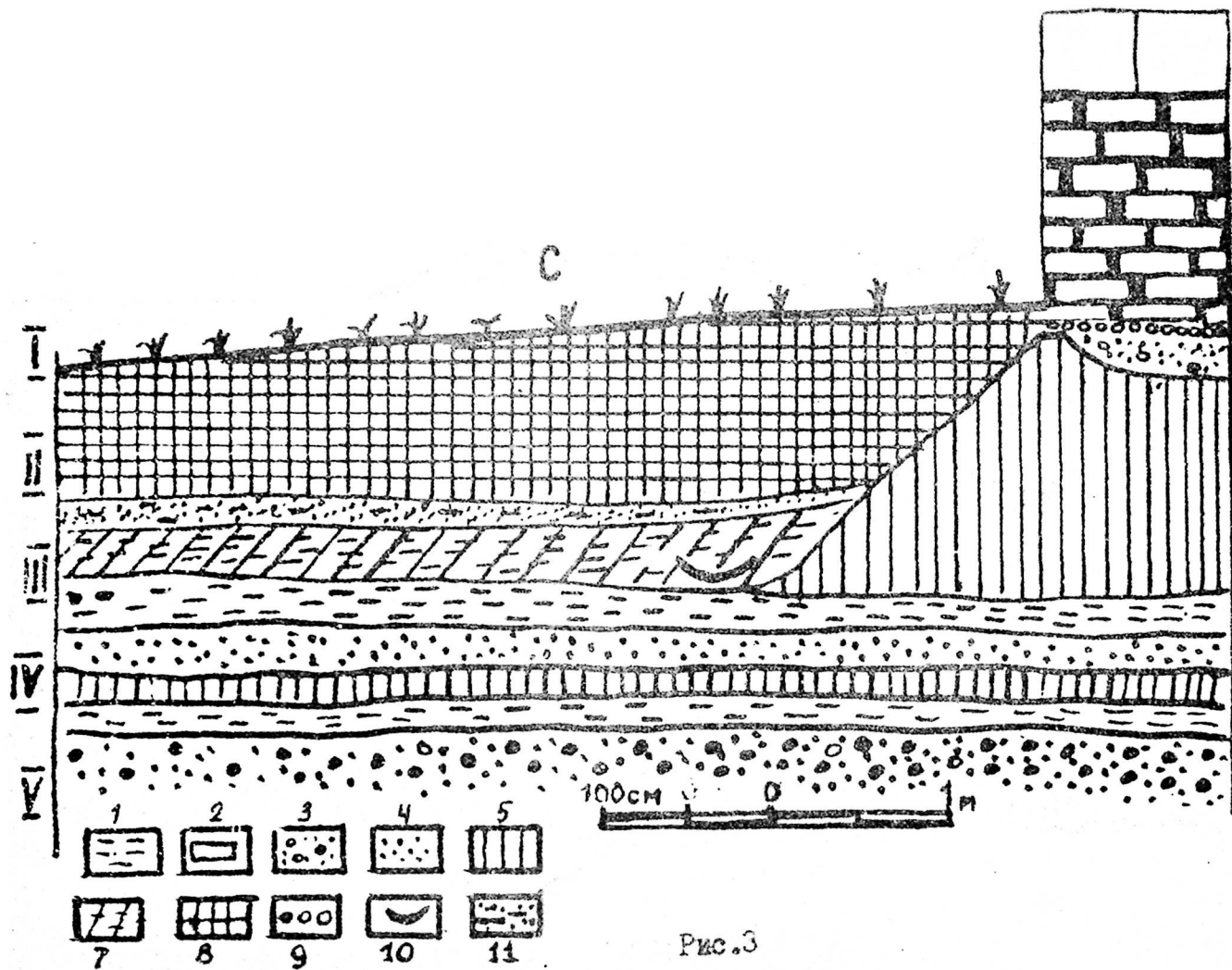

Рис. 3

ределяющим фактором является формат кирпича. Известно, что продолговатый сырец использовался до IY в. до н.э.²⁰⁾

На рубеже У-IY вв. до н.э. происходит постепенный переход от прямоугольного к квадратному формату.²¹⁾ В этот переходный период наблюдается сосуществование обоих форматов.²²⁾ с IY в. до н.э. во всех постройках прочно закрепляется квадрат — основной формат кирпича античной эпохи в Средней Азии.

Стратиграфический шурф (29) размером 12x4 м заложен в северо-западном углу главного холма. В сезоне 1975 г. он доведен до XII яруса от репера (глубина 5 м) и прорезал слой обживания (без архитектурных остатков) от позднего времени до XIV-XV вв.

20) С.П. Толстов. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР 1953. — ВДИ, 1955, № 3, с.186-193; М.Г. Воробьев а. Раскопки архайского поселения близ Джингильдже. — Мат-лы ХАЭЭ, вып. I. М., 1959, с.84; В.М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, 1973, М.-Л., 1959, с.48, 163; Т.Г. Оболюева. Раскопки 1960 года на городище Эйлатан. — КСИА, вып.91. М., 1962, с.39; М.Г. Воробьев а, М.С. Лапиров-Скелдо, Б.Б. Неразник. Археологические работы в Хазараспе в 1958-1960 гг. — Мат-лы ХАЭЭ, вып.6. М., 1963, с.184; Н.И. Крашенинкова. Разрез крепостной стены древнего Кеша. ОИУз, 1968, № 8, с.62; З.И. Усмьянова. Новые данные к археологической стратиграфии Эрикали. — Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1969, с.19; М.Г. Воробьев а. Джингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме. — Мат-лы ХАЭЭ, вып.9. М., 1973, с.89; Т.В. Беляева, З.А. Хакимов. Древнебактрийские памятники Миршаде. — В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с.45; Э.В. Ртвеладзе. К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени. — СА, 1975, № 2, с.265.

21) С.П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с.99; З.И. Усмьянова. Новые данные..., с.19; М.Г. Воробьев а. Джингильдже, с.90, 91.

22) Н.И. Забелина. Раскопки на городище Калак Мир. — МИА, № 37. М.-Л., 1953, с.195-209; М.Г. Воробьев а. Джингильдже..., с.90; З.И. Усмьянова. Новые данные..., с.19.

Раскопками общей площадью 570 м² вскрыта почти вся западная половина холма, включающая остатки 10 помещений различных размеров позднего времени с сохранившейся высотой стен от 0,4 до 0,85 м.

В результате многолетних работ, продолжением которых являются раскопки 1975 г., в районе цитадели Ходжента намечаются основы для воссоздания картины жизни на этой территории в различные эпохи — от У в. до н.э. до позднего средневековья.

А.К.Мирбабаев

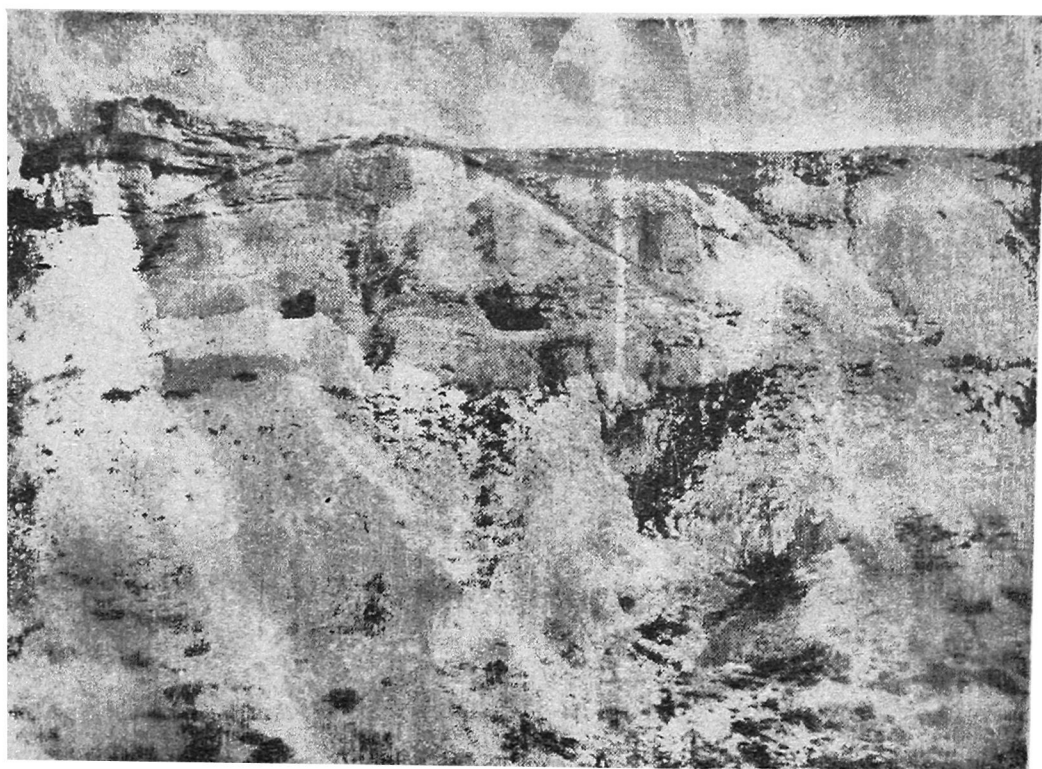
РАСКОПКИ КУРКАТСКИХ СКЛЕПОВ

Два последних сезона 1974–1975 гг. одна из групп Уструшанского отряда СТАКЭ вела раскопки скальных склепов, расположенных близ городища Ширин¹⁾ в четырех километрах к северо-западу от селения Куркат Науского района Ленинбадской области.

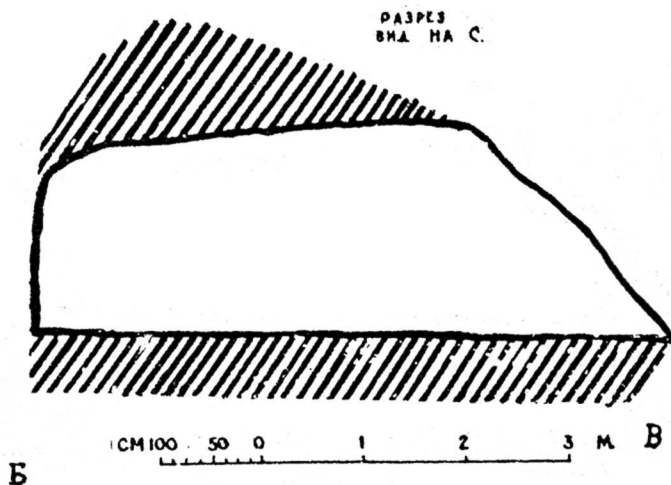
Во время полевых работ внимание членов экспедиции привлекло сообщение куркатских школьников Атабаева Бахрома и Нурматова Рахмата, неожиданно натолкнувшихся на вгосточном склоне горы Ширин на погребения. Все три подступя раскопанных склепа находились в толще крутого восточного склона горы в 300–350 м к югу от городища Ширин, в 55–60 м выше подножия. Внизу, в 150 м от склепов, маловодная речка Ширинсай. Склепы фасадом обращены на юго-восток, т.е. в сторону наибольшего, длительного удержания лучей солнца во все времена года (рис. I, г):

Склеп I – в виде искусственно вырубленной пещеры, азимутом осевой линии 130° , ширина его 3,7 м, длина 6,26 м, высота 2,14 м. Часть свода со стороны входа разрушена, пол ровный, со следами обмазки в отдельных местах. Склеп до раскопок весь был заполнен надутым лессом и сползавшей глиной (рис. I, г). Некоторая часть захоронений у входа была нарушена играющими там детьми.

I) Н.Н. Негматов. Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г. – АРТ, вып. 10 (1970 г.). М., 1973, с. 95.

A

Б

Рис. I

В этом склепе расчищено 58 человеческих черепов и множество костей усопших, расположенных в беспорядке, часто группами (по 5-6 черепов). Большинство черепов деформированные, другие не имеют следов искусственной деформации (рис. I, б).

Склеп II расположен в 10 м севернее первого, также вырублен в скале. Его ширина 3,52 м, высота 2,2 м. В отличие от первого склепа он состоит из двух частей - входной камеры и погребальной ниши. Глубина погребальной ниши 1,45 м, высота 1,24 м. Свод склепа из-за сильной крутизны ската горы наполовину разрушен, а упавшие глыбы перекрывали его вход. Склеп II, как и склеп I, был заполнен надувным лесом и песком, сывками породы и упавшими глыбами. Нижняя треть заполнения содержала захоронения, расположенными двумя ярусами. В этом склепе находилось свыше 172 человеческих черепов и других костей усопших.

Склеп III открыт в промежутке между первым и вторым склепами и, как и предыдущие, имел входную камеру и погребальную нишу. Размеры камеры - 6,50x3,55 м при высоте 2,20 м. Глубина погребальной ниши 1,5 м, высота 0,40 м. Склеп III от второго отгорожен перегородкой из камня. Погребения залегали в трех условных ярусах. В первом ярусе расчищены 74 черепа, во втором - 47, в третьем, на полу - 61, всего 182, а также множество хаотически лежащих костей конечностей, позвонков, ребер, тазовых костей, нижних челюстей.

Во всех раскопанных склепах какой-либо системы или общей тенденции в положении костяков уловить не удалось (рис. 2, б). Только в двух случаях в третьем склепе обнаружены относительно нетронутое погребения: один мужской скелет, на спине, с вытянутыми ногами и руками вдоль туловища, головой на запад лежал на полу в юго-западном углу склепа, и другой скелет младенца - у северной стены, тоже лежащий на спине, но головой на север.

Из склепов всего вынута свыше 412 черепов. По визуальным наблюдениям антрополога Т.П. Кияткиной, в полученной краниологической серии имеется очень много искусст-

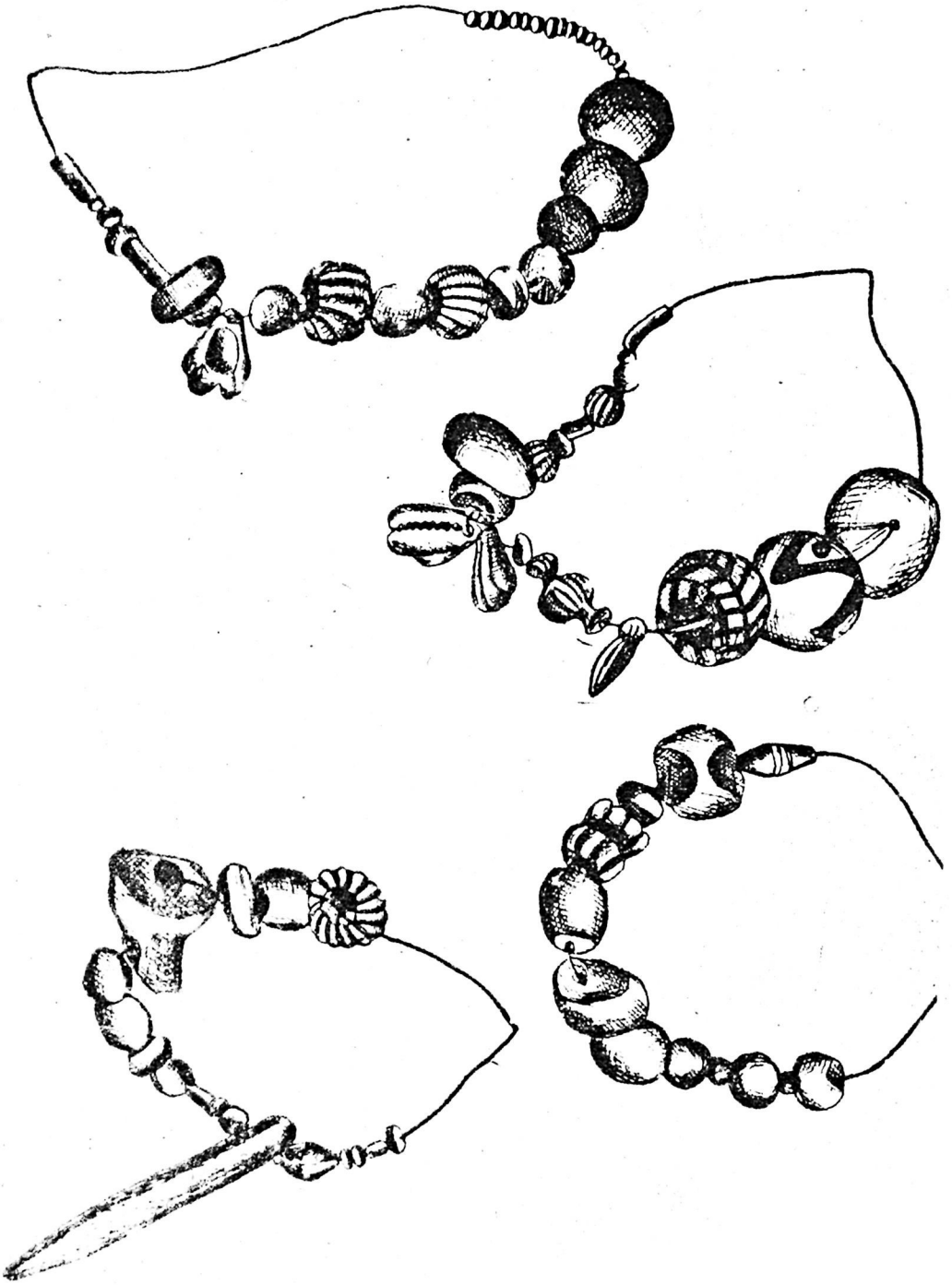

Рис. 2

венно деформированных черепов. Деформация круговая, серия в расовом отношении смешанная. Хаотическое состояние погребенных объясняется не иначе, как следствием ограбления, которое, видимо, совершено после прекращения функционирования городища. В поисках золота и прочих ценностей грабители "рассортировали" всех погребенных и сопровождавшие их вещи, оставив на месте только предметы украшений, очевидно не представлявших для них материальную ценность или не попавших на глаза. Среди последних при расчистке склепов были найдены два золотых брактеата и одиннадцать мелких бронзовых монет, не поддающихся определению. Они найдены вдали от черепов в перестроженном состоянии, поэтому судить об их ритуальном или каком-либо другом значении трудно. Монеты обычно клали покойнику в рот, под голову или около рта. В погребении № I Ширинсайского могильника монеты лежали под черепом, возле рта.²⁾ Обычай этот был распространен широко, в том числе и среди соседних древних племен Ферганы.³⁾

Пока не исключается и другой возможный факт массового разового захоронения в склепах жертв какой-то внезапной катастрофы.

Все три склепа дали большую коллекцию находок. В двух первых склепах обнаружены великолепные бронзовые серьги с корпусами в виде сердечка, полумесяца, ладьи и стеклянными вставками с лицевой стороны корпуса; оригинальные бронзовые и медные подвески (полые, шаровидной формы на маленьких петельках, колоколовидной формы), разнообразные бронзовые серьги-подвески; перстни (миниатюрный перстень-печать, два перстня с "глазками", два проводочных перстня), обломки нескольких бронзовых браслетов.

2) В.Ф. Г а й д у к о в и ч. Могильник близ Ширинсая в Узбекистане. - СА, 16. М.-Л., 1952, с.334.

3) Б.А. Д и т в и н с к и й. Погребальный обряд древних ферганцев в свете этнографии. - Изв. АН ТаджССР, 001, 3 (53), 1968, с.48.

Великолепная серия бронзовых булавок для женских причёсок. Многие из них имеют шаровидные навершия, спаянные из двух половинок. У одной булавки мидалевидное навершие имеет круглый и треугольный "глазки" для вставок. На одну из булавок вместо металлического навершия насажена каменная бусина. Интересно бронзовое зеркало с полным налепом — ручкой, заполненным какой-то твердой массой. Замечательны по конструкции и орнаменту бронзовая ручка небольшого кинжала (ножа); литая миниатюрная бронзовая фигурка горного козла (или архара). Обнаружено около 850 бус и амулетов самых разнообразных по размерам и формам, материалу и технике выделки, цветовой гамме и орнаментации. Среди них — бусы и амулеты из простых речных галек, полудрагоценных и драгоценных камней, стекла и пасты, морских раковин; около десятка великолепных образцов расписных инкрустированных бус. Особо отметим крупную бусину-амулет из черного камня с выгравированным изображением горного козла, плоскую бусину-амулет из так называемой "египетской" пасты со со штампованным изображением лягушки. Перечень находок завершает серия каменных косметических палочек (рис. 3).

Среди находок из склепа III большую ценность представляют уже упоминавшиеся два брагтеата из тоненьких золотых пластин с оттисками портретных изображений, очевидно, позднекушанско-эфталитского происхождения на лицевой стороне, две миниатюрные золотые подвески пирамидальной формы и одна позолоченная бронзовая серьга ладьевидной формы, выполненная в технике перегородчатой эмали. Там же обнаружено свыше 1200 бус и амулетов различной формы и величины, материала и техники выделки, в том числе около 240 из коралла, около 50 из сердолика и т.д. Интересны бусины-амулеты в виде человеческой руки и стилизованной человеческой головы из "египетской" пасты, великолепная костяная булавка с навершием в виде конской головч.

Изделия из бронзы включают браслеты, булавки с каменной вставкой, бубенцы, колокольчики, кольца, подвески, зеркала, цепочки и др. В склепе обнаружены узкогорлый ми-

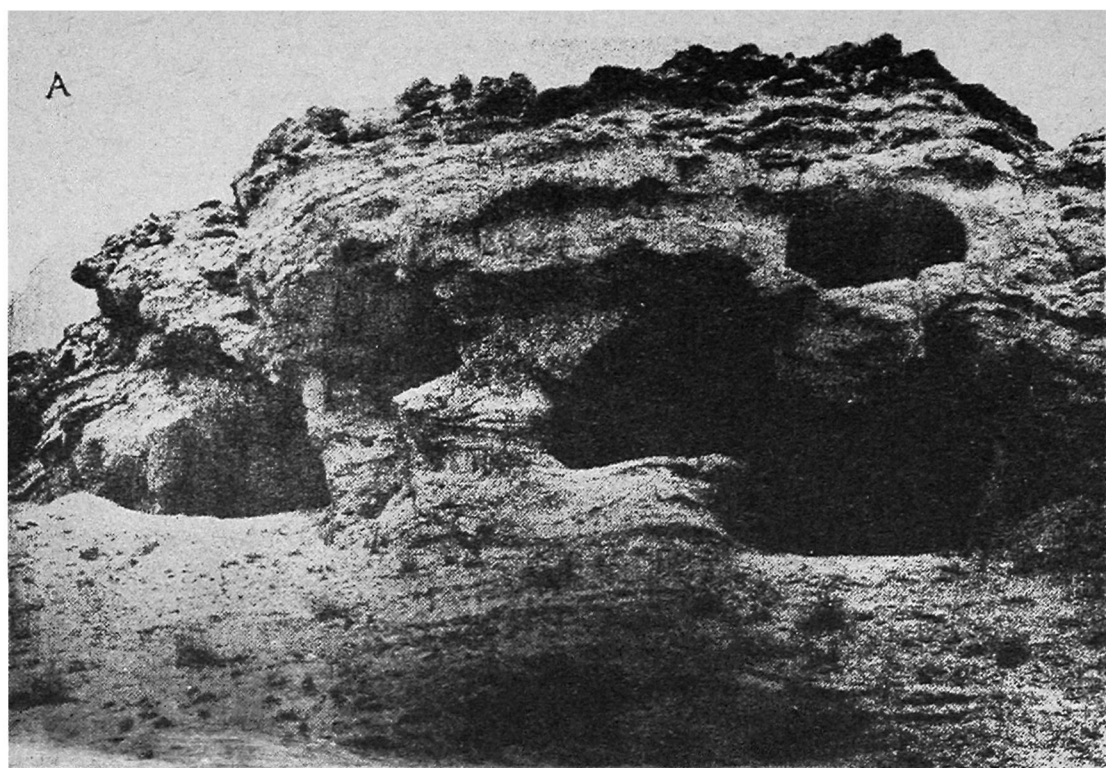

Рис.3

миниатюрный кувшинчик, крышкообразный сосудик и маленькая чаша — все станковой работы с дополнительной подрезкой нижних частей, покрыты белым ангобом.

В 500—600 м к юго-западу от склепов I—III зафиксированы еще 14 склепов аналогичного характера. Все они расположены на высоких отвесных скалах той же горы Ширин и фасадом обращены на юго-восток. Склепы эти стоят в одиночку или отдельными группами по два, пять и более (рис. 2, а). Два других склепа зафиксированы в непосредственной близости от городища Ширин. Площадь камер всех этих склепов колеблется от 6 до 11 кв. м каждая. Из всех 16 склепов только в 4 обнаружены следы погребений, а остальные оказались в настоящее время совершенно пустыми.

Полученный со склепов материал разнообразный и очень разновременный. Предметы украшений — серьги, перстни, кольца, значительная часть бус с изобразительным сюжетом, золотые браakteаты и некоторые другие находки пока отнесли к периоду III—VII вв. н. э.

У.П.Пудатов

ЗАМОК ТОШТЕМИРТЕПА

Холм Тоштемиртепа расположен примерно в 9 км северо-западнее поселка Шахристан и около 5 км к востоку от селения Увак. С двух сторон холма сухие русла двух оазисов — Тоштемирская и Увакская, направленных к западу. Оба они настолько приближаются один к другому, что для их слияния помехой остается только Тоштемиртепа. Но дальше к западу они опять отдаляются один от другого.

Вокруг Тоштемиртепа разбросано много холмов искусственного происхождения: к юго-западу за Тоштемирсаем Коптепа, к западу примерно в 2 км Мазартепа, к югу еще несколько безымянных холмов и т.д.

Замок Тоштемиртепа окружен квадратным двором 100х100 м, сохранились оплывшие вали стены. Уровень двора со всех сторон одинаков, лишь в северо-западной части он довольно возвышается, но микрорельеф его с nivelирован многолетней пахотой под богарную пшеницу. Ворота в северной стене, ближе к северо-западному углу. В комплексе ворот входил предвходной лабиринт и далеко вынесенная башня. К западу от памятника в 20 и в 40 м два небольших естественных возвышения. Главный холм почти в центре двора с незначительным перемещением на запад и до раскопок имел высоту около 7 м от уровня двора.

Замок Тоштемиртепа раскапывался в 1969, 1973-1975 гг. студентами исторического факультета Ленинабадского государственного университета им. С.М.Кирова. Всего на раскопку памятника за 4 полевых сезона потрачено 59 рабочих дней.

Основное здание замка Таштемиртепа имеет типичную ко, дорно-гребенчатую планировку (рис. I). Одним центральным коридором оно разделено на две почти равные половины, по обеим сторонам которого по четыре сводчатых продолговатых коридорообразных помещения. Длина центрального коридора, включая помещение 4 — 13,60 м при ширине 1,75 м. Все помещения сообщаются только с коридором, а между собой сообщения не имеют (кроме помещений 7 и 2 на уровне второго этажа).

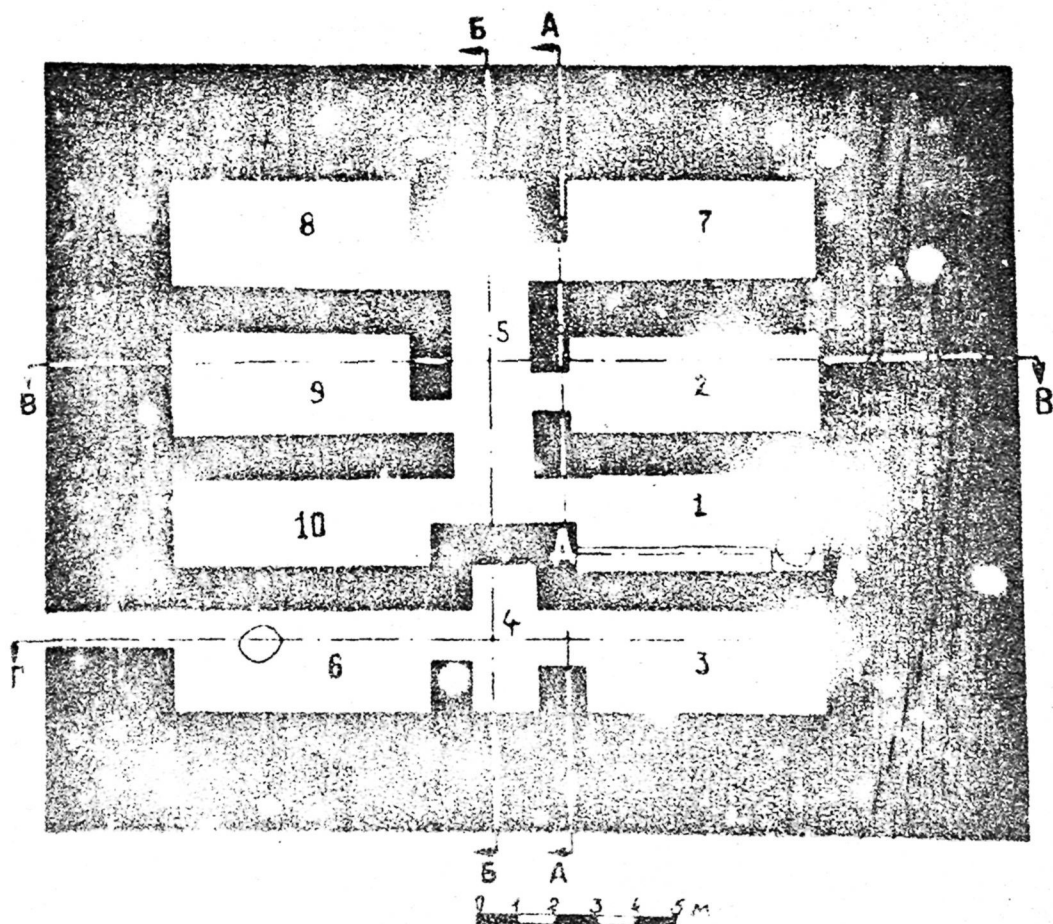

Рис. I

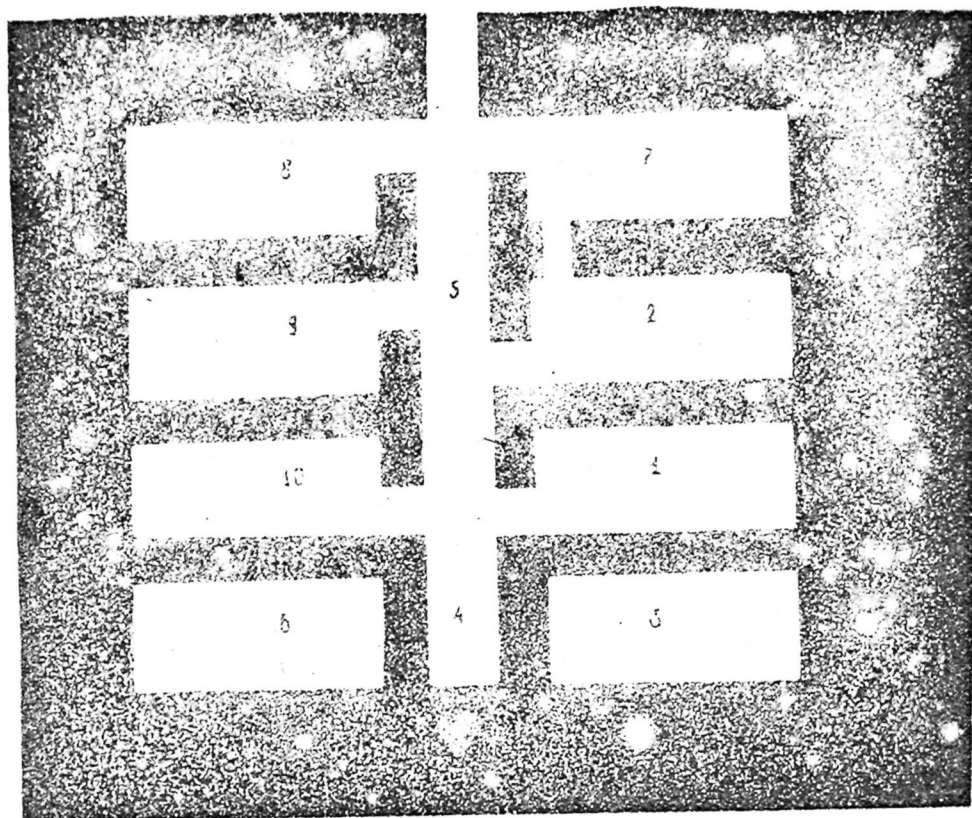
Размеры южных помещений варьируют в пределах от 2,20х6,10 м до 2,75х6,20 м, а северных — от 2,45х6,30 до 2,55х6,10 м. Стены здания сохранились на очень большую высоту — до 5,7 м от уровня пола. Это фактически почти вся первоначальная их высота. В каждое из помещений (кроме помещений 3 и 6) из коридора было пробито по два дверных проема на разных уровнях — на уровне пола коридора и на половине высоты стен. Сначала нам было непонятно это, но по ходу раскопок все стало ясно. В каждом помещении примерно на половине высоты стен, на уровне верхних дверных проемов в стенах обнаруживались гнезда от балок. Мы предполагали, что они имеют то же самое назначение, что и во многих сводчатых помещениях раннесредневековых памятников, т.е. балки, вставленные в эти гнезда, служили основанием помоста для возведения сводов. Эти балки после возведения сводов вынимались, а гнезда или заполнялись и заштукатуривались, или просто оставались пустыми.

При расчистке помещения 7, во-первых, не наблюдались следы огня, столь характерные для всех остальных помещений; во-вторых, на уровне верхних проемов были обнаружены сгнившие арочные балки, уходящие своими концами в продольные стены помещения. Найдено три балки из шести. Этим была разгадана тайна двойных проемов. Здание замка было двухэтажным, но каждое помещение делилось на два этажа при помощи досчатого настила, опиравшегося на вышеупомянутые балки, а перекрывалось одним общим сводом (рис.2). Явление уникальное, не встреченное до сих пор в раннесредневековой архитектуре Средней Азии.

Стены. Все наружные стены здания построены из пахсы.

Сохранившаяся на наибольшую высоту стена (5,7 м) состоит из восьми рядов блоков, высота каждого из которых 70–75 см (рис.3). Но с уровнем полов пахса не кончается, почти два блока уходят ниже этого уровня. Самый нижний блок покоится уже на материке.

Внутренние стены (кроме стен коридора № 5), разделяющие помещения, построены по одному принципу. Нижняя часть,

0 1 2 3 4 5 м

Рис. 2

равная высоте первого этажа, целиком из пихсы и состоит из трех блоков. Часть нижнего блока уходит под уровень пола. Часть его выше уровня пола и имеет высоту 50 см. Высота второго блока 70, третьего 75 см. Следовательно, высота первого этажа была 195 см. Прямо на пихсу положены балки-основания настила, делящего помещение на два этажа. Пространство между балками заполнено одним рядом сырца на очень толстом слое раствора. Выше проложено еще четыре ряда сырца. Пять рядов сырца в общей сложности дают

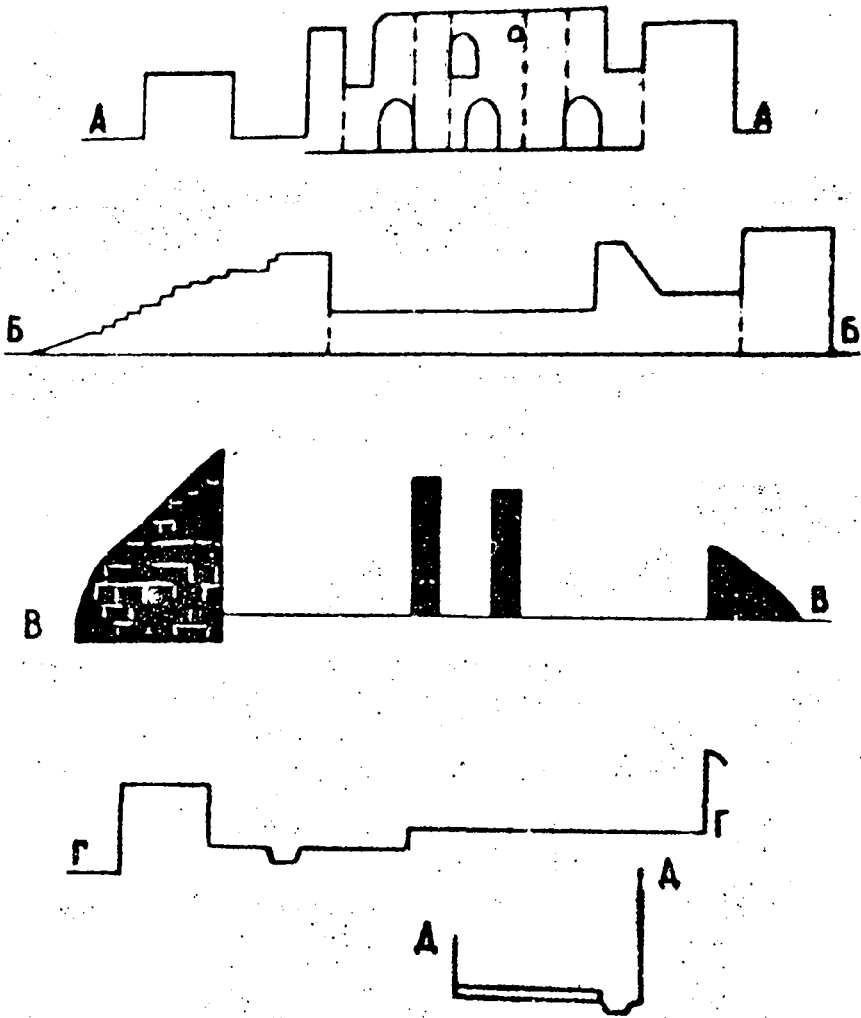

Рис.3

75 см. При толщине сырца в 10 см между его рядами уложен слой раствора до 5 см толщины.

Выше идет 45-сантиметровый слой пахсы. Над ним начинается основание свода, состоящее из четырех рядов сырца и выступающее над боковой поверхностью стен на 6,5 см. Высота основания свода 60 см, здесь также толстые слои раствора. Выше основания свода начинаются наклонные отрезки собственно свода.

Стены коридора почти полностью построены из сырца. Лишь импост арочных перемычек проемов возведен из пахсы и состоит из одного монолитного блока высотой от 1,15 до 1,30 м. Только два простенка, делящие помещение 4 (собственно восточная часть центрального коридора) от помещений 3 и 6, целиком из сырца в перевязку, причем чередуются ряды тычек и ложек.

Проемы нижние и верхние имеют арочную перемычку. Кладка арок исключительно клинчатая. Кривые полуциркульные, трех- и пятицентровые. В одном случае (верхний проем помещения 7) кривая приближается к лучковой (рис. 4). Вообще эта арка по сравнению с другими несколько необычна. Почти все кирпичи арки вынесены наружу своей тычковой стороной (первый, третий, четвертый, пятый, шестой и девятый сырцы) и лишь три сырца (второй, седьмой и восьмой) вынесены наружу ложковой стороной. На третий сырцы положены тычком еще одна, а над другими — горизонтальные ряды стеновой кладки. Стало быть, толщина арки равна в основном ширине сырца. Еще одна особенность арки заключается в том, что ее кладка не имеет перевязки с западной стеной помещения. Даже горизонтальные ряды над аркой не имеют перевязки ни с западной стеной помещения, ни с южной, где находится восточная щелевая сторона проема.

Ни в одном помещении проемы не расположены один над другим. Если нижний проем заподлицо с восточной стеной, верхний — заподлицо с западной. Это и понятно, такое решение гарантирует прочность арочных перемычек.

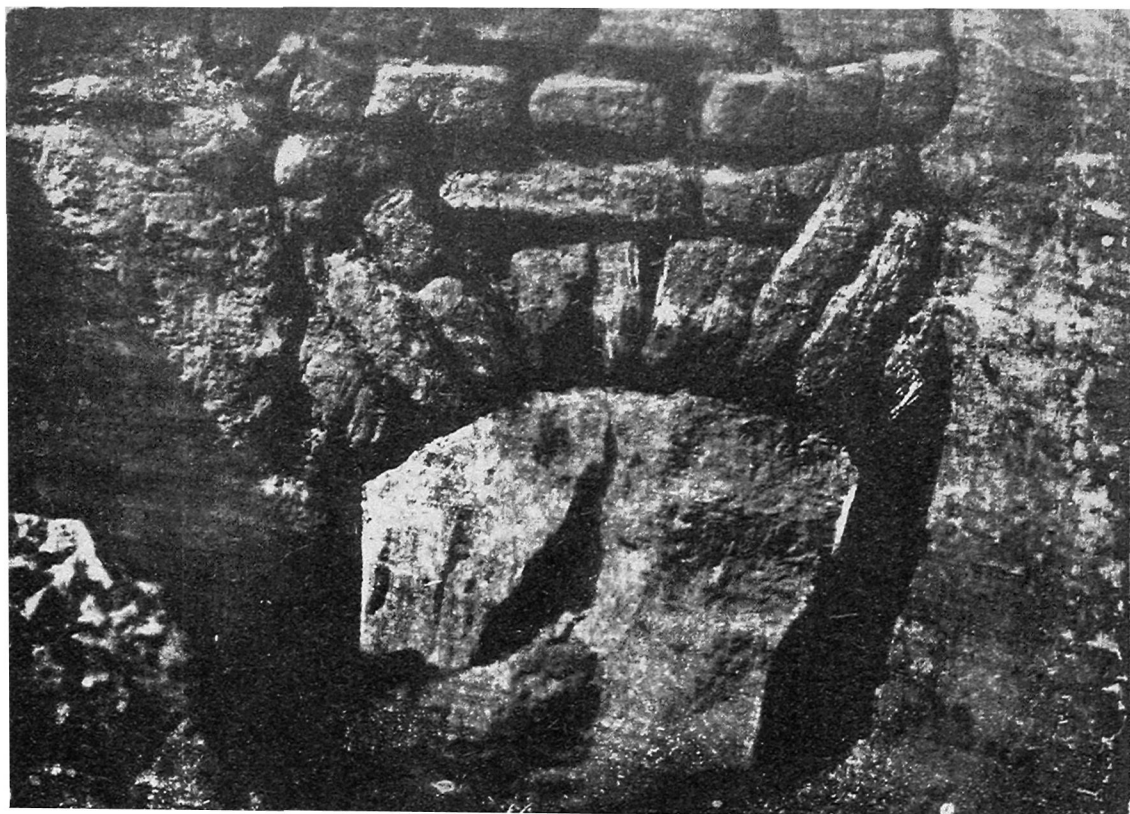

Рис. 4

К сожалению, кроме помещений 3 и 6, мы не имеем возможности расчистить нижние проемы, так как стены над ними очень высокие и слишком дряхлые, с множеством трещин.

Своды. Во всех помещениях сохранились основание и начало сводов, а во многих случаях их наклонные отрезки. Из-за пожара, некогда бушевавшего в помещениях замка, сохранились ясные очертания кривых сводов. Судя по ним, кривые сводов были обыкновенными, эллиптическими. Основание сводов имеет по одному выступу с каждой стороны на 6,5 см, что дает возможность уменьшить пролет свода на 13 см. Например, в помещении 7 при ширине помещения 2,65 м выступы основания сводов сирадывают 13 см и доводят пролет до 2,52 см.

Своды сложены в технике наклонных поперечных отрезков. Угол отрезков свода с вертикалью составляет 25–30°. Обычно первые отрезки, опирающиеся на щипцовую стену, имеют небольшой наклон, постепенно увеличивающийся.

Ни в одном случае наклонные отрезки двух соседних помещений не направлены в одну и ту же сторону: в помещении 7 – на север, в соседнем помещении 2 – на юг, в помещении I – на север, в помещении 3 – на юг. Направление наклонных отрезков также чередуется в южной группе помещений. Более того, в помещениях, расположенных одно против другого с двух сторон коридора, наклон отрезков направлен в разные стороны: если в помещении 7 – на север, в противоположном помещении 8 – на юг, в помещении 2 – на юг, в помещении 9 – на север и т.д. Таким образом, направлением поперечных отрезков сводов в разные стороны смягчалось действие их на какую-либо из стен, служащих опорой для них.

Помещения Тоштемиртепа, видимо, освещались щелевидными световыми проемами, три из которых сохранились в помещении 7 – два в западной стене, один в северной. По размерам они невелики. Их нижняя поверхность поднимается изнутри наружу, и сами они изнутри значительно выше и шире, чем снаружи. Внутренний их контур несколько сужается кверху. Форма этих проемов способствует большему рассеиванию световых лучей и лучшему освещению помещений.

Прямыми аналогиями таким щелевидным световым проемам могут служить проемы в помещениях центрального ядра Чильхуждры¹⁾, цитадели Варахши²⁾, в сырцовом доме к западу от Султанкалы в Мерве³⁾, в замке Джумалактепа⁴⁾ и др.

1) У.П. Пулатов. Чильхуждра. Душанбе, "Дониш", 1975, с.127.

2) В.А. Шишкин. Варахша. М., изд-во АН СССР, 1963, с.92.

3) Г.А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. – Тр. ЮТАКЭ, т.6. М.; 1958, с.209.

4) В.А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (У–VIII вв.). Ташкент, 1966, с.150.

В юго-западном углу помещения 2 расположена небольшая, но довольно глубокая ниша (рис.5). Она перекрыта аркой, кладка которой клинчатая. Ее ширина у основания 57 см, высота до замка арки 63 см, глубина 60 см. Основание ниши

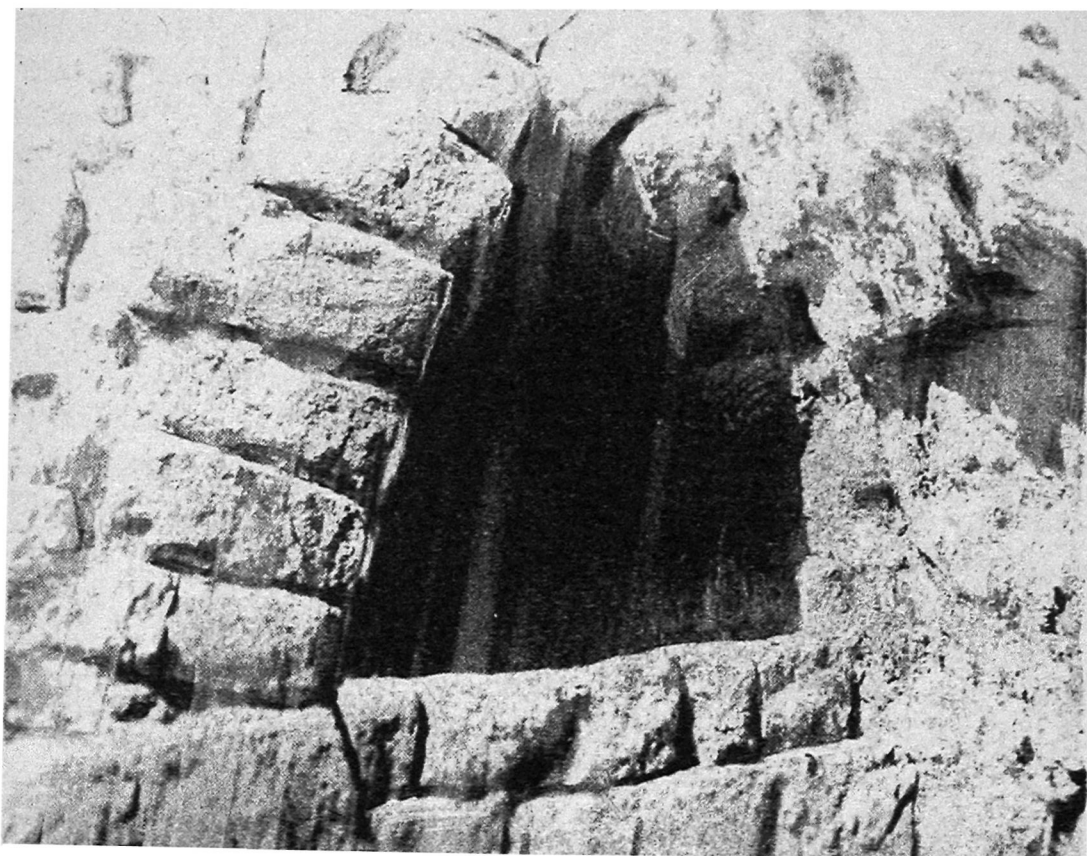

рис.5

приходится чуть ниже выступа основания свода. Она прорезана в щипцовой стене помещения. Ниша, по всей вероятности, относилась ко второму этажу и использовалась для светильников, о чем свидетельствует проколченность ее стенок. Кривая арки ниши приближается к стрельчатой, но, видимо, эта стрельчатость продиктована скорее всего малым пролетом арки, нежели сделана специально.

До самого последнего момента вопрос о входе в основное здание замка оставался нерешенным, хотя в юго-запад-

ном углу помещения 6 был расчищен проем, ведущий во двор. Но помещение 6 непосредственно было связано лишь с помещениями 4 и 3. С первыми этажами других помещений на уровне первых же этажей связи не было. Из помещения 4 поднимался пандус, ведущий к уровню второго этажа.

В то же время из коридора к западу был расчищен проем, принятый нами сначала за оконный. Расчистили и часть западного фасада под этим проемом, где обнаружили ступеньки, и проблема входа сразу была решена. Следовательно, главный, так называемый парадный вход в здание располагался здесь и вел прямо на второй этаж, минуя первый, где помещения выполняли хозяйственные функции. Но два крайние восточные помещения одноэтажные и вход в них находился в юго-западном углу помещения 6. Из помещения 4 по пандусу поднимались на второй этаж. Такой вход, выходящий прямо на второй этаж, ранее был найден в раннесредневековом мервском памятнике — Большая Нагмкала⁵⁾, с той лишь разницей, что здесь подъем пандусный.

В последнем раскопном сезоне на Тонтемиртепа исследовали ворота во двор с предвходным лабиринтом и выносной башней. Расчистка ворот затруднялась тем, что как раз здесь со двора вытекали наружу дождевые воды, довольно глубоко все размывшие. Тем не менее, точно установлено, что ширина проема ворот 3 м, вполне достаточная для крепостного сооружения. Школьные стороны проема сохранились на высоту 1,5 м, но дальше от ворот на восток и на запад их высота возрастает. Сразу в проеме ворот начинался пандусный подъем во двор, наклон которого около 30°.

От ворот к западу, параллельно северной стене двора идет коридор, образованный северной стеной и дополнительной стеной в 4 м от нее. Эта дополнительная стена в 40 м от северо-западного угла двора заканчивается выносной башней.

5) Г. И. Ш у г а ч о в а. Пути развития..., с. 132 и

В траншее с направлением С-Ю, заложенной на холмике, где предположительно сохранились остатки выносной башни, сразу под дерновым слоем обнаружили северную сторону основания башни. Расчистка со всех четырех сторон показала, что башня была прямоугольной (4,10х5 м) и сложена из пахсы. Основание башни с севера сохранилось на большую высоту (1,55 м), чем с юга (0,50 м).

Разрезана северная часть западной стены, ближе к северо-западному углу двора. Одновременно предполагалось определить наличие дворовых построек в этой части двора, где уровень значительно выше, чем в других частях. Разрез показал, что для возведения стены естественное лессовое возвышение строителями было аккуратно и ровно срезано с наружной стороны и сверху. На этой площадке сложена мощная стена из пахсы. Сохранившаяся высота стены 4,50 м, а толщина у основания 4,20 м. Внутри двора в этой части, против нашего ожидания, никаких остатков строения обнаружено не было.

Керамика. Самой массовой находкой, как и во всяком археологическом памятнике, была керамика. Много хумов различных размеров, целых и в обломках. Большинство их имеют под венчиком налепы в виде ромбовидных насечек, но немало и без насечек. Форма хумов в основном грушевидная с плоским дном.

Хумцы средних размеров, с горизонтальными и несколько изогнутыми венчиками. Горшки в основном таких форм, которые характерны для верхнего и нижнего слоя Пенджикента. Есть один экземпляр горшка с широким горлом и небольшим эвахеvidным сливом.

Большое количество кувшинов различных размеров, с ручками и без них. Многие из них имеют эвахеvidное горло, узкое или широкое горло с эвахеvidным сливом. Иногда ручки в виде скрученного тройного жгута перекинута с горла на слив. Некоторые имеют эвахеvidный слив и до того широкое горло, что их скорее можно причислить к сосудам типа хумча, нежели к кувшинам. Найден один экземпляр лепного сероглиняного кувшина с эвахеvidным сливом. Есть и совсем ми-

эмалевые кувшины с ручками и без них, с простым узким горлом.

К категории кувшинов, видимо, можно отнести и кумганы — сосуды средних размеров с ручками, изготовленные специально для кипячения воды. Они сильно прокопчены и прожжены. Большинство их по плечу имеют волнистый орнамент.

Котлы в основном шаровидной формы, из огнеупорной глины с примесью шамота или дресвы. Венчики от горизонтальных до сильно загнутых, ручки небольшие.

Найдено несколько экземпляров очень изящных кружек с петлеобразной ручкой, один экземпляр очень красивой красноангобированной чаши, а также один фрагмент боковины маслостойки с отверстием и "пуговкой" вокруг него.

На очень многих сосудах, главным образом хумах, кувшинах и горшках, острым предметом по сырой глине процарапаны знаки-тамги в основном шести видов: 1) перевернутой прописной буквы "У"; 2) латинской буквы "w" во многих вариациях; 3) сильно стилизованной головы быка, приближающейся к прописной латинской букве "v"; 4) одной горизонтальной линии и лежащей печатной буквы "B" под ней; 5) трех утолщенных малых прописных букв "Г" под ней (отпечатки астрологов); 6) креста и полукруга под правым от смотрящего его боком.

Особенно распространенным в Уструшане была тамга в виде перевернутой буквы "У". Такие тамги были обнаружены на фрагменте музыкального инструмента из Чильхуджры,⁶⁾ на монетах из дворца уструшанских афшинов на Калаи Какхаха I, чеканенных от имени правителей Уструшаны Чирдмиша, Рахача и Сатачари⁷⁾, а также на монетах правителя Маймурга — Матчуря, сына ихшида Согда Гурека, происходящего из рода уструшанских афшинов.⁸⁾

6) У.П. Пулатов. Чильхуджра, с.109-110.

7) О.И. Смирнова. Первые монеты из Уструшаны (Предварительное сообщение на юбилейной сессии ИА АН СССР 21 IX 1969). ЭВ, № 20, 1971, с.62.

8) Н.Н. Негматов. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, I.57, с.134.

На Тоштемиртепа найдены одно каменное и четыре глиняных пряслица исключительно конической формы, но различных по размерам. Три глиняных имеют процарапанный орнамент: на первом — лучеобразный орнамент, расходящийся от отверстия, на втором — орнамент из несомкнутых кружочков и штрихов в виде римской цифры VI по нижней поверхности, на третьем — по бокам орнамент в виде арок.

Металлические изделия следующие: лезвия трех железных ножей, одно из них чуть согнутой формы; обломок железного кинжала, на котором сохранились следы истлевшей деревянной ручки; три трехгранных и один двухлопастный железных наконечника стрелы; железный обушной топор средних размеров с расширяющимся лезвием и небольшим отверстием для насадки черенка; бронзовый колокольчик довольно большого размера. Видимо, колокольчик имел небольшую ручку, впоследствии обломанную. Сохранилась небольшая ее часть. Под ручкой отверстие для подвешивания, внутри — горизонтально расположенный, круглый в сечении стержень для подвешивания сердечка. Дисквидный бронзовый предмет с обломанной маленькой ручкой в центре (видимо, это зеркало). Бронзовая проколка, квадратная в сечении и с шаровидным навершием, спаянным из двух полушарий. Длина проколки 21 см.

Из ювелирных изделий найдено: три бусины из стеклянной пасты, одна из них розового цвета, другая глазчатая и одна коралловая бусина цилиндрической формы бледно-розового цвета с продольным отверстием.

Во время раскопок на Тоштемиртепа в хумах, в завале и на полу найдено огромное количество обуглившихся и истлевших зерен пшеницы, овса, проса, а также обуглившаяся скорлупа грецких орехов. Очень много костей домашнего скота, особенно мелкого рогатого. В помещении I хум, вкопанный в углу помещения, наполовину был наполнен костями домашнего скота. Очевидно, здесь хранились запасы мяса.

В помещенных замка найдено всего четыре медные монеты. Впрочем, одна из них может быть предметом украшения, так как видны следы трех ушкообразных припаяк или выступов. Другая монета, найденная на глубине около 20 см от дневной поверхности, явно караимидская, а остальные еще не определены.

П.Т.Самойлик

О РАБОТАХ В РАЙОНЕ ОБИГАТЕЛЬНЫХ ПЕЧЕЙ БУНДИКАТА В 1975 г.

Группа по изучению обигательных керамических печей работала в составе Шахрестанского отряда СТАКЭ. Работы производились по правому берегу Гуртхонясяя, находящегося у восточной окраины селения Шахрестан Ура-Тибинского района. Ранее здесь были изучены три обигательные керамические печи и начата выемка западных двух ям-свалок. В 1975 г. продолжалась расчистка ям-свалки № 1 (рис. 1), поиски, обнаружение и изучение новых обигательных керамических печей. Дополнительно к ранее обнаруженным выявлены и исследованы четыре обигательные печи. В итоге за весь период проводимых работ, начиная с 1972 г., вскрыты семь печей. Визуальное наблюдение окрестностей (вспаханное поле) позволяет утверждать, что печи располагались отдельными группами с различным их количеством в каждой. Печь № 1 расположена на левом берегу сая и соответственно входит в группу № 1. Печи № 2 и № 3 расположены на правом берегу и входят в группу № 2.

К югу от печей № 2 и № 3 выявлены и полностью изучены две печи № 4 и № 5. В непосредственной близости от них, на вспаханном поле видны пятна от других печей и ям-свалок. К юго-западу от печей № 4 и № 5 выявлены и изучены две печи - № 6 и № 7. В непосредственной близости от них, на вспаханном поле также видны пятна обигательной печи и ям-свалок. В промежутках между печами № 4, № 5 и № 6, № 7 на вспаханном поле остатков печей, ям-свалок и построек не наблюдается. Таким образом, нам известны четыре группы печей.

Рис. I

В 30–35 м к западу от печей № 4 и № 5 начали изучать производственно-жилищный комплекс, возможно, гончара – изготовителя переносных очажков. Это предположение подтверждает обнаруженная часть помещения с капитальными пахсовыми стенами, а также целые и фрагментированные матрицы-колыбы, используемые для формовки переносных очажков и отдельных налепов на сосуды.

Печь № 4 расположена в 63 м к югу от печей № 2 и № 3. Под печи круглый в плане. Нижняя часть топочной камеры цилиндрическая, верхняя – сегмент шара. Верхняя часть топочной камеры сложена из сырца размером 50x25x10–12 см. Сначала идут несколько рядов обкладки, затем пять и полукруги, сходящиеся у центра пода. Топочное устье располагалось в южной части, оно небольших размеров, что не позволяло пролезать в него взрослому человеку. Оно плавно спускалось от уровня дневной поверхности в топочную камеру. Горячий воздух из топочной камеры в обжигательную поступал через продухи, расположенные двумя рядами вкруговую. По краю пода 15 продухов и столько же по внутреннему кольцу. В заполнении топочной камеры обнаружено значительное количество поливной и бесполвной керамики (рис. 2), стеклянные изделия, костяная свирель, кости одной коровы и нескольких баранов.

Керамические изделия представлены двумя археологически целыми и одним фрагментированным экземпляром косы. В орнаменте наблюдаются геометрический и зооморфный мотивы. Одна коса имеет рожок-слив, что для данного вида форм Средней Азии встречается впервые. На ее внутренней поверхности по белому фону черным и темно-коричневым красителем изображены геометрические фигуры. По бортику стилизованная надпись. Отдельные пространства в надписях закрашены красителем, давшим терракотовый цвет.

На внутренней поверхности второй косы изображена птица с расправленными крыльями. Контуры рисунка нанесены красителем темно-коричневого цвета. Поле птицы и отдельные участки выполнены красителем умбрового цвета. По краю

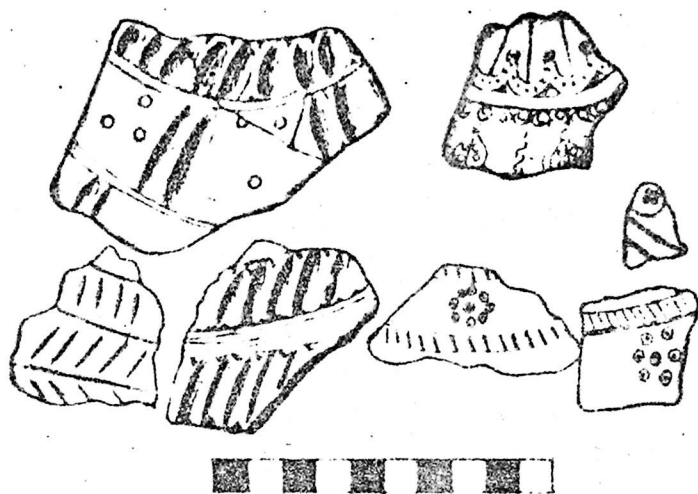

Рис. 2

венчика с внутренней стороны на фоне терракотового цвета белым красителем в круговую нанесена сильно стилизованная благопожелательная надпись. По краю венчика снаружи темно-коричневым красителем изображены лепестки.

Поливная керамика представлена еще фрагментом резервуара чирого с петлевиной ручкой. Беспольная керамика представлена разного рода целыми и фрагментированными кувшинами для воды, котлами, маслобойками, фрагментами переносных очажков. Одна группа сосудов представлена изделиями типа кувшинов для воды с глухим верхом. Узкая горловина и две ручки помещены на плечико. Данная форма кувшинов еще не известна в синхронных керамических комплексах Средней Азии. Кроме фрагментов переносных очажков и одного кувшина типа мургоби, весь материал кружалного изготовления.

Размеры печи (в см): диаметр пода 310, толщина пода 45, высота топочной камеры 230, высота ее цилиндрической части 140, диаметр цилиндрической части 125, диаметр расширенной части у основания 235, проушины 25x15; 20x25; 23x

х25, топочное устье — 40х45, топочное устье заканчивается на 130 сантиметрах от низа топочной камеры.

Печь № 5 расположена в 20 м к югу от печи № 4. Под прямоугольный в плане. Длинной осью печь ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Обжигательная камера в виде прямоугольной призмы со сводчатым верхом. Топочное устье располагалось с юго-западной стороны. С северо-восточной стороны имелось отверстие, но оно было заложено задолго до окончания разового процесса обжига. Горячий воздух поступал в обжигательную камеру через четырнадцать продухов, расположенных по семь у края длинных сторон пода. Перед сооружением печи в естественном лессовом массиве была выкопана яма, соответствующая предполагаемым размерам сооружаемой печи. Затем из сырца размером 40х25х10—12 см были обложены стенки и возведена подовая часть. Подовая часть решена закладкой клинчатых арок. Промежутки между арками были забиты саманным раствором. Часть промежутков была оставлена в качестве продухов. Верхняя площадка пода была тщательно обмазана саманным раствором. В заполнении топочной камеры обнаружено незначительное количество бытовой керамики и большое количество строительной керамики — кирпичей, что говорит, на наш взгляд, об использовании печи № 5 для обжига кирпичей. Среди обнаруженных фрагментов бытовой керамики преобладают кувшины для воды. Они украшены в технике штампа, гравировки, скобления. Имеются оттиски штампа-пуансона вихревидной розетки, многозубчатой гребенки.

Размеры печи (в см): длина пода 370, ширина 250, длина топочной камеры 370, ширина 175, высота топочной камеры 200, топочное устье 85х80, топочное устье заканчивается на 105 сантиметре от низа топочной камеры, продухи размером 60х16; закладка пят и самих арок начинается на 110 сантиметре от низа топочной камеры. До начала скругления арки от низа топочной камеры 155 см, толщина пода 40, интервал между продухами 50.

Останавливаясь на относительно подробном описании печей № 4 и № 5, мы хотели показать их конструктивные особенности, потому что они представляют собой новые типы — тип III и тип IV.

Подробно описывать конструкцию печей № 6 и № 7 мы не будем, однако необходимо отметить, что печь № 6 расположена в 78 м к юго-западу от печи № 5, а печь № 7 — в 90 м к югу от печи № 5 и в 20 м к юго-востоку от печи № 6. Конструктивно они относятся к различным типам. Печь № 6 имеет квадратный в плане под (рис.3), печь № 7 — прямоугольный (подобно печам № 2 и № 3). В топочных камерах обнаружено значительное количество поливной и бесполвной керамики, современной материалу из ям-свалок и других печей.

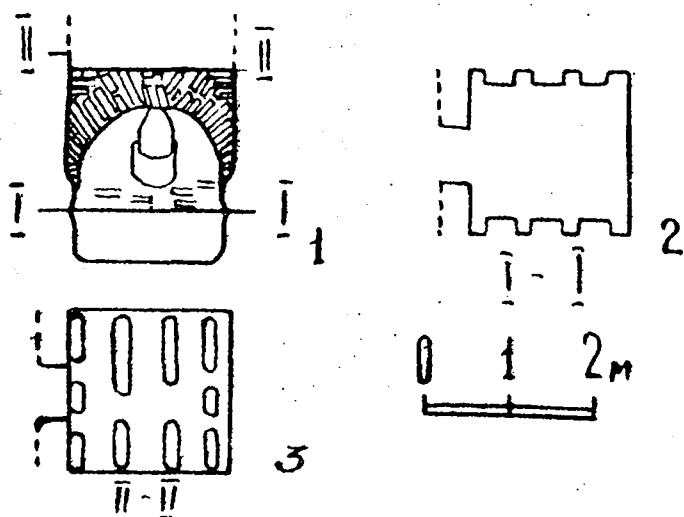

Рис.3

Мастерская № I расположена в 35 м к западу от печи № 5. Место обнаружения представляет собой край одной из верхних террасок, у которой проходит современный арка. Чуть ниже современного арка видны остатки более раннего арка, возможно, относящегося ко времени действия квартала гончаров. При осмотре срезов выше арка были замечены остатки стены, уходящей к юго-западу. Обнаружена и стена, перпендикулярная первой и уходящая к северу от нее. Обе стены являются остатками одного помещения, составленного

часть большого здания с массивными пахсовыми стенами. На полу помещения обнаружено незначительное количество бытовой посуды и колыбы для формовки переносных очагов и на-
лепов.

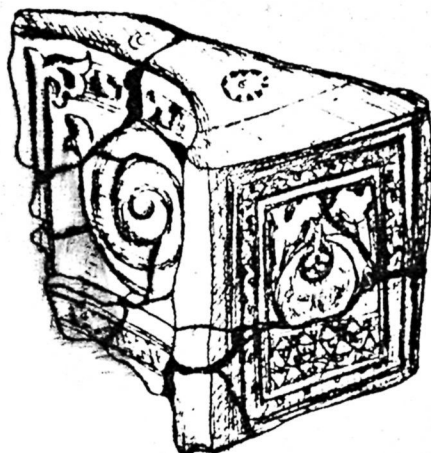

Рис.4.

Возможно, нами обнаружен жилищно-производственный комплекс резчика колыбов-матриц, или изготовителя самих переносных очагов (рис.4). Возможно, это производственно-жилищный комплекс мастера-керамиста, изготавливавшего как колыбы, так и сами переносные очажки.

В.Л.Воронина

ПАМЯТНИКИ КАЛИНИНАБАДА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

Таджикской экспедицией МГУ под руководством С.П.Полякова и Северо-Таджикистанским археологическим отрядом Института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР под руководством Н.Н.Негматова были открыты и предварительно обследованы остатки каменных сооружений в Ганчинском районе, в пос. Калининабад, его окрестностях, в сел. Угук.¹⁾ Находки распадаются на две основные группы: 1) каменные колонны, 2) каменные базы. Колонн обнаружено четыре — три в самом Калининабаде и одна в горном селении Угук.

Селение Угук находится в 38 км от Калининабада в верховьях Басмандасая. В дальнем конце селения на левом берегу сая стоит мазар под плоской земляной кровлей. Сырцовая постройка состоит из трех основных помещений (рис. I). Входная дверь прорезана в торце двустолпного айвана; оттуда мы попадаем в просторную зияратхону с небольшой камерой в южной стене и через боковую дверь в усыпальницу — гурхону с земляным надгробием в дальнем конце. С севера к зданию примыкает маленький одностолпный айван с таким же надгробием. Зияратхона оштукатурена глиной с саманом, в гурхоне между открытых стоек каркаса видна оголенная сырцовая кладка. Скучный свет поступает через щелевидное окно под крышей в

1) Об археологических работах в местах нахождения баз и колонн см. Н.Н. Негматов. Исследования в Северном Таджикистане в 1971 г. — АРТ, вып. II (1971 г.). Душанбе, "Дониш", 1975, с. 162-166.

северной стене. Покрытие зияратхоны опирается на центральную деревянную колонну с несложной граненой капителью и профилированными подбалками. В гурхоне две колонны - дере-

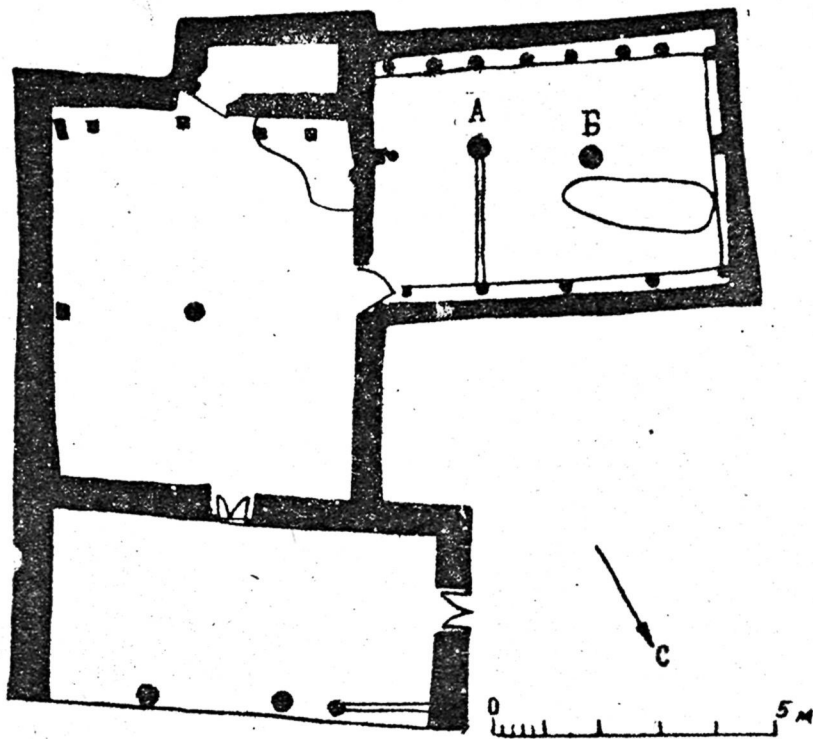

Рис. I

вянная и каменная. Они-то и составляют богатство этой постройки. Деревянная колонна стоит близ двери. Ее расширенная вверх капитель отесана на 8 граней, а ребра внизу срезаны и украшены в два яруса пятиконечными звездами (рис. 2. А). Такая манера оформления связывает колонну с традициями верховий Зеравшана.²⁾ Под капителью, как бы продол-

2) В. Л. В о р о н и н а. Формы и детали деревянного ордеа Средней Азии: "Вопросы теории архитектурной композиции", вып. 2. М., 1958, рис. 15; е е ж е. Ордер в народной архитектуре Таджикистана. "Архитектурное наследие", № 19, 1972, рис. 3.

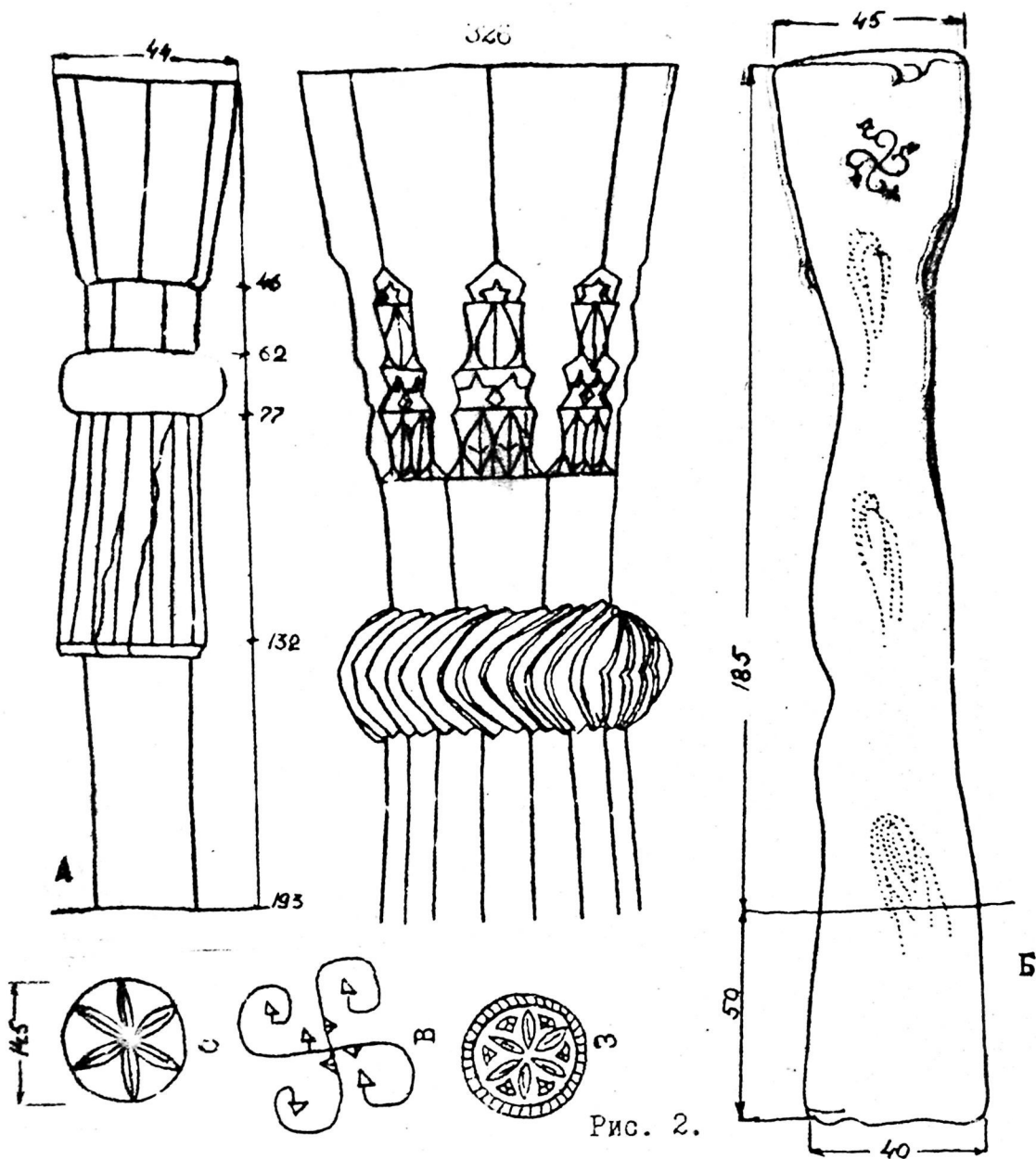

Рис. 2.

жая ее, находится горловина, тоже восьмигранная, но ребра смещены по отношению к верхним. И только под горловиной помещается валик, который должен по традиции опоясывать низ капители. Это отступление от правил – уникальная особенность колонны. Да и сам валик выглядит своеобразно – широкий и сильно выступающий, украшен рельефной насечкой, ребра которой слегка закручиваются, что придает форму особую пластичность. Шестнадцатигранный расширяющийся книзу ствол колонны сохранился менее чем наполовину – он был обрзан, выдолблен и нахлобучен на торчащий из пола круглый

каменный столбик. Очевидно, нижняя часть колонны подгнила, что и заставило ее укоротить (длина оставшейся части 1,32 м). Это обстоятельство, как и своеобразная пластичная форма капители, заставляют предполагать солидный возраст — 150–200 лет. Однако древесина, пропитанная темно-коричневым антисептическим составом и до глянца полированная, выглядит свежей. Точно тем же способом были обработаны старые колонны в сел. Зосун на Зарафшане.³⁾ Под грузом покрытия колонна покосилась.

В дальнем конце помещения, у самой могилы, стоит каменная колонна (рис. 2, Б). Она тоже приняла слегка наклонное положение и, кроме того, углублена на полметра в засыпку пола (последняя состоит из грунта с галькой и не покрыта обмазкой, поэтому раскопки у основания колонны не составили труда). Здание мазара, очевидно, не раз обновлялось. При одном из ремонтов укоротили деревянную колонну, но каменная оставалась на месте. Полная высота колонны 2,35 м. Колонна вытесана из мелкозернистого серого камня. Ствол круглого сечения расширяется книзу, составляя у основания 40 см в поперечнике. База отсутствует. Капитель в форме усеченного конуса украшена с четырех сторон рисунками: на двух смежных изображена с небольшими вариациями четырехконечная вихревая фигура, на двух других — солярные знаки (шестиконечная розетка в круге). Линии рисунка высечены той же техникой, как это делалось в древних наскальных изображениях, которых много в горах Таджикистана.

Орнамент на стволе колонны не обнаружен. Ствол изуродован вмятинами, которые образовались от касаний молящихся, посещавших могилу "святого". Много поколений должно было смениться и не одно столетие пройти, чтобы пальцы могли деформировать камень, обтаявший словно воск! Такая форма почитания практиковалась еще до ислама: уголки каменных баз в храмах древнего Пенджикента были испещрены ямками.

3) В. Л. В о р о н и н а. Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана. "Советская этнография", 1953, № , с. 186, 187.

Согласно традиции капитель должна была отделяться от ствола валиком (так делалось уже в древнем Пенджикенте), но его не видно — может быть он уничтожен рвеннем почтителей.

Каменные колонны Каллинибада совсем не похожи на описанную.

Одна из них стоит в мазаре Абу Тахирходжа на западной окраине. Восемьгранный ствол и такая же расширенная кверху капитель разделены валиком (рис.3).⁴⁾ Высота колонны всего

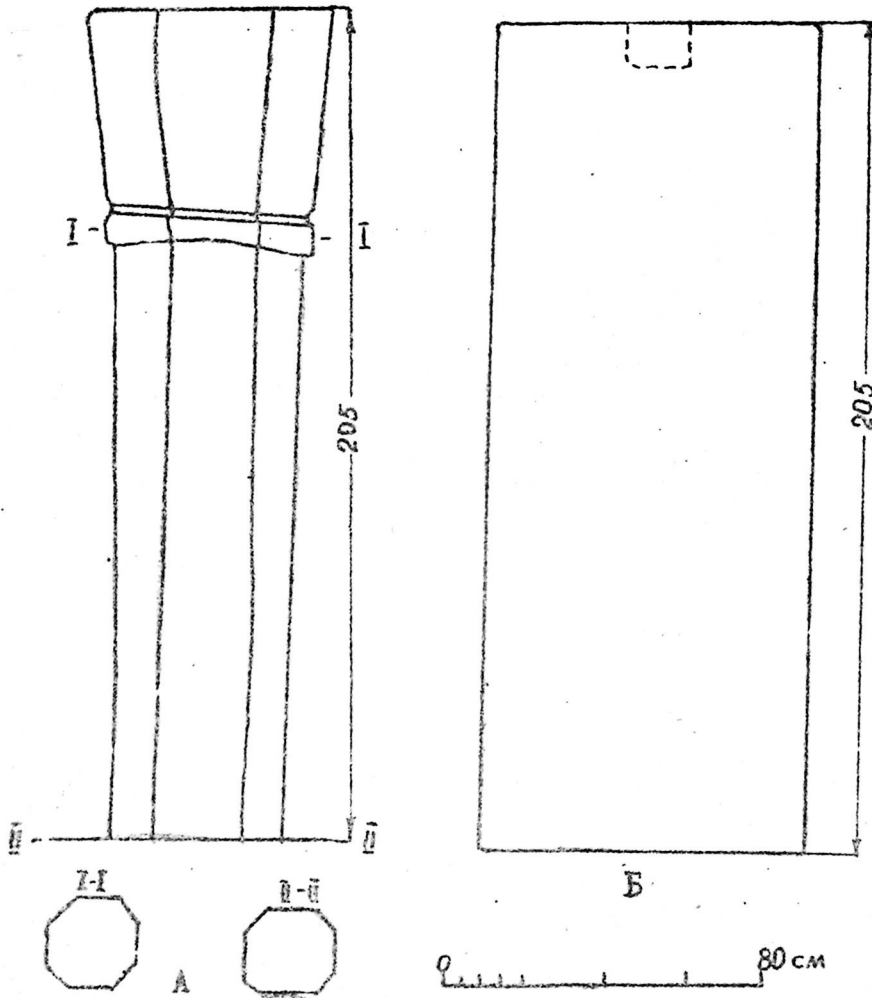

Рис.3

4) В мазаре колонна поставлена вниз капителью на большой мальчиный жернов.

2,05 м. Выполнена она из камня-конгломерата, зерна которого выступают на поверхность. От грубого материала и нечеткость форм: грани обозначены неправильно и неравномерной ширины. Верхнее и нижнее сечение ствола не совпадают. Вглядываясь в поверхность камня, можно заметить, что колонну пытались украсить орнаментом или надписью. Но при зернистой фактуре камня усилия мастера оказались напрасными и рисунок не читается.

Другая колонна находится недалеко от обреза оая, в тупике между тремя жилыми владениями и наполовину вросла в грунт. Раскопки обнажили ее полностью — это массивный цилиндрический столб высотой 2,05 м и 85 см в поперечнике. Наверху круглое гнездо для шипа вышедшей части. Остается лишь гадать, каким было венчание. Возможно, над колонной лежала квадратная деревянная подушка, как в мечети Деггарон XI в.⁵⁾ На расстоянии 6,20 м к северу стояла такая же колонна, но от нее остался лишь обломок. У подножия целой колонны сохранился участок пола, мощенного обожженным кирпичом. Очевидно, раскопками вскрыта часть какой-то крупной постройки (мечети?).

Цилиндрические колонны выполнены из такого же конгломерата, как и граненая. Надо думать, за камнем ходили недалеко. Калинабад лежит на террасе, образованной наносами реки и где-то неподалеку располагался карьер грубого, но достаточно прочного цементированного галечника.

Датировка каменных колонн гадательна, хотя они скорее всего относятся примерно к одному времени, когда здесь находился значительный населенный пункт с достаточно монументальными постройками. В противоположность району Шахрестана, еще и теперь богатому арчой, близлежащие горы безлесны. Если они были такими в прошлом, недостаток леса мог побуждать строителей заменять деревянные опоры каменными.

5) В.Д. Б е р о и в а. Некоторые данные о памятниках эдичества Узбекистана. "Архитектурное наследие", № 3. М., 1953, рж.7.

Колонна в Угуке стара, о чем свидетельствуют уже глубокие изъязы ствола, которые могли возникнуть лишь в течение нескольких столетий. Если обратиться к ее орнаменту, вихревые кресты знакомы по произведениям резного дерева начала VIII в. в раскопках Пенджикента и Бунджиката: этим знаком помечены изображенные в рельефах звери. Но те же кресты изобудут в орнаментике X–XI вв. (мехрабы Ашта, Искодара, Дандонакана). Рисунок солярных знаков в доисламском орнаменте, насколько известно, не употреблялся. До поступления более точных данных можно отнести колонну Угука к XI или XII вв., другие колонны едва ли сильно отличаются по времени.

Три сохранившиеся колонны Угука и Калининабада различны по формам, но их объединяет отсутствие баз. В этом бесспорно сказалась региональная традиция — еще в XIX–XX вв. многие деревянные колонны верхсвьев Зарафшана, Исфари, Мергелана лишены шаровидного основания, так называемого "кузаги".

Вторую, более многочисленную группу каменных деталей представляют базы колонн. В Калининабаде они рассеяны повсюду — на участках мечетей, мазаров и жилых домов, на кладбище и картофельном поле. Баз насчитывается 19, кроме того, имеются сведения о базах, скрытых под землей в саду, в хлеву. Одна база обнаружена во дворе мечети соседнего селения Даххат. Сохранность баз различна, Большинство сильно фрагментировано. Высота колеблется в широком диапазоне — примерно от 40 до 130 см. Базы изготовлены из конгломерата, мелкозернистого у малых, крупнозернистого у больших. Все они были назначены служить постаментами для деревянных колонн и у некоторых имеется на верхней плоскости гнездо для соединительного шипа. Однако теперь ни одна база не используется по назначению. Некоторые были превращены в ступки, причем соответствующие чашеобразные углубления выдолблены на нижней поверхности базы. Поперечник такой чаши 20–25 см, глубина до 36 см.

Характерные черты постамента можно проследить на десятке более сохранных образцов малых и средних размеров (рис.4):

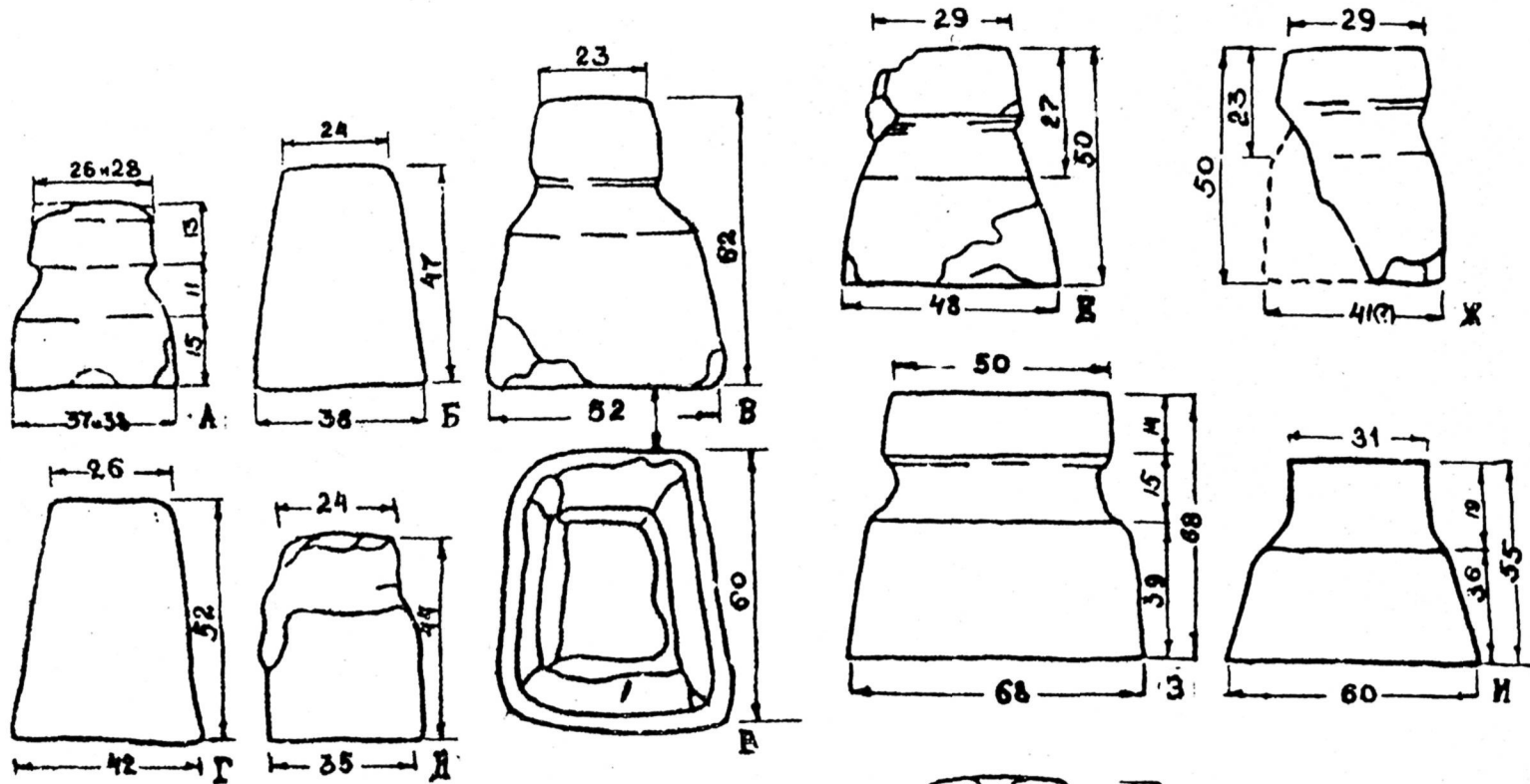
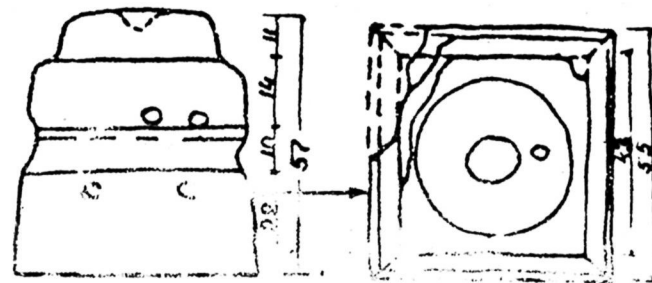

Рис. 4

Четыре из них представляют вполне сложившийся тип. Немного суживаясь кверху, они делятся по высоте на три части: основание в форме усеченной четырехгранной пирамиды, профилированный наподобие скопца средний пояс и квадратного плана верх с отвесными или слегка покатыми гранями (рис.4, а, е, ж, з). Это почти точное повторение в камне типа раннесредневековых деревянных баз Актеле и древнего Пенджикента.⁶⁾ Но нижняя часть каменной базы — назовем ее "пята" — стала заметно массивнее, чем у ее деревянного прототипа. А нет сомнения в том, что деревянные базы VIII в. служили прототипом для каменных. Подтверждением служит база в сел. Дахнат, которая дополнительно к трем названным частям имеет венчающую круглую подушку (рис.4, к). Несмотря на огрубление формы в этой детали угадывается "поддон" кубиковидного основания колонны (в деревянном прототипе он восьмигранный).

База на айване мазара Ходжако отличается чрезмерно массивной нижней частью. Она выпадает из нормы, имея в плане форму трапеции (рис.4, в). Надо заметить, что план базы нередко отступает от квадратного, причем размеры сторон расходятся на 5, 7 даже 11 см. Но в данном случае неправильность разительна.

— Два образца представляют собой не базы, а только болванки-заготовки для них в форме высокой усеченной пирамиды (рис.4, б, г). Такая болванка впоследствии обтачивалась путем углубления вогнутого среднего пояса. При этом грани венчающего пояса получают продолжением граней пяты (рис.4, е, ж) или дополнительно обтачиваются по отвесу (рис.4, з). Трудно объяснить смысл двучленной формы, имеющей незаконченный вид (рис.4, д, и).

Высота описанных баз колеблется от 39 до 68 см, ширина пяты — от 35 до 68 см. Пропорции выдержаны нечетко. Два

6) В.Л. Вороньян. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., АН СССР, 1959; рис. II.

Верхние пояса базы делались примерно равными по высоте, на пяту приходится немного меньше или больше половины общей высоты. Верхний поперечник в большинстве немного меньше $2/3$ нижнего. У одной из баз высота равна ширине основания (рис.4, 3).

Размерами и оформлением выделяется база в саду дома Самадова, по соседству с раскопом (рис.5). Она членится на

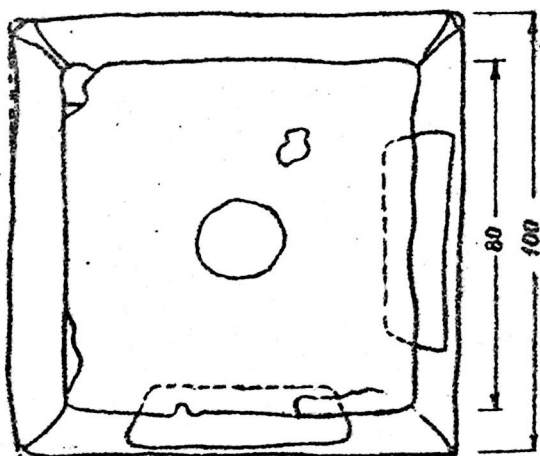
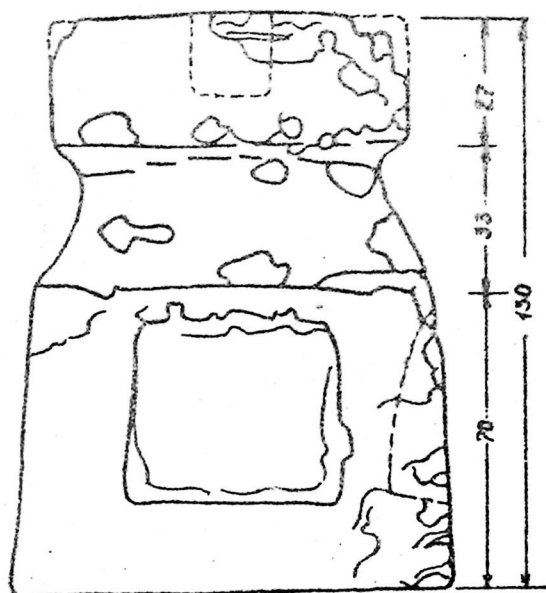

Рис.5

три пояса и в этом совершенно подобна описанным. Но, имея ширину основания 1 м и высоту 1,30 м, размерами не уступает мраморным постаментам Хивинского дворца Талхаули. Надо, впрочем, заметить, что деревянные постаменты УШ в. достигали столь же внушительных размеров — пять сгоревших опор квадратного зала во дворце Бунджиката оставили на полу отпечатки поперечником до 1 м. Большая калининабадская база, видимо, принадлежала какому-то значительному зданию, поэтому мастер пытался ее украсить. Но грубый конгломерат с включением крупных гальки исключал возможность резьбы и пришлось обработать грани наподобие ниш. Углубляясь снизу на 14 см, прямоугольные контуры ниш сверху почти выходят на плоскость граней. Поскольку ниши занимают лишь две смежные грани, можно заключить, что база стояла на углу двустороннего айвана, как это бывает у квартальных мечетей XIX—XX вв. (скорее всего она и принадлежала мечети). При этом покоившаяся на базе деревянная опора была соответственно солидных размеров.

В Калининабаде встречаются и другие образцы очень крупных баз — база на картофельном поле с нижним поперечником 87 см, база на кладбище, судя по высоте венчающих поясов, может поспорить размерами с описанной. Но обе глубоко ушли в грунт и размеры их полностью не выяснены.

Датировка каменных баз еще более затруднительна, чем для колонн. Положение баз на поверхности грунта как будто свидетельствует о довольно позднем происхождении. Например, большая база и открытая неподалеку цилиндрическая колонна явно разновременны, так как последняя соответствует более раннему культурному слою.

С другой стороны, при небольших размерах базы нетрудно извлекать из земли и использовать повторно. Формы и пропорции их сильно отличаются от современных. Нет и намека на привычную для последних столетий восьмигранную обработку. В современных постаментах преобладает криволинейный участок, занимающий более половины общей высоты. Уже говори-

лось о том, что форма калининабадских баз прямо смыкается с доисламской традицией — это говорит в пользу датировки, более или менее близкой колоннам.

В свое время тип калининабадских каменных баз, видимо, не составлял узко местного явления. Близкую аналогию представляет каменная база из мечети Джами в сел. Сайрам (Южный Казахстан): грубо вытесанная из серого песчаника она имеет высокий отвесный цоколь квадратного сечения и узкую скоцию под венчающей полкой.

Находка каменных баз и колонн в Калининабаде и его окрестностях расширяет круг памятников этого рода на территории Таджикистана: капители свободно стоящих опор уже известны на юге республики — в верховьях Вахша и Дангаринском районе.⁷⁾ Более того, рушится устоявшееся представление об исключительно редком употреблении в зодчестве Средней Азии каменных колонн как элемента конструкции. К настоящему времени примеры таких опор стали многочисленны: колонны мечети Биби-ханым и обсерватории Удугбека в Самарканде (XV в.), по крайней мере полуджина колонн в долине Таласа (XI-XV вв.), колонны юга и севера Таджикистана. Опоры Биби-ханым были разной формы — цилиндрические и с кузаги. На них опирались тяжелые сводчатые перекрытия из кирпича.⁸⁾ Колонны Таласской долины, за исключением одной — граненой, все имеют в основании кузаги; как и колонны Северного Таджикистана, они скорее всего несли балочную кровлю.

Находки в Северном Таджикистане неизмеримо углубляют наши знания о формах каменного ордера в средневековом зодчестве Средней Азии, по новому раскрывают роль каменной колонны и ареал ее распространения, большое многообразие локальных традиций.

7) Каменная капитель, найденная в районе Нурека, ошибочно считается базой. См. Э.А. Ю р к е в и ч. Материалы к археологической карте Таджикистана. АРТ, вып.8 (1960 г.). Душанбе, 1962, с.148,149, рис.3. О капители в сел. Пушинг Дангаринского района см. в статье автора "Памятники Дангаринского района". — АРТ, вып.12 (1972 г.). Душанбе, 1974, рис.2.

8) Ш.Б. Р а т и я. Мечеть Биби-ханым. М., 1950, рис.66-68, 75.

Н.Н. Негматов

МАДРАСА МИРРАДЖАБ ДОДХО

История изучения этого весьма интересного памятника очень кратка. Хотя он, возможно, осматривался многими краеведами и специалистами (археологами и историками архитектуры), однако, это соответствующей фиксации в литературе не нашло, за исключением, пожалуй, осмотра двух мадраса г. Канибадама — интересующей нас мадраса Мирраджаб додхо и мадраса Оим — в 1927 г. тогдашним научным сотрудником Средазкомстариса, впоследствии известным советским археологом В.А.Шишкиным и его сотрудником, тогдашним студентом Восточного факультета САГУ В.Э.Дружининым. Причем мадраса Мирраджаб додхо тогда была датирована началом XIX в. и осмотр как будто сопровождался фотофиксацией памятника.¹⁾

В 1961 г. мадраса Мирраджаб додхо наряду с другими памятниками г. Канибадама была предварительно обследована Ходжентско-Уструшанским отрядом Таджикской археологической экспедиции (Н.Н.Негматов, С.Г.Хмельницкий и др.)²⁾, а в следующем 1962 г. подробно изучена и обмерена Канибадамской группой Северо-Таджикистанского отряда (Н.Н.Негматов, С.Г.Хмельницкий, С.Марафиев и др.).

1) Результаты этого обследования не опубликованы. Информацию о нем см. И.И. У м н я к о в. Археологическая и реставрационно-ремонтная работа Средазкомстариса в 1927 г. — Изв. Средазкомстариса, вып.3, Ташкент, 1928 г., с.268; е г о ж е. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация. 1920—1928 гг. Ташкент, 1929, с.25.

2) Н.Н. Н е г м а т о в. О работах Северо-Таджикистанского отряда в 1961 г. — АРТ, вып.9 (1961 г.) — Тр. Ин-та истории им. А.Дониша АН ТаджССР, т.42, Душанбе, 1964, с.34.

В 1974-1975гг. в связи с началом реставрационных работ мадраса вновь была осмотрена Н.Н.Негматовым и А.К. Мирбабаевым. Публикация памятника дается по результатам этих работ.

Мадраса Мирраджаб додхе в г. Канмбадаме (рис. I-3) возведена на естественном возвышении и обращена своим главным северным фасадом в сторону крупной городской ма-

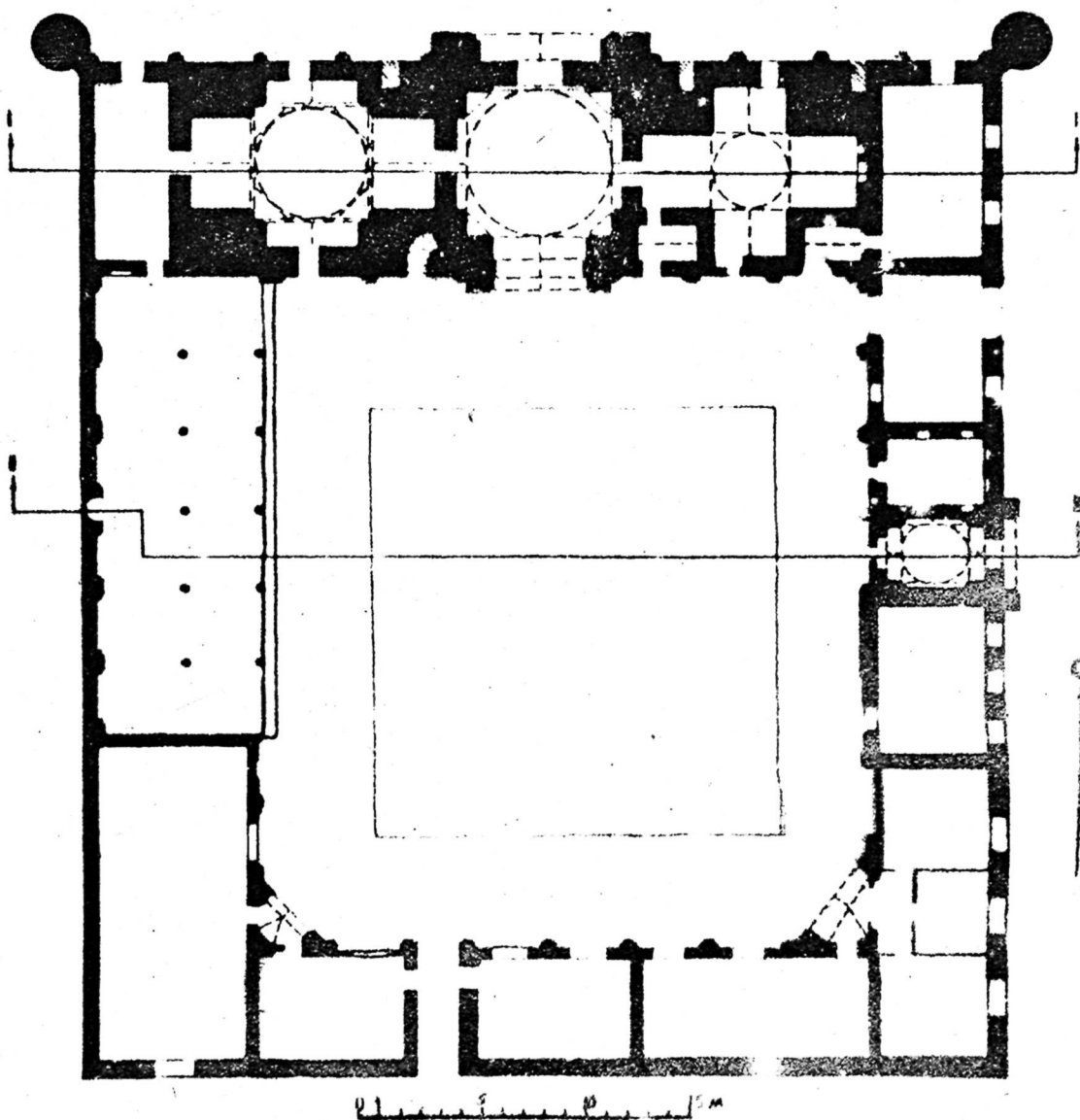
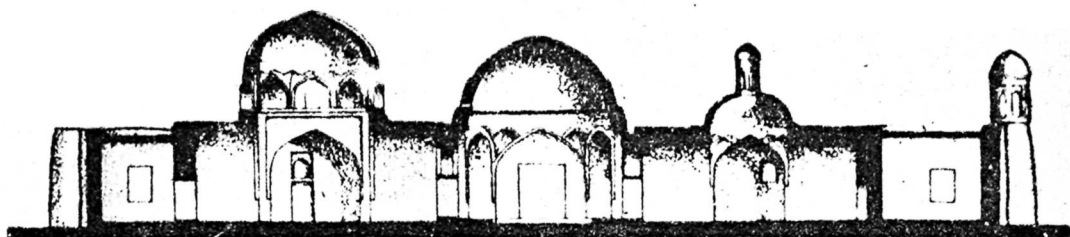
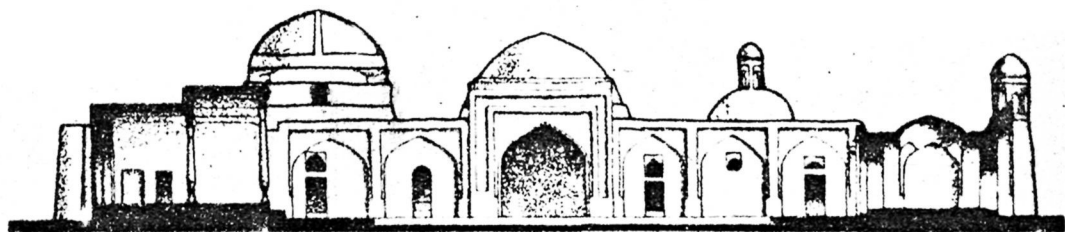

Рис. I

разрез I-I

разрез II-II

северный фасад

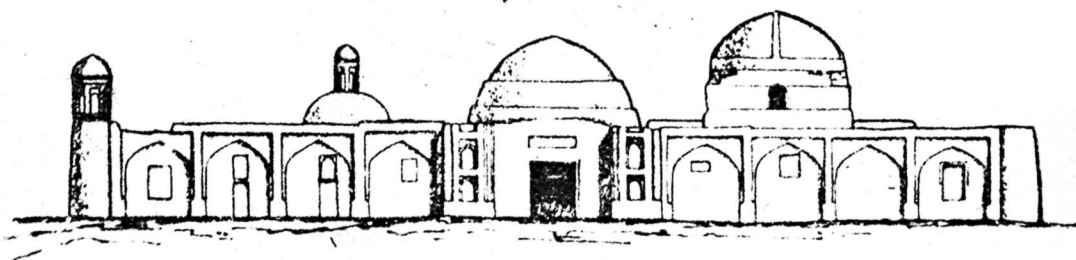

Рис. 2

1

2

3

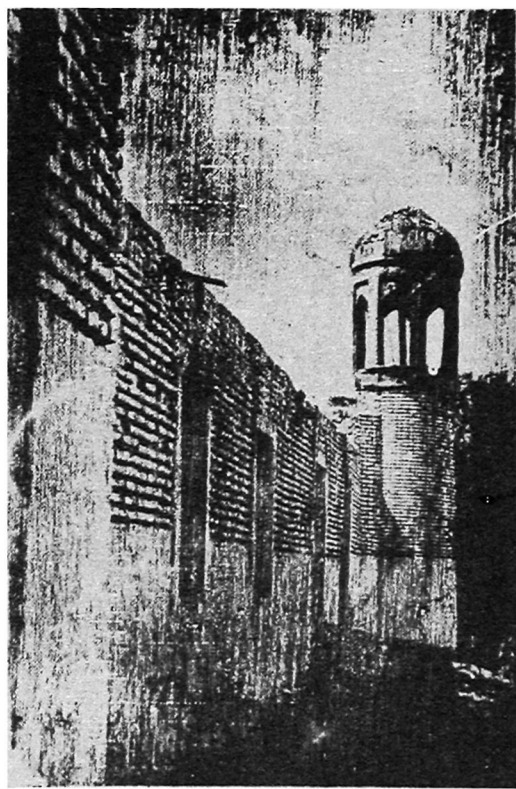
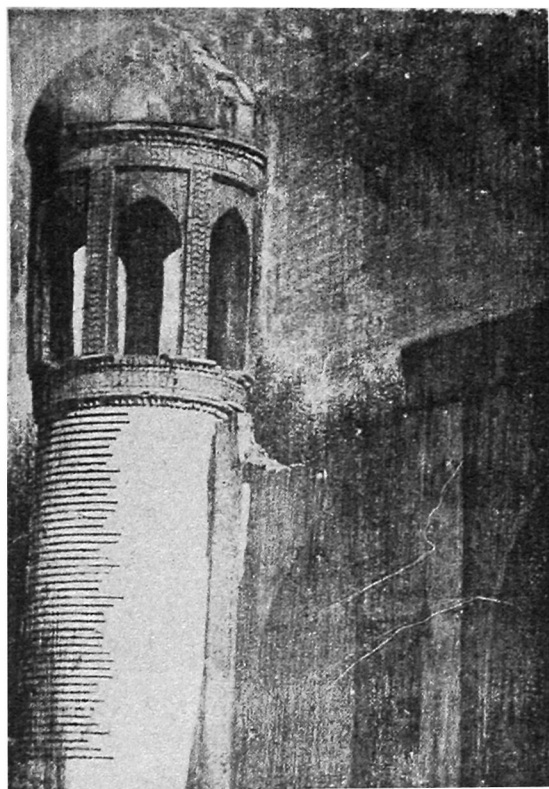

Рис. 3

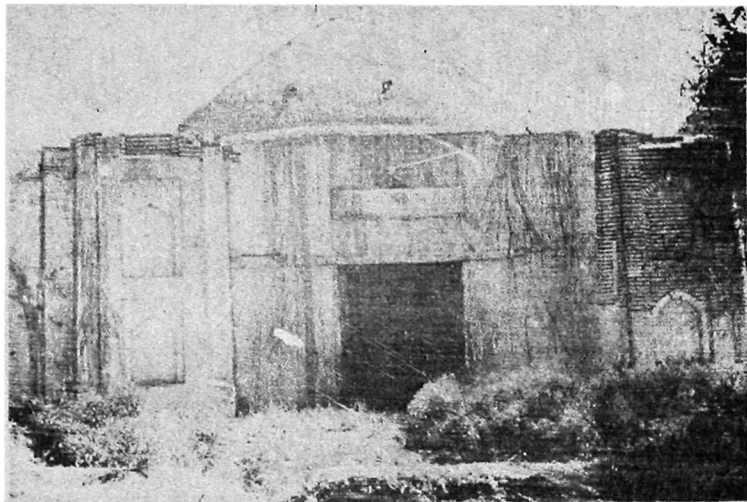
гистрали (ныне ул. Двадцатилетия Октября). Благодаря эффективному расположению, здание, несмотря на его небольшую абсолютную высоту, зрительно доминирует над окружающей городской застройкой. Общая структура плана мадраса Мирраджаб додхо близка классическим образцам среднеазиатских мадраса: в основе плана лежит квадратный двор, окруженный более или менее единообразными худжрами. После ряда испитанных канибадамским мадраса перестроек место большинства худжр заняли обширные помещения с плоскими деревянными потолками и широкими окнами. Сохранилась лишь одна худжра в восточной стороне двора. Она представляет собой сводчатую комнату размером 4,64х3,20 м, куда свет проникает через небольшое устроенное над дверью окно. Худжра снабжена пятью нишами "токча". Вероятно, аналогичными были и остальные, несохранившиеся худжры.

Главный вход в мадраса, расположенный в середине северного фасада, снаружи украшен традиционным пештаком. Отсюда прямой проход ведет в крупный купольный зал дарвозахон и через него во двор. К западу от дарвозахон лежит обширное помещение, крестообразное в плане и также перекрытое куполом. Оно соединено дверным проемом с дарвозахоной и имеет, кроме того, самостоятельный выход во двор. К востоку от входа лежит тоже купольное, но значительно меньших размеров помещение дарсхон (аудитория), также сообщающаяся с дарвозахоной. Фронт помещений, расположенных за главным фасадом, завершается комнатой в северо-западном углу двора. Последняя представляет собой десятиколонный, шести-пролетный айван, ранее целиком раскрытый во двор. Два центральных пролета мечети в передней части приподняты в виде так называемого "кайвана", как это обычно бывает в архитектуре айванных гузарных мечетей. Середина задней стены украшена граненым ганчевым михрабом, по обе стороны от которого расположено по три высокие, во всю высоту помещения, арочные ниши. Деревянное перекрытие летней мечети украшено орнаментальной росписью, также характерной для убранства гузарных мечетей и килых домов. Летняя мечеть, судя по сох-

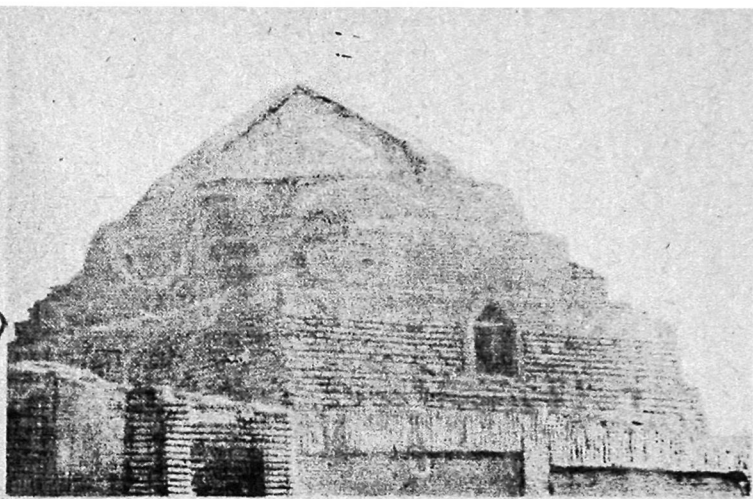
ранившейся дате, расписана в 1335 г.х. (1916-1917 гг.), занимает более половины дворового западного фасада мадраса. С юга к ней, видимо, примыкали худжры.

В середине внутреннего восточного фасада расположен второй вход во двор с боковой улицы и имел, очевидно, второстепенное значение, однако снаружи был выделен небольшим пештаком сравнительно простой формы. Ход отсюда вел в маленькую, перекрытую куполом дарвозахону, не сообщавшуюся с соседними худжрами. Со стороны двора этот вход как будто ничем не выделен и представлял собой обычный дверной проем, неотличимый от дверей худжр. Дворовые фасады мадраса, за исключением северного и той части западного, что занята летней мечетью, — система плоских арочных ниш, забранных в прямоугольные обрамления. В каждой нише дверной проем с небольшим окном над ним — единственным источником дневного света для населения худжр. На северном фасаде эта система прерывалась внутренним пештаком главного входа, выступающим из плоскости стены и значительно поднятым над одноэтажной обстройкой двора.

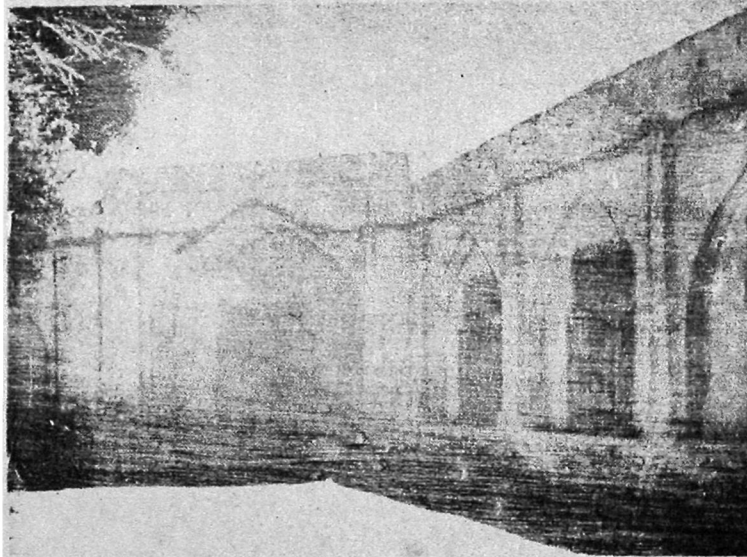
К своеобразным чертам планового решения кашибадамской мадраса нужно отнести различное решение внутренних углов. В то время как оба северных угла двора прямые, оба южных скошены под 45° и оформлены граничными арочными нишами, в которых прорезаны дверные проемы. Последнее решение типично для планировки среднеазиатских мадраса с XVI в., тогда как прямые углы двора известны лишь в бухарской мадраса Улугбека (XV в.). Сочетание обоих приемов не имеет, насколько нам известно, аналогии в архитектуре среднеазиатских мадраса. Наружный северный фасад мадраса Мирраджаб дохдо дошел до наших дней в сравнительной сохранности, за исключением разобранного верха пештака и утраченного завершения западной угловой башни-гульдаста (рис. 4, I, 2). Широкий дверной проем пештака украшен прекрасной резной дверью, створки которой оформлены тремя

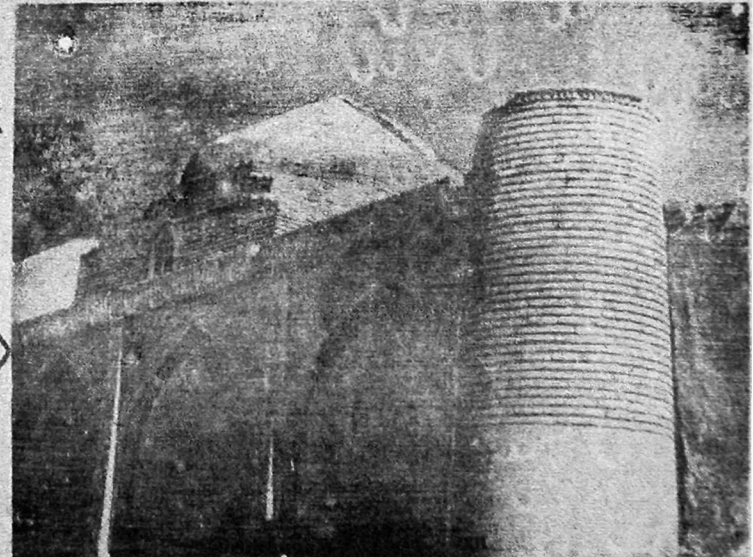
1

3

2

4

расположенными по вертикали квадратными орнаментальными панно.³⁾ Сверху на дверной раме сохранилась резная надпись, выполненная арабским шрифтом с датой 1070 г.х. (1659-1660 гг. н.э.) и именем мастеров Мулло Ходжаер Самда (?) и Мирзо Давуда. Можно предполагать, что эта дата изготовления двери определяет также и время постройки самой мадраса или близка к этому времени. Над дверью расположено горизонтальное, прямоугольное, слегка заглубленное панно - традиционная деталь композиции парадного входа, по-видимому, генетически восходящая к мотиву "двухсветности" (сочетания высокого нижнего и небольшого верхнего проемов), широко и многообразно употреблявшаяся в средневековом зодчестве Средней Азии. В классических памятниках XIV-XVII вв. подобные панно, как правило, заполнялись надписями, но впоследствии нередко оставались пустыми. В данном случае панно над входом никогда, видимо, не имело эпиграфического или какого-либо другого заполнения, что нельзя считать признаком незаключенности постройки.

Пилоны пещака украшены системой плоских прямоугольных ниш, по три с каждой стороны, со вписанными в них стрельчатыми нишками. Внутренние углы пилонов скошены под 45° , а наружные - украшены трехчетвертными круглыми гурьдаста. Подобная система композиции пещака наблюдается уже в памятниках XV в. и для среднеазиатского зодчества является, вероятно, глубоко традиционной. Столь же традиционно и оформление главного фасада мадраса сплошным рядом стрельчатых ниш, взятых в прямоугольные обрамления, и круглыми угловыми гурьдаста, поднимающимися над уровнем кровель (рис. 3, 2, 3).

В процессе эволюции среднеазиатского зодчества гурьдаста, фланкирующие внешние углы монументальных зданий, претерпели заметную эволюцию. В мавзолеях X-XIII вв. они

3) Дверь хорошей сохранности, размеры створок: высота 232 см, ширина 78 см. В правой створке прибит рейка - "колонка". На каждой створке - по восемь железных гвоздей с крупными шляпками.

представляли собой сплошные стержни, иногда оформленные в виде колонн и не только не поднимавшиеся над кровлей кубического четверика, но и перекрытые вместе с ним одной "архитравной" перемычкой. Лишь в конце XIV в. гильдаста в некоторых случаях приобретает форму крупных минаретов, значительно превышающих по высоте само здание и увенчанных характерным для минарета световым фонарем. Это нововведение может быть поставлено в связь с деятельностью иноземных зодчих, привлеченных Тимуром к строительству в Средней Азии.⁴⁾ В большинстве случаев гильдаста среднеазиатских медреса XVI-XVII вв. не сохранили своей первоначальной высоты, и мы не знаем, в какой мере принцип контрастного сопоставления высоких угловых башен с горизонтальностью основных объемов, представленный мечетью Биби-Ханым, медреса Улугбека в Самарканде и шахриябским Ак-Сараем, был характерен для таких памятников, как медреса Улугбека в Гиздуване, Мири Араб и Кукальтан в Бухаре. За исключением медреса Шердор, откровенно повторяющий архитектуру соседней медреса Улугбека, среднеазиатские медреса с XVI в. не имеют чрезмерно вычурных угловых минаретов: их сменили массивные угловые башенки, увенчанные световыми фонарями подобно минаретам, но лишь ненамного поднятые над уровнем примыкающих к ним стен. Полностью сохранившаяся гильдаста канибадамской медреса относится к этому последнему типу. Ее массивный ствол, из-за своих пропорций и выпуклого энтаза, напоминающий колонну дорического ордера, чуть выше стены и увенчан литым ганчевым фонарем. Фонарь восьмигранный, каждая грань прорезана стрельчатым окном в традиционном прямоугольном обрамлении. Ленты этого обрамления и пояс у основания фонаря украшены орнаментом, имитирующим кладку из простых и П-образных кирпичиков; для усиления эффекта поверхность ганча в этих местах подкрашена охрой. Фонарь перекрыт

4) Г. А. П у г а ч е н к о в а. К вопросу о научно-художественной реконструкции мечети Биби-ханым. — Тр. САГУ, нов. сер., вып. 61. Ташкент, 1953.

сферокопическим ганчевым куполком. Стены и купол фанаря имеют не больше 20 см толщины. Изнутри они оставлены необработанными, что позволяет понять не совсем обычный способ конструирования фанаря. По-видимому, на земле по одному шаблону отливались отдельные грани, и по другому — соответствующие им доли купола. Здесь же производилась обработка внешних поверхностей граней насечками, имитирующими декоративную кирпичную кладку. Монтаж происходил на верхней площадке гульдаста: здесь грани и части купола примораживались одна к другой ганчевым раствором, а кое-где дополнительно связывались небольшими деревянными штырями. Такой способ монтажа предполагает высокое мастерство при изготовлении формы и большую точность отливки. Мы не знаем в среднеазиатском зодчестве второго такого примера выполнения сравнительно крупной объемной формы с помощью ганчевых отливок (в нашей мадраса таким же образом изготовлен шестигранный фанарь над куполом дарсханы), но этот способ не покажется столь неожиданным, если вспомнить, какое широкое распространение получили в кирпичном зодчестве Средней Азии X—XIX вв. ганчевые отливки арок для проемов и парусов.

Гульдаста канибадамской мадраса, коренастая и "большеголовая", находит ближайшую аналогию в ряде памятников X—XIX вв., таких как мазар Искандар Зулкарнайна в Маргелане (башни внешней ограды, 1722 г.), Мадрасаи Кухна в Гиссаре, мечеть в Оше и небольшие минареты, сооруженные в Бухаре перед мечетью Болд хауз и в ансамбле Чор Бакр. Однако от этих памятников она отличается полным отсутствием сталактитов, которыми обычно оформлялись места нависания фанаря и купола, здесь эти части украшены тонкой ганчевой профилировкой. Не совсем обычен и сохранившийся в ряде мест способ выявления декоративных качеств лицевой кирпичной кладки: ее горизонтальные швы расширены и превращены в глубокие бороздки, тогда как вертикальные тщательно затерты. В этих местах стволы гульдаста кажутся охваченными шлифованными концентрическими поясами, разделенными четки-

ми затененными прорезями, что находит неожиданную параллель во внешнем облике бакинской "Девичьей башни".

Наконец, отметим, что в основании гуддаста уложено деревянное брусчатое кольцо, ниже которого видны несколько рядов кладки и субструкция — слой сравнительно крупных валунов. Деревянная прокладка прослеживается почти всюду у основания внешних стен мадраса. Ее вероятное назначение заключалось в том, чтобы предохранить кирпичную кладку стен от проникновения почвенных солей.

Интересны и разнообразно решены два крупных купольных помещения мадраса. Высокий купол дарвозахоны, более чем на 9 м поднятый над землю, утончается кверху тремя уступами. Он покоится на своеобразной системе угловых арочных ниш, которые не образуют обычный подкупольный "тромповый" пояс, ограниченный снизу четвериком стен, но опущены до самой земли. Это заставляет вспомнить мавзолей Мирсаид Бахромя в Кармине (X-XI вв.) и некоторые сырцовые здания в районе Термеза, предположительно датируемые XIII-XIV вв., в которых перемычки арочных парусов также опущены до земли и образуют, таким образом, отчетливо выраженные угловые ниши. В отличие от этих ранних памятников и в соответствии со строительными приемами своего времени промежутки между арочными парусами дарвозахоны заполнены арочками щитовидных парусов по одной на промежуток. Эта система перекрытия приведена в соответствие с планом помещения, каждая стена которого украшена широкой, но очень плоской нишей (только северная ниша превращена в сквозной проход). Вертикальные угловые простенки по сторонам этих ниш соединены на уровне основания купола, перекрывающими углы арочками, благодаря чему и образована описанная выше система. Но так как ширина угловых ниш недостаточна для того, чтобы образовать правильный восьмигранный план, необходимый для тромпового пояса, перекрывающие их арки искусственно расширены широкими и архивольтами и небольшим напуском штукатурки на уровне промежуточных арочек щитовидных парусов. Видимо, это своеобразное конструктивно-тектоническое реше-

ние было все же недостаточно детально продумано строителями, не добившимся органического сочетания отдельных элементов системы. Так, пересечение угловых арок с арками стеновых ниш выше пят последних получилось неловким и образует неопределенную мятую форму.

Внутренняя поверхность купола дарвозахона несколько ниже его средней части и украшена тройным поясом ганчевых сталактитов измельченной и вычурной формы. В зените купола оставлено небольшое круглое отверстие, слишком маленькое для того, чтобы служить источником света. Прямоугольное окошечко также очень небольших размеров, прорезано с западной стороны купола, над сталактитовым поясом. Вероятно, оно было предназначено не столько для освещения, сколько для вентиляции, так как дарвозахон была раскрыта во двор широкой южной аркой. Ее ширина 430 см равна ширине арки дворового пештака, который, таким образом, лишен внутренней торцевой стены. Этим приемом дарвозахон, по существу, превращена в монументальный купольный айван, раскрытый во двор подобно главному помещению мечети Абдуллатифа ("Кок-Гумбаз") в Ура-Тюбе (XV в.) и мечети Анау (XIV в.). В более широком историческом плане это решение восходит к древнему приему среднеазиатского зодчества, в основе которого лежит сочетание замкнутого двора и лежащего на его оси сводчатого или купольного айвана. Этот прием усматривается в ряде крупных памятников архитектуры предарабской эпохи (дворец Варахши, замок Калаи Кахваха I (X-XII вв.), дворец термезшахов, комплекс Ходжа Мамад в Саате, ансамбль Султан Саадат в Термезе, мечеть Талхатан Баба и др.). Он очень характерен для среднеазиатских медрес, двор которых в большинстве случаев снабжен сводчатым, расположенным против входа айваном. Однако превращение в подобный айван входного купольного вестибюля медреса и сочетание его с главным входом, наблюдаемое в медресе Мирраджаб додхо, не находит, насколько нам известно, аналогий среди медрес Средней Азии и представляется редким исключением.

Сосаднее с дарвозахоней купольное помещение выполнено в более традиционных архитектурных формах. Арочные ниши имеют здесь значительно большую глубину, а простенки между нишами и углами квадрата сведены к минимуму, благодаря чему отчетливо выявляется крестообразный характер плана. В верхней части четверика над арками угловые простенки соединены горизонтальной полосой фриза, что создает вокруг каждой арки сплошное прямоугольное, выступающее из плоскости стены, обрамление. На увенчанный полочкой четверик опирается подкупольный пояс арочных парусов, заполнения которых образованы отрезками сомкнутого свода. Между тропами расположены традиционные арочные ниши, украшенные ленточными архивольтами и прорезанные арочными оконными проемами. Переход от подкупольного восьмигранника к куполу образован с помощью промежуточных щитовидных парусов.

Снаружи возвышающийся над кровлей восьмерик имеет уступчатую форму. Нижний уступ, поднятый до высоты стрельчатых оконных перемычек, квадратен в плане; верхний, менее высокий, восьмигранной формы, со скошенными диагональными гранями. Оболочка купола, толщиной в один кирпич, снаружи укреплена четырьмя широкими радиальными ребрами, связанными у основания горизонтальным кольцеобразным утолщением. Ширина ребер вверху 22 см, внизу 40—41 см.

Любопытно разнообразие конструктивно-строительных приемов, употребленных строителями мадраса при возведении двух соседних и в общем однородных по структуре купольных помещений. Можно думать, что эти помещения сооружались двумя разными мастерами, каждый из которых использовал приемы, присущие его собственной индивидуальной манере и навыкам. Причем строитель западного помещения проявил склонность к более традиционным архитектурным формам, как будто тяготеющим к бухарской школе зодчества (для нее особенно характерно укрепление купола внешними радиальными-

ми ребрами⁵⁾), а строитель дарвозахоны подошел к своей задаче более творчески, стремясь необычным сочетанием конструктивных форм создать новый художественный облик крупного купольного интерьера.

Небольшое купольное помещение дарсхоны расположено, как говорилось, к востоку от дарвозахоны. Оно также крестообразно в плане, причем ширина сводчатых ниш, образующих ветви креста, совпадает здесь с длиной стен подкупольного квадрата. Западная и восточная ниши значительно глубже южной и северной. В торце западной ниши прорезан дверной проем, снабженный окошком "верхнего света", он соединяет помещение с дарвозахонной. В противоположном конце креста этой двери неглубокая, доходящая до пола ниша. Арочные окна в северной и южной стенах дарсхоны сдвинуты с оси помещения так же, как и соответствующие проемы западного помещения. Объясняется это тем, что регулярное членение фасадов лопатками и вписанной между ними плоской декоративной аркадой не соответствует здесь внутреннему расположению помещений, а строители считали обязательным расположение проемов на осях внешних арок. Переход от подкупольного квадрата к куполу дарсхоны осуществлен с помощью двух шпигельных парусов, образующих 12 опорных точек для купольной оболочки. В зените последней прорезано шестигранное сквозное отверстие (расстояние между сторонами 77 см), над которым возвышается ганчевый сквозной фонарь, подобный описанному выше, однако никак не украшенный. Большая глубина ниш, формирующих крестообразный план дарсхоны, привела к образованию между соседними ветвями креста значительных массивов кладки. С южной стороны в этих массивах устроены небольшие сводчатые помещения, одно из которых играет для дарсхоны роль прихожей. Соответствующие помещения северной стороны были замурованы, и с их сущест-

5) В этом отношении купол западного помещения находит прямую аналогию в куполе бухарской мадрасы Халифа Ниязкули "Чор Минор" (1807 г.).

вовании свидетельствуют лишь нишки на северном фасаде, сохранные на местах заложённых дверных и оконных проёмов.

Устройство в зените купола светового отверстия является давней, ещё мало изученной традицией среднеазиатского зодчества. Такие отверстия, обычно имеющие восьмиугольную форму и увенчанные лёгким гранёным фонариком, известны на примере многочисленных (главным образом гражданских) памятников архитектуры с XVI в. Они особенно характерны для бань, купольные помещения которых, врытые в землю, не могли иметь обычных оконных проёмов. Таким же образом устраивались и некоторые торговые купола, например "Купол менял" ("Токи саррефон") в Бухаре. Однако широкое распространение этого приема должно быть отнесено ко времени гораздо более раннему, чем XVI в., о чем свидетельствует его уже рудиментарное воплощение в архитектуре бухарского мавзолея Саманидов (X в.). Купола обоих зданий саитского комплекса Ходжа Машиад (на основании ряда глубоко архаических черт могут быть датированы X и XI вв.) снабжены широкими круглыми отверстиями, подобными световому люку римского Пантеона. Края этих отверстий снабжены уступом, на котором, очевидно, крепился несохранившийся лёгкий фонарь, деревянный или ганчевый, предохранявший помещение от осадков и прямых солнечных лучей. Судя по опубликованным материалам, подобное же отверстие в зените купола имеет мавзолей Шир Кабир в Мешехи Мисриане (IX-X вв.)⁶⁾ В нашем случае интересна шестигранная форма купольного отверстия, чрезвычайно редкая и характерная, как будто именно для Канибадама: аналогичный шестигранный люк с фонарем имеется в куполе другой канибадамской мадрасы, именуемой Мадрасам Оим.

В этой связи интересна определенная общность, усматриваемая между куполом и деревянным перекрытием так называемого "дарбазного" типа, состоящим из нескольких пирами-

6) Г.А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дажистана, Абиверда, Серахса. - Тр. ИАКЭ, т.2. Ашхабад, 1953, с.195, рис.2.

дально расположенных и повернутых один относительно другого венцов, со световым отверстием в середине. "Брусчатые купола" такого рода были, как теперь известно, распространены в древней и раннесредневековой архитектуре Средней Азии. С куполами обычного типа их сближает (несмотря на очевидное несходство конструкций и материала) как сама форма, так и способ опирания на квадрат стен. Основанием "дарбазного" перекрытия служат брусья, перекинутые через углы квадратного помещения и преобразующие квадрат в многоугольную, приближающуюся к кругу форму, а основой для купола служат играющие ту же роль арочные паруса-трюмпы.⁷⁾ Отверстие "дарбазного" перекрытия образовывалось верхним, наименьшим венцом и, естественно, повторяло форму всего перекрытия в целом.

В связи с этим едва ли случайным представляется тот факт, что именно в Северном Таджикистане, в Шахристане были недавно обнаружены при раскопках здания VIII в. на холме Уртакурган остатки "дарбазного" перекрытия, нигде более не встречающейся шестигранной формы, которое, естественно, должно было завершиться шестигранным световым люком.⁸⁾ Если наши соображения верны, то в необычных формах световых отверстий куполов канибадамских мадраса нужно видеть поздний отголосок приемов, свойственных местной архитектурной школе, уходящих корнями в далекое домусульманское прошлое.

* * *

Взгляд на монументальную архитектуру Средней Азии конца XVII — начала XX вв. как на искусство, отмеченное чертами упадка и застоя, в целом безусловно справедлив.

7) В отдельных простейших случаях купола основывались не на угловых арках, а на переброшенных с угла на угол балках, которые в сочетании с промежуточными отрезками стен создавали восьмиугольное основание для купола в соответствии с конструкцией "дарбазского" перекрытия. Таков, например, Мазар Ходжа Йгона на соседних Кайракумах.

8) Н.Н. Негматов, У.П. Пулатов, С.Г. Хмельницкий. Уртакурган и Тирмизаатгеп. Душанбе, "Дониш", 1973.

Однако было бы неверным красить этот период истории среднеазиатского зодчества черной краской и не видеть в нем живых, здоровых черт, способных к творческому развитию. Расцвет хивинской архитектуры XIII – начала XV вв., во время которого было создано немало первоклассных произведений монументального зодчества, не был беспрецедентным, исключительным явлением. И в других областях Средней Азии в это время создавались крупные сооружения, отмеченные печатью художественного мастерства и вкуса, своеобразно развивающие национальные традиции, обогащающие архитектуру новыми чертами. Конечно, даже крупнейшие архитектурные памятники этой эпохи своими размерами и декоративным убранством не идут ни в какое сравнение с грандиозными сооружениями времен развитого феодализма, роскошно украшенными майоликой, наборной мозаикой и живописью. Однако не этим, в конечном счете, определяется качество архитектуры.

Мадраса Мирраджаб додхе представляет собой в этом отношении достаточно характерный пример. Совершенно лишенная дорогостоящего декоративного убранства, изрядно испорченная перестройкой, она и сейчас производит сильное впечатление благодаря мастерской компоновке архитектурных форм и творческому, а отнюдь не формально-механическому применению традиционных строительных приемов. Строители смело отошли от канонических способов композиции мадраса в тех случаях, где считали это целесообразным. Так, помещение входного вестибюля, во всех классических образцах небольшое и незаметное, они превратили в крупный купольный объем, своими размерами и композиционной значимостью господствующий над всеми сооружениями. Кроме того, они совместили его с айваном, что опять таки не баходит прямых претендентов в предыдущей архитектурной практике. Особенно значительно мастерское, но необычайное с точки зрения традиций включение в структуру мадраса обширной летней мечети, чей деревянный многоколонный айван представляет собой характерную форму народной жилой архитектуры. Обращение к специфическим формам народного зодчества было, видимо, одной из особенностей позднефеодальной монументальной архитектуры Северного Таджикистана; его различные аспекты усматривают-

ся и в других памятниках этой территории — например в Ленинадском мавзолее Хазрати Бобо⁹⁾ и мазаре Ходжа Ягона.¹⁰⁾ Вместе с тем целый ряд композиционных приемов и форм канибадамской мадраса являются глубоко традиционными, и в некоторых случаях анализ выявляет их связь с домусульманской древностью, с теми локальными формами, которые были разработаны местной архитектурной школой еще на заре среднеазиатского феодализма. Анализ архитектуры мадраса Мирраджаб доджо выявляет, таким образом, сложное и живое сочетание элементов традиционных и новаторских, общераспространенных и местных — сочетание, свидетельствующее об активной творческой мысли, о поисках новой художественной выразительности и функциональной правдивости, но отнюдь не о формальном, бездумном следовании каноническим образцам. Это побуждает более пристально всмотреться в памятники позднефеодалного среднеазиатского зодчества с тем, чтобы вскрыть те несомненные черты своеобразия и новизны, которые кроются за их скромным обликом и кажущейся, подчас, внешней традиционностью.

Публикуемая мадраса Мирраджаб доджо является первым более или менее исследованным памятником этого рода в Северном Таджикистане. Заметим, что в крупных и мелких городах до сих пор сохранился ряд мадрас, имеются также отдельные литературные свидетельства о несохранившихся до наших дней таких памятниках. В последние годы А.К.Мирбабаевым проведена большая работа по фиксации, описанию и историко-культурному осмыслению мадрас всех городов и селений Северного Таджикистана и готовится обобщающее монографическое исследование. Последнее, конечно, позволит лучше и полнее понять историю поздней архитектуры Таджикистана и Средней Азии в целом.

9) Н.Н. Негматов, С.Г. Хмельницкий: История архитектурного комплекса Хазрати Бобо. Изв. АН ТаджССР, ООИ, 1960, I (22), с.3-17.

10) Н.Н. Негматов, С.Г. Хмельницкий: Архитектурный комплекс Ходжа Ягона. АРТ, вып.14 (1974 г.). Душанбе, "Дониш", 1979.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ СБОРНИКОВ
"АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ"

1. Ежегодник "Археологические работы в Таджикистане" носит отчетный характер и все статьи, его ежегодно составляющие, должны быть полностью готовы и сданы в сектор археологии не позже 1 мая текущего года.

2. Несмотря на отчетный характер сборника, статьи, не содержащие научного анализа проведенных работ и научного аппарата, а представляющие лишь дневниковые описания в сборник приниматься не будут.

3. Статьи и хронологические заметки, не связанные с работами данного сезона, печатаются в виде исключения по решению редакционной коллегии.

4. Направляемые для печати статьи должны иметь сжатое и четкое изложение и объем: а) для начальников экспедиций — не более 1,5 п.л., б) для крупных по объему отрядов — от 0,8 до 1 п.л. в) для всех остальных отрядов и групп объем не должен превышать 0,5 п.л.

Свыше указанного объема каждая статья обязательно должна иметь иллюстративный материал (3 рисунка считаются за одну страницу) из расчета: для статей 1-й категории — до 3 страниц рисунков, для статей 2-й категории — до 2 страниц, для статей 3-й категории — 1 страница рисунков.

5. Статьи, представляемые в двух экземплярах, должны быть отпечатаны на машинке с черной лентой с одной стороны листа через два интервала и иметь поля с левой стороны в 3,5 см.

6. Научный аппарат в виде сносок дается постранично при сквозной нумерации для всей статьи (например, от 1-й до 20-й сноски). При оформлении сносок указывать:

а) для книг — инициалы и фамилию автора, полное название книги, номер тома, издательство, место и год издания, страницы.

б) для журнальных статей и сборников — инициалы и фамилию автора, название журнала или сборника, номер тома,

номер выпуска (а для сборника и место издания), год и страницу. При повторной ссылке на литературу допустимы общепринятые сокращения.

7. Сноски должны быть напечатаны также через два интервала. Иностранные сноски и тексты должны быть отпечатаны на машинке.

8. Чертежи и рисунки выполняются тушью на ватмане или на кальке. Размер рисунка не более 16 x 24 см.

Фотографии чертежей обязательно должны быть дополнительно обведены тушью. Фотографии подаются в двух экземплярах обязательно в отретушированном виде. Рисунки вкладываются в отдельный конверт, на котором написано: Сборник "Археологические работы в Таджикистане", вып. XV (1975 г.). Иллюстрации к статье А. Юсупова "Новые памятники Яванской долины".

На обороте каждого рисунка должна быть следующая надпись (писать на фоне рисунка, если смотреть на просвет): рис. I к стр. I статья А. Юсупова "Новые памятники Яванской долины". Сб. "Археологические работы в Таджикистане", вып. XV (1975 г.).

9. Автор обязан тщательно проверить соответствие нумерации рисунка в тексте и в подписи под рисунком, а также все ссылки на рисунок, причем в тексте должны в той или иной форме указаны все детали рисунка.

10. Вместе с рисунками к статье должен быть приложен (в двух экземплярах) список рисунков.

11. Предлагается единое, унифицированное написание местных названий, обязательное для всех отчетов, представляемых в АРТ.

1. Слова с изафетом пишутся раздельно и с большой буквы, без дефиса. Например: Мирзеи Боло, Теваи Газдон. В том числе и названия рек, гор, местностей. Например: Оби Талхак.

2. Раздельно пишутся также наименования, в которых есть слово Ходжа. Например: Ходжа Ягона, Ходжа Рушное.

3. Слова без изафета пишутся слитно. Например: Шахтарак, Чоштена, Таадрибул, Ширинбулак, Магмаандарья.

Список географических названий, предлагаемых для статей ежегодника "Археологические работы в Таджикистане"

Абдуллохон	Каллахона
Абулфазл	Кафтартепа
Актепа	Кафыркала
Аджинатепа	Кафирниганкала
Аламбардор	Кашкараха
Аминпоча	Кивктепа
Араб Ата	Кизлартепа
Аултепа	Козиберди
Базардара	Костакос
Бабиш Мулла	Куй Бульен
Бешбулоки Боло	Курбаншанд
Бешбулоки Поен	Кули Боло
биявайманские (эссуарии)	Кулимбай Боло
Бобо Таго	Кухнакала
Гаравкала	Кюзели Гыр
Гардани Хисор	Кизиландарья
Гудуми Ахангарон	Мазори Шариф
Гундаштепа	Махалласи
Гауркала	Миенакух
Гургхонасой	Мирраджаб долхо
Давлавакан	Мирзон Боло
Дарвозан Боло	Навгумбад
Дашти Ашт	Негматбача
Дашти Беди Калон	Новакан Боло
Джумалактепа	Новакан Поен
Дунбулак	Солт.
Дунгчатепа	Оби Дангар
Ёмшитепа	Оби Бедигаван
Игроани Боло	Ойкуль
Калаи Кахкаха	Ойханум
Калаи Сафедон	Пешн Хисор
Калаи Дхой	Поен Мазор
Катта Шурчи	Сари Тал
Каунчитепа	Сари Курум

Сакызтепа
Сардари Миена
Тагояк Куркат
Тая Масчид
Таяи Муллоумар
Тамшоттепа
Таякыриул
Тегирмонарик
Тепая Гуристон
Тоштемиртепа
Тудан Хурд
Тугду Текин
Тупхона
Уртабуз
Учкуль
Халкақлар
Хангаза
Хирмантепа
Хишттепа

Ходжадурбад
Ходжа Руном
Ходжа Ягона
Хокгербон
Хоняйлов
Чилучорчашма
Чильдухтарон
Чильхуджра
Чоргультепа
Чоштепа
Чоршохатепа
Чугундорбобо
Шахри Бону
Шаштепа
Шавкатарик
Ширинбулаг
Шиттепа
Эсамбай
Юргайдара

Названия рек

Амударья
Сырдарья
Кафирнигап
Заравшан
Базардара

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ

П р е д с л о в и е.

Рис. 1 Карта важнейших пунктов археологических исследований в Таджикистане в 1975 г.: 1 - Огзи Кичик, 2 - Опхона, 3 - Бешкентский могильник, 4 - Кафирниганкала, 5 - Сайёд, 6 - Базардара, 7 - древний Пенджикент, 8 - Калай Кахкаха, 9 - Кургат, 10 - Ленинадская крепость.

В.А. Раиов. "Раскопки в Огзи Кичике в 1975 году"

Рис. 1. Разрез центральной части отложений площадки у пещеры Огзи Кичик. Условные обозначения: 1 - лессовидный суглинок, 2 - бурый, переработанный суглинок, 3 - натечный слой, 4 - обожженная земля, 5 - темная переработанная рыхлая земля, 6 - обломки камней, 7 - кости черепах, обожженные, 8 - черепаховый слой, 9 - отдельные панцири черепах, 10 - щебень, 11 - угольки, 12 - угольные прослойки, 13 - кострище, 14 - темная, переработанная, местами высветленная земля, 15 - обработанный камень, 16 - темный переработанный суглинок, 17 - пробы на пыльцу (1975 год), 18 - окатанный щебень, 19 - светло-желтый обожженный суглинок.

Рис. 2. Огзи Кичик. План 14 уровня "черепахового горизонта". Условные обозначения: 1 - панцири черепах, 2 - осколки панцирей черепах, 3 - челюсти животных, 4 - угольки, 5 - лессовидный суглинок, 6 - отщепы, 7 - орудия, 8 - нуклеусы, 9 - пластины, 10 - очажные пятна, 11 - обожженная поверхность с пеплом, 12 - обгорелые кости черепах, 13 - глинистые вкрапления, 14 - длинные кости, 15 - камни, 16 - скала, 17 - отметка от репера, 18 - линия, отделяющая черепаховый слой от суглинка.

Рис. 3. Огзи Кичик. Изделия из камня. 1-2 - отщепы, 3, 6 - пластины с ретушью (скребла, ножи), 4, 10, 11 - скребла, 5, 7, 9 - остроконечники.

- Рис. 4. Отзи Кичик. Лабораторный раскоп. План находок на квадрате С-12. Условные обозначения: 1 - панцири черепах, 2 - зубы и челюсти животных, 3 - орудия, 4 - пластины, 5 - отщепы, 6 - осколки трубчатых костей, 7 - осколки панциря черепах, 8 - граница темного слоя, 9 - камни.
- Рис. 5. Приемы измерения азимута предмета (А) и угла залегания предмета в культурном слое (Б). Условные обозначения: ГК - геологический компас, АН - археологическая находка, ПР - поверхность раскопа. Измерения в градусах.
- Рис. 6. Отзи Кичик. А - схематическое расположение черепахового слоя и подстилающей щебнисто-обвальной линзы. Видно переслаивание лессового суглинка с культурным слоем и щебнем (масштаб не выдержан). Условные обозначения: 1 - дневная поверхность - часть площадки до раскопок, 2 - поверхность раскопа, 3 - черепаховый горизонт, 4 - лессовидный суглинок, 5 - камни и щебень, 6 - крупные обломки известняка, 7 - рыхлая темная земля, 8 - щебень, смешанный с переработанным слоем. Б - фрагмент культурного слоя, заматный между обвалом и частично срезанный щебнистой линзой. Условные обозначения: 1 - щебень, 2 - лессовидный суглинок, 3 - камни, 4 - панцири черепах, 5 - кости, 6 - углышки, 7 - мелкие обломки панцирей черепах, 8 - обработанный камень, 9 - сильно переработанный (переотложенный?) суглинок.
- Рис. 7. Отзи Кичик. Участок главного поперечного разреза в месте находок скопления камней и костей. Условные обозначения: 1 - палево-бурый переработанный суглинок, 2 - современный покров, 3 - темная переработанная земля, 4 - дрсва и мелкие камни, 5 - щебень, 6 - крупные камни, 7 - лессовидный суглинок, 8 - отметка от репера, 9 - кости.
- Рис. 8. Отзи Кичик. План расположения камней и костей в двух камерах внешнего полукольца.

В.А. М у к о в. "Отчет о работе Маркансуйского археологического отряда. (Раскопки стоянки Ошкона)"

Рис. 1. Общий вид раскопок Ошконы в 1975 г. На переднем плане валуны основания морены.

Рис. 2. Схематический разрез отложений под очагом в квадрате Ф-5. Условные обозначения: 1 - пережженная земля II горизонта, 2 - прослойка суглинка, 3 - прослойка щебня, 4 - суглинок, в котором был заключен III горизонт, 5 - морена, 6 - находки III горизонта.

Рис. 3. Находки III горизонта: 1 - расколотая галька, обработанная крупными сколами, 2 - преднамеренно расколотый отщеп, 3, 4 - пластины, 5, 6 - пластинчатые отщепы, 7, 8, 9 - микронуклеусы.

А.Х. Ю с у п о в. "Разведовательные работы Вахшского отряда в 1975 году".

Рис. 1. Дангаринский район. Керамические сосуды и фрагменты из античных и средневековых поселений: I-3, II - горшки, 4 - фрагмент очага, 2, 8, 9-12 - венчики сосудов, 10 - кирпичи ("бантики"), 13 - фрагмент поддона сосуда, 15 - глиняное украшение, 16 - фрагмент скульптуры (нога).

Рис. 2. Дангаринский район. Каменные орудия: 1 - боковое скребло, 2 - концевое скребло, 3-5 - нуклеусы кремневые, 6 - ножевидная пластина кремневая, 7-9 - нуклеусы галечные, 10 - топилит, II-14 - отщепы галечные, 15 - пластина галечная, 16 - обломок "утюжка".

А.Д. Б а б а е в. "Могильник Юзбон II - памятник эпохи бронзы на Западном Памире".

Рис. 1. Могильник Юзбон II. Курган № 2. План.

Рис. 2. Могильник Юзбон II. Бронзовые бусы.

Рис. 3. Могильник Юзбон II. Бронзовый наконечник копья.

Рис. 4. Могильник Юзбон II. Формы керамических сосудов: 1 - сосуд баночной формы, 2 - узкогорлый горшок.

Рис. 5. Могильник Юзбон II. Каменная изделка (мотыга?).

Н.М. В и н о г р а д о в а. "Отчет о раскопках могильника
Тандырйул в 1975 году".

Рис. 1. Тандырйул. Общий план раскопок могильника в 1974-
1975 гг. Условные обозначения: 1 - хлопок, 2 - по-
гребение и его номер, 3 - раскопки 1974 г.

Рис. 2. Тандырйул. Раскоп II. План и разрез по линии А-А₁.

Рис. 3. Тандырйул. Керамика: 1, 2, 4-8, II, 12, 14 - гончарные
сосуды, 3, 9, 10, 13 - лепные сосуды.

Рис. 4. Тандырйул. Инвентарь из погребений: 1-20 - металли-
ческие изделия, 21-30 - каменные изделия.

А. А б д у л л а е в. "Раскопки в Яванской долине в 1975 г."

Рис. 1. Турткуль. План раскопа № 2.

Рис. 2. Турткуль. Керамика: 1, 7-13 - фрагменты гончарных
сосудов, 2-6 - фрагменты лепных сосудов.

В.Е. Д е н и с о в. "Отчет о работе Дангаринского отряда".

Рис. 1. Тепай Днястон (Ленинградский район). План холма:
1 - срез дороги, 2 - раскопанные помещения (а - по-
мещение 1, б - помещение 2).

Рис. 2. Тепай Днястон. Помещение 1. План: 1 - срез дороги,
2 - стена помещения, 3 - имитация швов нарезки пах-
совых блоков (?), 4 - граница сохранившегося участ-
ка пола помещения.

Рис. 3. Тепай Днястон. Керамика: I-4 - бокалы, 5, 14 - горш-
ки, 6, 7 - кувшины (?), 8-10, 12, 13 - чашки и миски,
II - чаша со штампованным орнаментом.

Рис. 4. Тепай Днястон. Чаша со штампованным орнаментом.

И.Н. М е д в е д с к а я. "Раскопки в Шаартузе в 1975 г."

Рис. 1. БМ-У. Инвентарь из могильника: 3-10, 12-24 - из кур-
гана 49, 1, 2, II - из кургана 51.

Рис. 2. БМ-У. Золотая бляшка из кургана 51.

Рис. 3. БМ-У. Инвентарь из кургана 46: 1-5 - металлические
изделия, 6, 7 - сосуды.

Рис. 4. БМ-У. Золотые серьги из кургана 46.

Рис. 5. БМ-У. Золотая подвеска из кургана 46.

Б.А. Литвинский. "Калаи-Кафирниган" (раскопки 1975 г.)".

Рис. 1. Калаи-Кафирниган. Резные деревянные балки.

Рис. 2. Калаи-Кафирниган. Резная деревянная плаха с волнообразным орнаментом.

Рис. 3. Калаи-Кафирниган. Объект Ш. План.

Рис. 4. Калаи-Кафирниган. Объект У. План.

Рис. 5. Калаи-Кафирниган. Объект У. Аксонометрия с элементами реконструкции.

Рис. 6. Калаи-Кафирниган. Объект У. Развертка стены помещения 3.

Рис. 7. Калаи-Кафирниган. Прорисовка фрагмента живописи.

Рис. 8. Калаи-Кафирниган. Объект У. План находок скульптур в центральном святилище (помещение 2): I-10 - крупные фрагменты скульптуры, + - мелкие фрагменты скульптуры. Фрагмент глиняной скульптуры.

Т.И. Зеймаль. "Раскопки на Аджинатепа в 1975 г."

Рис. 1. Аджинатепа. Северный угол монастырской половины.

Б.В. Зеймаль. "Работы в Гиссарской долине в 1975 г."

Рис. 1. Кутантепа. План.

Рис. 2. Кутантепа. Раскоп, слой Ш. Керамические сосуды.

Ю. Якубов. "Работы Зеравшанского отряда в 1975 г."

Рис. 1. Чорбогский могильник: 1-3 - браслеты, 4 - серьги, 5 - медные бусы.

В.С. Соловьев. "Работы Колхозобадского отряда в 1975 г."

Рис. 1. Кафиркала, Цитадель. План дворцовых построек периодов КФ I-II: 1 - стены построек периода КФ-I, 2 - стены построек периода КФ-II, 3 - ремонтные стены, 4 - крепостные стены, 5 - контуры стен периода КФ-II, находящихся под строениями периода КФ-I.

Э. Гулямова. "Раскопки на городище Сайёд в 1975 г."

Рис. 1. Сайёд. Резное алебастровое панно.

Рис. 2. Сайёд. Фрагмент резного алебастрового панно.

- М.А. Бу б я о в а. "Базардара (полевые исследования 1975 г.)"
Рис. 1. Базардара. План Дома № 6.
- А.М. Б е л е н и ц к и й, Б.И. М а р ш а к, В.И. Р а с п о -
п о в а. "Раскопки городища древнего Пенджикента в
1975 г."
Рис. 1. Пенджикент. А - Схема расположения раскопок 1975 г.
Условные обозначения: 1 - раскопы, 2 - снятие живопи-
си.
- Рис. 2. Пенджикент. Объект У1, помещение 41-42. Живопись на
северной стене. Прорисовка И.Г.Нахимова.
- Рис. 3. Пенджикент. Объект XXVIII. Аксонометрическая схема
разреза городской стены. Цифрами обозначены строи-
тельные периоды. Чертеж Л.Л.Гуревича.
- Рис. 4. Пенджикент. Объекты XXIII, XXIV, XXV. Аксонометрия.
Чертеж Л.Л.Гуревича.
- Рис. 5. Пенджикент. А - объект XXIII, зернохранилище, Б -
объект УIII, усадьба № II, В - объект IV, наус № 4.
Чертежи Л.Л.Гуревича.
- Рис. 6. Пенджикент. Объект XXIII, помещение 26. Живопись на
восточной стене. Прорисовка Р.Б.Попова.
- А.И. И с а к о в. "Работы Косаторошского отряда в 1975 г."
Рис. 1. Куджрах. Аксонометрический план.
- Рис. 2. Холикназар. Аксонометрический план аятичного поселе-
ния (III в. до н.э. - VI в.н.э.).
- Рис. 3. Холикназар. Пряслища: 1-12, 15 - глиняные; 13 - ка-
менное, 14 - керамическое.
- Рис. 4. Холикназар. Алебастровый идол.
- Рис. 5. Холикназар. Керамика конца III и рубежа I вв. до н.э.:
1, 2, 4, 5, 8, 13 - кубки, 3, 6, 7, 9, 12 - чаши, 10, 11 -
горшки, 14-16 - кувшины.
- А.И. Б и л а л о в, Т.В. Б е л я е в а. "Исследование цита-
дели Ходжента в 1975 г."
Рис. 1. Ленинабад. Цитадель. Сосуд типа "Коринфской велебы".

Рис. 2. Ленинабад. Цитадель. Кирпичи с клеймами.

Рис. 3. Ленинабад. Цитадель. Срез восточной стены с остатками первичной раннеантичной стены. Условные обозначения: 1 - болотный слой, 2 - пахса, 3 - материковый гравий, 4 - песок, 5 - лесс, 6 - культурный слой III-I вв. до н.э., 7 - культурный слой XVIII-XIX вв., 8 - галечная выкладка, 9 - очаг, 10 - слой напеков с речным песком. I-V ярусы.

А.К. М и р б а б а е в. "Раскопки Куркатских склепов".

Рис. 1. Куркатские склепы. А - общий вид склепов I и II, Б - деформированный череп, В - разрез склепа I.

Рис. 2. Куркатские склепы. Украшения склепов I-III.

Рис. 3. Куркатские склепы. I - вид на одну из групп, 2 - участок склепа II с черепами.

У.П. П у л а т о в. "Замск Тоштемиртепа".

Рис. 1. Тоштемиртепа. План первого этажа.

Рис. 2. Тоштемиртепа. План второго этажа.

Рис. 3. Тоштемиртепа. Разрезы А-А, Б-Б, В-В, Г-Г и Д-Д.

Рис. 4. Тоштемиртепа. Проем из пом. 7 в коридор на уровне второго этажа.

Рис. 5. Тоштемиртепа. Ниша в пом. 2.

П.Т. С а м о й л и к. "О работах в районе обжигательных печей Бунджиката в 1975 году".

Рис. 1. Кумьсница из заполнения ямы-свалки № I.

Рис. 2. Фрагменты плечиков орнаментированных кувшинов.

Рис. 3. Обжигательная печь № 6 (1 - разрез печи, 2 - план топочной камеры, 3 - план пода).

Рис. 4. Фрагмент переносного очажка с изображением змеи и птиц, держащих в клювах серьгу.

В.И. Б о р о н и н а. "Памятники Калининабада и его окрестностей".

Рис. 1. Селение Угук. План мазара: А - деревянная, Б - каменная колонны.

Рис. 2. Селение Угук: А - деревянная, Б - каменная колонны.

Рис. 3. Калининабад. Каменные колонны: А - из мазара Тахирходжа, Б - из раскопа.

Рис. 4. Калининбад. Каменные базы: А, Б - рядом с мечетью, В, Г, Д - в мазаре Ходжихо (на айване, у айвана, внутри здания), Е, Ж - у хауза, З, И - в саду Самадова, К - во дворе мечети соседнего селения Дахкат.

Рис. 5. Калининбад. Гизаятская база в саду Самадова.

Н.Н. Н е г м а т о в. "Мадраса Мирраджаб додхо".

Рис. 1. Мадраса Мирраджаб додхо. План.

Рис. 2. Мадраса Мирраджаб додхо. Разрезы и северный фасад.

Рис. 3. Мадраса Мирраджаб додхо. 1 - общий вид с севера, 2 - северо-восточная угловая гильдаста, 3 - восточный боковой фасад.

Рис. 4. Мадраса Мирраджаб додхо. 1 - пештак, 2 - двор, угловой айван, 3 - купол соседнего с дарвозахоной помещения, 4 - северо-западный наружный угол.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

Предисловие	3
-----------------------	---

Южно-Таджикистанская экспедиция

В.А. Р а н о в. Раскопки в Отзи Кичике в 1975 г.	13
В.А. Ж у к о в. Отчет о работе Маркансуйского археологического отряда (раскопки стоянки Ошхона)	39
А.Х. Ю с у п о в. Разведывательные работы Вахшского отряда в 1975 г.	50
Н.М. В и н о г р а д о в а. Отчет о раскопках могильника Тандыркул в 1975 г.	63
А.Д. Б а б а е в. Могильник Кюбюк II — памятник эпохи бронзы на Западном Памире	75
А. Б д у л л а е в. Раскопки в Яванской долине в 1975 г.	88
Б.П. Д е н и с о в. Отчет о работе Дангаринского отряда	96
М.Н. М е д в е д е к а я. Раскопки в Шаартузе в 1975 г.	110
Б.А. Л и т в и н с к и й. Калаи Кафирниган (раскопки 1975 г.)	120
Т.И. З е й м а л ь. Раскопки на Аджинатена в 1975 г.	147
В.В. З е й м а л ь. Работы в Гиссарской долине в 1975 г.	157
Ю. Я к у б о в. Работы Зеравшанского отряда в 1975 г.	167
В.С. С о л о в ь е в. Работы Колхозабадского археологического отряда в 1975 г.	179
Э. Г у л ь а м о в а. Раскопки на городище Сайед в 1975 г.	182
М.А. Б у б н о в а. Поселение Базардара (полевые исследования 1975 г.)	190
Д. Д а в у т о в. Новые монетные находки на территории Таджикской ССР	200

Пенджикентская экспедиция

А.М. Б е л е н и ц к и й, Б.И. М а р ш а к, В.И. Р а с- п о п о в а. Раскопки городища древнего Пенджи- кента в 1975 г.	213
А. И с а к о в. Работы Косаторошского отряда в 1975 г.	246

Северо-Таджикистанская комплексная экспедиция

Н.Н. Н е г м а т о в. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г.	265
А.И. Б и л а л о в, Т.В. Б е л я е в а. Исследование питадели Ходжента в 1975 г.	281
А.К. М и р б а б а е в. Раскопки Курнатовских сле- пов	295
У.П. П у л а т о в. Замок Таштемиртепа	303
П.Т. С а м о й л и к. О работах в районе обжигатель- ных печей Бунджиката в 1975 г.	317
В.Д. В о р о н и я. Памятник Калиныбада и его окрестностей	324
Н.Н. Н е г м а т о в. Мадраса Миррабаб додхо	336

Правила для авторов сборников "Археологические рабо- ты в Таджикистане"	354
Список географических названий, предлагаемых для статей ежегодника "Археологические работы в Таджикистане"	356
Подписи и рисункам	358

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР

Под редакцией
Бориса Анатольевича Литвинского
Нумана Негматовича Негматова
Вадима Александровича Ранова

Археологические работы
в Таджикистане
Выпуск XV (1975 г.)

Редактор издательства Л.Г.Котунова
Художественный редактор Р.А.Бдурзаков
Технический редактор В.Н.Щемелинина

Подписано в печать 16.02.1981 г. КЛ 05253. Формат 60x84 1/16.
Бумага тип. №2. Offsetная печать. Усл. печ. л. 21,39. Уч.-изд. л.
21,0. Тираж 580. Заказ 266. Цена 3 руб. 20 коп.

Издательство "Дониш", Душанбе, 29, ул. Айни, 121, корп. 2.
Типография издательства "Дониш", Душанбе, 29, ул. Айни, 121,
корп. 2.

Цена 3 руб.20 коп.